

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ISSN 2664-7362 (Print)
ISSN 2664-7370 (Online)

МАТЕРИАЛЫ
IX Международной научной конференции
Донецкие чтения 2024:
образование, наука, инновации,
культура и вызовы современности

Том 4

Филологические науки.
Часть 2

Уважаемые коллеги! Дорогие друзья!

От имени ректората, Ученого совета Донецкого государственного университета, всего академического сообщества Донецкой Народной Республики приветствую наших друзей из различных регионов Российской Федерации и зарубежных стран, принимающих участие в традиционной, теперь уже IX Международной научной

конференции **«Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности»**.

Минуло девять лет с тех пор, как в нашем университете прошла **первая конференция**, которая за прошедшие годы приобрела широкую известность, стала авторитетным научным собранием, привлекла внимание большого числа ученых. Расширился спектр рассматриваемых научных направлений и вовлеченность в научные дискуссии известных ученых и специалистов-практиков, возросли актуальность и практическая значимость представляемых научных результатов.

Международную многопрофильную научную конференцию «Донецкие чтения» мы проводим уже **третий раз в составе Российской Федерации**. Эпохальное событие – приём Донецкой Народной Республики в состав Российской Федерации – дало могучий толчок развитию и углублению наших научных исследований, благодаря России мы получили достойное финансирование, новейшее оборудование, новые перспективные научные направления и наша общая цель – приложить все усилия к решению задач, которые ставит перед нами Родина.

2022–2031 годы объявлены Президентом России Владимиром Владимировичем Путиным как **Десятилетие науки и технологий**. Полагаю, что наша многопрофильная конференция вносит достойный вклад в решение задач, поставленных Президентом, в том числе и по привлечению талантливой молодежи в науку – анализ поступивших тезисов показал, что три четверти докладов подготовлены молодыми учёными!

На Конференции будут представлены почти **1 900 научных докладов в четырнадцать профильных секциях**. Будут работать **семьдесят девять подсекций и одиннадцать круглых столов**.

Труды конференции уже сейчас доступны в электронной форме, составляют **десять томов в шестнадцати книгах** общим объемом **5 650 страниц** и будут размещены в наукометрической базе РИНЦ.

В ходе конференции приглашаю вас к обстоятельному разговору о способах и механизмах скорейшего внедрения новых, прорывных научных разработок, с тем чтобы наши достижения способствовали укреплению суверенитета и безопасности нашей и дружественных стран, росту качества жизни россиян.

Желаю успехов всем участникам конференции, а всем нам – новых научных достижений во благо России!

С наилучшими пожеланиями, ректор Донецкого государственного университета, доктор физико-математических наук, профессор
Светлана Владимировна Беспалова

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»

IX Международная научная конференция

Материалы
конференции

Том 4
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ

Часть 2

Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

г. Донецк
15–17 октября 2024 г.

Донецк
Издательство ДонГУ
2024

ББК Ш.я431
УДК 81+82(043.2)
Д672

Редакционная коллегия:

С. В. Беспалова (гл. ред.), А. В. Белый (зам. гл. ред.),
М. В. Фоменко, Н. Е. Гапотченко, Е. Ю. Войтенко (отв. секр. секции),
В. Д. Калиущенко, О. Л. Бессонова, И. М. Подгайская, С. Е. Кремзикова,
А. В. Попова, Е. В. Филатова, И. В. Фатьянова.

Д672 Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IX Международной научной конференции (Донецк, 15–17 октября 2024 г.). – *Том 4: Филологические науки. Часть 2* / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2024. – 399 с.

Ответственность за содержание материалов, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы.

Во вторую часть четвертого тома материалов IX Международной научной конференции «Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» вошли исследования, посвященные актуальным проблемам сопоставительного и типологического языкознания, теории перевода и межкультурной коммуникации, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, а также зарубежной литературы.

Материалы сборника адресованы студентам, магистрантам, аспирантам, специалистам в области лингвистики, переводоведения, межкультурной коммуникации и литературоведения.

ББК Ш.я431
УДК 81+82(043.2)

© Коллектив авторов, 2024

© Донецкий государственный университет, 2024

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

Беспалова С.В., д-р физ.-мат. наук, профессор, ректор Донецкого государственного университета (г. Донецк).

Заместитель председателя:

Бабурин С.Н., д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, Президент Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры, Президент Ассоциации юридических вузов (г. Москва).

Члены программного комитета:

Андреев Д.А., д-р ист. наук, доцент, заместитель декана по научной работе исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Аноприенко А.Я., канд. техн. наук, профессор, ректор Донецкого национального технического университета (г. Донецк).

Белый А.В., канд. хим. наук, доцент, проректор Донецкого государственного университета (г. Донецк).

Вартанова Е.Л., д-р филол. наук, академик РАО, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Воронова О.Е., д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры литературы и журналистики Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, руководитель Есенинского научного центра РГУ имени С.А. Есенина, член Общественной палаты Российской Федерации, член Союза писателей и Союза журналистов России, руководитель Центра региональных проектов и межрегиональных связей РГУ имени С.А. Есенина (г. Рязань).

Глухов А.З., д-р биол. наук, профессор, главный научный сотрудник Донецкого ботанического сада, профессор кафедры ботаники и экологии Донецкого государственного университета (г. Донецк).

Данилюк Д.А., канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр., и.о. директора ФГБНУ «Институт прикладной математики и механики» (г. Донецк).

Зайченко Н.М., д-р техн. наук, профессор, ректор Донбасской национальной академии строительства и архитектуры (г. Макеевка).

Зинченко Ю.П., д-р психол. наук, профессор, академик РАО, декан факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Кирпичников М.П., д-р биол. наук, профессор, академик РАН, декан биологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Кишкань Р.В., директор филиала «Южный» ФГБУ «Всероссийский научно-исследовательский институт охраны окружающей среды – единый научный центр Минприроды России» (ВНИИ «Экология») (г. Донецк).

Лингарт А.А., д-р филол. наук, профессор, декан филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Лубков А.В., д-р ист. наук, профессор, академик РАО, ректор Московского педагогического государственного университета (г. Москва).

Некипелов А.Д., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, директор Московской школы экономики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Половян А.В., д-р экон. наук, доцент, директор ГБУ «Институт экономических исследований» (г. Донецк).

Приходько С.А., канд. биол. наук, ст. науч. сотр., директор ФГБНУ «Донецкий ботанический сад» (г. Донецк).

Решидова И.Ю., канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр., и.о. директора ФГБНУ «Донецкий физико-технический институт им. А.А. Галкина» (г. Донецк).

Рябичев В.Д., д-р техн. наук, профессор, ректор Луганского государственного университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

Соболев В.И., д-р биол. наук, профессор кафедры здоровья и реабилитации Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Ялта).

Соколов И.А., д-р техн. наук, профессор, академик РАН, декан факультета вычислительной математики и кибернетики, зав. кафедрой информационной безопасности Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Тедеев В.Б., канд. техн. наук, профессор, ректор Юго-Осетинского государственного университета имени А.А. Тибилова (г. Цхинвал).

Третьяков В.Т., профессор, декан Высшей школы телевидения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Удодов И.А., канд. хим. наук, доцент, и.о. директора ФГБНУ «Научно-исследовательский институт «Реактивэлектрон» (г. Донецк).

Хомутова Е.В. – канд. биол. наук, и.о. директора ФГБНУ «Институт физико-органической химии и углехимии им. Л.М. Литвиненко» (г. Донецк).

Иностранная филология

Сопоставительное изучение языковых единиц и категорий

УДК 1751.81-13

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В МУЖСКОЙ И ЖЕНСКОЙ РЕЧИ

Абдуллаева Н. А., ORCID 0009-0009-4969-2929

Наманганский государственный университет, г. Наманган, Узбекистан

nargiza3967757@gmail.com

Введение. В обществе существуют слои языка, общие как для мужчин, так и для женщин, но специфичные для представителей говорящего пола. Эта уникальность, с одной стороны, отражается в языке как универсальном явлении, а с другой стороны, проявляется в национальном языке. Именно второй аспект определяет специфические особенности пола в мужской и женской речи носителей данного языка. Лексика рода различается в зависимости от того, какой род представлен в словах и словосочетаниях, мыслях и мнениях и речи, потому что язык живет в человеке, а человек гармонично живет в языке.

Цель. По результатам детального и систематического анализа вопросов лингвогендерологии выделено шесть основных направлений, выделяющиеся с концептуально-методологической точки зрения и характера изучаемого материала [1]:

1. Социолингвистические гендерные исследования.
2. Феминистская лингвистика.
3. Оригинальные гендерные исследования, изучающие языковое поведение представителей обоих полов.
4. Самые молодые исследования маскулинности, появившиеся в конце XX века.
5. Психолингвистические исследования.
6. Кросскультурные и лингвокультурологические исследования.

Несмотря на то, что объект исследования различен исходя из особенностей каждого направления исследований, в общности их объектом изучения являются языковые вопросы, связанные с женским и мужским полом. В статье рассматриваются теоретические основы выступлений представителей обоих полов.

Основная часть. По мнению М. Чутполатова, гендерная лексика состоит не только из слов и терминов, выражающих гендер, но и зависит от

своеобразие способа подачи лексики, используемой мужчинами и женщинами. Женщины с большей вероятностью выражают свои внутренние чувства и свое мнение о контексте, в котором они говорят. А мужчины предпочитают в этом месте нейтральность, в результате разговор на одну и ту же тему отражается использованием разной лексики у представителей обоих полов [2]. Джон Грей в своей знаменитой работе «Men Are from Mars, Women Are from Venus» грамотно описывает данную лингвистическую ситуацию. Наиболее распространенные проблемы в отношениях между мужчинами и женщинами возникают из-за основных психологических различий между полами, и каждый пол владеет своими обычаями, окружающей средой и отношениями на своей планете. Различия во взаимоотношениях двух полов автор попытался объяснить на примерах через метафору, вынесенную в название произведения. Например, Грей отмечает, что пока мужчины ищут решение проблемы, женщины предпочитают о ней говорить [3]. Подобные социальные отношения обязательно материализуются речевой деятельностью и выражаются посредством языка, поэтому гендерная лексика во общих языковых единицах женщин и мужчин постоянно находилась в противоречии. Зарубежные исследователи проанализировали различные аспекты жизни людей с точки зрения речи в рамках следующих четырех теоретических взглядов.

1. Теория различий (Теория различий);
2. Теория доминирования (Теория доминирования);
3. Теория дефицита;
4. Теория разнообразия.

Дебора Таннен, как сторонница теории разнообразия, утверждает, что мужские и женские речи принципиально различны, но это не означает, что один из них прав, а другой нет [4]. По результатам его анализа мужчины имеют в своей речи независимое мнение, используя лексические единицы, обозначающие конкуренцию для поддержания своего статуса, правильно решать проблему, которую следует излагать преимущественно в краткой и лаконичной форме. непосредственно женщины предпочитают начинать тему издали и использовать слова и фразы, выражающие внутренние переживания, чтобы поддержать собеседника и поддержать собеседницу.

Согласно теории доминирования, мужчины используют более доминантные лексические единицы, и в обществе благодаря этому доминирование преобладает в их пользу, а язык, используемый женщинами, наоборот, считается малоценным. Исследователь Д. Зиммерман и К. Уэст поддерживают эту теорию и указывают, что проблема в том, что мужчины имеют больший контроль над женщинами, а женщины должны быть им покорны [5]. Они делают следующие выводы по результатам 31 интервью, проведенного между представителями обоих полов. По их словам, мужчины в основном говорят общими словами, женщины во время разговора говорят

больше мужчин, и они не хотят уступать им очередь. Если женщина задает вопрос, они дают короткий ответ или откладывают его. Вопреки этому, в общении с мужчинами женщины максимально предпочитают тишину и стараются не прерывать их разговоры.

Опираясь на теорию дефицита, О. Жесперсен утверждает, что мужской речевой образец более нормативен, чем женский, а женская речь имеет достаточно недостатков [6]. Также, согласно их анализу, в результате того, что женщины много говорят, они обращаются к простым лексическим единицам, включая наречия и прилагательные, используют много притяжательных предложений, не несущих полной идеи, и выражают свои мысли, не задумываясь. рассказывает об их неспособности эффективно говорить, как мужчины. Р. Лакофф в своем мнении по этому поводу утверждает, что женщины не используют сленг, оскорбительные слова, матерные слова, а поскольку они не являются мастерами юмора по своей природе, они редко используют в своей речи слова и фразы, подходящие для этой области [7].

Заключение. В заключение следует отметить, что существуют лингвистические различия в использовании лексических единиц в экспрессивной речи представителей обоих полов. Мужчины говорят преимущественно формально, обобщенно, осуждающе, кратко и лаконично, тогда как женщины широко используют вежливые, эмоциональные слова и выражения, используя в своей речи лексемы, показывающие покорность.

Список литературы

1. Бахромова, М. М. Выражение гендерных отношений в женской концептосфере // *Oriental Renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences.* – 2023. – No 3(9). – С. 515.
2. Чутпулатов, М. Ч. Гендерная лингвистика: Узбекская мужская речь // *Вестник: Тошкент.* – 2016. – С. 53.
3. John Gray. *Men are from Mars, Women are from Venus: A Practical Guide for Improving Communication and Getting What You Want in Your Relationships.* – Harper Paperbacks, April 3, 2012. – 368 p.
4. Tannen, D. *You Just Don't Understand.* – USA: First Ballantine Books Edition, 1991. – P. 10.
5. Zimmerman, D. H., West. C. *Sex Roles, Interruptions and Silences in Conversation // Language and Sex: Difference and Dominance,* 1996. – P. 111.
6. Jespersen, O. *Language: Its Nature, Development and Origin.* – London : G. Allen & Unwin ltd, 1922. – P. 456.
7. Lakoff, R. *Language and woman's place.* – New York: Harper & Row, 1975. – P. 34.

ОЦЕНОЧНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ РЕФЛЕКСИВНЫХ ГЛАГОЛОВ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Басыров Ш. Р., д-р филол. наук, проф., ORCID 0009-0009-5718-2822
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
schambar@yandex.ru

1. Введение. Настоящая статья посвящена изучению вторичных значений глаголов с местоимением *sich* в немецком языке и глаголов с постфиксом *-ся* в русском языке, именуемых далее для удобства описания рефлексивные глаголы (РГ). Денотативные значения РГ были предметом многочисленных исследований как на материале отдельных языков, включая русский [3; 6] и немецкий [7], так и в сопоставительном и типологическом плане [1; 2; 4; 5].

2. Основная часть. Учет взаимоотношения структурных компонентов в составе РГ, а также деривационных связей производящих и производных основ свидетельствует о том, что рефлексивный показатель (РП) в структуре производных РГ семантически ассоциируется с семемами «тело», «часть тела», «человек», «душа», «свой» [1; 5, с. 30].

В ходе деривации могут происходить семантические сдвиги, приводящие к появлению у производного РГ вторичных значений (метафорических). Реализация той или иной семы в структуре РГ определяется принадлежностью производящего глагола к той или иной лексико-семантической группе (ЛСГ), а самого деривата к определенной группе РГ. Рассмотрим данные ЛСГ и их производные РГ.

Переносные значения РГ немецкого и русского языков формируются на базе различных ЛСГ глаголов, в частности:

1) **глаголов прикосновения**, от которых образуются различные по семантике вторичные РГ, обозначающие, в частности:

а) *интеллектуальные действия субъекта*, ср.:

(1) нем. *stützen* 'подпирать/опирать что-л.' → *sich auf Beweise, Fakten, reiche Erfahrungen, auf frühere Forschungsergebnisse stützen* перен. 'опираться на доказательства, факты, богатый опыт, более ранние результаты исследования', т.е. использовать их в качестве основы для своих рассуждений): аналогично: русск. *опереть* что-л. на что-л. → *опереться* на кого/ что (перен.), т.е. 'найти себе поддержку в ком-л., чем-л., воспользоваться кем-л., чем-л. в качестве опоры, поддержки';

б) *ошибочные действия субъекта*, ср.:

(2) русск. *хватать* что-л. → перен. *хвататься* за что-л., т.е. 'с увлечением, жадностью или поспешно, не разбирая приниматься за что-л.,

начинать делать что-л.; нем. *greifen* 'хватать' → *sich in etw. vergreifen* перен. избрать неправильный тон;

2) глаголов активного воздействия на объект, ср.:

(3) нем. *brennen* 'жечь; обжигать' → *sich in etw. verbrennen* разг. 'нанести себе вред из-за чего-л. (например, глупой речи); аналогично: русск. *обжигать* что-л. → *обжечься* (на чем-н.) разг. перен. 'потерпеть неудачу, поплатиться чем-л. при попытке сделать что-л., добиться чего-л.'

Среди вторичных РГ выделяются производные дериваты с негативным оценочным значением, мотивированные именами существительными и прилагательными:

(4) нем. *sich aufdonnern* разг. фам. прен. 'одеваться безвкусно' (← *der Donner* 'гром');

(5) нем. *sich aufpudeln* разг. 'одеться сверхэлегантно и безвкусно' (← *der Pudel* 'пудель');

(6) русск. *маникюр* → *маникюриться* разг. 'прихорашиваться, наряжаться, вертеться около зеркала';

(7) русск. *шпаклевка* → *нашпаклеваться* разг. фам. 'краситься, наносить косметику, делать макияж; приводить себя в порядок; хорошо выглядеть';

(8) нем. *hübsch* 'красивый, прелестный' → *sich anhübschen* разг. 'одеваться не по возрасту'.

3. Выводы. В формировании вторичных значений у РГ немецкого и русского языков наблюдаются общие закономерности. Большинство вторичных значений возникает в обоих языках в сфере собственно-рефлексивных, посессивно-рефлексивных, автокаузативных и реципрокных РГ. Мотивирующей основой метафорически переосмысленных РГ в обоих языках чаще выступают глагольные основы, реже – имена существительные и прилагательные.

Основными понятийными сферами вторичных значений РГ в сопоставляемых языках являются «Действие», «Состояние» и «Отношение». В актуализации данных понятийных сфер активно участвуют семы, маркирующие количественную (много, долго, быстро, медленно и т.п.) и квалификационную (с трудом, плохо, небрежно, хорошо, и т.п.) характеристику действия.

Метафоризация РГ часто характеризуется аксиологической коннотацией, которая нередко носит негативный характер.

Информация о финансовой поддержке: Исследования проводились в рамках государственного задания (номер госрегистрации 124012400351-9).

Список литературы

1. Басыров, Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении: монография / Ш. Р. Басыров. – Донецк : Изд-во «Ноулидж» (Донецкое отделение), 2014. – 562 с. – ISBN 978-617-579-911-6.

2. Генюшене, Э. Ш. Рефлективные глаголы в балтийских языках и типология рефлективов (учебное пособие на русском языке) / Э. Ш. Генюшене. – Вильнюс: Вильнюсский гос. ун-т им. В.Капсукаса, 1983. – 168 с.
3. Девкин, В. Д. Глаголы с sich в современном немецком языке : автореферат дисс. на соискание уч. ст. к. ф. н.: 10.02.04 / Владимир Дмитриевич Девкин ; Моск. гор. пед. инст. им. В. П. Потемкина. – М., 1952. – 16 с.
4. Князев, Ю. П., Недялков В. П. Рефлективные конструкции в славянских языках / Ю. П. Князев, В. П. Недялков // Рефлективные глаголы в индоевропейских языках. – Калинин: Калининский гос. ун-т, 1985. – С. 20–39.
5. Писарева, В. В. Собственно-рефлективные и посессивно-рефлективные глаголы в сопоставительном аспекте: дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / Виктория Вадимовна Писарева. – Донецк, 2020. – 201 с.
6. Янко-Триницкая, Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке / Н. А. Янко-Триницкая. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1962. – 247 с.
7. Buscha, J. Reflexive Formen, reflexive Konstruktionen, reflexive Verben / J. Buscha // Deutsch als Fremdsprache. – 1982. – № 3. – S. 167–174. – DOI: <https://doi.org/10.37307/j.2198-2430.1982.03.11>

УДК 81'373.21.25

ДВА ЭРЗЯНСКИХ ТОПОНИМА ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ ДЕРЕВНИ ВЛАДИМИРОВКА ИСАКЛИНСКОГО РАЙОНА САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Беленов Н. В., канд. пед. наук, ORCID 0000-0002-4415-5966
ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет»,
г. Самара, РФ
belenov82@gmail.com

Введение. Мордва-эрзя Исаклинского района Самарской области в большинстве источников включается в обширный и разнородный этнический конгломерат «Мордва Заволжья», что справедливо только с географической точки зрения. В действительности, мордва Заволжья состоит из нескольких групп мордовского населения, гетерогенных по своему происхождению и значительно различающихся между собой. Для понимания условности данного термина в этноязыковом аспекте достаточно отметить, что в составе мордвы Заволжья имеются как эрзянские, так и мокшанские группы населения. Последние к настоящему времени являются в значительной степени ассимилированными эрзянами, однако на востоке Самарской области и на западе Оренбургской и сейчас имеются сёла, население которых в основном представлено носителями различных диалектов мокша-мордовского языка. Также встречаются смешанные, мокшанско-эрзянские сёла, где бытуют и взаимодействуют друг с другом два говора различных мордовских языков. Мордва-эрзя Заволжья также неоднородна и представлена несколькими

этнотерриториальными группами, говоры которых существенно различаются между собой. Разработка непротиворечивой и общепризнанной классификации эрзянских говоров Заволжья – дело будущего, в рамках данной небольшой статьи отметим лишь, что эрзянские говоры Иса克林ского района Самарской области в значительной степени близки говорам мордвы-эрзи, проживающей в Шенталинском районе того же региона, и заметно отличаются от эрзянских говоров Клявлинского района и говоров бассейна реки Большой Толкай.

Основная часть. В основе данной работы лежат материалы наших полевых исследований сезона 2019 года. Основной целью исследований являлся сплошной сбор топонимии Иса克林ского, Шенталинского и Клявлинского районов Самарской области, а также запись топонимной лексики местных мордовских (применительно к данным районам – эрзянских, мокшанское население этих районов перешло на эрзянский язык в течение первой половины XX века) и чувашских говоров.

Деревня Владимировка, к топонимическому пространству которой относятся два рассматриваемых в статье топонима, находится на расстоянии четырёх километров к северу от райцентра Исаклы, расположена на одноимённой речке Владимировке. В прошлом население деревни составляли мордва-эрзя, русские и украинцы, в настоящее время в населённом пункте постоянно проживают две семьи – русские и обрусевшая мордва. Мордовская топонимия в среде местного населения сохраняется, однако, значения эрзянских географических названий ему уже неизвестны. Это приводит к несознательному искажению современными жителями Владимировки ряда эрзянских топонимов, впрочем, не настолько существенному, чтобы препятствовать их надёжной реконструкции.

Так, первое из рассматриваемых нами в данной статье названий, *Вараконь каль* [Va'rakan' gal'], в речи жителей Владимировки звучит как *Варак ангаль* [Va'raak an'gal'].

Данное название закреплено за группой старых ив, произрастающих вдоль дороги при въезде в деревню с трассы.

Исходя из данных родственных эрзянских говоров, а также особенностей мордовской топонимии, данное название легко реконструируется со значением *Воронья ива*. В основе его лежат эрзянские лексемы: *варака* – 'ворона' и *каль* – 'ива'. Последняя в ряде мордовских говоров (как эрзянских, так и мокшанских) часто имеет значения 'дерево вообще', 'частая молодая поросль', 'древесная поросль у воды', 'все ивовые породы'. В частности, первое значение фиксируется в клявлинском говоре эрзя-мордовского языка. У мордвы-эрзи, проживавшей ранее во Владимировке, данная лексема, судя по рассмотренному топониму, употреблялась в значении, совпадающем с принятым в литературно-письменном эрзя-мордовском языке. Аффикс *-нь* является в мордовских языках показателем родительного падежа, а также является аффиксом

принадлежности, заменяя в большинстве говоров специальные показатели принадлежности в мордовских языках. Последние в большинстве говоров Заволжья в настоящее время не используются, заменяясь либо указанным аффиксом *-нь*, либо добавлением личных местоимений.

В настоящее время невозможно установить, присутствовал ли ранее в топониме аффикс множественности в мордовских языках *-т*, поскольку название закреплено не за одним деревом, а за их группой. Сообщая его, информанты использовали термин 'лесочек'. Впрочем, в мордовской, как и в русской, топонимии, фиксируются примеры, когда множественным объектам присваиваются названия в единственном числе.

Второе название, которое мы рассмотрим, по-видимому, не претерпело значительных изменений в речи современных жителей Владимировки. Это название небольшого овражка и прилегающего к нему участка поля – *Сёся баба* [*ˈSˈosˈa ˈbaba*].

Первая составляющая данного названия – антропоним, к рассмотрению которого мы вернёмся чуть ниже, а вторая – сравнительно давнее заимствование в мордовские языки из русского, встречающееся как в эрзянском, так и в мокшанском языке, и достаточно часто фиксирующееся в составе мордовских культовых топонимов. Сравните: *Бабаозг (озкс)* – место моления у мокшан Старой Бинарадки; распространённое в эрзянских топонимических пространствах название *Бабань каша*, маркирующее урочища, где ранее происходили языческие моления об урожае, совершаемые женщинами почтенного возраста: например, в селе Кирюшкино Бугурусланского района Оренбургской области, в селе Ерзовка Кинель-Черкасского района Самарской области и т.д.

Антропонимия у мордвы, зачастую, сложнодифференцируема, поскольку в ней отражаются собственно мордовские традиционные, русские неканонические и русские канонические имена, во всём многообразии уменьшительных и адаптационных форм. Здесь же, вероятно, мы имеем дело с прозвищем женщины, от эрзянской лексемы *сеське* – 'комар'. Такие прозвища у мордвы часто давались людям с пронзительным, высоким голосом – как женщинам, так и мужчинам [1].

Заключение. Мордовская микропонимия на территориях бывшего проживания эрзян и мокшан в силу различных этнодемографических факторов стремительно утрачивается, что требует консолидации усилий по её скорейшей фиксации и публикации.

Список литературы

1. Беленов, Н. В. Топонимическое пространство эрзянского села Багана Самарской области: лексико-семантический и структурно-сопоставительный анализ / Н. В. Беленов // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2023. – № 2. – С. 26–42. – DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-26-42.

ЭТИКЕТНЫЕ ФОРМУЛЫ ПРОЩАНИЯ В ЛЕЗГИНСКОЙ И УКРАИНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Ветрова Э. С., д-р филол. наук, проф., ORCID 0009-0008-6639-3691
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
v.elvira75@yandex.ru

Введение. Данная работа посвящена сопоставительному анализу этикетных формул прощания в лезгинской и украинской лингвокультурах.

Актуальность исследования обусловлена повышенным интересом современных лингвистов к изучению человеческого фактора в языке, необходимостью сопоставительного описания единиц речевого этикета на материале неродственных лингвокультур с целью установления общего и различного в речевом поведении их представителей и разработки на этой основе механизмов эффективного межкультурного взаимодействия.

Цель работы – изучение этикетных формул прощания в лезгинском и украинском языках, установление изоморфных и алломорфных признаков в их семантике и условиях функционирования в типичных ситуациях общения.

Основная часть. Под этикетными формулами прощания (ЭФП) в данном исследовании понимаются устойчивые языковые единицы, которые используются на финальной стадии диалога, сигнализируя о прекращении контакта и маркируя характер взаимоотношений коммуникантов в будущем.

Прощание – древний магический ритуал, отражающий представления наших предков о «своей» и «чужой» территории. Традиционным символом «своего» – безопасного пространства был дом, тогда как локус, находящийся за его пределами, считался «чужим», враждебным. Границей, отделяющей человека от опасной для него зоны, был порог либо ворота. Проводить гостя до порога (ворот) – значило уберечь его от возможных бед [1]. Расставание с гостем обязательно сопровождалось специальными вербальными формулами, которые произносились с целью воздействия на окружающий мир и достижения желаемого результата, т.е. выполняли магическую функцию. Со временем прощания утратили свой первоначальный смысл и трансформировались в стереотипные фразы с ослабленным лексическим значением, которые сегодня воспроизводятся автоматически в типичных ситуациях общения [2]. Несмотря на частично десемантизированный характер, ЭФП в лезгинском и украинском языках сохранили свою внутреннюю форму – мотивирующий признак, положенный в основу их наименования, в соответствии с которым организуется заключённое в языковой единице содержание. Большинство ЭФП в лезгинском и украинском языках представляют собой лаконичные благопожелания, во внутренней форме которых содержатся такие универсальные ценностные признаки, как

«добро», «здоровье», «счастье», «удача» и др.: лезг. *Югъур хъуй!* ‘Всего доброго!’ / ‘Счастливого пути!’; *Агалъунар хъурай!* ‘Удачи вам!’; *Хийирдин хабарар хъуй!* ‘Добрых вестей!’ [ЛРС]; укр. *На все добре! Усього найкращого! У добрий час! Будь щасливий! Доброго здоров'я! Бувай (будь, іди, ходи, залишайся, зоставайся) здоров(-а, -ий)! Бувайте (будьте, ідiть, залишайтeся, зоставайтeся) здоровi (здоровенькi)! Щастити тобі (вам) [доле]! Хай (нехай) тобі (вам) щастить (в дорозі)! [СУМ].*

Установлено, что в украинском языке ЭФП характеризуются большей вариативностью по сравнению с лезгинскими ЭФП, которые более устойчивы и консервативны. Данный факт можно объяснить различиями в семантической организации прощаний в сопоставляемых языках: в семантике лезгинских этикетных единиц выявлены признаки синкретизма и тенденция к продуктивной полисемии, тогда как украинским прощаниям свойственны конкретность, детализация значений, низкая степень полисемантизма. Рассмотрим несколько примеров.

В лезгинском языке наиболее употребительным в ситуации прощания является высказывание *Сагъ хъуй (хъурай)!* (букв. *сагъ* ‘здоровье’, *хъуй, хъурай* ‘пусть будет’), которое, согласно толковым словарям, имеет несколько значений: 1) слова, адресуемые собеседнику с целью выражения радости, удовлетворения; добрые пожелания в адрес кого-либо; 2) слова прощания, произносимые теми, кто уходит из гостей; 3) ответные слова гостя на приветствие хозяина дома: *Квез хвашкалди, я стхаяр.* ‘Добро пожаловать, братья [гостям]; *Сагъ хъуй, чан вах.* ‘Будь здорова, сестричка’ [4]. Таким образом, можно утверждать, что этикетная формула *Сагъ хъуй (хъурай)!* характеризуется семантическим синкретизмом и в зависимости от ситуации общения может выполнять функции приветствия, прощания, благодарности, пожелания добра и др. Примечательно, что синкретизм в семантике данной этикетной фразы сохраняется и в том случае, когда она используется в определенном контексте. Например, в семантической структуре прощания *Сагъ хъуй!* объединены семы: ‘До свидания!’, ‘Прощай!’, ‘Будь здоров!’ [3], для каждой из которых в украинском языке есть отдельное наименование: *До побачення! Будь(-те) здоров(-ий, -а, -і)! Бувай(-те) здоров(-ий, -а, -і)! Прощай(-те)! Прощавай(-те)!* Данные этикетные фразы в украинском языке различаются оттенками значений и/ или стилистической окраской, т.е. являются семантически и функционально неравнозначными вариантами. Например, прощание *До побачення!* – стилистически нейтрально и содержит указание на перспективу встречи; *Будь здоровий!* – используется в разговорной речи, содержит сему «пожелание»; *Прощай!* – содержит сему «прощение» и указывает на то, что коммуниканты расстаются надолго или навсегда и т.д. Таким образом, в украинской лингвокультуре наблюдается детализация в обозначении ситуации прощания, что способствовало возникновению большого количества языковых вариантов.

Синкретизмом семантики в лезгинском языке отличается и этикетная фраза *Сагърай!* (букв. 'Будь(-те) здоров (-а, -ы)!'), которая, по данным словарей, совмещает в себе семантические признаки прощания, напутствия, благопожелания, просьбы, а также поздравления, ответного приветствия, соболезнования, тоста или здравницы в честь кого-либо, например: *Сагърай лезги халкъ!* 'Да здравствует лезгинский народ!' – тост; *Ваз хвашигелди, Зейнаб.* 'Добро пожаловать, Зейнаб'; *Сагърай, бала!* 'Будь здоров(-а), дитя!' – ответное приветствие; *Ам къенатIа, вун сагърай!* 'Желаю тебе здоровья, благополучия!' – соболезнование и др. [4]. Прощание *Сагърай!* в русском языке не имеет точного соответствия и переводится по-разному: 'До свидания!' 'Всего хорошего!' 'Прощай!'; 'Желаю здоровья, благополучия!' [3]. В украинском языке для каждого из данных значений есть отдельное наименование: *До побачення! Усього доброго (найкращого)! Прощавай! Бажаю здоров'я, добробуту!* [5].

Результаты исследования позволяют сделать следующие **выводы**.

В обеих лингвокультурах прощания являются неотъемлемой частью диалога, сигнализируя о завершении контакта между коммуникантами и маркируя характер их взаимодействия в будущем. В украинском языке ЭФП отличаются большей степенью вариативности, тогда как в лезгинском языке они более устойчивы и консервативны, что является следствием различий в семантической организации данных этикетных формул в сопоставляемых языках. В семантике лезгинских прощаний выявлены признаки синкретизма и диффузности, тогда как в семантике украинских прощаний наблюдается тенденция к дискретности и детализации. Данный факт обусловлен разными механизмами структурирования и концептуализации окружающего мира: в лезгинской лингвокультуре ситуация прощания воспринимается целостно, тогда как в украинской лингвокультуре – в виде отдельных фрагментов, что требует использования соответствующих языковых средств.

Информация о финансовой поддержке: *Исследования проводились в рамках государственного задания (номер госрегистрации 124012400351-9).*

Список литературы

1. Агапкина, Т. А. Благопожелание: ритуал и текст / Т. А. Агапкина, Л. Н. Виноградова // Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал. – М.: Наука, 1994. – 270 с. – ISBN 5-02-011499-5. – EDN TOAGQJ.
2. Ветрова, Э. С. Этнокультурная специфика прощаний (на материале украинского и лезгинского языков) / Э. С. Ветрова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – № 5(74). – С. 50–56. – EDN WTPLJX.

Список лексикографических источников

3. Лезгинско-русский словарь / сост. Б. Б. Талибов, М. М. Гаджиев; под ред. Р. Гайдарова. – М., 1966. – 282 с.
4. Гюльмагомедов А. Г. Словарь лезгинского языка / А. Г. Гюльмагомедов. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2003. – 1083 с.
5. Словник української мови: В 11-ти т. – К.: Наук. думка, 1970-1980. – Т. I- XI.

КАРИБСКИЕ КРЕОЛИ НА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ОСНОВЕ И ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ

Дроздов В. А., д-р филол. наук, доц., ORCID 0009-0003-1360-863X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
drozdov.va1950@mail.ru

Введение. Мнения лингвистов относительно места карибских креолов на англоязычной основе (далее ККАО) разделились. Одни считают ККАО германскими языками (Роберт Холл-мл., Серебрянников), другие негерманскими (Ажеж, Комри). Следует заметить, что креольские языки вообще не рассматриваются и не упоминаются в многотомном энциклопедическом издании «Языки мира» ИЯ РАН в частности в томе [6]. Не являются они предметом рассмотрения в качестве языков индоевропейской семьи в томе «Новое в современной индоевропеистике» [3].

Цель данного исследования – выявить отношение креольских языков к генеалогической классификации языков мира.

Языком-предком креольского языка считается пиджин, на основе которого он сформировался. У самого пиджина вообще нет языка-предка, поскольку механизм его формирования (редукция и переструктуризация) является нарушением нормального эволюционного процесса.

Основная часть. К числу индоевропейских языков мы относим всякий язык, который в какой бы то ни было момент, в каком бы то ни было месте, на какой бы то ни было ступени изменения представляет собою форму указанного наречия и который, таким образом, продолжает его в непрерывной преемственности [2, с. 68-69].

Из положения о языках, сформировавшихся в результате непрерывного эволюционного процесса, следует, что эти языки сохраняют линию своего развития от одного языка-предка. Генеалогическая классификация языков включает только языки, имеющие одного предка: ведь они сформировались в результате непрерывного эволюционного процесса.

Нормальный процесс эволюционного развития предполагает, что один язык происходит от другого, если он появился в результате изменений какого-либо языка, прекратившего после этого своё существование в качестве живого языка. Эти языки относятся друг к другу как язык-предок к языку-потомку [5, с. 158-159].

В связи с формированием креольских языков из редуцированных языков-пиджинов возникает проблема их генеалогического родства.

Карибские креольские языки на англоязычной основе (ямайский, тринидадо-тобагский, белизский, ямайский, сент-винсентский, гайанский и

др.), по мнению Д. Тэйлора, имеют два предка, двух «приёмных родителей», один из которых передаёт им морфологические и синтаксические схемы, а другой – словарный запас [4, с. 492]. Их грамматика связана с африканскими субстратными языками, а их лексика восходит к английскому языку-акролекту. Акролект – переключение с креольского разговорного диалекта на стандартный английский язык.

По мнению К. Ажежа, креольские языки являют собой редкий в гуманитарной области эксперимент «без протоколирования», протекающий в природной лаборатории, в которой стихийно сложились условия для рождения нового языка [1, с. 30].

Б. Комри считает, что креольские языки – новые языки, сформировавшиеся на основе пиджинов или в результате языкового смешения.

В лингвистике считается, что лексика является одним из наименее надёжных свидетельств языкового родства. Для демонстрации африканского влияния в сфере грамматики ККАО ниже приведены систематические расхождения в сфере глагола белизского креоля.

Рассмотрим видо-временную парадигму глагола *to play* ‘играть’ в белизском креоле. Маркерами времён глагола являются маркеры *di, mi, mi-di, wahn* и др., стоящие в препозиции к корневому слову-глаголу [7, с. 17].

Таблица 1

Видо-временные формы глагола в белизском креоле

Present tense. ‘Настоящее время’	Ah <u>play</u> evri day. ‘Я <u>играю</u> каждый день’.
Present progressive tense. ‘Настоящее длительное время’	Ah <u>di play</u> rait nau. ‘Я <u>играю</u> как раз сейчас’.
Past tense. ‘Прошедшее время’	Ah <u>mi play</u> yestudeh. ‘Я <u>играл</u> вчера’.
Past progressive tense. ‘Прошедшее длительное время’	Ah <u>mi-di play</u> di hoal day. ‘Я <u>играл</u> вчера весь день’.
Future tense. ‘Будущее время’	Ah wahn play tumaaro. ‘Я <u>буду играть</u> завтра’.

Из примеров таблицы 1 следует, что времена и глагольные виды белизского креоля образуются при помощи маркеров *di, mi, mi-di, wahn* и др., стоящих в препозиции к глаголу. Глаголы в белизском креоле в отличие от глаголов английского языка не имеют флексий, указывающих на время, лицо и число глагола. В белизском креоле названные категории актуализируются при помощи контекста, вспомогательных глаголов или маркеров времени.

Выводы.

1. Индоевропейские языки, включённые в генеалогическую классификацию языков, представляют собой языки, сформировавшиеся в результате непрерывного эволюционного процесса. Эти языки сохраняют линию своего развития от одного языка-предка.

2. Карибские креольские языки на англоязычной основе представляют собой языки, сформировавшиеся в результате прерванного эволюционного процесса.

3. Для креолов характерно развитие от двух языков-предков. С точки зрения грамматических особенностей карибские креолы на англоязычной основе восходят к африканским субстратным языкам, главным образом, к языкам йоруба, эве, тви. По своим лексическим особенностям карибские креолы на англоязычной основе связаны с английским языком-лексификатором.

4. В силу этих особенностей карибские креолы на англоязычной основе не включаются в генеалогическую классификацию языков мира.

5. При разработке генеалогической классификации языков пиджинизация и креолизация языков во внимание не принимались. Исключение пиджинизации и креолизации из рассмотрения при становлении генеалогической классификации языков делало эту классификацию неполной, неточной. Мы считаем, что вопрос о статусе креольских языков в рамках генеалогической классификации не может считаться окончательно решённым.

6. К креольским языкам традиционное представление о языковых семьях и о генеалогическом родстве не применяется. Креолы находятся в ином положении, чем языки, сформировавшиеся в результате непрерывного эволюционного процесса.

7. Карибские креольские языки на англоязычной основе представляют собой результат дивергенции английского языка под влиянием африканского субстрата. Они занимают промежуточный статус. С одной стороны, их нельзя относить к германским языкам из-за наличествующих в них особенностей африканской грамматики. С другой стороны, их нельзя считать африканскими языками: базовая лексика в них европейского происхождения. Понятно одно: ККАО представляют собой рождение новых языков.

Информация о финансовой поддержке: *Исследования проводились в рамках государственного задания (номер госрегистрации 124012400351-9).*

Список литературы

1. Ажеж, К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки: Пер с фр. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 304 с. – ISBN 5-354-00176-5.
2. Мейе, А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. – М.: ГСЭИ, 1938. – 510 с.
3. Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XXI. Новое в современной индоевропеистике. – Сост., вступ ст и общ ред. В. В. Иванова. – М.: Прогресс, 1988. – 560 с.
4. НЛ. Новое в лингвистике. Выпуск VI. Языковые контакты. – Составление, редакция, вступительная статья и комментарий В. Ю. Розенцвейга. – М.: Прогресс, 1972. – 535 с.
5. Теоретические основы классификации языков мира. – М.: Наука. АН СССР. Институт языкознания. – 1980. – 207 с.

6. Языки мира: Германские языки. Кельтские языки. – Под ред. Н. Н. Семенюк, В. П. Калыгина. – М.: 2000. – 643 с. – ISBN 5-87444-101-8.
7. Kriol-English Dikshineri. English-Kriol Dictionary. – Compiled and edited by Yvette Herrera, Myrna Manzanares, Sylvana Woods, Cynthia Crosbie, Ken Decker. – Belize Kriol Project. – Belpoman. – Belize, 2009. – 464 p. – ISBN 978-976-95165-1-9.

УДК 81'22(07)

ЭМОТИВНОСТЬ В ЯЗЫКЕ КАК СРЕДСТВО ПОБУЖДЕНИЯ К ДЕЙСТВИЮ

Дубицкая М. М., ORCID 0009-0008-1809-7361,
Калиущенко В. Д., д-р фил. наук, проф., ORCID 0009-0007-2183-4441
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
milnad2016@mail.ru

Введение. В данной работе рассматриваются эмотивные побудительные конструкции – высказывания, которые демонстрируют эмоциональную насыщенность и способны оказывать эмоциональное воздействие на адресата.

Актуальность данной работы обусловлена повышенным в настоящее время интересом к категории побудительности, необходимостью изучения способов выражения эмотивности в английском, немецком и русском языках.

Целью работы является установление факта преобладания определенного типа соотношения эмотивности и побудительности.

Объектом данной работы является эмотивность и эмотивные побудительные конструкции в английском, немецком и русском языках.

Предметом данной работы выступают языковые особенности эмотивных побудительных конструкций, направленных на вызов эмоциональной реакции и воздействие на адресата в рамках коммуникативной ситуации.

Материалом данной работы послужили 194 англоязычные, 183 немецкоязычных и 202 русскоязычные побудительные конструкции, отобранные методом сплошной выборки из художественных произведений на английском (В. Shaw ‘Pygmalion’, John B Priestley ‘An Inspector Calls’), немецком (В. Brecht ‘Die Dreigroschenoper’, G. Hauptmann ‘Rose Bernd’) и русском языках (М. А. Булгаков «Зойкина квартира», М. Горький «На дне»).

Основная часть. Эмотивность – это способ передачи индивидуального взгляда автора на окружающий мир, выражение его эмоционального реагирования, оценка событий с позиции говорящего, а также воздействие на аудиторию [2, с. 35].

Эмотивность побудительных конструкций можно дифференцировать по способу выражения коммуникативного намерения. А. Ю. Маслова [1, с. 89] выделяет три типа:

1) эмотивность, как основное средство эксплицитного выражения интенции побуждения: здесь эмоция является явным и прямым инструментом побуждения к действию;

2) эмотивность, как дополнительное средство эксплицитного выражения интенции побуждения: эмоция дополняет основное побуждение, усиливая его воздействие;

3) эмотивность, как средство имплицитного выражения интенции побуждения: побуждение выражается не прямо, а через подтекст, эмоция становится ключевым фактором понимания намерения.

Эмотивность, как основное средство эксплицитного выражения интенции побуждения, отмечено в 89 англоязычных (45,8 %), 81 немецкоязычном (44,3 %) и 112 русскоязычных (55,5 %) эмотивных побудительных конструкциях:

(1) *Just keep quiet, Eric, and don't get excited.* – ‘Помолчи, Эрик, и не горячись’;

(2) *Nu, Vater Bernd, da kennt Ihr von Glick sagen! Da mißt Ihr ja nu sehr zufrieden sein.* – ‘Ну, папаша Бернд, теперь вы можете говорить о счастье! Теперь вы должны быть очень довольны’;

(3) *He смейте оскорблять меня!*

Эмотивность, как дополнительное средство эксплицитного выражения интенции побуждения, встретила в 63 англоязычных (32,5 %), 43 немецкоязычных (23,5 %) и 56 русскоязычных (27,7 %) эмотивных побудительных конструкциях:

(4) *Oh – it's wonderful! Look – mummy – isn't it a beauty? Oh – darling...(she kisses Gerald hastily).* – ‘Посмотри, мамочка, разве это не красота? О, дорогой...(торопливо целует Джеральда)’;

(5) *Nu gutt! Ich geb' d'r mei ganzes Bißla! Ich schmeiß' d'r doas ganze Gelumpe hin! ... Ich bring' dirsch uff Heller fer Pfennig, Streckmann, ock hab du Derbarma... (Sie sucht flehentlich seine Hände zu ergreifen, die er zurückzieht).* – ‘Ну ладно! Я отдам тебе все, что у меня есть! Я брошу тебе все свои тряпки! Я принесу тебе все до последнего гроша, Штрекман, только сжался... (С мольбой пытается взять его за руки, но он отстраняет руки)’;

(6) *Ура и ура! Нет, нет, до дна пейте, не обижайте фирму!*

Эмотивность, как средство имплицитного выражения интенции побуждения, отмечено в 42 англоязычных (21,7 %), 59 немецкоязычных (32,2 %) и 34 русскоязычных (16,8 %) эмотивных побудительных конструкциях:

(7) *It's too tiresome. Do you expect us to go and get one ourselves?* – ‘Безобразие. Уж не прикажешь ли нам самим идти за такси?’;

(8) *Also, das ist alles ganz einfach. Du bist verheiratet. Was macht man, wenn man verheiratet ist? Nur nicht denken. Na, man lässt sich scheiden, nicht wahr, ist das so schwer herauszubringen? – ‘Ты вышла замуж. Что делают, когда выходят замуж? Да разве ты сообразишь! Так вот: когда выходят замуж, разводятся, не правда ли? Неужели так трудно до этого додуматься?’;*

(9) *Мало тебе места-то? Куда ни поди, тут ты и есть! Тьфу ты, проклятый! Что ты как столб стоишь-то! Тебе говорят аль нет?*

Заключение.

1. В отношении данного материала можно утверждать, что во всех трех языках доминируют конструкции, обозначающие эмотивность, как основное средство эксплицитного выражения интенции побуждения. Эмотивность проявляется через использование фраз, содержащих явное побуждение к действию и вызывающих эмоциональные реакции у адресата [3, с. 256]. Примеры также демонстрируют, что эмоционально-оценочное воздействие и отношение говорящего к ситуации могут быть четко выражены с помощью эмотивных конструкций.

2. Эмотивность, как дополнительное средство эксплицитного выражения интенции побуждения, часто используется для усиления эмоциональной составляющей высказывания и воздействия на адресата. В английском и русском языках эмотивные побудительные конструкции, в которых эмотивность проявляется как дополнительное средство эксплицитного выражения интенции побуждения, преобладают над конструкциями в немецком языке. Это связано с тем, что в англоязычной и русскоязычной лингвокультуре обращение к эмоциям и чувствам собеседника считается важным для убеждения и воздействия на него. В большинстве примеров выражены негативные эмоциональные побуждения, демонстрирующие решимость говорящего реализовать стратегию конфликта и унижения собеседника (см. (1), (3), (5), (7), (8), (9)). Вместе с тем встречаются и положительные эмоциональные побуждения, реализующие тактики уговора, просьбы, выражаемые соответствующей лексикой (см. (2), (4), (6)).

3. Среди имплицитных эмотивных побудительных конструкций доминируют конструкции в немецком языке, вследствие принятого у немцев более формального и строгого стиля общения. Носители немецкого языка обычно ценят точность, ясность и нейтральность в общении, поэтому они предпочитают более прямые и не столь эмоциональные выражения при передаче своих желаний или требований.

Информация о финансовой поддержке: *Исследования проводились в рамках государственного задания (номер госрегистрации 124012400351-9).*

Список литературы

1. Маслова, А. Ю. Введение в прагмалингвистику. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – Москва: Флинта: Наука, 2007. – 147 с. – ISBN: 978-5-89349-946-9.
2. Шаховский, В. И. Эмоции: Долилингвистика, лингвистика, лингвокультурология. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 128 с. – ISBN: 978-5-397-00850-1.
3. Izard, C. E. The psychology of emotions [Text] / Carroll E. Izard. – New York; London: Plenum press, 1991. – 451 p. – ISBN 10:0306438658.

УДК 81'373.612: 005

АВТОМОБИЛЬНЫЕ МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Жерденовская А. В., ORCID 0009-0002-3286-835X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
a.zherdenovskaya@mail.ru

Целью данной статьи является проведение сопоставительного анализа английской и русской автомобильной метафорической терминологии в аспекте национальной специфики. При проведении анализа эмпирического материала и сравнении метафорических элементов терминосистем была обнаружена неравномерность метафорических терминов в двух терминосистемах, что может говорить о различиях ментальностей и культур.

Различие в метафорических системах двух языков можно заметить на этапе сравнения терминов в двух языках, и проследить их количественное несоответствие. В английском языке в количественном соотношении метафорические термины преобладают. Упомянутое выше несоответствие можно проиллюстрировать на примере лексемы *bolt* ‘болт’ в наиболее наполненных по количеству терминов тематических группах – зооморфной и антропоморфной метафорах.

В английском языке зооморфная метафора может быть представлена примерами: *butterfly bolt* ‘барашковый болт’, *dog bolt* ‘откидной шарнирный болт’, *fang* ‘анкерный болт. Антропоморфная метафора представлена следующими примерами: *eye bolt* ‘болт с проушиной’, *shoulder bolt* ‘болт с буртиком’.

В русском языке – зооморфная метафора: барашковый болт; антропоморфная метафора: болт с проушиной.

В таблице ниже приведены данные о количественном различии метафорических терминов разных языковых систем.

Таблица

№	Тематические группы метафорических терминов	Английский язык		Русский язык	
		Кол-во	%	Кол-во	%
1.	Зооморфная метафора	50	32,7	9	15,3
2.	Антропоморфная метафора	56	36,7	16	27,1
3.	Метафора, основанная на ассоциации с одеждой человека, её элементами и предметами быта	26	17	32	54,2
4.	Метафора по ассоциации с объектами растительного мира	13	8,4	2	3,4
5.	Национально-географическая метафора	8	5,2	-	-
Всего		153	100	59	100

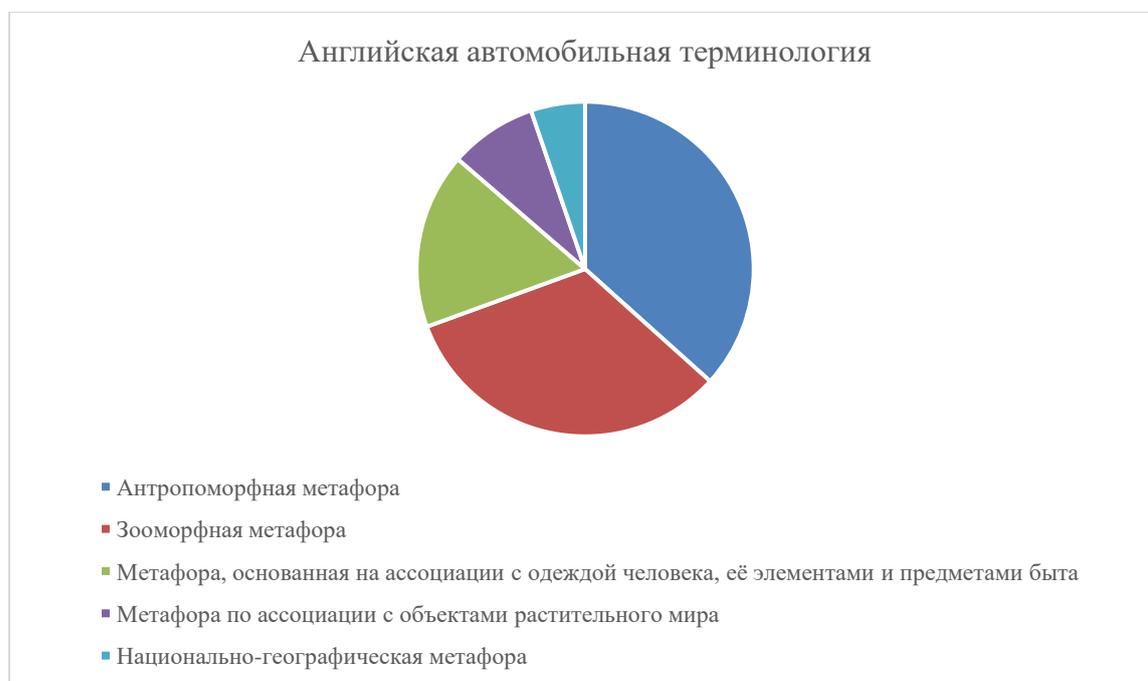

Рис. 1. Соотношение распределения английских метафорических терминов

Анализ метафорического фрагмента английской автомобильной терминосистемы позволяет сделать вывод, что в нём, в отличие от аналогичного фрагмента русской терминосистемы, преобладает антропоморфная модель.

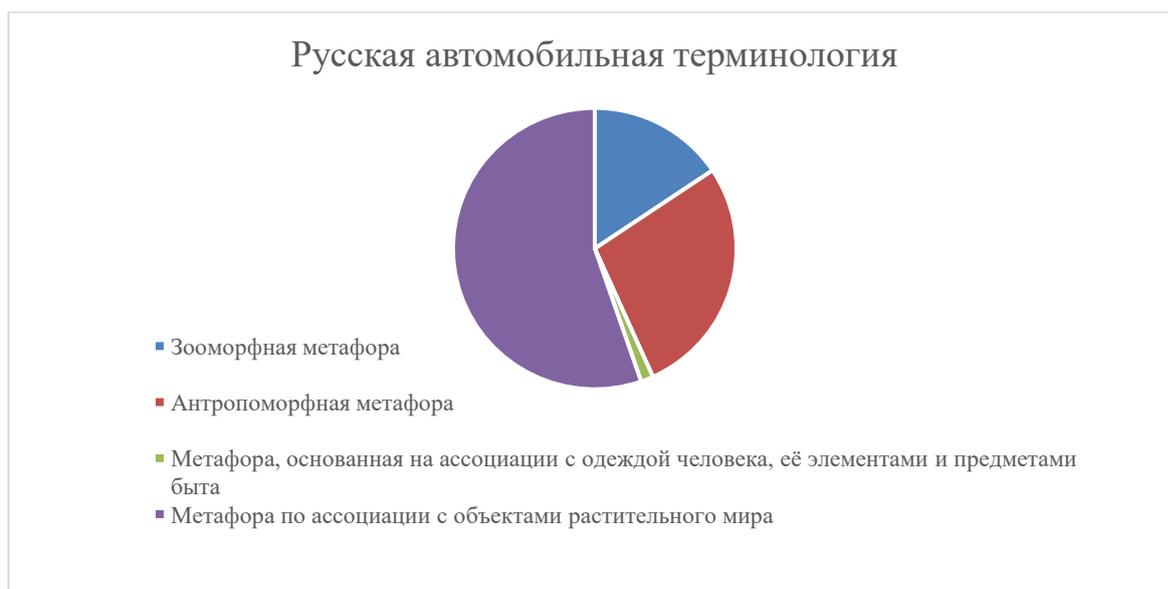

Рис. 2. Соотношение распределения английских метафорических терминов.

Присутствие в терминосистемах метафорических терминов является причиной того, что проблема эквивалентности и адекватности при переводе подобных терминов проявляется ярче, чем при переводе неметафорических терминов.

Проанализировав метафорические термины в английском и русском языках, будет уместным сказать об их количественном несоответствии – английская автомобильная метафорическая терминология представлена большим количеством единиц.

Список литературы

1. Басыров, Ш. Р. Метафоры и метонимии в разноструктурных языках // Иностранные языки в современном мире. Казань, 2020. С. 46–52.
2. Даниленко, В.П. Терминологизация разных частей речи // Проблемы языка науки и техники. – М.: Наука. – 1970. – С. 67–89.
3. Реформатский, А.А. Введение в языковедение: Учебник для вузов/ А.А. Реформатский / В.А. Виноградов. – 5-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 536 с.
4. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале // Русская речь, 2001. - №№1-2. – С. 26–31.
5. Lakoff, G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago, 1980. – 193 p.

Список лексикографических источников

6. Англо-русский словарь по автомобильной технике и автосервису / Б.В. Гольд, Р.В. Кугель и С.А. Шершер. – Минск: Новая звезда лтд, 1999. – 704 с.
7. Большой англо-русский автомобильный словарь / В.Р. Лесов. – СПб: «Б. С. К.», 1998. – 830 с.

КОНСТРУКЦИИ, ВЫРАЖАЮЩИЕ УДАЛЕНИЕ С ПОМОЩЬЮ ИНСТРУМЕНТА В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Исаева А. Э., ORCID 0009-0007-2183-4441

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

a.isaeva@donnu.ru

Введение.

1. В работе рассматриваются конструкции с каузативными локативными глаголами (КЛГ) с отрицательным значением, для которых характерна формула толкования «Субъект (Суб) каузирует Объект (Об) не быть в Исходной точке (ИТ)», например:

(1) *Он выбросил всю мебель из комнаты.*

Для описания данных конструкций существует «расширенная» актантная структура, которая включает актанты Субъекта, Объекта, Исходной точки, Дистанции пути (ДП), Конечная точка (КТ) и Инструмент: Суб–Об–ИТ–ДП–КТ–Инстр. Следует отметить, что примеры с полной актантной структурой отсутствуют в материале исследования. В настоящей работе будут рассмотрены примеры с ФТ «Суб каузирует Об не быть в ИТ с помощью Инстр», которые составляют немногочисленную группу исследуемого материала (119 примеров).

Категория инструментальности, будучи универсальной для всех языков и обусловленной общими закономерностями отражения объективной реальности в сознании людей, является предметом активного изучения в лингвистике [1, 2, 6].

Инструментальность может быть интерпретирована как поле, в центре которого находятся исходные формы, состоящие из трех элементов: Суб, Об и Инстр. В русском языке исходные способы выражения инструментальности включают формы предложного творительного падежа с предлогом (для одушевленных существительных) и без предлога (для неодушевленных имен существительных), в английском и немецком языках с помощью предлогов (англ. *with, by*; нем. *mit, per*). Языковым отражением инструментальности как семантической категории выступает актант – Инстр, с помощью которого Суб целенаправленно выполняет какое-либо действие. Инструмент, выступая участником ситуации и, воздействуя на Об, подразумевает наличие Суб, который каузирует Инстр для достижения своей цели, т.е. использует Инстр [5, с.55]. Объект, используемый в качестве инструмента, может выполнять функцию орудия действия, в частности, или служить средством удаления.

Цель работы заключается в описании семантики конструкций удаления при помощи актанта Инстр. **Объектом** исследования выступают конструкции КЛГ и актанты с инструментальным значением, **предметом** – семантика актанта Инстр в исследуемых конструкциях. **Материалом** исследования послужила выборка глаголов удаления из онлайн-словарей английского, немецкого и русского языков. Общий объём выборки составил 2513 текстовых примеров, из них 119 примеров содержат актант с инструментальным значением.

Основная часть.

2. В данной работе рассматривается применение инструмента для каузирования разрыва локативного отношения или каузирование разрыва отношения «целое – его часть» [4, с.193]. В материале исследования отмечены следующие Инстр: орудие труда (специальные инструменты: скальпель, метла, цепь), механизмы и транспортные средства, а также квазиинструмент (части тела) [3, с. 90].

2.1. Наиболее частотным в трёх языках стало употребление Инстр – квазиинструмент (62 примера – 52,1%; англ. – 15, нем. – 18, русс. – 23). В большинстве случаев квазиинструмент остаётся имплицитным, хотя встречается и эксплицитное проявление.

(2) *Santos Alvarez dropped him with a left hook.* ‘Сантос Альварес отправил его в нокаут левым хуком.’

(3) *Können die, ohne hinzusehen, mit den großen Zehen Hosen herunterziehen?* ‘Могут ли они, не глядя, спустить штаны большими пальцами ног?’

(4) *Перед самым отъездом он распахнул окно в клубном доме, где жил, откинул рукой занавеску и перегнулся на улицу.*

Все три примера имеют одинаковую актантную структуру: Суб–Об–Инстр. Примечательным является то, что в примере (2) Инстр является имплицитным и, опираясь на толкование, можно установить, что «хук» – удар левой рукой с фланга.

2.2. Вторая по частотности группа имеет Инстр – орудие труда (33 примера – 27,7 %; англ. – 10, нем. – 9, русс. – 14).

(5) *The resulting liquid was then decanted with a pipette excluding any particulate matter that may have resulted from the reaction.* ‘Затем полученную жидкость сцеживали пипеткой, исключая любые твердые частицы, которые могли образоваться в результате реакции’

(6) *Hätte er sonst verschämt zwei Rosen mit einem Taschenmesser abgepfückt?* ‘В противном случае он бы с позором сорвал две розы перочинным ножом?’

(7) *Я вокруг ножиком хвою отгребла, пошатала, она из земли вышла.*

Актантная структура примеров может быть представлена как Суб–Об–Инстр в примере (5), где отсутствует Суб, в примерах (6) и (7) Суб–Об–Инстр.

2.3. Наименьшую частотность демонстрирует группа, в которой Инстр – транспортное средство (24 примера – 20,2%; англ. – 7, нем. – 7, русс. – 10).

(8) *The gang leader drove off his subordinates in a bright red sports car, which the police had little trouble tracking down.* ‘Главарь банды умчал своих подчинённых на ярко-красном спортивном автомобиле, выследить который полиции не составило особого труда’

(9) *Es zog ihn wie mit Seilen wieder hinunter an den Quai.* ‘Словно веревками, его снова потянуло вниз, к набережной.’

(10) *Он сам решил в поздний час отвезти домой дочь женщины, с которой жил уже несколько лет как с женой.*

Как в примере (2), так и в примере (10) Инстр является имплицитным и из толкования глагола *отвезти* <переместить кого-, что-л. на каком-л. транспорте, удаляя, убирая в сторону, на некоторое расстояние от чего-л.> становится ясным, что данное действие выполняется благодаря транспортному средству. Актантная структура для примеров (8) – (10) совпадает: Суб–Об–Инстр.

Заключение.

3. Проведённый анализ позволяет сделать выводы:

3.1. Наиболее продуктивными в исследуемом материале являются конструкции КЛГ с отрицательным значением, описываемые ФТ «Суб каузирует Об не быть в ИТ».

3.2. Конструкции с Инстр преобладают в русском языке (47 текстовых примера) по сравнению с немецким языком (34 примера) и английским (32 примера).

3.3. Выявлены три типа инструментов: квазиинструмент, который в большинстве случаев является имплицитным, транспортное средство и орудия труда.

Список литературы

1. Бондарко, А.В. Категоризация в системе грамматики / А.В. Бондарко. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 488 с. – ISBN 978-5-9551-0513-0.
2. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 776 с. – ISBN 5-7859-0032-7.
3. Исаева, А.Э. Каузативные глаголы удаления в немецком и русском языках / А.Э. Исаева // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал* / отв.ред. В.Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2022. – Т.18. – Вып.1(55). – С.86–96. – ISSN 2415-8720.
4. Калиущенко, В.Д. От лингвистической типологии к исторической лингвистике: Избранные труды. – Донецк: ДонНУ, 2016. – 283 с. (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования; Т. 12.). – ISSN 2519-8912.
5. Падучева, Е.В. Динамические модели в семантике лексики / Е.В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 609 с. – ISBN 5-94457-161-6.
6. Якобсон, Р.О. Избранные работы / Р.О. Якобсон. – М.: Прогресс, 1985. – 455 с.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИЧЕСКОГО ПОВТОРА КАК ФОРМЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КОГЕЗИИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ДИСКУРСАХ

Кобзев Н. В., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0005-1232-8665

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

nicksong@mail.ru

Введение. Данное исследование обусловлено необходимостью системного описания когезии, ее механизмов и типов, в частности лексического повтора (ЛП), функционирующих в англоязычном и русскоязычном художественных дискурсах, что даст возможность глубже познать культурное и историческое наследие носителей разнотипных языков и будет способствовать эффективной межкультурной коммуникации и осуществлению адекватного перевода.

Цель исследования заключается в изучении особенностей повтора лексических единиц как формы лексической когезии английского и русского художественных текстов. Для достижения цели поставлены следующие **задачи**: 1) изучить понятие когезии в английском и русском языках; 2) рассмотреть типы и функции когезии в английском и русском языках; 3) ознакомиться с лексическим повтором как основным типом когезии; 4) провести сравнительный анализ ЛП в английском и русском языках по структурным, семантическим и функциональным особенностям.

Основная часть. Одной из распространённых форм когезии, обеспечивающей линейную внутреннюю организацию единиц текста, выступает лексический повтор. Главная функция лексического повтора в тексте – это обеспечение связности и выразительности главной мысли автора. В художественных текстах лексический повтор может означать, с одной стороны, некоторое однообразие действий, а с другой, замысел автора в придании ритмичности сюжетной линии. При грамотном употреблении лексического повтора можно обеспечить связность не только между предложениями, но и целыми абзацами.

Использование лексического повтора в художественном тексте способствует динамичности, развитию семантического пространства в тексте. Так, повтор одного объекта несколько раз призван акцентировать внимание читателя на нём, придать смысловое значение и, следовательно, лучше понять описываемый отрезок текста. Средство лексического повтора также может служить синтаксическим приёмом объединения нескольких фрагментов текста и созданию структурно-целостной картины самого текста.

Таким образом, лексический повтор как средство когезии призвано обеспечить логическую и структурную связность текста и его смысловых единиц.

Позиции лингвистов к классификации лексических повторов носят разрозненный характер. Ключевой проблемой при разделении видов повтора лексических единиц являются различные основания для выделения единого признака. Следовательно, классификации лексических повторов многообразны. Рассмотрим подробнее наиболее распространенные классификации.

Основанием для первой классификации лексических повторов лингвисты выделяют стилистические фигуры, которые построены на основе повтора и их особенности в построении предложений с ними. Данную классификацию предлагает советский лингвист Д. Э. Розенталь [1]:

1. Анафора – повтор слова или словосочетания в начале предложения.
2. Анадиплозис – повтор, при котором слово в конце предложения может повторяться в следующем в начале.
3. Кольцо – повтор в начале и конце предложения.
4. Эпифора – «повтор, при котором повторяются концы смежных или соотнесенных единиц».

Данная классификация акцентирует особенности лексических повторов в их положении в синтаксическом целостном тексте.

Основанием для второй классификации лексических повторов служит разница в определении самого средства лексического повтора. Так, исследователь Ю. В. Трубникова подчеркивает, что в узком понимании лексический повтор может рассматриваться как повторение лексических единиц, в то время как, в широком смысле лексический повтор – это «повторение любых элементов языка от звуков до синтаксических конструкций». Ю. В. Трубникова предложила разностороннюю классификацию лексических повторов, основанную на композиционном признаке [2]. Она выделила две большие группы лексических повторов:

1. Контактный повтор – повтор, при котором слова расположены близко друг к другу. На основе многочисленных исследований, контактный повтор используется для усиления или выделения повторяющихся лексических единиц.

2. Дистантный повтор – повтор, где слова отделены друг от друга группой слов или целым предложением. Главной функцией дистантного повтора выступает акцентирование внимания читателя на определенном предмете или явлении.

Отдельно в данной классификации выделяется смежный повтор, при котором слова, расположенные близко друг к другу, находятся в отдельных словосочетаниях или предложениях.

Виды лексических повторов могут взаимно дополнять друг друга, образуя при этом более сложную лексическую связь. Таким образом,

каждый вид повтора лексических единиц имеет индивидуальную функцию, направленную на усиление выразительности речи, создание различных стилистических эффектов и т.д.

В качестве ключевых функций лексических повторов можно выделить экспрессивную функцию, позволяющую придать художественному тексту эмоционально-оценочную окраску, апеллятивную функцию и волюнтаривную функцию.

Заключение. На основе вышеизложенных теоретических положений можно сказать, что:

1. Когезия – определенные средства связи, необходимые для поддержания целостности и последовательности высказывания, его синтаксического и семантического единства. Многочисленные подходы к пониманию текста как объекта лингвистического исследования, свидетельствуют о многогранности и сложности данного понятия.

2. Под дискурсом понимается функционирующий в контекстах ситуации и культуры текст.

3. Одним из основных свойств текста и дискурса является когезия, обеспечивающая смысловую и грамматическую связность единиц текста. Средство когезии помогает автору в реализации его коммуникативного замысла, в создании целостного и понятного текста и объективному отражению действительности.

4. Лексический повтор как форма когезии осуществляет связь лексических единиц текста, может влиять на эмоциональный фон сюжетной линии, а также выступает как структурно-семантический элемент текста.

Список литературы

1. Розенталь, Д. Э. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию / Д.Э.Розенталь, Е.В.Джанджакова, Н.П. Кабанова. – Москва : Моск. междунар. шк. пер., 1994. – 400 с. – ISBN 5-8234-0021-7.
2. Трубникова, Ю. В. Деривационное функционирование лексических единиц текста : (На материале соврем. рус. яз.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. / Ю.В. Трубникова; Алт. гос. ун-т. – Барнаул : [б. и.], 1997. – 20 с.
3. Чефранова, М. А. Роль полисемии в современном русском языке и речи / М. А. Чефранова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2014. – № 4 (63). – С. 1132–1134. – URL: <https://moluch.ru/archive/63/10077/> (дата обращения: 12.09.2024).
4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с. – ISBN 5-85270-239-0.
5. Словарь языка поэзии: образный арсенал русской лирики конца XVIII - начала XX века / Н.Н. Иванова, О.Е. Иванова. – М.: АСТ: Астрель: Русские словари Транзиткнига, 2004. – 669 с. – ISBN 5-17-020015-3.

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТАФОР В ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ И КИТАЯ

Линь Пэнчэн, ORCID 0000-0002-1362-9583

ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», г. Уфа, РФ

673636528@qq.com

Введение. Метафоры играют ключевую роль в языке, способствуя созданию ярких и запоминающихся образов. В дипломатическом дискурсе метафоры используются для смягчения или усиления высказываний, а также для создания определенных эмоциональных и когнитивных эффектов. В условиях глобализации и усиления международных связей исследование лингвопрагматических особенностей использования метафор в дипломатическом дискурсе России и Китая приобретает особую актуальность.

Целью данного исследования является выявление и сравнительный анализ лингвопрагматических особенностей использования метафор в дипломатическом дискурсе России и Китая.

Основная часть. В данном исследовании мы опирались на работы Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона, которые показали, что метафора влияет на язык, мышление и действия. Их труд «Метафоры, которыми мы живем» побудил лингвистов исследовать метафоричность понятийной системы человека. Существенная часть социальной реальности осмысливается через базовые метафоры социума. А. Н. Баранов изучает роль метафоры в политической аргументации, а китайский исследователь Ли Хуэй рассматривает культурные влияния на использование метафор в китайском дипломатическом языке.

Анализ метафор в дипломатическом дискурсе России и Китая

Метафоры играют ключевую роль в дипломатическом дискурсе, оказывая влияние на восприятие и интерпретацию политических и социальных событий. В российской дипломатии метафоры используются для передачи сложных идей и установления дипломатических отношений. Примеры метафор: «*Железный занавес*» символизирует разделение и изоляцию, исторически ассоциируясь с холодной войной, и описывает политические и экономические барьеры в современном контексте. «*Мосты дружбы*» подчеркивают важность сотрудничества и взаимопонимания, символизируя усилия по установлению дипломатических связей. «*Геополитическая шахматная доска*» сравнивает международные отношения с шахматной игрой, подчеркивая стратегический характер дипломатических действий и решений.

Прагматические функции метафор в русском включают создание ярких образов и ассоциаций, которые облегчают восприятие сложных политических понятий, усиление эмоционального воздействия на аудиторию, упрощение сложных концепций и формирование политической риторики, помогая выразить сложные идеи в сжатой и запоминающейся форме.

В китайской дипломатии метафоры также играют важную роль, помогая передать сложные идеи и укрепить политические позиции. Примеры метафор: «*Сообщество единой судьбы человечества*» (人类命运共同体) подчеркивает идею глобальной взаимозависимости и сотрудничества, символизируя стремление к мирному сосуществованию и общему развитию. «*Один пояс, один путь*» (一带一路) использует образ древнего Шелкового пути для описания современных экономических и инфраструктурных проектов, подчеркивая важность торговых связей и международного сотрудничества. «*Мирное восхождение*» (和平崛起) акцентирует внимание на стремлении Китая к развитию без использования агрессии. «*Великая китайская мечта*» (中国梦) символизирует национальные амбиции и стремление к процветанию, мобилизуя внутреннюю поддержку и укрепляя национальную идентичность. «*Дракон, поднимающийся из воды*» (龙腾水) использует образ дракона, традиционного символа силы и мудрости в китайской культуре, чтобы подчеркнуть динамичное развитие и рост страны.

Прагматические функции метафор в китайском дискурсе включают создание ярких образов и ассоциаций, усиление эмоционального воздействия, упрощение сложных концепций, формирование политической риторики и культурное обоснование политических действий. Метафоры, укорененные в культурных и исторических контекстах, помогают легитимизировать политические действия и инициативы, подчеркивая культурное наследие и национальную гордость.

Заключение. Анализ метафор в дипломатическом дискурсе как русского, так и китайского языков показывает, что они играют важную роль в передаче сложных идей и укреплении политических позиций на международной арене. Метафоры не только облегчают восприятие информации, но и передают фундаментальные ценности, которые страны стремятся продвигать.

Русский дипломатический дискурс также богат метафорами, которые передают ключевые ценности и стратегические цели страны. Метафоры, такие как «*Мосты дружбы*» и «*геополитическая шахматная доска*», акцентируют внимание на важности мирного взаимодействия и экономической интеграции. Они подчеркивают стремление России к укреплению международных отношений через сотрудничество и взаимопонимание.

В китайском дипломатическом дискурсе метафоры, такие как «Сообщество единой судьбы человечества» (人类命运共同体), «Один пояс, один путь» (一带一路) и «Мирное восхождение» (和平崛起), подчеркивают важность глобальной взаимозависимости, экономического сотрудничества и мирного развития. Эти метафоры отражают стремление Китая к созданию гармоничного мирового сообщества, где все страны работают вместе для общего блага.

Обе страны используют метафоры для мобилизации внутренней поддержки и укрепления национальной идентичности. Например, китайская метафора «Великая китайская мечта» (中国梦) символизирует национальные амбиции и улучшение благосостояния народа, в то время как российские метафоры часто акцентируют внимание на историческом наследии и культурной гордости.

Таким образом, метафоры в дипломатическом дискурсе как русского, так и китайского языков не только служат инструментом коммуникации, но и играют важную роль в продвижении стратегических целей и формировании позитивного имиджа стран на международной арене. Они способствуют созданию более гармоничных и стабильных международных отношений, основанных на взаимном уважении и сотрудничестве.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд. Испр. / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, – 1999. – 896 с. – ISBN: 5-7859-0027-0.
2. Баранов, А. Н., Караулов, Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М.: Ин-т русского языка РАН, – 1991. – 193 с.
3. Баранов, А. Н., Караулов, Ю. Н. Словарь русских политических метафор. / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М.: «Помовский и партнёры», – 1994. – 333 с.
4. Лакофф, Джордж, Джонсон, Марк. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, – 2004. – 256 с. – ISBN 5-354-00222-2.
5. Ли, М. Метафорическое моделирование образа Китая в современном политическом дискурсе / М. Ли, О. А. Солопова // Политическая лингвистика. – 2021. – № 2(86). – С. 98–105. – DOI 10.26170/1999-2629_2021_02_09. – EDN RCBGAN.
6. Линь Пэнчэн. Русско- и китайскоязычные картины мира: различия менталитетов их носителей и специфика языковой репрезентации / Линь Пэнчэн, Р. Р. Лукманова // Казанская наука. – 2024. – № 6. – С. 279–281. – EDN YOUBRV.
7. Уразова, Е. А. Особенности использования метафоры в политическом дискурсе / Е. А. Уразова // Вестник Московской международной академии. – 2017. – № 1-2. – С. 170–175. – EDN ZEFWTT.

СЕМАНТИКА КАУЗАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ ЭМОТИВНОГО ПОЛЯ *РАДОСТЬ* (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Липанова П. К., ORCID 0009-0002-5535-2073

ФБГОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, ДНР

lipanova_polina@mail.ru

1. Вводные замечания. Данная работа посвящена изучению семантики каузативных глаголов (далее КГ), которые выражают эмоциональное состояние радости (далее ЭСР) в английском, немецком и русском языках. КГ выступает ключевым компонентом каузативной макроситуации, которая представляет собой ситуацию причинения. Эта макроситуация включает в себя каузирующую микроситуацию (причину) и каузируемую микроситуацию (результат) [3, с. 6]. Семантическая структура глаголов отображается через формулы толкования (ФТ), которые представляют собой перифразы значений глаголов и включают все ключевые актаны [1, с. 55].

Целью данного исследования является выявление дополнительных сем в семантической структуре КГ, выражающих ЭСР, и анализ их продуктивности в сопоставительном аспекте.

Материалом исследования послужили КГ, выражающие ЭСР (19 глаголов в английском языке, 22 КГ в немецком языке и 36 глаголов в русском языке), отобранные из толковых словарей и словарей синонимов.

2. Основные положения. Семантическая структура КГ включает сему каузирования, сему эмоционального состояния (St), Каузатора (К) (который вызывает изменение ЭС), и Экспериенцера (Exp) (человека или группу лиц, переживающих изменение ЭС). Формула толкования (ФТ) для всех КГ, которые выражают ЭСР, выглядит следующим образом: «К каузирует Exp испытывать St (радость)». Дополнительные семантические элементы в структуре исследуемых глаголов изменяют их значение и являются предметом данного исследования.

Анализ значений КГ, выражающих ЭСР, позволил выделить дополнительные семы и проанализировать частотность их вхождения в семантику рассматриваемых глаголов (таблица 1).

2.1. Наибольшей продуктивностью в английском языке обладают сема усиления интенсивности каузируемого ЭСР и сема состояния ободренности Exp, например:

(1) англ. <...> *the presence of Bruno was all that would cheer up Lydia*
<...> [BNC] ‘<...> присутствие Бруно было единственным, что могло подбодрить Лидию <...>’.

Таблица 1

Частотность вхождения дополнительных сем в семантику КГ, выражающих ЭСР

№ п/п	Дополнительная сема	Количество глаголов с дополнительной семой		
		англ. яз.	нем. яз.	рус. яз.
1.	более интенсивное St (радость)	7	3	-
2.	Ехр чувствует себя ободренным	6	-	-
3.	высокая степень интенсивности St (радость)	5	-	7
4.	удовлетворение потребности или желания	5	-	5
5.	соматическое выражение St (радость)	2	5	14
6.	К каузирует Ехр действовать	1	8	-
7.	дополнительная сема отсутствует	1	4	5
8.	Каузаторм выступает Ситуация	1	-	-
9.	исполнение желаний и материальное благо	-	1	-
10.	Агенс каузирует хорошее отношение Ехр	-	1	-
11.	однократное каузирование	-	-	3
12.	каузирование вызывает действие	-	-	3
13.	каузирование на короткое время	-	-	2
14.	низкая степень интенсивности St (радость)	-	-	2
15.	удовлетворенность жизнью	-	-	2
Всего вхождений		28	22	43

(2) англ. <...> *what heartens her most is to know that the beavers are raising their kits or repairing their dam* [4] ‘<...> что ее больше всего радует, так это то, что бобры растят своих детенышей или ремонтируют плотину’.

Ехр в примерах (1) и (2) – *Lydia* в предложении (1) и *her [she]* в предложении (2) – изначально находились в подавленном или нейтральном эмоциональном состоянии. После воздействия на них Каузатора – Ситуаций *the presence of Bruno* ‘присутствие Бруно’ в примере (1) и *the beavers are raising their kits or repairing their dam* ‘бобры растят своих детенышей или ремонтируют плотину’ в примере (2) – Ехр испытали эмоциональный подъем и остались в эмоциональном состоянии радости на некоторое время.

2.2. В немецком языке наиболее продуктивной является сема каузирования Ехр действовать, например:

(4) нем. <...> *und schon dieser kleine Lichtpunkt hatte die Nasa-Wissenschaftler begeistert* [5] ‘<...> и даже эта маленькая светящаяся точка вдохновила ученых НАСА’.

В примере (4) фотография черной дыры, сделанная новейшим телескопом, каузировала у Ехр *die Nasa-Wissenschaftler* ‘ученых НАСА’ не только ЭСР, но также вдохновила их. Энтузиазм, согласно толковому словарю Duden, означает жажду действия, вызванную радостным возбуждением. Таким образом, Каузатор-Ситуация побуждает Ехр продолжать исследования в данном направлении.

2.3. Для русского языка характерна дополнительная сема соматического выражения ЭСР. Заметно большее количество вхождений в

состав КГ данной семы объясняется тем, что некоторые глаголы русского языка имеют совершенный и несовершенный вид, при этом обладая одинаковой семантикой, например:

(5) рус. *Кортеса смешили идеи язычника* <...> [2]

(6) рус. *Почему-то решение сановного московского юриста рассмешило всех людей в артели* <...> [2].

Каузатор *идеи язычника* в примере (5) и *решение сановного московского юриста* в предложении (6) являются причиной того, что Ехр *Кортеса* [Кортес] и *всех людей в артели* [все люди в артели] испытывают интенсивное ЭСР и выражают его смехом, то есть соматически. Разница заключается в том, что в примере (5) каузирование происходит на протяжении некоторое времени, а в предложении (6) – однократно.

3. Выводы.

3.1. Семантика КГ, выражающих ЭСР, проявляет больше различий, чем сходств в английском, немецком и русском языках. Набор сем каждого языка обусловлен его структурой и особенностями менталитета его носителей.

3.2. В английском языке наибольшей продуктивностью обладают семы более интенсивного ЭСР и ободренности Ехр. Характерной является также сема, указывающая на тип Каузатора – Ситуацию, что ограничивает употребление глаголов с данной дополнительной семой определенным контекстом.

3.3. Наибольшей продуктивностью в немецком языке обладает дополнительная сема каузирования действия. В подавляющем большинстве случаев жажда действия вызвана тем, кто Ехр испытывает энтузиазм. Как и в английском языке, в немецком есть семы, ограничивающие употребление КГ, а именно сема Агенса, каузирующего хорошее отношение Ехр. Каузирование счастья у носителей немецкого языка ассоциируется с исполнением желаний и материальным благом.

3.4. Заметно большей частотностью в русском языке, по сравнению с английским и немецким, обладает дополнительная сема соматического выражения ЭСР. Частично это можно объяснить менталитетом носителей русского языка, которые более открыто выражают свои эмоции. Некоторые КГ также имеют совершенный и несовершенный вид при одинаковой семантике. Поэтому только в русском языке присутствует дополнительная сема однократного каузирования. В отличие от немецкого языка, в русском языке каузирование счастья связывают с удовлетворенностью жизнью в целом.

Список литературы

1. Калиущенко, В. Д. От лингвистической типологии к исторической лингвистике: Монография. – Под ред. Л. Н. Ягуповой. – Донецк: ДонНУ, 2016. – 281 с. (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования; Т. 12).

2. Национальный корпус русского языка [НКРЯ]. – URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения 07.09.2024).
3. Недеялков, В. П., Сильницкий Г. Г. Типология каузативных конструкций (морфологический каузатив) / под ред. А. А. Холодовича. – Ленинград : Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1969. – 310 с.
4. British National Corpus [BNC]. – URL: <https://www1.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora> (дата обращения: 05.09.2024).
5. Das Deutsche Referenzkorpus [DeReKo]. – URL: <https://www1.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora> (дата обращения: 02.09.2024).

УДК 81'373.45:81'373.46:[811.111+811.161.1]

ЗАИМСТВОВАНИЕ КАК СПОСОБ ПОПОЛНЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ БИЗНЕСА И МЕНЕДЖМЕНТА В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Лукашова И.В., ORCID 0009-0002-8709-8049

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
i.v.lukashova@mail.ru

Введение. В данном исследовании рассматривается роль заимствования как одного из способов пополнения терминологии бизнеса и менеджмента (далее ТБМ) в английском и русском языках. По определению О. С. Ахмановой, заимствование – обращение к лексическому фонду других языков для выражения новых понятий, дальнейшей дифференциации уже имеющих и обозначения неизвестных прежде предметов [1, с. 150].

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью унифицированного понимания терминов для эффективного международного сотрудничества в данной профессиональной области, а также систематизации и развития профессионального языка.

Цель исследования – определить особенности заимствованных терминов в английской и русской ТБМ. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи: 1) выявить причины и предпосылки иноязычных заимствований терминов; 2) определить признаки заимствованных терминов в ТБМ в сопоставительном аспекте; 3) выполнить количественный анализ иноязычных терминов по языку-источнику заимствования в ТБМ в английском и русском языках.

Эмпирическим материалом исследования послужили 1264 термина ТБМ: английского (658 ед.) и русского (606 ед.), отобранных методом сплошной выборки из специализированных словарей английского [6; 7] и русского языков [2; 4; 5].

С. В. Гринёв-Гриневиц [3] причины заимствования делит на две группы: экстралингвистические и лингвистические. К **экстралингвистическим**

причинам заимствования ТБМ можно отнести: а) культурное влияние одного языка на другой; б) наличие устных и письменных контактов стран с разными языками. К **лингвистическим причинам** заимствования ТБМ можно отнести: а) отсутствие в родном языке эквивалентного слова для нового понятия; б) тенденция к использованию одного заимствованного слова вместо описательного перевода (характерно больше для русского языка); в) стремление к устранению омонимии и полисемии в родном языке; г) потребность в детализации соответствующего значения [3, с. 153].

Рассмотрим некоторые признаки заимствованных терминов из французского, латинского, греческого и итальянского языков **в английском языке:**

1) для латинских заимствований характерны суффиксы *-tion* (от лат. *-tiō*), *-ate* (от лат. *-ātus*), например, *accumulation* ‘накопление пакетов акций’, *conglomerate* ‘конгломерат’;

2) для греческих заимствований характерно наличие суффикса *-poly* (от др. греч. глагола *poleo* ‘продаю’ и префиксов *mono-* < греч. *monos* (μόνος) ‘один’ и *olig-* < др. греч. *oligos* (ὀλίγος) ‘малочисленный’. Например, *monopoly* ‘монополия’, *monotony* ‘монотонная работа’, *oligopoly* ‘олигополия’, *oligopsony* ‘олигопсония’;

3) для французских заимствований характерно наличие суффикса *-ment* (фр. *-ment* < лат. *-mentum*) используется для образования существительных, выражающих способ или результат действия или существительных, образованных от прилагательного. Например, англ. *abatement*;

4) для итальянских заимствований характерны нетипичные для английского языка графемные сочетания, например, гласные *a*, *o*, *i* в конце слова, например, *agio* ‘аживо’, *portfolio* ‘портфель (ценных бумаг)’.

Ниже приведены признаки заимствованных терминов из английского, французского, немецкого, латинского и итальянского языков **в русском языке:**

1) для англицизмов характерно сочетание букв *дж*, *ва*, *ви*, *ве*, наличие суффиксов *-инг*, *-ер*, например, *джобер*, *ваучер*, *букмекер*, *диллинг*, *клиринг*;

2) для французских заимствований характерны конечные ударные звуки *-е*, *-и*, *-о* в неизменяемых словах, например: *клише*, *бюро*; конечное *-аж*, например, *амбалаж*; конечное *-анс*, например, *аванс*, *баланс*;

3) немецким заимствованиям свойственны сочетания начальных согласных *шт* и *шп*, например, *штандорт* (< нем. *der Standort*), *штемпель* (< нем. *der Stempel*); немецкая буква «*h*» произносится в русском как «*г*», например, *бухгалтер* (< нем. *der Buchhalter*);

4) для итальянских заимствований характерны слова, оканчивающиеся на *-о*, *-е*, *-та*, например, *каска*, *валюта*, *банко*, *брутто*, *тратта*.

5) для латинских заимствований в русском языке характеры суффиксы *-ент, -тор, -ция, -ция*, например, *депонент; индикатор, дебитор; амортизация, квалификация; коалиция, дискреция, инспекция*; приставки *де-, интер-, ре-, ин-, экс-*, например, *депрессия, интервенция, регресс, инфляция, экспорт*.

В таблице 1 представлен количественный анализ иноязычных терминов по языку-источнику заимствования в ТБМ в английском и русском языках.

Таблица 1

Количественная характеристика иноязычных терминов по языку-источнику заимствования в ТБМ в английском и русском языках

Языки источники	Сопоставляемые языки			
	Английский язык		Русский язык	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Английский	-	-	158	50,2
Французский	129	43,6	58	18,4
Латинский	95	32,1	67	21,3
Японский	40	13,5	-	-
Итальянский	12	4,1	19	6,0
Немецкий	-	-	10	3,2
Греческий	12	4,1	2	0,6
Испанский	7	2,4	-	-
Корейский	1	0,3	-	-
Голландский	-	-	1	0,3
Итого:	296	100	315	100

Анализ заимствованных терминов ТБМ в рассматриваемых языках показал, что 4 языка являются источниками заимствований для ТБМ в английском и русском языках, а именно: французский, итальянский, латинский и греческий. Термины французского происхождения преобладают в ТБМ английского языка и составили 129 ед., или 43,6 % по сравнению с ТБМ русского языка (58 ед., или 18,4 %). Термины итальянского происхождения преобладают в ТБМ русского языка (19 ед., или 6,0 %) по сравнению с ТБМ английского языка (12 ед., или 4,1 %). Термины, заимствованные из латинского языка, в ТБМ английского языка составили 95 ед. (32,1 %) и в ТБМ русского языка – 67 ед. (21,3 %). Греческие заимствования преобладают в ТБМ английского языка (12 ед., или 4,1 %) по сравнению с ТБМ русского языка (2 ед., 0,6 %).

В английской терминологии бизнеса и менеджмента было выявлено 3 языка из 9 языков-источников заимствований, которые не были обнаружены в русском языке. Среди них: испанские заимствования составили 7 ед. (2,4 %), японские заимствования – 40 ед. (13,5 %) и корейские – 1 ед. (0,3 %).

Основу терминосистемы бизнеса и менеджмента русского языка составили английские заимствования в количестве 158 ед., или 50,2 %. Для

ТБМ русского языка также характерно наличие заимствованных терминов из немецкого (10 ед., или 3,2 %) и голландского (1 ед., или 0,3 %) языков, которые не были выявлены в английской терминологии.

Выводы. Заимствование является неотъемлемым процессом пополнения терминологической системы ТБМ. Так, в ТБМ английского языка иноязычные термины составили 45 % от общего числа выборки, а в ТБМ русского языка – 52 %. Основу ТБМ русского языка составляют английские заимствования.

Список литературы

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – Москва : УРСС, 2004 (Калуга : ГУП Облиздат). – 569 с. – ISBN 5-484-00082-3.
2. Борисов, А. Б. Большой экономический словарь. – Москва: Книжный мир, 1999. – 895 с.
3. Гринев-Гриневиц, С. В. Терминоведение. – Москва, 2008. – 304 с.
4. Райзберг Б. А. Современный экономический словарь. – Москва: ИНФРА-М, 2011. – 480 с.
5. Розенберг, Д. М. Бизнес. Менеджмент: Терминологический словарь. – Москва: Изд. дом "ИНФРА-М", 1997. – 463 с.
6. Collin, P. H. A Dictionary of business. – London: A & C Black Publishers Ltd, 2006. – 481 p. – ISBN-10. 0948549009 ; ISBN-13. 978-0948549007.
7. Dictionary of Business and Management. – 4th. ed. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 568 p. – ISBN-10, 0192806483 ; ISBN-13, 978-0192806482.

УДК 81-13: (811.112.2+811.161.1)

СЕМАНТИКА ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО ‘КОРОТКИЙ’ В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Махненко И. А., ORCID 0009-0002-0119-9149

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

i.a.makhnenko@mail.ru

Введение. Прилагательное ‘короткий’ является оппозитивным антонимом прилагательного ‘длинный’ в рамках параметра длины. Данные параметрические прилагательные обозначают противоположные крайности в контексте протяженности: ‘короткий’ указывает на небольшую длину или продолжительность объекта, тогда как ‘длинный’ обозначает большую длину или продолжительность. Прилагательное ‘короткий’ является семантически более сложным, то есть маркированным [2], по сравнению с прилагательным ‘длинный’, что может влиять на его восприятие и интерпретацию в сравнении с аналогичными прилагательными в разных языках и обуславливает **актуальность** исследуемой темы.

Целью данного исследования является выявление сходств и различий в семантике прилагательного *‘короткий’* в английском, немецком и русском языках.

Материалом исследования послужили данные толковых одноязычных словарей английского [3], немецкого [4] и русского [1] языков.

Основная часть. В целом в трёх языках у прилагательного *‘короткий’* выявлено 19 значений: в английском – 17, в немецком – 10, в русском – 14.

В трёх языках совпадают 10 значений, такие как:

1. Небольшой, малый по длине: англ. *short hair* ‘короткие волосы’; нем. *ein kurzer Zug* ‘небольшой поезд’; рус. *короткая юбка*;

2. Невысокий, низкий, маленький (о росте): англ. *short man* ‘человек низкого роста’; нем. *ein kurzer Mann* ‘невысокий мужчина’; рус. *короткая девушка*;

3. Непродолжительный, малый по времени: англ. *short period* ‘короткий промежуток времени’; нем. *eine kurze Pause* ‘короткая пауза’; рус. *короткая гроза*;

4. На ограниченном расстоянии, сравнительно небольшом расстоянии от чего-либо: англ. *short distance* ‘короткое расстояние’; нем. *ein kurzer Zug* ‘короткий путь’; рус. *короткое расстояние*;

5. Сжато изложенный или выраженный; немногословный: англ. *short title* ‘краткое наименование’; нем. *ein kurzer Bericht* ‘краткий отчёт’; рус. *короткая фраза*. Следует отметить, что русские словосочетания *короткий разговор*, *короткие шутки* могут также иметь эмоциональную окраску, обозначая, что не стоит вести пустые разговоры, нужно действовать.

6. Недостаточный по времени, продолжительности. англ. *short life* ‘короткая жизнь’; нем. *zu kurze Zeit* ‘слишком короткое время’, рус. *жизнь коротка*;

7. Меньший по длине, чем требуется; недостаточный по длине, по размеру для кого-, чего-либо: англ. *short trousers* ‘короткие брюки’; нем. *ein kurzer Mantel* ‘короткое пальто’; рус. *брюки коротки*;

8. Отрывистый, прерывистый (о звуках): англ. *short vowel* ‘краткий гласный’; нем. *eine kurze Silbe* ‘короткий слог’; рус. *короткие выстрелы*;

9. Недостаточный, ограниченный (о памяти, уме и т.п.): англ. *short memory* ‘плохая память’; нем. *ein kurzes Gedächtnis* ‘плохая память’; рус. *короткая память*.

10. Быстрый, решительный, например, англ. *to make short work of the problem* ‘быстро справиться с проблемой’; нем. *einen kurzen Entschluss fassen* ‘быстро справиться с проблемой’; рус. *короткий расчет*.

Уникальные для английского языка – 7 переносных значений, такие как:

1. Резкий, грубый: *short temper* ‘вспыльчивый характер’; *short person* ‘резкий человек’;

2. Неудовлетворительный: *short bran* ‘плохо высеянные отруби’;

3. Крепкий, неразбавленный: *short drink* ‘крепкий напиток’;
4. Рассыпчатый: *short pastry* ‘песочное тесто’;
5. Ломкий, хрупкий (о металле): *short metal* ‘хрупкий металл’;
6. Скучный, бедный: *short purse* ‘пустой кошелек’; *short rations* ‘скудный паёк’;
7. Продающийся без покрытия (бирж.): *short sale* ‘короткая продажа’; *short seller* ‘спекулянт, играющий на понижение’.

Уникальные для русского языка – 2 переносных значения:

1. Близкий, дружественный, например: *короткое знакомство*; *на короткой ноге*;
2. Не имеющий права, возможности что-либо сделать: *руки коротки*
В немецком языке уникальных значений не выявлено.

Заключение. Семантика параметрического прилагательного ‘короткий’ в трех языках имеет много общего: в прямых значениях описываются физические и временные характеристики, а в переносных значениях прилагательное ‘короткий’ может использоваться для описания определённых качеств объекта, таких как лаконичность, отрывистость, ограниченность, а также решительность.

В отличие от немецкого языка, в котором не выявлено уникальных переносных значений, и русского, в котором всего 2 уникальных значения, в английском языке выявлено наибольшее количество уникальных переносных значений.

Таким образом, наиболее высокая степень полисемии выявлена в английском языке, что позволяет сделать вывод о более высокой важности данного прилагательного для англоязычной лингвокультуры.

Список литературы

1. Евгеньева, А. П. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований / А. П. Евгеньева // 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 01.09.2024).
2. Калиущенко, В. Д. Семантическая маркированность параметрических прилагательных / В.Д. Калиущенко // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы V Международной научной конференции (Донецк, 17-18 ноября 2020 г.). – Т. 5: Филологические науки. Библиотечное дело / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. – С. 44–46. – URL: <https://donnu.ru/science/conference/2020/materials> (дата обращения: 10.09.2024). – EDN XODEYI.
3. Dictionary by Merriam-Webster. – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/short> (дата обращения: 20.08.2024)
4. Duden online. – URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/kurz#google_vignette (дата обращения: 06.09.2024)

НОМИНАТИВНО-МОТИВИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ РОДСТВЕННИКОВ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Петрищева Е. И., канд. филол. наук, ORCID 0009-0009-4937-8665

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

petrischewa-elen@mail.ru

Настоящее исследование посвящено изучению номинативно-мотивирующих признаков (далее НМП) эмоционально-оценочных наименований родственников в английском, немецком, русском и украинском языках.

Современный этап развития лингвистики характеризуется возрастающим интересом к проблематике изучения терминов родства [1; 2; 3; 4; 5].

Однако, несмотря на многогранность и многосторонность проведенных исследований, НМП эмоционально-оценочных наименований родственников в разноструктурных английском, немецком, русском и украинском языках исследуются впервые, что определяет актуальность данного исследования.

Объектом исследования являются эмоционально-оценочные наименований родственников, а **предметом** – их семантические и функциональные особенности в английском, немецком, русском и украинском языках.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении номинативно-мотивирующих признаков английских, немецких, русских и украинских эмоционально-оценочных наименований родственников (далее ЭОНР), в установлении общих и отличительных свойств в семантике и функционировании данных лексических единиц.

Общий корпус проанализированных ЭОНР составил 1722 единицы (англ. – 498 ед.; нем. – 434 ед.; русск. – 424 ед.; укр. – 366 ед.) и 1782 примера их контекстуального употребления.

Сопоставительный анализ ЭОНР позволяет сделать следующие выводы:

1. Для семантики ЭОНР в сопоставляемых разноструктурных языках существенными являются следующие 20 НМП признаков: 1) **репродуктивный признак**, ср.: англ. сленг. *maw* ‘мать’; нем. жарг. *Erzeugerfraktion* ‘родители’; укр. вульг. ирон. *бик-заплідник* ‘мужчина/муж, от которого жена может быстро забеременеть’; русск. разг. *генофонд* ‘родители’; 2) **геронтологический признак**, ср.: англ. сленг. *old fossil* ‘родители’; нем. разг. *Mumie* ‘родители’; русск. жарг. *старцы* ‘родители’;

укр. жарг. *старики* ‘родители’; 3) **автократический признак**, ср.: англ. сленг. *mama's boss* ‘отец’; нем. разг. *Oberwelle* (букв. ‘верхняя волна’) ‘властная жена’; русск. жарг. *ханы*/укр. сленг. *пахани* ‘родители’; 4) **субмиссивный признак**, ср.: англ. сленг. *monkey-man*/нем. разг. *Rampenfiffi*/русск. разг. *каблук*/укр. разг. *підкаблучник* ‘муж, находящийся в полном подчинении у жены’; 5) **регулятивно–воспитательная функция**, ср.: англ. сленг. *helicopter parent*/нем. разг. *Helikopter-Eltern* ‘сверхзаботливые родители’; русск. *наседка*/укр. *квочка* разг. ‘сверхзаботливая мать’; 6) **черты характера и поведение**, ср.: англ. сленг. *devil's daughter*/нем. разг. *Hausteufel* ‘невыносимая жена’; русск. разг. *бесовка*/укр. прост. бран. *відьма* ‘злая, вздорная женщина/жена’; 7) **внешние данные**, ср.: англ. сленг. *trophy wife* ‘молодая, красивая жена, обычно старого богатого мужа’, нем. разг. *Haustrampel* ‘неэлегантная, немодная жена, погрязшая в домашних делах’, русск. разг. *жаба* ‘некрасивая полная жена с глазами навывкате’; укр. сленг. *протигаз* ‘некрасивая жена’; 8) **роль в семье**, ср.: англ. сленг. *apron* (букв. ‘фартук’) ‘жена’; нем. разг. *Hausbesen* (букв. ‘домашний веник’) ‘жена’; русск. разг. *хозяин* ‘муж’; укр. разг. *інвестор* ‘муж’; 9) **матримониальный статус**, ср.: англ. сленг. *baby mother* (букв. ‘мать ребёнка’) ‘незамужняя мать’; нем. разг. *Altlastenschleuder* (букв. ‘старый груз/поклажа, подлежащая выбросу на свалку’) ‘мать-одиночка, которая активно ищет себе мужа, кормильца (семьи)’; русск. разг. *бывший* ‘бывший муж’; укр. разг. *колишня* ‘бывшая жена’; 10) **возраст ребёнка**, ср.: англ. сленг. *the new arrival* ‘новорожденный ребенок’; русск. разг. *грудничок*/нем. разг. *Brustkind* ‘грудной ребенок’; укр. разг. *малюк* ‘ребёнок, малыш’; 11) **признак «законнорожденный/незаконнорожденный ребёнок»**, ср.: англ. *outside child*/нем. *Kuckuckskind*/русск. диал. *подкрылечник*/укр. разг. *байстрюк* ‘незаконнорожденный ребенок’; 12) **запланированные/незапланированные дети**, ср.: англ. сленг. *afterthought*/укр. разг. *кіндер сюрприз* ‘незапланированный ребенок’; нем. разг. *Sicherheitsmock* ‘нежеланный ребенок, который был зачат женщиной с целью привязать к себе мужчину’; 13) **наличие/отсутствие братьев или сестер**, ср.: англ. сленг. *anchor* ‘младший брат/сестра’; нем. разг. *Sandwichkind/Sandwich-Kind* ‘средний ребенок в семье’; 14) **доношенность/недоношенность плода в утробе матери**, ср.: англ. сленг. *preemie*/укр. груб. простон. *недоносок*/русск. груб. простон. *недоносок* ‘ребенок, который родился преждевременно’; 15) **материальное положение**, ср.: англ. сленг. *born with a silver spoon in one's mouth* ‘ребенок богатых родителей’; нем. разг. *Goldstück*/русск. жарг. неодобр. *мажорка*/укр. жарг. неодобр. *мажорка* ‘дочь богатых родителей’; 16) **супружеская верность/неверность**, ср. англ. сленг. *bed-swerver*/укр. бран. *блудниця* ‘неверная жена’; нем. разг. *Doppeldecker* ‘неверный муж’; русск. разг. прен. *рогоносец* ‘обманутый супруг’; 17) **экономическая функция**, ср.: англ. сленг. *relieving officer*/нем.

разг. *Geldgeber* ‘отец’; ‘родители’; русск. разг. *спонсоры*/укр. разг. *спонсори* ‘родители’; 18) **функция досуга**, ср.: англ. сленг. *zoo daddy* ‘разведённый отец, встречающийся с детьми в зоопарке в выходные дни’; нем. разг. *Sonntagsvater* ‘отец, который проводит свое время с семьей только по воскресеньям’; 19) **признак контроля**, ср.: англ. сленг. *doorkey child*/нем. разг. *Schlüsselkind* ‘безнадзорный ребёнок, которому работающие родители оставляют ключи от квартиры’; 20) **генеративный признак**, ср.: англ. разг. *offspring* (букв. ‘отросток’) ‘ребенок’; нем. разг. *Nachmensch* (букв. ‘постчеловек’ ‘ребенок’) русск. разг. *отросток*/укр. жарг. *паросток* ‘ребенок’.

2. Выявленные НМП по-разному реализуются в германских и славянских языках. Во всех сопоставляемых языках актуализируются 15 НМП из 20. Наибольшее количество НМП репрезентировано в тематической группе «Дети» (9 НМП), активность которых, однако, в сравниваемых языках разная.

2.1. Наиболее активным НМП в английском и украинском языках является признак «законнорожденный/незаконнорожденный ребёнок», в русском языке – признак «возраст ребёнка», а в немецком – «черты характера и поведение».

3. В тематической группе «Мать и отец» наиболее активными НМП являются геронтологический и автократический признаки. В семантику эмоционально-оценочных наименований жены во всех сопоставляемых языках заложен бóльший набор НМП (нем. – 8 НМП; англ./русс. – по 7 НМП; укр. – 6 НМП), чем в семантику наименований мужа (нем./русс./укр. – по 6; англ. – 5 НМП). При этом общими НМП для наименований мужа и жены являются: автократический, сумбиссивный, матримониальный статус; роль в семье; супружеская верность/неверность. Вместе с тем, только для наименований жены характерными являются следующие НМП: внешность (англ., нем., русск., укр.); материальное положение (нем., русск.); черты характера и поведение (англ., нем., русск., укр.). С другой стороны, лишь у наименований мужа выявлен (кроме русского) репродуктивный признак.

3.1. Активность указанных НМП в подгруппе «Жена» обнаруживает определенную корреляцию с тематической подгруппой «Муж», где в германских языках наибольшую активность обнаруживает сумбиссивный признак, а в украинском языке – супружеская верность/неверность, к которому приближается и русский язык (второе место по степени активности).

4. В целом особенности семантической организации эмоционально-оценочных наименований «Муж/Отец» и «Жена/Мать» обусловлены спецификой распределения их ролей в семье. Женщина, как мать и жена, возлагает на себя больше обязанностей и выполняет больше функций, чем мужчина (отец, муж).

Информация о финансовой поддержке: Исследования проводились в рамках государственного задания (номер госрегистрации 124012400351-9).

Список литературы

1. Близнюк, О. В. Сопоставительный семантический анализ терминов родства в различных лингвокультурах: 10.02.20 «Сравнительно–историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Близнюк Ольга Викторовна; РГБ ОД. – Тверь, 2006. – 164 с.
2. Дзибель, Г. В. Термин родства и система терминов родства: лингвистический контекст в отношении к этнографическому / Г. В. Дзибель // Алгебра Родства. – СПб.: МАЭ РАН, 1998. – Вып. 2. – С. 89–135.
3. Сарыбаева, М. Ш. Система обозначений родства в английском, русском и казахском языках : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Сарыбаева Майра Шораевна; Алма–Атинский педагогический институт иностранных языков. – Алма–Ата, 1991. – 31 с.
4. Файзиева, Г. В., Громова, Н. В. Функциональные особенности терминов родства в субстандартном лексическом фонде английского, немецкого и русского языков / Г. В. Файзиева, Н. В. Громова // Гуманитарные науки и образование: науч.-метод. журнал / ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева». – 2017. – № 4(32). – С. 163–167.
5. Nikolayeva, L. Typology of Kinship Terms / Larysa Nikolayeva. – Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2014. – 227 p.

УДК 81'367.625: 81-115: (811.112.2+81.161.1)

СЕМАНТИКА СОБСТВЕННО-РЕФЛЕКСИВНЫХ И ПОСЕССИВНО-РЕФЛЕКСИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Писарева В.В., канд. филол. наук, ORCID 0009-0005-4364-7685
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
v.v.pisareva@mail.ru

Введение. Категория рефлексивности занимает исключительное положение в системе глаголов каждого языка, так как характеризуется тесной связью с различными уровнями языка – морфологическим, словообразовательным, лексико-семантическим и синтаксическим, что представляет значительные трудности при изучении рефлексивных глаголов.

Основные направления исследования рефлексивов (далее – РГ) включают 1) изучение данных глаголов на различных этапах развития языка, особенности их эволюции в современном немецком и русском языках; 2) изучение отношения РГ к залогу и, в частности, исследование синонимии некоторых групп РГ и их конструкций с пассивными

конструкциями; 3) изучение статуса рефлексивного показателя в структуре РГ и рефлексивных конструкций; 4) изучение семантики РГ и образуемых ими рефлексивных конструкций; 5) референтную семантику русского возвратного местоимения *себя*; 6) сопоставительное и типологическое изучение РГ. Исследование категории рефлексивности проводилось, с одной стороны, в рамках типологического изучения языков (Э. Ш. Генюшене, В. П. Неद्याлков, В. С. Храковский), а с другой, в плане разработки теории функциональной грамматики (А. В. Бондарко, М. А. Шелякин).

Объектом исследования являются собственно-рефлексивные глаголы (далее – СРГ) и посессивно-рефлексивные глаголы (далее – ПРГ) в немецком и русском языках, а **предметом** – семантика данных глаголов в сопоставляемых языках.

Материалом исследования послужили СРГ и ПРГ в паре с их производящими нерефлексивными глаголами (нем. – 688 единиц (344 пары), рус. – 706 единиц (353 пары)), полученные путем сплошной выборки из толковых одно- и двуязычных словарей, национальных корпусов немецкого и русского языков, где представлены контексты употребления анализируемых языковых единиц. В выборку включались все СРГ и ПРГ (стандартные и субстандартные), регистрируемые словарями и национальными корпусами сопоставляемых языков, без учета их стилистической и социальной дифференциации. Такой подход позволяет получить более полную и эмпирически обоснованную картину развития в каждом из сопоставляемых языков данных смысловых классов РГ.

1. Особенности семантики собственно-рефлексивных и посессивно-рефлексивных глаголов. Семантической особенностью СРГ и ПРГ немецкого и русского языков является тот факт, что они обозначают действия, которые субъект намеренно или ненамеренно выполняет над собой или частью своего тела и выступает одновременно в функции субъекта и объекта действия, а их рефлексивный показатель маркирует полную или частичную однореферентность субъекта и объекта.

По мнению Э. Ш. Генюшене и В. П. Неद्याлкова, у собственно-рефлексивных глаголов возможен только одушевленный и обладающий свободой воли субъект или объект (из-за однореферентности актантов) – человек или животное [2]. Поэтому СРГ и ПРГ обозначают, главным образом, осознанные и контролируемые субъектом действия. Для подобных глаголов характерной является «семантическая рефлексивность», которая заключается в осуществлении персонифицированным субъектом действий в отношении самого себя.

Некоторые исследователи отмечают, что количество СРГ в русском языке невелико, так как «только в редких случаях одно и то же лицо (предмет) является и субъектом, и объектом действия» [1, с. 49].

2. Лексико-семантические группы СРГ и ПРГ в немецком и русском языках. Семантика немецких и русских СРГ и ПРГ в значительной степени обуславливается семантикой их производящих неререфлексивных глаголов. Мотивирующая база данных РГ в сопоставляемых языках в целом совпадает и охватывает с различной степенью продуктивности 11 лексико-семантических групп рефлексивов, из них в русском – 11 ЛСГ, а в немецком – 10 (за исключением РГ выражения мимики).

В сопоставляемых языках СРГ и ПРГ продуктивно образуются от глаголов, обозначающих: а) действия субъекта над своей внешностью, одеждой; б) поведение, поступки человека и межличностные отношения; в) нанесения физического вреда кому-л. и лишения кого-л. жизни.

Наиболее продуктивной из отмеченных групп является РГ туалета/ухода за собой, в которой немецкие РГ заметно уступают русским в количественном отношении (нем. – 19,48 % или 67 ед.; рус. – 34,28 % или 121 ед.). К данной семантической группе относятся РГ, обозначающие обработку поверхности объекта при помощи определенного инструмента или средства, в результате чего происходит качественное изменение внутренних и внешних свойств субъекта в сторону их улучшения или, наоборот, ухудшения. Сюда входят, в частности, такие РГ: нем. *j-n. etw. schminken* ‘гримировать, подкрашивать кого-л., что-л.’ → *sich schminken* ‘гримироваться, подкрашиваться’; *j-n. mit etw. einschmieren* ‘намазать кого-л., что-л. чем-л. (например, кремом)’ → *sich mit etw. einschmieren* ‘намазаться чем-л. (например, кремом); рус. *выкрашивать кого-л., что-л.* → *выкрашиваться, татуировать кого-л., что-л.* → *татуироваться, намазывать кого-л., что-л.* → *намазываться*.

В немецком языке высокую продуктивность также обнаруживают СРГ и ПРГ, образованные от глаголов движения частью тела. Напротив, в русском языке СРГ и ПРГ более продуктивно образуются от НГ, обозначающих использование материальных и финансовых средств. Кроме того, в русском языке более многочисленными являются РГ религиозного характера (*исповедоваться, причащаться, каяться* и др.) (всего – 12 РГ), в то время как в немецком языке обнаружено лишь 2 РГ данной семантики (*sich bekreuzen/bekreuzigen*).

3. Выводы. Количественное преобладание русских над немецкими РГ с данной семантикой объясняется, в частности, особенностями строя сопоставляемых языков: в немецком языке сильнее развиты аналитические тенденции по сравнению с русским языком, поэтому русским синтетическим образованиям в немецком обычно соответствуют аналитические конструкции, ср.: рус. *собороваться* – нем. *die Krankenölung empfangen*, аналогично: рус. *причаститься* – нем. *das Abendmahl empfangen*, рус. *разговляться* – нем. *Fasten brechen*.

Кроме того, немецким РГ соответствуют одновременно и отыменные интранзитивы, ср.: рус. *исповедоваться* – нем. *beichten* (← *Beichte*

‘исповедь’) / *j-m sein Herz ausschütten*; *каяться* – нем. *büßen* (← *Viße* ‘покаяние’) / *Viße predigen* (tun).

Система значений собственно-рефлексивных и посессивно-рефлексивных глаголов русского и немецкого языков активно пополняется рефлексивными глаголами других структурных типов, и прежде всего, дериватами со сложным словообразовательным формантом, что отражает, с одной стороны, взаимосвязь различных подсистем языка, их парадигматических и синтагматических отношений, а с другой стороны, органическое взаимопроникновение стандартных и субстандартных языковых форм.

Список литературы

1. Недялков, В. П., Отаина Г. А. Нивхские рефлексивные глаголы и типология смысловых рефлексивов / В. П. Недялков, Г. А. Отаина. // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. – Л.: Наука, 1981. – С. 185–220. – EDN: ZVPAUP.
2. Недялков, В. П. Рефлексивные конструкции в балтийских языках и типологическая анкета / В. П. Недялков, Э. Ш. Генюшене. // Рефлексивные глаголы в индоевропейских языках. – Калининский государственный университет. – Калинин: Калининский государственный университет, 1985. – 111 с. – EDN WERUAL.
3. Чернышев, В. И. Словарь современного русского литературного языка : [в 17 томах] / В. И. Чернышев. – М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1954.
4. Duden. Deutsches Universalwörterbuch – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2001. – 1892 S. – ISBN: 978-3411055043.
5. Geniušiene E. The typology of reflexives / E. Geniušiene. – Berlin-New York-Amsterdam : Mouton de Gruyter, 1987. – 435 p.

УДК 811.112.2.161.1`367.625

ТИПЫ ОБРАТИМЫХ И НЕОБРАТИМЫХ РЕФЛЕКСИВНЫХ И НЕРЕФЛЕКСИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Растарасова Е. К., ORCID 0009-0001-6653-8175

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

krastarasova@mail.ru

1. Настоящая работа посвящена исследованию теории обратимости, или трансформации рефлексивных (РК) и неререфлексивных конструкций (НК) в немецком и русском языках.

2. В последнее время пользуются без разграничения тремя терминами: «трансформационный метод», «трансформационный анализ», «трансформационная грамматика». В исследовании рассматриваются два типа неререфлексивных и рефлексивных глаголов: обратимые ((1), (2), (3), (4), (5), (6)) и необратимые ((7), (8), (9), (10), (11), (12), (13)).

Согласно Э.Ш. Генюшене, две фразы обратимы, если они удовлетворяют следующим условиям:

1) Они содержат одни и те же лексические морфемы

2) Для любой пары синтаксически связанных словоформ исходного предложения найдется пара синтаксически связанных словоформ производного предложения, т.е. идентичны не только лексические морфемы, но и синтаксическая связь, например:

(1) нем. а. *Katja beschleunigte ihre Schritte* ‘Катя ускорила шаги’ [DWDS]. — б. *Das ganze Tempo des Lebens hat sich schrecklich beschleunigt* ‘Весь темп жизни ужасно ускорился’ [DWDS].

(2) нем. а. *Der Anblick krampfte ihr das Herz zusammen* ‘От этого зрелища у нее сжалось сердце’ [DWDS]. — б. *Ihr Herz krampft sich in Schmerz und ohnmächtigem Zorn zusammen* ‘Ее сердце сжимается от боли и бессильного гнева’ [DWDS].

(3) нем. а. *Der Chef vom Dienst musste alles wiederholen, was seine Stimmung spürbar verschlechterte* ‘Начальнику службы пришлось все повторить, что заметно ухудшило его настроение’ [DWDS]. — б. *Das Sehvermögen verschlechtert sich dadurch erheblich* ‘В результате зрение значительно ухудшается’ [DWDS].

(4) рус. а. *После всех Ваших высказываний я изменила к Вам отношение* [НКРЯ]. — б. *Она изменилась в ходе согласования отдельных ее положений* [НКРЯ].

(5) рус. а. *Необходимо быстрее охладить бутылку с лимонадом* [НКРЯ]. — б. *На ночь мы открывали контейнер, чтобы оставшаяся в нем вода как следует охладилась* [НКРЯ].

(6) рус. а. *Для экономии топлива воду не кипятили, а лишь нагревали* [НКРЯ]. — б. *Темные рубашки поглощают большие солнечных лучей и нагреваются быстрее* [НКРЯ].

Необратимые РГ распадаются в немецком и русском языках на следующие типы:

2.1. *Морфологический тип необратимых РГ.* Под морфологически необратимыми рефлексивами понимаются РГ, не имеющие соотносимых НГ [1, с. 128], ср.:

рус. *касаться* (≠ **касать*), *бояться* (≠ **боять*), *улыбаться* (≠ **улыбать*), *проснуться* (≠ **проснуть*); нем. *sich dekolletieren* ‘надевать декольтированное платье’ (≠ **dekolletieren*), *sich anhosен* ‘вырядиться, странно одеваться’ (≠ **anhosen*).

2.2. *Синтаксический тип необратимых РГ.* Синтаксическая необратимость сопровождается изменениями управления РГ и является случаем нерегулярного изменения валентности РГ [3, с. 146], ср.:

(7) рус. *Она убирает комнату.* → *Она убирается в комнате.*

(8) нем. а. *Ich habe ihn gerächt* ‘Я мстил ему’ → б. *Ich habe mich an ihm [für die Beleidigung] gerächt* ‘Я мстил ему [за оскорбление]’.

2.3. *Лексический тип необратимых РГ.* Лексически необратимые РГ имеют отличную от формальных коррелятов лексическую сочетаемость [1], ср.:
(9) рус. *Огонь становится ярче, искрит.* → *Она и так искрится от каждого слова.*

(10) нем. а. *Er öffnet das Fenster* ‘Он открывает окно’ → б. *Das Fenster öffnet sich* ‘Окно открывается’.

2.4. *Семантический тип необратимых РГ.* При семантической необратимости значение РГ не поясняется через значение его НГ [Басыров, 128]. Здесь выделяются два подтипа.

1) Полностью необратимые по смыслу РГ. Значение таких РГ не выводимо из семантики НГ [2, с. 122], ср.:

(11) нем. а. *Ich habe das Holz verbrannt* ‘Я сжег дрова’ → б. *Ich habe mich [am Ofen] verbrannt* (WW-693) ‘Я обжегся (о печку)’.

2) Частичная семантическая необратимость.

В смысловой структуре РГ появляются дополнительные семантические значения к лексическому значению НГ [3, с. 158-160], ср.:

(12) рус. *Суд его оправдал.* → *Он оправдывался перед начальством.*

(13) нем. а. *Er hat sich bemüht, das in ihn gesetzte Vertrauen zu rechtfertigen* ‘Он пытался оправдать оказанное ему доверие’. → б. *Ich fürchte, dass Sie sich rechtfertigen müssen* ‘Я боюсь, что объясняться / оправдываться придется Вам’.

В ходе исследования было выявлено, что большая часть исследуемых НК (126 ед.) и РК (126 ед.), а именно 65% исследуемых конструкций является обратимыми.

Выводы.

1. В немецком и русском языках были выделены обратимые и необратимые НК и РК.

2. Среди необратимых НК И РК существуют морфологический, синтаксический, лексический, семантический типы.

3. Самым продуктивным среди них является семантический тип, который, в свою очередь, делится на два подтипа (полная и частичная необратимость), и составляет 10 % исследуемых НК и РК (20 НК и 20 РК).

Информация о финансовой поддержке: *Исследования проводились в рамках государственного задания (номер госрегистрации 124012400351-9).*

Список литературы

1. Басыров, Ш. Р. Типология глаголов с рефлексивным комплексом в индоевропейских языках. Т. 1 : Типологические, сравнительные, диахроничные исследования / Ш. Р. Басыров ; Редкол. : В. Д. Калиущенко (гл. ред.). – Донец. нац. ун-т. – Донецк : ДонНУ, 2004. – 351 с.
2. Генюшене, Э. Ш. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов / Э.Ш. Генюшене. – Вильнюс, 1983. – 168 с.

3. Gelhaus, H. Die Wortarten / H. Gelhaus [Electronic resource]. – URL :https://cloud.mail.ru/public/M5Tz/HBA5WJRuR/DUDEN%20-%20Die_Grammatik.pdf (дата обращения : 12.09.2024).
4. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 08.09.2024).
5. DWDS: Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 08.09.2024).

УДК 811.1/8

МОДЕЛИ МАНИПУЛИРОВАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ И РУССКОЯЗЫЧНОМ КИНОДИСКУРСЕ

Ратундалова И. Ю., ORCID 0009-0005-4386-7178

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
i.boryushova@mail.ru

Введение. Продукты киноиндустрии относятся к категории наиболее популярных, влиятельных и резонансных массмедиа, которые не только отражают нормы, ценностные установки, идеалы современного общества, но и формируют их. В эпоху беспрецедентного воздействия медиaprостранства на сознание и жизнедеятельность индивидуума представляется концептуально важным изучение кинодискурса не только как психологического феномена, но и как лингвокультурного явления, оказывающего непосредственное влияние на языковое сознание отдельного человека и общества в целом.

Под языковым манипулированием понимается вид психологического воздействия с помощью вербальных средств, эффективное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями [1, с. 59].

Основная часть. Анализ эмпирического материала позволил выделить общие модели манипулирования в английском и русском языках. В основе каждой модели лежит апелляция к определенным эмоциональным состояниям для реализации конкретной цели.

1. Манипуляция любовью/счастьем с целью заручиться лояльностью объекта манипулирования: англ. *I think we should let ourselves go, and get really alarmingly fat. Stop grooming. I think you should wear extremely frumpy tweed skirts. In fact, we both should. I, I think we could have a very peaceful old age.* ‘Думаю, нам нужно перестать следить за собой и растолстеть до безобразия. Перестать стричься. А тебе стоит начать носить старомодные твидовые юбки. Да и мне тоже. И тогда мы бы состарились в полном спокойствии’. (The Undoing, 2020). В данном примере используются следующие приемы: средства модальности, при помощи которых конструируется фантазия возможной реальности, привлекательной для мишени манипулирования, (*should, could*);

местоимения *we* и *ourselves*, актуализирующие идею кооперативности по семейному признаку, слова-интенсификаторы (*really, alarmingly, extremely, very*); эпитеты (*frumpy, peaceful*); лексемы, актуализирующие позитивный эмоциональный опыт (*tweed skirts, peaceful old age*).

Русс. **Я очень скучаю по тебе. Ты мне снишься. Я жду того дня, когда мы увидимся и обнимем друг друга. Ты не только мой любимый, ты еще мой лучший друг: только тебе я могу рассказать всё, что происходит в моей жизни. Я так сильно люблю тебя.** (Медиатор, 2021). В данном примере персонаж-манипулятор прибегает к словам, актуализирующим позитивный эмоциональный опыт (*скучаю, снишься, увидимся, обнимем, друг, любимый, люблю*), словам-интенсификаторам (*очень, так, только, сильно*), а также использует связки личных местоимений (*я... тебе, ты... мне, ты... мой*), гиперболу (*я могу рассказать всё*) и суперлатив (*лучший*). Так, общим для данной модели в двух языках является вербализация чувства любви/счастья и использование средств, описывающих их интенсивность. Личные местоимения в сопоставляемых языках способствуют реализации разных стратегий: в английском языке – стратегии кооперации, в русском – референтности.

2. Пробуждение чувства вины/стыда с целью получения уступки со стороны объекта манипулирования: англ. *You have to get back to your desk. You're putting an undue amount of pressure on me. Fussing over you when I have work to do. You don't want my work to suffer, too, do you?* ‘Ты должна вернуться к работе. Ты оказываешь на меня чрезмерное давление. Суекусь вокруг тебя, когда у меня есть работа. Ты же не хочешь, чтобы моя работа тоже пострадала?’ (Shirley, 2020). В речи присутствуют лексемы, актуализирующие негативный эмоциональный опыт (*pressure, suffer*), лексический повтор (*you*), семантическая антитеза (*Fussing over you when I have work to do*), эпитет с негативной окраской (*undue*), агрессивный разделительный вопрос (*You don't want my work to suffer, too, do you?*).

Русс. **Папа, ты такой же эгоист, как и папа. У тебя вот есть своя жизнь, потому что ты улетел в Америку, и все. А я останусь здесь одна. А я останусь здесь одна, потому что он меня бросил, а теперь ты меня бросаешь, Папа. Потому что вы все меня бросили. Вы меня бросили!** (Медиатор, 2021). Манипуляция осуществляется при помощи лексического повтора (*бросать*) и скрытой антитезы (*У тебя вот есть своя жизнь*). Наряду с этими средствами используются сравнения-тождества (*ты такой же эгоист, как и папа*), указательное местоимение *вот* для интенсификации контраста, лексико-синтаксический повтор (*А я останусь здесь одна; меня бросили*), неполный параллелизм (*он меня бросил, а теперь ты меня бросаешь*).

3. Продуцирование чувства жалости с целью получения эмпатической реакции: англ. *Except I also tell myself this one. You know, that it wasn't my fault. That it was just an unfortunate thing, but, of course, it was my fucking fault, because*

Katie the Kitten was put under my charge. And she... And she got hit by a car when I was making myself a snack. (...) Every patient I treat, every single one... is little Katie. ‘Только вот я тоже себе это говорил. Знаешь, я не виноват в случившемся. Это просто несчастный случай, но, конечно же, я виноват, черт возьми, потому что Котенок Кэти была под моей ответственностью. И ее... Ее сбила машина, когда я готовил себе поесть. (...) Каждый пациент, которого я лечу, буквально каждый... это маленькая Кэти’ (The Undoing, 2020).

Речь персонажа из англоязычного сериала насыщена: лексическими повторами (*fault*), словами-интенсификаторами в структуре повторов (*that it wasn't my fault - of course, it was my fucking fault; Every patient I treat, every single one*), антропонимами, а именно – ласковыми прозвищами (*Katie the Kitten; little Katie*), которые делают речь более драматичной, предикативной конструкцией *You know*, которая в данном случае является одновременно маркером пояснения и призыва к солидарности, лексико-синтаксическими повторами (*it was; every*), комбинацией прерывания синтаксической перспективы высказывания и лексико-синтаксического повтора (*And she... And she*) – этот прием призван указать объекту манипулирования на то, как тяжело дается манипулятору признание; неполный параллелизм (*And she got hit by a car when I was making myself a snack.*), метафора (*Every patient I treat, every single one... is little Katie*). Интересно, что персонаж преимущественно отдает предпочтение сложным структурам, сочетающим в себе элементы разных языковых уровней, что делает речь более экспрессивной и театрализованной.

Русс. *Я просто все время чувствую себя стыдно, неловко. Я... чувствую себя виноватой за все. Особенно за то, что я до сих пор жива, а отец уже умер. (...) Потому что я влюбилась в вас. Это, конечно, полный кретинизм. Не, вы не виноваты. Я просто не хочу смотреть на вас глазами побитой собаки, и все.* (Медиатор, 2021) Как и в примере на английском языке, в речи персонажа употребляется лексико-синтаксический повтор (*Я*), антитеза (*я до сих пор жива, а отец уже умер*), лексический повтор (*чувствую себя*), метафора (*глазами побитой собаки*), а также лексемы негативного эмоционального опыта (*стыдно, неловко, виноватой, кретинизм*), слова-интенсификаторы (*конечно, полный*), дискурсивные маркеры (*просто*), использующиеся в оправдательных целях, гипербола (*все время чувствую себя стыдно, неловко; виноватой за все*). В целом, в данном примере выражена тенденция к упрощенным речевым структурам, по сравнению с примером на английском языке.

Таким образом, представленный материал позволил прийти к **выводу**, что в кинодискурсе используются различные модели речевого манипулирования, которые выполняют определенные художественные цели.

Список литературы

1. Доценко, Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. – М. : ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. – 344 с.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛИНАРНЫХ ТЕРМИНОВ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Симонец М. С., ORCID 0009-0000-8686-2987
ФГБОУ ВО «Донбасская аграрная академия», г. Макеевка, РФ
m.simonets@list.ru

Введение. Вопросам лексического изменения значения слов посвятили свои труды как зарубежные, так и отечественные ученые, а именно: М. Bréal, А. Darmesteter, R. Guiraud, А. Meillet, S.Ullman, О.С. Ахманова, В.В. Виноградов, Э.В. Кузнецова, Ю.А. Карпенко, И.И. Ковалик, Н.М. Шанский, Д.Н. Шмелёв и другие. Исследователи отмечают, что образование новых слов связано с развитием общественного и культурного сознания народа, а изменение значений слов происходит по причинам как экстралингвистического, так и интралингвистического характера.

Интерес к проблеме типологического сопоставления разноструктурных языков в современной лингвистике и определяет **актуальность** исследования. **Цель** данной работы – выявить семантические особенности кулинарной терминологии во французском и украинском языках и классифицировать их. **Материалом** исследования послужили лексические единицы, отобранные из авторитетных лексикографических источников и кулинарных книг исследуемых языков.

Основная часть. Поскольку терминология является частью общей литературной лексики, ей присущи основные свойства в целом, такие как полисемия, омонимия, синонимия, антонимия [1, с. 7]. Рассмотрим данные свойства слов на примере названий продуктов питания в исследуемых языках.

Полисемия. В системе терминологии наиболее частое изменение семантической структуры терминов происходит в результате появления новых понятий. Новое наименование формируется в результате ассоциации по сходству с цветом, вкусом, качеством, формой, по первичному продукту. Например, франц.: *blanquette* – ‘белая спелая груша’, ‘белое вино’, ‘фарш из белого мяса’; укр.: *батончик* – ‘белый хлеб продолговатой формы’, ‘шоколадная конфета’. Многозначность слов – это одно из главных средств и источников обогащения словарного состава любого языка. Во французском языке кулинарные термины имеют меньше полисемантических значений (2,5 %), чем в украинском языке (4 %). Это объясняется стилистической окраской украинского языка и большей точностью терминов французского языка.

Синонимия. Существенным отличием общей литературной синонимии от терминологической является то, что в терминологии синонимы всегда соотносятся только с одним и тем же понятием и объектом. Синонимия в данной терминологии приводит, во-первых, к параллельному употреблению исконных и заимствованных наименований, например, франц.: *citron – limon*; укр.: *мука – борошно*; во-вторых, рядом с термином может существовать разговорный вариант, например, франц.: *cive – cibouille* ‘шнитт-лук’; *bonbons – friandise* ‘сладости’; укр.: *перепічка – перепічка, буцик – коржик*. В украинской терминологической системе синонимия и дублетность более распространены (7,5%), чем во французском языке (1,6 %), где треть всех терминов образуется путем заимствований.

Омонимия. Для терминологической омонимии прежде всего характерны случаи, когда одно и то же слово может входить в разные терминологии данного языка [2, с. 10]. Случаев омонимии в кулинарной терминологии в обоих языках зарегистрировано немного, а именно: в украинском языке – 0,8 %, а во французском языке – 0,2 %. Омонимию, которая в большинстве случаев является логическим продолжением полисемии, часто сложно определить. Например: укр.: *краб* ‘морские раки’, ‘консервы’; *сирок* ‘молочный продукт’, ‘название рыбы’; франц. *anone* (вид ананаса) – *anone* ‘пшеница’.

Следует отметить, что в терминологии распространено такое явление, как использование в роли терминов слов общелитературной лексики в метафорическом значении. Анализ семантических особенностей французских и украинских названий продуктов питания выявил, что наиболее распространенными способами словообразования являются метонимизация и метафоризация общепринятых слов. В таблице 1 представлены критерии метонимического переноса и их количественный анализ.

Таблица 1

Метонимический перенос

Критерий переноса	Пример укр. языка	%		Пример фр. языка	%	
1	2	3		4	5	
1) название первичного продукта – на название изделия	"рибник" – пирог с рыбой	82	13,7	genièvre – настойка от "genièvre" – "можжевельник"	1	0,2
2) название содержимого – на значение	"чарка" – стаканчик вина	5	0,8	"un petit noir" – чашка черного кофе	6	1
3) по месту нахождения	"берестянка" – гриб на бересте	1	0,2	"gelinotte" – "poule de bois" – рябчик	1	0,2
4) название местности – на названия сортов вина, сыра, фруктов, пива, минерал. воды	пиво "Оболонь" – район Киева	10	1,7	"Cantal" – сыр по названию департамента	28	4,7

1	2	3		4	5	
5) название воинского звания и титула – на название пищевых продуктов	"кардинал" – сорт винограда	2	0,3	"capellan" – от "chapelain" – мелкая треска, "duchesse" – "герцогиня" – сорт груши	2	0,3
6) по имени и фамилии	"соломаха" – блюдо с чесноком и фасолью	10	1,7	"Dartois" – de la famille d'Artois (слоеное пирожное)	5	0,8
7) название органов – на название блюд	"язык" – блюдо, приготовленное из органа домашних животных	9	1,5	"languier" – копченый свиной язык	3	0,5
Всего		119	19,9		46	7,7

Заключение. Различие в семантическом терминообразовании французского и украинского языков заключается не только в продуктивности тех или иных способов словообразования, но и в их удельном весе. Так, во французском языке больше случаев метафорического переноса, а в украинском языке – метонимического переноса, а также полисемии, синонимии и омонимии.

Семантическая структура слова не остается неизменной. Семантическое развитие слова связано с контекстом, в котором оно наиболее часто встречается. Стилистическая окраска слова, его возможности зависят от социальной значимости того или иного явления, обозначающегося словом и его актуальности, будь то социальная среда, в которой возникает это новое словообразование [3, с. 64].

Таким образом, появление новых названий, обусловленных семантическими деривациями, заимствованиями, калькированием для обозначения новых реалий, предметов и явлений действительности, определяется словообразовательными и семантическими особенностями языка.

Список литературы:

1. Даниленко, В.П. Лексико-грамматическая и грамматическая особенность слов-терминов. – В кн.: Исследования по русской терминологии. – М.: Наука, 1971. – С. 7–67. – ISBN 5-88234-038-1.
2. Реформатский, А.А. Введение в языкознание: учебник для студентов филологических специальностей высших педагогических учебных заведений / А.А. Реформатский; [науч. ред.: В. А. Виноградов]. – Изд. 5-е, испр. – М.: Аспект Пресс, 2014. – 536 с. ISBN 978-5-7567-0377-1.
3. Шмелев, Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д.Н. Шмелев. – 2. изд., стер. – М.: УРСС, 2003 (ООО Рохос). – 243 с. – ISBN 5-354-00181-1.

РУССКИЕ ГЛАГОЛЫ С ИМПЛИЦИТНЫМ ОТРИЦАНИЕМ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ И НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫКИ

Часовских В. И., ORCID0009-0006-5758-2517,
Калиущенко В. Д., д-р филол. наук, проф., ORCID0009-0007-2183-4441
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
veronika-chasovskih@mail.ru

Введение. Данная работа посвящена анализу семантики глаголов с имплицитным отрицанием и их переводу с русского на английский и немецкий языки на основе материала, отобранного из толковых словарей русского, английского и немецкого языков, Национального корпуса русского языка, а также Корпуса Параллельных Текстов. Рассмотренные лексические единицы могут выражать отрицание, входящее в качестве смыслового компонента в толкование лексемы. Лексические единицы с имплицитным отрицанием асимметричны, т. е. план их выражения и план содержания не совпадают [2].

Цель работы – описание семантики глаголов с имплицитным отрицанием и способов их перевода на английский и немецкий языки.

Основная часть. Проанализировав глаголы с имплицитным отрицанием в Корпусе Параллельных Текстов, можно определить, что русские глаголы с имплицитным отрицанием могут переводиться на английский и немецкий языки с помощью подбора эквивалента, в котором отрицание выражено эксплицитным способом, имплицитным, а также с помощью переводческих трансформаций [3]. Например:

(1) *Родные отреклись от него за то, что он их опозорил.* – ‘He was disowned for bringing shame to the family’.

(2) *Я мог бы игнорировать приказы, сочтя их исполнение опасным.* – ‘Ich kann Befehle missachten, wenn ich sie zu gefährlich finde’.

Представлены два глагола, которые в русском языке содержат в своей семантике имплицитное отрицание, но при переводе на английский и немецкий языки эквивалентами становятся глаголы, выражающие отрицание с помощью эксплицитных средств. В данном случае это английский отрицательный префикс *dis-* и немецкий отрицательный префикс *miss-*.

Следующим вариантом перевода русских глаголов с имплицитным отрицанием на английский и немецкий языки стал перевод с применением переводческих трансформаций. Например:

(3) *Ты оступился, убив того инженера в Индиане.* – ‘You stumbled when you killed that engineer in Indiana.’ / ‘Du hast den Fehler gemacht, diesen

Ingenieur in Indiana zu töten'. («X поступил неправильно/ совершил неправильное действие»).

(4) *A теперь убирайтесь к черту, вы до завтра не нужны... Но смотрите у меня: не дунуть! – ‘And now go to hell; you are not wanted till tomorrow. But mind now, don't be a fool!’ / ‘Und jetzt verschwindet, ihr werdet erst morgen wieder gebraucht. Aber pass auf: Mach keine Dummheiten!’ «X ведет себя неразумно».*

(5) *А уличный мальчишка уже с час буйствовал в этой мирной округе подобно забившейся в бутылку мухе. – ‘For the last hour, that boy had been creating an uproar in the peaceable arrondissement, the uproar of a fly in a bottle’ / ‘Und der Straßenjunge hat schon seit einer Stunde in diesem friedlichen Bezirk randaliert, wie eine Fliege, die in eine Flasche geworfen wurde’. («X ведет себя несдержанно»).*

Существует три основных способа перевода русских глаголов с имплицитным отрицанием на английский и немецкий языки:

- эквивалентный с эксплицитным отрицанием;
- эквивалентный с имплицитным отрицанием;
- перевод с помощью переводческих трансформаций.

Заключение. Имплицитное отрицание несет в себе несоответствие формальной организации высказывания его смыслу. Как правило, организующим центром, придающим отрицательный смысл высказыванию, является глагольная лексема [1].

Существует три способа перевода русских глаголов с имплицитным отрицанием на английский и немецкий языки: эквивалентный с имплицитным отрицанием, эквивалентный с эксплицитным отрицанием и перевод с применением переводческих трансформаций. Продуктивнее оказался эквивалентный способ с имплицитным отрицанием, который более характерен для немецкого языка. Перевод с применением переводческих трансформаций чаще встречается в английском языке.

Информация о финансовой поддержке: *Исследования проводились в рамках государственного задания (номер госрегистрации 124012400351-9).*

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян // Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. – 367 с.
2. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). / Л. С. Бархударов – М.: Междунар. отношения. 1975. – 240 с.
3. Dienes Z. A Theory of Implicit and Explicit Knowledge [Text] / Z. Dienes, J. Perner // Behavioral and Brain Sciences. – 1999. – No. 22 (5). – P. 735–755.

Германские и романские языки в синхронии и диахронии

УДК 81'373

ПРАГМАТИКА ПЕРЕВОДА БИБЛЕИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ

Бакина А.Д., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-8217-1828
ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева», г. Орел, РФ
Heart-anna@yandex.ru

Введение. В статье обсуждается проблема прагматики перевода библеизмов с учетом их лингвокультурологического потенциала. Перевод фразеологии, в частности фразеологии библейского происхождения, представляет собой актуальную проблему. Результаты исследования позволили заключить, что одним из основных способов перевода библейской фразеологической лексики является эквивалентный перевод.

Основная часть. Священное Писание на протяжении всего своего существования представляет собой не только литературный феномен, но и исключительный источник образов, сюжетов, идей и текстов, отличающихся высокой степенью метафоричности и прецедентности. Об этом свидетельствует огромное количество художественных, музыкальных и литературных произведений, в основу которых легли библейские образы и сюжеты.

Поскольку Библия является одним из древнейших письменных памятников мира, она была переведена на множество языков, в том числе и на английский язык. Библеизмы прочно вошли в обыденную английскую речь, стали общеупотребительными. Помимо этого, особенностью библейского текста является его кросс-культурная употребляемость, а именно тот факт, что библеизмы универсально используются в огромном количестве языков мира.

Л. Д. Захарова утверждает, что: «Прагматическая адаптация перевода представляет собой систему действий переводчика с использованием приемов, направленных на приспособление текста переводящего языка к восприятию его адресатом, являющимся носителем другой культуры» [3, с. 141]. Переводчик стремится достичь всех уровней эквивалентности – смысловой, жанрово-стилистической, прагматической – и потому вынужден подготовить и трансформировать текст к восприятию иноязычным читателем, для того чтобы добиться его адекватного понимания.

Развитие языка – процесс постоянного сообщения и взаимодействия с другими языками [2]. Так и библейские фразеологизмы, существуя в языковом поле и подчиняясь течению времени, приобретают все новые смысловые формы. Потому так важна задача переводчика не только верно установить, какая именно интенция стоит за употреблением того или иного библейского фразеологизма в контексте, но и найти подходящий способ передать его с исходного языка на язык реципиента, представив потенциальному читателю эквивалентный или, как минимум, адекватный перевод.

Важно также отметить, что в силу некоторых обстоятельств перевод библейского фразеологизма иногда не представляется возможным осуществить эквивалентно, потому существуют процедуры для эквивалентной и неэквивалентной прагматической адаптации библейского устойчивого выражения. Для этого переводчик прибегает к ряду приемов перевода той или иной библейской фразеологической единицы [2, с. 385]:

1. процедура эквивалентного перевода фразеологических единиц;
2. прием лексического добавления или замена непонятного исходного элемента библейского фразеологизма добавочной информацией;
3. процедура неэквивалентного перевода: *транскрипция / транслитерация, калькирование, описательный перевод, приближенный перевод, трансформационный перевод.*

Библеизмы, как и многие часто употребляемые выражения, со временем начинают походить на прочие речевые клише и частично утрачивают свою экспрессивность. Для того, чтобы сохранить коммуникативно-прагматическое воздействие библеизмов их подвергают различным трансформациям как на структурном, так и на семантическом уровнях.

Проанализируем способы и примеры прагматической адаптации библейских фразеологизмов, взятых из серии словарей «Лепта библейской мудрости» [4].

1. *In the USA collective bargaining is viewed almost as 'the alpha and omega of trade unionism'. (В США коллективный трудовой спор рассматривается почти как «начало начал профсоюзного движения»).*

Alpha and omega – альфа и омега – самая суть, основа чего-л.; нечто самое значительное. оборот восходит к Новому завету: «Я есмь альфа и омега, начало и конец...» (Откровение 1, 8); «Я есмь альфа и омега, первый и последний» (Откровение 1, 10). *I am Alpha and Omega, the beginning and the ending, saith the LORD, which is, and which was, and which is to come, the Almighty (Revelation 1, 8).*

Это непосредственное, цитатное, первичное крылатое библейское выражение. Фразеологическая единица *альфа и омега* не является частотной в русском языке в ее метафорическом контексте ввиду ее использования в качестве названия первой и последней букв латинского алфавита. При

переводе данной фразеологической единицы был выбран безэквивалентный прием – приближенный перевод.

2. *Alan Rough was born and bred in the Gorbals in Glasgow and had his upbringing in a closely-knit family that supported **the prodigal son** from Ballater Street Primary School, to Partick Thistle Amateurs and ultimately to the Scottish International team.* (Алан Раф родился и вырос в районе Горбалс в Глазго и воспитывался в дружной семье, которая поддерживала **непутевого сына**, начиная с начальной школы на Баллатер-стрит, заканчивая футбольным клубом “Партик Тистл” и, в конечном итоге, шотландской международной сборной).

Prodigal son – блудный сын – о беспутном, нравственно нестойком человеке. Выражение восходит к евангельской притче о блудном сыне (Лука 15, 11-32).

Это ситуативное, непосредственное библейское выражение. Несмотря на присутствие в ПЯ эквивалентного фразеологизма – «блудный сын» – в вышепредставленном случае кажется более целесообразным указать не на семантический компонент фразеологизма – «скитавшийся и вернувшийся» – а сделать акцент на смысле – «нравственно нестойкий». Этим обусловлен выбранный трансформационный прием перевода БФЕ.

Заключение. Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что образы и тексты Священного Писания послужили богатым источником пополнения лексического фонда русского и английского языков и образования новых устойчивых сочетаний на их основе, а также являются неотъемлемой составляющей большинства произведений. Сопоставительный анализ убеждает, что библейские фразеологизмы значительно обогатили лексику и фразеологию данных языков, стали крылатыми выражениями. При этом структура и прагматика устойчивых выражений может различаться в двух разных языках.

Список литературы

1. Бакина, А. Д. Библизмы vs Библейские фразеологизмы: уточнение понятий (на примере английских и немецких текстов) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2021. №6. – С. 35–43. – DOI: 10.37482/2687-1505-V140.
2. Бакина, А. Д. Бакина А. Д. Прагматические аспекты перевода библейских фразеологизмов // Мир науки, культуры и образования, 2023. – №4 (101). – С. 384–387. – ISSN 1991-5497.
3. Захарова, Л. Д. Прагматическая адаптация перевода // Основные понятия переводоведения (отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник, 2010. – №2010. – С. 142–144.
4. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 томах / З. К. Адамия, А. С. Алешин, Д. Балакова [и др.]; под общей редакцией Е. Е. Иванова, В. М. Мокиенко, Д. Балаковой, Х. Вальтера. Том 1. –

Могилев : Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, 2019. – 288 с. – ISBN 978-985-568-502-0.

Источники иллюстративного материала

6. <https://bible.by/syn> (дата обращения 30.07.2024).

7. <https://www.kingjamesbible.me> (дата обращения 30.07.2024).

8. <https://www.english-corpora.org> (дата обращения 30.07.2024).

УДК: 81

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НИГЕРИЙСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ТЕСТАХ СМИ

Богданова М. Д., ORCID 0009-0009-0324-2164

НИУ «БелГУ» Белгородский государственный научный исследовательский
университет, г. Белгород, РФ
bogdanova-marina.busy@yandex.ru

Введение. Нигерия сегодня является одной из самых экономически развитых стран Африки, крупнейшим производителем и поставщиком нефти и других полезных ископаемых, однако страна повсеместно сталкивается с социальными, коррупционными, а также значительными проблемами в области здравоохранения и образования, что делает ее уязвимой перед мировыми вызовами. Более того, нестабильное положение дел в Нигерии обостряет разобщённая языковая политика государства, которая с одной стороны нацелена на поддержание местных этнических языков, таких как хауса, йоруба, игбо и многих других, с другой стороны на укрепление английского языка (АЯ) в качестве официального языка в сфере бизнеса, правительственных и образовательных учреждениях, а также в средствах массовой информации (СМИ), что влечет за собой и без того усугубление сложной языковой ситуации, где не существует единого средства выражения мысли нации. Однако, ключом решения данной проблемы является прошедший стадию нативизации и принятия социумом английский язык на территории страны.

Цель данного исследования заключается в анализе и в выявлении особенностей употребления лексических единиц Нигерийского варианта АЯ в газетных изданиях, как наиболее влиятельных и авторитетных источников информации в стране.

Основная часть. Английский язык в Нигерии является официальным языком с колониальных времен – инструментом интеграции многоязычного и многонационального народа страны в различных сферах жизни. Стоит отметить, что за более вековую историю использования АЯ в Нигерии, он претерпел многочисленные изменения, что привело к появлению креолизированного языка – пиджин английского со своей уникальной

грамматикой, лексикой и фонетикой. Все вышеупомянутые факторы так или иначе отражаются и на собственно стандартном английском языке, широко используемом в Нигерии. Однако, стоит отметить, что газетные издания нигерийских СМИ стремятся следовать стандартам британских периодических изданий, это прослеживается в оформлении новостных источников, в их структурировании, в использовании стандартного британского АЯ.

Так, например, характерной особенностью нигерийских СМИ является использование названий британской прессы: «Daily Sun», «Times of Nigeria», «The Guardian Nigeria», собственно британских аспектов АЯ таких, как «U English» – «*neighbour*», «*honours*» [1].

Типичным для нигерийской прессы является замена букв «z» на «s», где – *capitalize* – American English, *capitalise* – British English: «*Trabzonspor is looking to capitalise on the situation ...*» – *Трабзонспор стремится извлечь выгоду из сложившейся ситуации* [5].

Нередко нигерийские СМИ используют устаревшие слова или выражения английского языка: «*For now, we have not gotten any written documents*» – *на сегодняшний момент мы получили документы*, где конструкция «*have gotten*», согласно электронному словарю The Britannica Dictionary имеет несколько вариантов использования: при получении чего-либо, при изменении состояния объекта или предмета, но это не умоляет тот факт, что данное выражение редко встречается в повседневной жизни сегодня. Такие выражения, как «*fowl seller*» – уличный торговец птицы и мяса, «*witch-hunting*» – охота на ведьм – также обладают культурно-историческим подтекстом [4].

В следующем примере представлен устаревший вариант слова «put on» – «надеть» словом «*don*», которое, в соответствии The Britannica Dictionary, является «old-fashioned» – «устаревшим»: «*to don the claret-blue jersey*» – *надеть бордово-синюю майку* [4].

Парадоксальным явлением в текстах СМИ Нигерии является наличие, как собственно формально-официальных слов «*forgo*» в значении «бросить»: «*...are forced to forgo formal education in search of water...*» – *вынуждены отказаться от формального образования в поисках воды*, так и неформальных слов «*kick off*» в значении «начинать что-либо»: «*The Cheetahs of Benin Republic have officially kicked off their preparations for ...*» – *Команда «Гепарды Республики Бенин» официально начала подготовку к...*, что происходит по ряду причин – когда СМИ стремятся к тесному контакту с читателям, используя формальные слова или выражения; либо когда устаревшие лексические единицы британского АЯ приобретают новые коннотации в связи с лингвосоциокультурным влиянием африканской страны [4].

Очевидным фактором при анализе нигерийских СМИ является отражение современных реалий страны, настроения нации и разного рода

намерения государства, посредством использования тех или иных лексических слов и выражений в текстах новостных изданий. Так, чрезмерное употребление слова «*lament*» в значении «*to express grief for or about; mourn*» – «горевать, скорбеть» часто встречается по отношению к местным жителям в уничижительной форме, которые «жалуются, ноют» о существующих проблемах в стране: «*The traders lament that the use of wooden cages exposes their chickens to daily rodent attacks*» – *торговцы жалуются, что использование деревянных клеток подвергает их цыплят ежедневным нападениям грызунов*» [6].

В связи с растущими проблемами внутри страны слово «*plight*» местными СМИ определяется не как «бедственное положение», а как стандартное «положение дел, обстановка»: «*Also, the absence of medical facilities worsens our plight*» – *Кроме того, отсутствие медицинских учреждений ухудшает наше положение* [5].

На фоне постоянно вспыхивающих боевых действий на территории Нигерии за последнее время, лексикон нигерийских СМИ вобрал в себя различного рода слова и выражения, связанные со словом «*fire*»: «*have fired salvos*» – воен. тер. «нанести залп», «*put fire*» – разжечь конфликт, «*stoke the fire of violence*» – поддерживать насилие [6].

Нельзя не отметить отпечаток монархического прошлого страны на АЯ в текстах газетных изданий Нигерии, так в статье Daily Sun брокерская компания сравнивает получение выигрыша со взятием трона и владением скипетром: «*Trade your couch for a throne, your remote for a scepter. Every match is a battleground*» – *Замени диван на трон, пульт от телевизора на скипетр, пусть каждый матч будет полем битвы.* [3].

Заключение. Таким образом, стоит отметить, что большинство лексических единиц нигерийского варианта АЯ в достаточной степени соответствуют принятым нормам стандартного английского, однако встречается ряд исключений, касающихся в первую очередь лингвосоциокультурных и исторических особенностей африканской страны, к ним относятся использование историзмов, устаревшей лексики, уникальных названий реалий страны, наибольший интерес вызывает некий концептуальный сдвиг у определенных языковых единиц для точной передачи аутентичных явлений, который достаточно сложно проследить, не погружаясь в культурную среду страны.

Список литературы

1. Богданова, М. Д. К вопросу становления нигерийского варианта английского языка на примере Британской и нигерийской прессы // Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика. – 2024. – Russian Linguistic Bulletin № 4 (52), – 7 с. – DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2024.52.24>.
2. Волошина, Т. Г. Лингвокультурологическая креолизация английского языка Нигерии: дис. ... д-ра филол. наук / Т. Г. Волошина. – Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2021. – 472 с.

3. Daily Sun Latest Nigerians News. – URL: <https://www.latestnigeriannews.com/p/3142616/afcon-round-of-16-results-are-out-n20m-prizes-won.html> (accessed: 05.09.2024).
4. Information Nigeria. – URL: <https://www.latestnigeriannews.com/p/3142616/afcon-round-of-16-results-are-out-n20m-prizes-won.html> (accessed: 04.09.2024).
5. Punch. – URL: <https://punchng.com/sokoto-communities-where-villagers-spend-10-hours-hunting-for-water-in-niger-republic/> (accessed: 05.09.2024).
6. Vanguard. – URL: <https://www.vanguardngr.com/> (accessed: 05.09.2024).

УДК 811.112 (05)

КОНТАМИНАЦИЯ В НЕМЕЦКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Голодов А. Г., д-р филол. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина», г. Рязань, РФ
a.golodoff@mail.ru

Язык политики всегда демонстрировал склонность к экспрессивному и оценочному выражению специального понятия. В отличие от многих других отраслевых лексических систем в нём оценочность нередко важнее, чем само понятие, потому что часто решающим является не обозначаемое, а его характеристика и то, как оно представляется в СМИ, т.е. важнее **как** сказать, чем **что**.

Контаминация является экзотическим видом словообразования и её применение носит ограниченный, «точечный» характер, поэтому у контаминантов экспрессивная оценочность очень ярко выражена. В этом её отличие от метафорики. Контаминация представляет собой вербальную реакцию на актуальные, важные события, кризисные ситуации в политической, экономической, общественной и спортивной областях. Роль этого вида словообразования в создании экспрессивной оценочности трудно переоценить. Контаминанты в публицистике и в интернете служат не только экспрессивно-оценочному обозначению определённых предметов и явлений, но также оказывают влияние на формирование общественного мнения и восприятие им соответствующих событий, т.е. они являются элементом пиара.

Обычно контаминацию относят к специфичным видам словообразования существительных, «которые представлены небольшим количеством» ('die zahlenmäßig nicht stark in Erscheinung treten') [5, с. 234]. Под контаминацией (Wortmischung, Wortkreuzung, Kontamination) В. Фляйшер понимает: «Сплав частей нескольких (чаще двух) слов в одно слово, когда речь не может идти о сокращении... нередко возможность,

предоставляемая контаминацией, используется для получения комического, иронического или другого эффекта...» [5, с. 236].

Контаминанты, как правило, выделяются в публицистике шрифтом, а иногда и цветом (часто это встречается в таблоидах, типа немецкого издания BILD), что делает их особенно заметными.

В качестве типичного примера вербальной реакции языка публицистики (в первую очередь массовой) на актуальные политико-экономические события в стране и мире можно рассматривать ситуацию с известным немецким автомобильным концерном **Volkswagen**, которая сложилась к осени 2024 г. Во многом в результате отказа ФРГ под американским давлением от относительно дешёвого российского газа и от российского рынка сбыта концерн впервые за свою историю попал в кризисную ситуацию. В настоящий момент речь идёт о закрытии ряда предприятий концерна в ФРГ (фактически их уход в США), что приведёт к массовым увольнениям сотрудников, которые долгое время обеспечивали этой корпорации большие прибыли и авторитет в мировом автомобилестроении.

ПРИМЕР 1. „**Die große Volks-Wut**. VW-Mitarbeiter rechnen in BILD ab. Zorn auf Manager, das E-Auto-Märchen und die Grünen“ [BILD, 1.09.2024, Titelseite]. В этом примере использована продуктивная модель контаминации, которую мы относим к так называемому **Типу 2, Модель 2** (гибридное слияние первого слова с сегментом второго [1, с. 7-9]. Применяя квази-математическую формулу получаем: X (первое слово) + $Y(y1- W-agen$, т.е. первый сегмент второго слова + $y2 -W-ut$, т.е. второй сегмент второго слова) = $K(X+y2)$ – результат процесса контаминации **Volks-Wagen** → **Volks-Wut**.

При сохранении начальных букв **VW** – символов концерна полностью заменяется лексическое наполнение основного компонента (**W-agen** → **W-ut**).

ПРИМЕР 2: „**VrustWagen**. In BILD machen verzweifelte VW-Mitarbeiter ihrer Wut und ihren Sorgen Luft“ (В БИЛЬДе отчаявшиеся сотрудники говорят о своей ярости и озабоченности) [BILD, 7.09.2024, S. 2].

Во втором примере (в отличие от первого) применён интересный и довольно редкий структурный вариант контаминации: Volkswagen → **VrustWagen**. Сохраняется первая буква первого компонента композита **V(olks)**, а оставшаяся часть компонента-определителя заменяется «обезглавленным» вариантом существительного *F-rust* (разочарование, раздражение). В результате компонент-определитель созданного контаминанта представляет собой орфографически искажённую версию исходного существительного *Frust* → *Vrust*. Однако такое искажение играет на руку авторам публикации, поскольку непроизвольно привлекает внимание (как и цветовая гамма, применяемая таблоидом) читателя. Известно, что визуально негативно-необычное всегда бросается в глаза, в отличие от нормального и привычного. Даже на улице прохожие

непроизвольно обращают внимание на идущих мимо людей с дикими причёсками и яркой безвкусной одеждой, не замечая элегантных, но «типичных».

Реже контаминация, как политическая, так и другая, может применяться для позитивной характеристики соответствующего явления. В качестве примера можно привести два эпизода, в которых упоминается имя одного из самых популярных сегодня политиков ФРГ, министра обороны русофоба Писториуса.

ПРИМЕР 1. „PUTZTORIUS. Kehraus im Bendlerblock. Bundeswehr-Bosse müssen gehen. Dieser Minister hat keine Angst vor Rangabzeichen und Dienstjahren. Boris Pistorius (63, SPD) baut den Bendlerblock (Dienstszitz des Verteidigungsministeriums in Berlin) radikal um – von oben nach unten“ (ПИСТОРИУС. Последний танец в Бендлерблоке. Боссы бундесверы должны уйти. Этот министр не испытывает страха перед знаками различия и выслугой лет. Борис Писториус (63, СДПГ) радикально перестраивает Бендлерблок (служебная резиденция министерства обороны в Берлине) [BILD, 5.04.2023, S. 2].

В данном примере использована одна из самых популярных моделей создания контаминантов в немецком языке [6, с. 40-41]: *Tun 1, Модель 1 – слияние двух сегментов различных слов: $X(x1+x2) + Y(y1+y2) = K(x1+y2):X(x1)$: putz-en (производить чистку) + $Y(y2)$ Pis-torius = $K(x1+y2)$ – Putz-torius.*

Позитивную коннотацию контаминанту призвана придать выступающая в качестве компонента-определителя основа глагола **putz(en)**, который несёт существенный заряд позитивности в восприятии среднестатистического немца, ментальность которого не в последнюю очередь идентифицируется с такими понятиями как *порядок (Ordnung)* и *чистота (Sauberkeit)* – элемент порядка, возникающий в результате действия, обозначаемого глаголом *очищать (putzen)*.

ПРИМЕР 2. „Boris Kisstorius. Verteidigungsminister ganz verliebt in seine Julia. Berlin. Schwer verliebt, frisch verheiratet (Ende 2023), beliebtester Politiker im Land...“ (Борис Кисториус. Министр обороны полностью влюблён в свою Юлию. Сильно влюблён, недавно женат (конец 2023), самый любимый политик в стране) [BILD, 15.02.2024, S. 5].

Рассматриваемый позитивный контаминант образован с использованием *Tuna 2 (Модели 2) – $X + Y(y1+y2) = K(X+y2)$ – слияние целого слова с сегментом второго слов: английский глагол kiss (целовать) + вторая часть антропонима Pis-torius = $K(X + Y(y2) = K(X+y2)$ – Kiss-torius. Англицизм **kiss** (целовать, поцелуй) воспринимается в немецкой общезыковой лексике естественно как обозначающий позитивное действие, чем и не преминул воспользоваться русофобский таблоид для усиления положительного имиджа одного из ведущих политических русофобов ФРГ.*

Заключение. Контаминанты в лексике политики играют важную роль как средство создания экспрессивно-негативной оценочности, нередко с элементами сарказма, реже позитивной. Многие из них являются результатом творчества масс, о чём свидетельствуют многочисленные примеры контаминантов в интернете. Популярные контаминанты становятся своего рода маркерами общественного настроения соответствующего времени, призванные как создавать соответствующее настроение в обществе, так его и поддерживать.

Список литературы

1. Голодов, А.Г. Политические контаминанты с серийными компонентами (на материале немецкого и русского языков) // Иностранные языки в высшей школе. – Рязань, 2016. – вып 36 (1). – С.7-15
2. Девкин, В. Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики. – М.: Русский язык, 1996. – 768 с.
3. Санников, В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 547 с.
4. Норман, Б. Ю. Игра на гранях языка. – Москва, изд. «Флинта», изд. «Наука», 2006. – 342 с.
5. Fleischer, W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. – Leipzig: VEB Bibl. Institut, 1976. – 363 S.
6. Golodow, A. Wortkreuzung als Mittel der Charakterisierung // Sprachspiegel, Heft 2, Boll, Schweiz. 2013. – S. 40-46.

Периодика

1. BILD (Hamburg, BRD), 7.09.2024, S. 2.
2. BILD (Hamburg, BRD), 5.04.2023, S. 2.
3. BILD (Hamburg, BRD), 1.09.2024, Titelseite.
4. BILD (Hamburg, BRD), 15.02.2024, S. 5.

АТТРИБУТИВНЫЕ ОТЫМЕННЫЕ ГЛАГОЛЫ С ПРЕФИКСОМ VER- В НОВО- И СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Калиущенко В. Д., д-р филол. наук, проф., ORCID 0009-0007-2183-4441
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
v.kaliushenko@mail.ru

В образовании глаголов от имен существительных, или отыменных глаголов (ОГ), в нововерхненемецком (нвн.) и средневерхненемецком (свн.) языке принимают участие так называемые отделяемые и неотделяемые префиксы. Наиболее продуктивными являются ОГ с префиксом *ver-* [1, с. 183-186; 3], например, нвн.: (1) Silber ‘серебро’ → *versilbern* ‘посеребрить’; (2) Sklave, m ‘раб’ → *versklaven* ‘поработать’; свн. (3) Loup, n ‘лист листва’ → *verlouben* ‘покрывать листвой’. Корпус исследуемых ОГ с префиксом *ver-* составил в нвн. 210 единиц, а в свн. 51 единицу. Для сравнения приведем количественные данные в отношении продуктивности ОГ с префиксами *be-* (нвн. – 178 ОГ, свн. – 65 ОГ) и *ent-* (нвн. – 135 ОГ, свн. – 58 ОГ). Количественное доминирование глаголов с префиксом *ver-* в нвн. относится не только к ОГ, но и ко всему корпусу глаголов с данным префиксом, то есть к глаголам, мотивированным всеми частями речи [4, S. 144-159]. В средневерхненемецком языке (свн. – совокупность немецких диалектов середины XI – середины XIV вв.) ОГ с префиксом *ver-* занимают лишь третье место по их количеству после ОГ с префиксами *be-* и *ent-*. Характерно, что среди окказиональных глаголов с префиксами *be-*, *ent-*, *ver-* в современном немецком языке также отмечается наиболее высокая продуктивность именно ОГ с префиксом *ver-* [2, S. 173-177]. Очевидно, что степень продуктивности ОГ с префиксом *ver-* в нвн. повысилась по сравнению с свн. Это может объясняться тем фактом, что большинство ОГ с *ver-* обозначают действия «превращения» (ср. нвн. (4) Tier, n ‘зверь’, ‘животное’ → *vertieren* ‘озвереть’; (5) Stein, m ‘камень’ → *versteinern* ‘окаменеть’) и снабжения, ср. (6) Glas, n ‘стекло’ → *verglasen* ‘стеклить’. Именно эти две семантические группы ОГ являются наиболее продуктивными, то есть значения *ver-* совпадают с семантикой продуктивных групп ОГ.

Классификация ОГ осуществляется на основе семантической роли мотивирующего имени (МИ). Так, ОГ в примерах (4), (5) мотивированы именами, обозначающими признаки объектов. Соответственно, эти ОГ отнесены к атрибутивным, описываемым формулой толкования (ФТ) “S начинает быть как Sm, превращается в Sm”, где S1 – субъект ситуации, Sm его признак, атрибут, обозначенный мотивирующим именем, например,

Waise, m ‘сирота’ → verwaisen ‘осиротеть’ (7) Die Kinder waren früh verwaist ‘Дети рано осиротели (‘стали сиротами’).

В материале исследования отмечены три семантические группы атрибутивных ОГ. “S1 есть (как) Sm”, данная ФТ описывает 9 ОГ с префиксом ver-, ср.: (8) Sinnbild, n ‘символ, олицетворение’ → versinnbilden ‘символизировать’ (9) Die Krone versinnbildet die Macht des Herrschers ‘Корона символизирует власть монарха’. В свн. ОГ с префиксом ver- в данной группе атрибутивных ОГ не отмечены.

“S1 становится (как) Sm, превращается в Sm”. В нвн. в данной группе насчитывается 49 ОГ с префиксом ver-, см. примеры (6), (7), ср. также: (10) Feind, m ‘враг’ → sich verfeinden ‘стать врагами’, (11) Horn, n ‘рог’ → verhornen ‘ороговеть’. Значительное количество ОГ этой группы мотивировано наименованиями лиц: Greis ‘старик’ → vergreisen ‘состариться’, Russe, m ‘русский’ → verrussen ‘обрусеть’. Часть из них представляют собой рефлексивы типа (10), а также (12), (13) Bruder, m ‘брат’ → sich verbrüdern ‘брататься’. В свн. отмечены 9 ОГ с ver- в данной группе, например: (14) Witewe ‘вдова’ → ver-witewen ‘овдоветь, стать вдовой’.

‘S1 превращает S2 в Sm, делает S2 (как) Sm’. В нвн. в данной группе отмечено 46 каузативных ОГ с префиксом ver-, ср.: (15) Butter, f ‘масло’ → verbuttern ‘сбивать масло’, (16) Milch, Rahm verbuttern ‘молоко, сливки сбивать на масло’. В свн. имеется 11 ОГ с префиксом ver-, например, (17) Witewe ‘вдова’ → ver-witewen ‘сделать вдовой’; (18) Wurst, f ‘колбаса’ → ver-wursten ‘перерабатывать мясо на колбасу’.

В результате проведенного исследования можно констатировать, что ОГ с префиксом ver- в нвн. языке заняли количественно доминирующую позицию среди префиксных глаголов в целом и ОГ, в частности.

Список литературы

1. Калиущенко, В.Д. Немецкие отыменные глаголы: синхрония, диахрония, типология. – Донецк: ДонНУ, 2019. – 250 с. (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования; Т. 17).
2. Aldinger, O. Okkasionelle Präfixverben des Gegenwartsdeutschen. Ein deklaratives Modell. Braunschweig: Stauffenburg Verlag 6 mbH, 2022. – 219 S. (Stauffenburg Linguistik, Band 123).
3. Kaliuščenko, V.D. Typologie denominaler Verben / V.D. Kaliuščenko. – Tübingen: Niemeyer, 2000. – 253 S. (Linguistische Arbeiten; 419).
4. Kühnhold, J. Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. Erster Hauptteil: Das Verb [Text] / Ingeburg Kühnhold, Hans Wellmann. – Düsseldorf: Schwann, 1973. – 375 S. (Sprache der Gegenwart; XXIX).

ОСНОВНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ ВАРИАНТОВ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ-ТЕРМИНОВ С КОМПОНЕНТОМ MONEY

Контанистова А. И., ORCID 0000-0002-1895-5556,
Федуленкова Т.Н., д-р филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-5039-5827
ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет
имени А. Г. и Н. Г. Столетовых», г. Владимир, РФ
a-kontanistova@yandex.ru, fedulenkova@list.ru

Введение. По мере того, как фразеология приобретает самостоятельный характер намечается тенденция к анализу и «осмыслению структуры вариантов фразеологических единиц и особенностей составляющих их компонентов» [4, с. 5]. Актуальность данного исследования определяется недостаточной изученностью структуры вариантов терминов фразеологического характера (*далее – ФЕ-терминов: прим. автора*), употребляемых в языке делового общения.

Несмотря на то, что процесс варьирования может рассматриваться как для плана выражения, так и для плана содержания [3, с. 68], в данном исследовании мы остановимся на формальном или структурном варьировании ФЕ-терминов, т.е. на варьировании для плана выражения.

Методом сплошной выборки из английского толкового словаря Longman Business English Dictionary нами были отобраны варианты ФЕ-терминов с компонентом *money* и выделены наиболее распространенные структурные модели. Для отбора материала исследования был использован метод фразеологической идентификации, разработанный выдающимся лингвистом-фразеологом А.В. Куниным [2, с. 44].

Основная часть. В ходе исследования были выявлены следующие структурные модели вариантов ФЕ-терминов с компонентом *money*.

Модель 1: Adj+N also Adj+N – «двухкомпонентная адъективно-субстантивная структурная модель с константно-вариантной зависимостью компонентов» [5, с. 117]. В данной структурной модели компонент *money* является ядерным, т.е. основным, и не изменяет своего первоначального значения в ФЕ-термине, что, в свою очередь, объясняет частичное переосмысление компонентного состава ФЕ-терминов, приводимых ниже.

• *dear money* also *tight money* – дорогие деньги (*Пер. наш – А.К., здесь и далее*)

Исследование контекстной репрезентации в Британском Национальном Корпусе (BNC) и Американском Корпусе Современного Английского Языка (COCA) позволяет определить частотность употребления вариантов данной структурной модели, а именно: *dear money*

– 5 контекстов в BNC и 1 контекст в COCA; *tight money* – 6 контекстов в BNC и 85 контекстов в COCA.

Проиллюстрируем семантические особенности, а именно, частичное переосмысление компонентного состава контекстами из корпусов.

- *Surely nobody thought those high rates were an indication of overly **tight money**. Ultra-low rates are evidence that **money is still too dear**, since it means monetary policy is failing to induce the desired inflation.* — Конечно, никто не думал, что такие высокие ставки являются признаком удорожания денег. Сверхнизкие ставки свидетельствуют о том, что деньги по-прежнему слишком дороги, поскольку это означает, что денежно-кредитная политика не в состоянии снизить инфляцию.

Модель 2: N+N also Adj+N – «двухкомпонентная субстантивно-субстантивная структурная модель с константной зависимостью компонентов» [5, с. 114], вариантом которой является двухкомпонентная адъективно-субстантивная структурная модель. Как и в первой модели ядерным является компонент *money*, не изменяющий своего первоначального значения в ФЕ-термине, что определяет частичное переосмысление компонентного состава термина.

- *seed money* also *front money* – стартовый капитал.

Частотность употребления вариантов данной структурной модели зафиксирована в корпусах: *seed money* – 11 контекстов в BNC и 459 контекстов в COCA, *front money* – 0 контекстов в BNC и 19 – в COCA.

- *deposit money* also *earnest money* – задаток.

Исследование контекстной репрезентации в корпусах определило следующую частотность употребления изучаемых ФЕ – терминов: *deposit money* – 12 контекстов в BNC и 83 контекста в COCA; *earnest money* – 0 контекстов в BNC и 71 контекст в COCA;

Следующие примеры наглядно иллюстрируют частичное переосмысление компонентного состава исследуемых ФЕ-терминов.

- *Instead of paying **deposit money** up front on bottles and cans, she says, the industry proposals would have the beverage companies paying only for the products made into recycling bins.* — По ее словам, вместо внесения предоплаты за бутылки и банки, согласно предложениям отрасли, производители напитков платили бы только за те продукты, которые попадают в контейнеры для вторичной переработки.
- *If she had been made aware of Michael Martinez' role in the transaction and that he had provided the cashier's check for \$123,530.56 as **earnest money**, she would have not completed the closing and would have notified the lender.* — Если бы она была осведомлена о роли Майкла Мартинеса в сделке и о том, что он предоставил кассовый чек на сумму 123 530,56 долларов США в качестве задатка, она бы не завершила оформление сделки и уведомила бы кредитора.

Модель 3: N+N also N+N – двухкомпонентная субстантивно-субстантивная структурная модель. При этом в отличие от двух вышеупомянутых структурных моделей компонент *money* не является ядерным.

- *money supply* also *money stock* – денежная масса
- *money grabber* also *money grubber* – стяжатель

Подтвердим частотность употребления данной структурной модели, обратившись к британскому и американскому корпусам: *money supply* – 774 контекста в BNC и 1209 контекстов в COCA; *money stock* – 61 контекст в BNC и 39 контекстов в COCA; *money grabber* – 1 контекст в BNC и 3 контекста в COCA; *money grubber* – 0 контекстов в BNC и 7 контекстов в COCA.

- *She is a disingenuous, dishonest, hypocritical money grabber who is only now coming out about her condition to further capitalize by shilling for a drug company.* – Она неискренняя, нечестная, лицемерная стяжательница, которая только сейчас рассказывает о своем состоянии, чтобы еще больше заработать, обирая фармацевтическую компанию.

Заключение. В результате исследования нами были выявлены наиболее частотные структурные модели с субстантивным компонентом *money*: Adj+N also Adj +N; N+N also Adj+N; N+N also N+N. Все исследуемые варианты ФЕ-терминов демонстрируют частичное переосмысление компонентного состава.

Список литературы

1. Куликова, И. С. Лингвистическая терминология в профессиональном аспекте: учебное пособие для вузов / И. С. Куликова, Д. В. Салмина. – Санкт-Петербург: Лань, 2020. – 380 с.
2. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка. – Дубна: Феникс+, 2005. – 448 с.
3. Федуленкова, Т. Н., Фразеологическая вариантность как лингвистическая проблема // Вестник ОГУ. Гуманитарные науки. – 2005. – № 4. – С. 62–69.
4. Федуленкова, Т. Н. Фразеологическая терминология делового английского языка: основные структурные модели / Т. Н. Федуленкова, Н. Н. Спицына // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2020. – № 1. – С. 5–13. – EDN ENITME.
5. Федуленкова, Т. Н. Распространенные структурные модели деловой терминологии современного английского языка (по словарю Д. Паркинсона) // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2020б. – No 3 (96). – С. 114–125. – DOI: 10.23859/1994-0637-2020-3-96-10.
6. Murthy, M. (Ed.). Longman Business English Dictionary. – Harlow: Pearson Education Limited, 2007. – 594 p.

К ВОПРОСУ О СИНТАКСИСЕ ШЕКСПИРОВСКИХ СОНЕТОВ

*Кухтин М. М.*¹, канд. полит. наук, доц., ORCID 0009-0008-2929-642X,
*Терсимонов А. С.*²

¹ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

²ГБОУ «Физико-математический лицей №17 городского округа Донецк», г. Донецк, РФ
mikhail-kukhtin@yandex.ru

Введение. Шекспировские сонеты представляют собой идеальную «машину времени» для диахронных исследований английского языка, потому что они отражают его архаичные пласты в форме, доступной для его современных носителей. При этом проза елизаветинцев отличалась от их поэзии, народный язык со всеми его диалектами также составляет тему отдельного исследования [см., например, 1].

Основная часть. С морфологической точки зрения анализ шекспировских сонетов не представляет особых трудностей. Здесь можно упомянуть разве что архаичные глагольные формы 3-го л. ед. ч. Present Simple (doth, hath, saith, maketh), нестандартные Past Participle (writ, took, shook, builded, broke) и иногда Past Simple (writ вместо wrote), а также парадигма спряжения, связанная с местоимением thou (dost, hast и т. д.). Также можно отметить сравнительную степень *worser* вместо *worse* и поэтический род существительных наподобие *time* и *death*. Синтаксические особенности изучаемого произведения представляют большой интерес. Некоторые из них не затрагивают глубинные уровни языка: сложные союзы *when as* и *like as*, употребление местоимений *mine* и *thine* перед существительным. Другие, более масштабные, перечислены ниже. В целом в шекспировском языке было больше синтаксической свободы.

1.1. Если второстепенный член немецкого предложения оказывается в его начале, то инверсия подлежащего и сказуемого (вспомогательного или модального глагола в сложном сказуемом), как правило, обязательна (в поэтической речи встречаются отступления: «In seinen Armen das Kind war tot» в «Лесном царе» Гете). В английской поэзии она факультативна. В известном стихотворении Теннисона оба варианта сосуществуют в соседних строках: «Every minute dies a man, // Every minute one is born». Обе конструкции широко использует и Шекспир: «Thence comes it that my name receives a brand, // And almost thence my nature is subdued // To what it works in, like the dyer's hand...» (111); «Full many a glorious morning have I seen // Flatter the mountain tops with sovereign eye...» (33); «...In whose confine immured is the store...» (84); «Thus can my love excuse the slow offence // Of my dull bearer when from thee I speed...» (51); «...For nothing this wide universe I call, // Save thou, my rose, in it thou art my all» (109); «...Theirs for their style I'll read, his for

his love» (32). В двух последних примерах в начале предложения оказываются сразу два дополнения. Конструкции типа «every minute one is born» изредка встречаются в современном языке в устойчивых выражениях наподобие «here you are», «here we go» и т. п. В роли второстепенного члена предложения при описанной инверсии может выступать придаточное предложение: «...Ere you were born was beauty's summer dead» (104), как в современной оформлении прямой речи.

1.2. Образование отрицательного императива, а также отрицаний и вопросов в Present и Past Simple без вспомогательного глагола, из-за чего частица *not* оказывается после глагола, к которому она относится. С другой стороны, повествовательная конструкция *does/did* + инфинитив употребляется чаще, чем в современном языке, и далеко не всегда отличается по смыслу от обычных форм Present/Past Simple.

1.3. Инфинитив может стоять после зависящих от него слов («But if thou live remember'd not to be...», 3) и даже отрываться от связанной с ним частицы *to* («...Root pity in thy heart, that, when it grows, // Thy pity may deserve to pitied be», 142). Его подвижность может приводить к образованию рамочной конструкции «немецкого» типа: «...That did my ripe thoughts in my brain inhearse...» (86); «...Than both your poets can in praise devise» (83); «Since every one hath, every one, one shade, // And you but one, can every shadow lend» (53).

1.4. Инверсия определения и определяемого, возможная и в современной поэзии («made old offences of affections new», 110; «three winters cold», 104). Сюда же примыкают случаи типа «enough dead» (106).

1.5. Перенос сказуемого (простого или сложного) в конец предложения: «...When that churl Death my bones with dust shall cover...» (32); «...For thou not farther than my thoughts canst move...» (47); «...That I in your sweet thoughts would be forgot...» (71); «...When I against myself with thee partake?» (149); «...My love looks fresh, and Death to me subscribes...» (107). Здесь можно усмотреть влияние латыни, как и в современной грамматике немецких придаточных предложений.

1.6. Одно дополнение может стоять до сказуемого, другое – после: «You to your beauteous blessings add a curse...» (84). Два дополнения, выраженные личными местоимениями, могут образовывать беспредложную конструкцию: «show thee me» (43) вместо «show you to me».

1.7. Некоторые инверсии обусловлены скорее не глубинными закономерностями языка, а неизбежными вольностями, характерными для еще не вполне нормированной (но потому заведомо не заостеневшей) речи. Вот ряд примеров: «...When I perhaps **compounded am** with clay...» (71); «...For **you** in me **can** nothing worthy **prove**» (72); «And whether that my angel be turned fiend, // **Suspect I may**, yet not directly tell...» (144); «...when **I forgot** // **Am** of my self...» (149). Впрочем, первая и последняя конструкции допускают частичную аналогию с пунктом 1.5.

2. Управление глаголов (*think on something – an jemanden denken, dream on something, look on somebody – вместо at, lie with somebody – вместо to*, «*nor can I fortune to brief minutes tell*», 14) и предлогов (*despite of something*) в ряде случаев отличается от современного. Сюда же относится и необычное управление глагола *to need*: «*...What need'st thou wound with cunning, when thy might // Is more than my o'erpressed defence can bide?*» (139). Сегодня в утверждениях и вопросах между *need* и инфинитивом чаще всего ставится частица *to*, однако старый вариант сохранился в отрицательных конструкциях *needn't do* и *needn't have done*.

3. Сослагательное наклонение (нереальное условие в прошлом) может напоминать структуру аналогичных немецких предложений: «*...Had my friend's Muse grown with this growing age, // A dearer birth than this his love had brought...*» (32). Здесь условие образовано редким в современном языке способом, без союза *if*, в результативной части нет конструкции *would have + past participle*. Вообще у Шекспира особые (не омонимичные другим) формы сослагательного наклонения употребляются чаще, чем сегодня: «*...when their deaths be near...*» (140); «*...Since all alike my songs and praises be // To one, of one, still such, and ever so*» (105). Стоит упомянуть и условную конструкцию с удвоением вспомогательного глагола: «*...For, if I should despair, I should grow mad...*» (140).

4. Использование *Future Simple* в придаточном предложении с *when*: «*...When that shall vade, my verse distills your truth*» (54); «*When forty winters shall besiege thy brow...*» (2). Кроме того, в первом примере *Present Simple* имеет необычное для него значение будущего времени.

Заключение. Изученные грамматические явления отчасти объясняются прошлым языка и взаимодействием литературных традиций (латинская книжность), однако сыграло свою роль и то, что во времена Шекспира новоанглийская литературная норма отчасти еще находилась в стадии становления. Синтаксическая вариативность, допустимая в ту эпоху, придает его сонетам впечатляющее ритмико-интонационное богатство, однако, как правило, не предполагает необычных грамматических значений, исчезающих при осовременивании текста. Подавляющее большинство новоанглийских инверсий расширяют выразительные возможности поэтической речи, но не вносят изменений в привычную систему грамматических категорий. Соответственно, их изучение, идущее на стыке лингвистики и литературоведения, скорее тяготеет ко второму, чем к первой. Слабеющее эхо елизаветинских литературных норм еще долго ощущалось в английской поэзии, что можно проследить, в частности, на материале мильтоновского эпоса и архаизирующих стилизаций романтиков.

Список литературы

1. Wright J. An Elementary Historical New English Grammer / J. Wright, E. M. Wright. – London: Humphrey Milford Oxford University Press, 1924. – 224 p.

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В СПОРТИВНЫХ НАЗВАНИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Кучешева И. Л., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-6174-9336
ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет физической культуры и спорта»,
г. Омск, РФ
iroch-ka-01@mail.ru

Introduction. The present article is devoted to the study of English proper names in sports, including their etymology.

Proper names occupy an important place in the vocabulary of any language, including English. In their semantics, they are carriers of information of cultural-historical and national-ethnic content. The specificity of proper names has long attracted attention of scientists: geographers, historians, ethnographers, psychologists, linguists in the nominative aspect.

The study of sports names should, first of all, include questions of their origin, common to the entire vocabulary of the language.

Sports names convey and store scientific and sports information. In the language of science and sports, there is a tendency for their widespread use.

The purpose. The main purpose is to analyze sports names that will allow to evaluate proper names as a potential source of naming special concepts.

Analysis of the pattern in the formation of sports names in comparison with the development of science and sports allows us to resolve the issue of the interaction of linguistic and social factors. Sports names are a large layer of vocabulary that is used to record new knowledge and designate concepts important to society, and ensure the transmission and perception of various scientific and sports information. They are used to designate sports concepts, belong to a special field of knowledge, and are stable, reproducible, and have a purposeful nature of appearance.

In sports the proper names of the first performers are used to name a new complex and original element or compound.

Numerous sports names are formed on the basis of the English language. As the language of science, it has a great influence on other languages of the world, is a source of internationalisms, and concepts are formed on its basis that penetrate different languages. This happens because most of scientific information in the world is in English, and people strive for mutual understanding, one of the ways of which is the internationalization of sports names.

Internationalisms are created to remove language barrier between scientists, athletes, and to help them to speed up the process of mutual understanding.

International words include words that have the same meaning, the source language, function in two or more languages, but do not always coincide graphically and phonetically.

Main part. Below a thematic classification of sports names will be given. The article examines proper names in such sports as: artistic gymnastics, figure skating and chess.

- artistic gymnastics:

Tkachev flight – forward swing counter-movement back without a somersault (in 1977, at the European Championship, an element was performed that opened a whole new era of flights. Alexander Tkachev performed a counter-flight with legs apart back on a forward swing with landing in a hang);

Deltchev salto – forward swing, an approach with a 180° turn and a forward somersault with legs apart into a hang (named after the Bulgarian gymnast, 1980 Olympic champion in horizontal bar exercises);

Mukhina salto – back flip dismount in a support position on the upper pole, a belly fly and a back flip in a tuck (named after the Soviet gymnast E. Mukhina, Merited Master of Sports of the USSR, the USSR Absolute Champion in artistic gymnastics).

- figure skating:

Axel jump – one of the jumps in figure skating. It is an edge jump. The only jump performed from a forward movement, due to which it has a “non-whole” number of rotations. It is considered the most difficult jump in figure skating (named after the Norwegian figure skater Axel Paulsen);

Biellmann jump – one of the elements of figure skating, when the skater rotates on one leg, lifting the second one behind the back and holding it with both hands above the head by the blade of the skate. The element requires great flexibility and is almost always performed by women (named after the Swiss figure skater Denise Biellmann) [1];

Besti squat – “boat” supported by a partner with a strong bend in the knees (named after the Soviet figure skater Natalia Bestemianova).

- chess:

Legal trap – checkmate first encountered in the chess game Legal–Saint-Bris in Paris in 1750 (named after Legal de Kermuir, a French chess player);

Alekhine’s defence – introduced into tournament practice by A. Alekhine, who used this move in a game with L. Steiner in Budapest in 1921, although this move was known earlier. The idea of the Alekhine defence is a piece play and counterattack of the white pawn centre (named after A.A. Alekhine, a Russian chess player who played for the Russian Empire);

Grunfeld defence – an opening, refers to closed openings (the defence was introduced into tournament practice by the Austrian grandmaster Ernst Grunfeld in 1922 in the 4th game of the match against Albert Becker);

Reti opening – white seeks to create piece pressure on the central squares and gain control over them (developed at the beginning of the 20th century by the Czech grandmaster Richard Reti);

Albin countergambit – first used by A. Albin against Lasker in 1883 in New York. By sacrificing a pawn, black achieves a sharp aggravation of the

struggle (named after A. Albin, the first Romanian chess player of international class).

Conclusion. As a result of the analysis, it can be concluded that English sports names (from the field of artistic gymnastics, figure skating, chess), which include proper names, are internationalisms.

Sports names include information about the authors associated with the designated phenomena, concepts and elements of physical culture, perpetuate their names, convey the historical memory of generations.

Список литературы

1. Longman Dictionary of Contemporary English. – London, 1987.

УДК 811.111-26

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Лазуткина О. А., канд. филол. наук, ORCID 0000-0002-97948-5590,
Крейзо И. О.

Старооскольский филиал ФГАОУ ВО НИУ «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет», г. Старый Оскол, РФ
ikreso@yandex.ru

Лексикография – это наука об изучении и составлении словарей. В настоящее время английский язык тесно связан с глобализацией и высоким технологическим развитием, что приводит к постоянному появлению новых слов и выражений. Из-за быстрого развития языка составление словарей становится сложной задачей. Кроме того, разнообразие английского языка, его использование в различных странах и регионах, а также в специфических областях, создают трудности для лексикографов.

Одним из способов отслеживания новых слов является мониторинг массовых коммуникаций, таких как печатные и электронные источники, социальные сети, блоги и форумы. Все эти медиа-каналы являются богатым источником новых лексических единиц, которые можно использовать при составлении словарей.

Одной из основных проблем является быстрое развитие языка и постоянное появление новых слов и выражений. Словарь должен отражать все эти изменения, чтобы быть полезным для пользователя. Тем не менее, обновление словаря требует значительных усилий и времени, и существует риск, что опубликованный словарь может быть устаревшим еще до своего выпуска [1].

Другой проблемой является разнообразие английского языка. Английский язык используется в различных странах и регионах, и каждый из них имеет свои особенности в лексике и специфические выражения. Лексикографам необходимо учитывать все эти варианты и предложить пользователю наиболее полное и многообразное представление языка.

Технологические инновации также оказывают влияние на словарный состав. С развитием Интернета и коммуникационных технологий, множество новых слов и выражений появляется в онлайн-среде. Например, терминология в области информационных технологий, социальных сетей и интернет-коммуникации постоянно меняется и расширяется [3].

Таким образом, актуальность составления словарей, методы отслеживания новых слов, проблема устаревания словарей перед их выпуском и влияние технологических инноваций на словарный состав являются важными аспектами современной лексикографии английского языка. Развитие методов и подходов в данных областях позволит создавать более актуальные словари, которые будут полезны для пользователей.

Разнообразие в английском языке проявляется в нескольких аспектах, включая региональные особенности, профессиональные термины и различия между американским и британским английским.

Первое, что следует отметить, это наличие региональных вариантов и лексикографических аспектов в английском языке. Каждая англоговорящая страна имеет свои уникальные выражения и лексические особенности. Например, в США используется термин «truck» для обозначения большой грузовой машины, в то время как в Великобритании предпочитают слово «lorry». Также можно найти различия в алфавите (например, в США используется «z» вместо «s» в слове «realize») и в правописании (например, использование «solog» в США и «colour» в Великобритании). Лексикографы учитывают эти региональные особенности и включают их в словари, чтобы отразить их широкий спектр значений и использования.

Другой аспект разнообразия английского языка связан с использованием профессиональных терминов в специфических областях. Каждая профессия имеет свой собственный набор специализированных терминов и аббревиатур, которые часто не встречаются в обычной разговорной речи. Например, в медицине используются термины, такие как «экскременты» (excreta) или «гематология» (hematology), которые могут быть незнакомы большинству людей. Словари, охватывающие различные профессии и области знаний, помогают людям разобраться в специфичной терминологии и лексике, используемой в их профессиональной сфере [1].

Также важно учитывать различия между американским и британским английским. Хотя оба варианта основаны на английском языке, они имеют некоторые отличия в орфографии, лексике и даже в произношении. Например, в американском английском слово «center» пишется без буквы «re» (centre), а произносится оно с ударением на первом слоге. Эти различия

между американским и британским вариантами оказывают влияние на словарный состав и требуют особого внимания лексикографов при разработке словарей для разных аудиторий

Изменение значений слов – это неизбежный процесс, который происходит со временем в рамках языковой эволюции. Контекстуальные изменения и новые значения слов часто возникают в результате социокультурных, технологических или исторических изменений.

При составлении словарей лексикографы должны учитывать социокультурные и исторические факторы. Словари должны быть гибкими и поддающимися постоянной актуализации, чтобы отразить все существующие значения слов и учесть изменения, происходящие в языке.

Основные проблемы современной лексикографии английского языка могут быть решены различными путями. Ниже представлены некоторые из них:

1. Актуализация и расширение словарей: Одной из главных проблем современной лексикографии является недостаточная актуализация и отражение новых слов и значений, возникающих в английском языке. Эту проблему можно решить путем более оперативного обновления словарей и активного мониторинга лексических изменений в языке.

2. Учёт социокультурных и исторических факторов: для более полного и точного описания значений слов в словарях необходимо учитывать социокультурные и исторические факторы. Лексикографы должны быть в курсе современных тенденций, развития общества и культуры, чтобы отразить эти изменения в словарях.

3. Обновление форматов и способов представления информации: Социальные, технологические и коммуникационные изменения требуют новых форматов и способов представления информации в словарях. Интерактивные словари, где пользователь может активно взаимодействовать с лексическими данными, а также использование мультимедийных материалов и ссылок на актуальные контексты могут сделать словари более полезными и удобными для использования.

4. Коллективная лексикография: Социальные сети, блоги, форумы и другие онлайн-платформы предоставляют уникальную возможность для сотрудничества и сбора данных от различных пользователей и специалистов. Коллективный подход к лексикографии может помочь улучшить актуальность и полноту словарей, а также учесть широкий спектр языковых вариантов и использование английского языка разными группами людей.

Решение данных проблем потребует совместных усилий и постоянного обновления подходов к лексикографии.

В данной научной статье были рассмотрены основные проблемы, с которыми сталкиваются лексикографы при составлении словарей английского языка в современном контексте. Дальнейшие исследования в

этой области помогут создать актуальные и полезные словари, отражающие современный лексический состав английского языка.

Список литературы

1. Афанасьева, О.В. Лексикология английского языка [Текст]: Учебник и практикум для академического бакалавриата / О. В. Афанасьева. – М.: Юрайт, 2019. – 795 с.
2. Бабич, Г. Н. Лексикология английского языка. / Г.Н. Бабич. – М.: Флинта, 2017. – 953 с.
3. Катермина, В. В. Лексикология английского языка [Текст]: Практикум / В. В. Катермина. – М.: Флинта, 2018. – 188 с.
4. Морозова, Н. Н. Лексикология английского языка. Practice Makes Perfect [Текст] / Н. Н. Морозова. – М.: Прометей, 2018. – 393 с.

УДК 771

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ, КАК СРЕДСТВО УСИЛЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ РЕЧИ

Мишкина Н.Ю., ORCID 0009-0004-5913-2515

ГБОУ «Школа № 48 г.о. Донецк», г. Донецк, РФ

naphthusia@mail.ru

Введение. Прилагательными образа действия называются прилагательные, выражающие внутренний, качественный признак действия и определяющие действие, процесс по характеру его протекания. Теоретически прилагательные образа действия интересны тем, что в предложении они относятся к существительному, независимо от того, что оно выражает – предмет (одушевленный, неодушевленный), процесс или качество, признак.

Цель статьи – описание сочетаемости прилагательных образа действия с другими словами в предложении и глубинных синтаксических связей [3] между ними.

Основная часть. В предложении описываемые прилагательные могут сочетаться с существительными (*a brisk wall, fond of apples*) и непредикативными формами глагола (*adept in realizing, quick to notice*). В сочетании с существительными прилагательные образа действия входят в:

– в субстантивные словосочетания: *Miss Corringe shuddered at the blunt mention of the word “murder”* (Agatha Christie)

– в глагольно-субстантивные словосочетания, соотносимые с однословным глаголом, например: *to make a search\to search, to give a start\to start* и т.д. *She gave an awkward laugh.* (Jean Potts)

– в словосочетания объектного характера: *The guest raised a polite hand in negation.* (Agatha Christie)

– в адъективные словосочетания: *He had been mercilessly candid with Delaney.* (Irwin Shaw)

В сочетании с глаголом описываемые прилагательные входят:

– в глагольные словосочетания (предикативное употребление): *All his movements were stealthy.* (Irwin Shaw)

– в адъективные словосочетания: *I am getting quick at dropping behind tables.* (Irwin Shaw)

Кроме существительного и глагола, прилагательные образа действия могут сочетаться с наречиями, например: *extremely careful, mercifully candid* и т.д. С точки зрения глубинных синтаксических связей в сочетаниях с существительными и неопределенными формами глагола прилагательные образа действия выражают признак и находятся в отношении определительной связи с означаемым существительного или глагола.

С означаемым существительного прилагательные находятся в определительной связи:

– в субстантивных словосочетаниях: *abrupt movement-move abruptly; casual glance – glance casually* и т.д.;

– в глагольно-субстантивных словосочетаниях: *give an awkward laugh – laugh awkwardly, make a sudden start – start suddenly* и т.д.;

– в адъективных словосочетаниях: *man, slow of comprehension – comprehend slowly.*

С означаемыми глагола прилагательные находятся в определительной связи:

– в словосочетаниях объектного характера (*he raised a polite hand*);

– в адъективных словосочетаниях с инфинитивом и герундием в качестве зависимого компонента (*quick to notice*).

В словосочетаниях объектного характера прилагательное относится к существительному и является его определением. Семантически оно выражает признак глагольного действия. Например, в предложении *He raised a polite hand* прилагательное *polite* относится к существительному *hand*, однако по содержанию оно относится к глаголу *raise* и выражает его признак. *He raised a polite hand – He raised his hand politely.*

В отношении определительной связи находится прилагательное *quick* к означаемому глаголу *slip*, и предложение *Diana slipped quick hand through his arm* означает: *Diana quickly slipped her hand through his arm.*

В адъективных словосочетаниях с герундием и инфинитивом прилагательное является ведущим компонентом (*quick to notice, easy to read, good at reading* и т.д.). Семантически оно находится в определительной связи с означаемым герундия или инфинитива. Так, например, в предложении *She was quick to spot inaccuracies in the tradesmen's books* (Agatha Christie) прилагательное *quick* является ведущим компонентом в

словосочетании *quick to spot*, а по смыслу, семантически, оно означает признак глагольного действия *spot* и находится с ним в определительной связи. В предложении *I am quite sharp at reading between lines* герундий *reading* является дополнением к прилагательному *sharp* и выступает в качестве зависимого компонента в словосочетании *sharp at reading*. По смыслу прилагательное *sharp* подчинено глагольному действию: *I am quite sharp at reading between lines = I sharply read between lines*.

Таким образом, с какой бы частью речи прилагательное ни сочеталось в предложении, независимо от того, в качестве какого компонента оно выступает в словосочетании – ведущего или зависимого, прилагательное образа действия означает признак действия, в том числе и действия, не имеющего имплицитного, явного выражения в предложении.

Иначе обстоит дело в тех случаях, когда существительное, с которым связано прилагательное, не выражает действие. Например, в предложениях *Oh, yes, he was very polite about it* или *The consequences of his act were not quite clear at the time* ни одно из слов, с которыми связаны прилагательные *polite* и *clear*, не обозначает ни процесса, ни действия, и сема «действие» остается нереализованной, хотя слова *polite* и *clear* выражают признак процесса.

Имплицитные, т.е. скрыто выраженные действия, процессы, признаки которых могут обозначаться прилагательными образа действия, чаще всего относятся к таким понятийным сферам:

- поведение, манера держаться;
- говорение;
- отношение;
- умственные и физические восприятия.

Заключение. Подводя итог, следует сказать, что прилагательные образа действия выражают признак действия и находятся в отношении определительной связи с означаемым действием, независимо от того, с какими частями речи и в каких словосочетаниях данные прилагательные связаны в предложении и каким способом (эксплицитным или имплицитным) значение действия выражено.

Список литературы

1. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка): Избранные труды. Т. 1. – 2 изд., испр. И доп. – Москва: Школа: Языки русской культуры, 1995. – 472 с.
2. Богуславский, И.М. Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов. – Москва: Наука, 1985. – 175 с.
3. Смирницкий, А.И. Синтаксис английского языка. – Москва АРКТИГлосса, 1999. – 225 с.
4. Hornby A.S., Gatenby E.V., Wakefield H. The Advanced Learner's Dictionary of Current English. – London, 1999. – 1267 p.

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ СТРОИТЕЛЬСТВА

Подгайская И. М., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0000-4230-2988
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
i.podgaiskaya@mail.ru

Настоящий доклад посвящен рассмотрению синтагматических связей глаголов, выражающих значение 'строить' в древнеанглийский период. Исследование проводится на материале данных корпуса древнеанглийских текстов [5] и наиболее полного словаря древнеанглийского языка Дж. Босворта, расширенного Т. Толлером [3; 4], который можно считать корпусным словарем, поскольку в нем фиксируются не только значения лексических единиц, но и примеры их употребления в древнеанглийских рукописях.

Анализ словарных дефиниций древнеанглийских глаголов строительства дает возможность выявить интегральные и дифференциальные семы, указывающие на постоянные признаки процесса, который передается глаголом, и составляющие ядро древнеанглийского значения 'строить'. Повторение одних и тех же дифференциальных сем в семантических определениях разных глаголов позволяет установить их парадигматические (в частности, синонимические) связи [2].

Вместе с тем, реализация глагольного значения непосредственно связана с лексическими единицами, с которыми глагол сочетается в разных ситуациях употребления, т. е. происходит в конкретном контексте, что предполагает необходимость рассмотрения синтагматических свойств глаголов. Изучение лексических контекстов употребления данных глаголов в древнеанглийских рукописях предоставляет дополнительные сведения о строительном процессе в исследуемый период. Лексемы, с которыми сочетаются древнеанглийские глаголы строительства, являются эксплицитным вербальным выражением дополнительных сем древнеанглийского значения 'строить'. Такие дополнительные семы составляют периферию значения и актуализируются в речи только в конкретном лексическом контексте [1, с. 186].

По данным проведенного исследования, в древнеанглийский период глаголы со значением 'строить' сочетаются с лексемами, выражающими объект строительства и материал, из которого этот объект строится. Соответственно, с помощью этих лексем актуализируются две периферийные семы значения 'строить' – 'объект строительства' и 'материал строительства'.

1. Объект строительства. В древнеанглийский период объект строительства отличается разнообразием, охватывая объекты от отдельных зданий и жилых помещений до целых комплексов сооружений, которыми являются населенные пункты, крепости, монастыри и т.д. Анализ лексем, обозначающих объект строительства, позволяет классифицировать их по типу сооружения следующим образом:

– жилые здания и их части: *hus* ‘дом, дом, здание, жилье’, *sele* ‘жилье, дом, дом’, *gebytlu* ‘дом, кров’, *tun* ‘вилла, особняк, дом, жилье’, *eardwic* ‘жилье, дом, жилье’, *botle (bold)* ‘жилье, дворец’, *eardunghus* ‘дом, жилое помещение’, *eardungstowa* ‘дом, жилое помещение’, *reced* ‘дом, дворец’, *sæl* ‘зал, комната’, *stapol* ‘фундамент, опора’, *hrof* ‘крыша’;

– населенные пункты: *Romeburg* ‘Рим’, *Bebbanburh* ‘Бамбург’, *Tantun* ‘Таунтон’, *Tameweorðe* ‘Тамворт’, *Wærinwic* ‘Уорик’, *Babilon (Babylonia burg)* ‘город Вавилон’, *Cartaina* ‘Карфаген’, *Bizantium* ‘Византия’, *Bremesburh* ‘Бремесбюри’, *Staffordaburh* ‘Стафффорд’, *Hierusalem* ‘Иерусалим’, *Hrofesceastre* ‘Рочестер’, *eardunghus* ‘поселок’, *eardungstowa* ‘поселок’, *ceaster* ‘город, городок’;

– религиозные сооружения: *wibed (wēofod, weobedd)* ‘алтарь’, *mynster* ‘монастырь’, *ciricean (cirican)* ‘церковь’, *lif* ‘монастырь, обитель’, *gebedhus* ‘часовня, молельня’, *tempel gode* ‘храм Господний’, *godes cyrcan* ‘храм Божий’, *temple* ‘храм, церковь’, *temple dryhtnes* ‘храм Господний’, *eardunghus* ‘храм, молельня’, *eardungstowa* ‘храм, молельня’;

– фортификационные сооружения: *burh* ‘крепость, обнесенный стенами город, форт’, *weall* ‘вал, стена’, *weorc (geweorc)* ‘крепость, укрепление’, *fæsten* ‘крепость, укрепления, вал’, *castel* ‘крепость’, *ceastre (ceaster)* ‘крепость’, *torr* ‘башня’, *wighús* ‘башня, укрепление’, *becn* ‘сигнальная башня’, *wah* ‘стена’;

– корабли, суда: *langscipu* ‘корабль, лодка’, *æsc* ‘лодка, корабль’, *fæt* ‘судно, корабль’, *bat* ‘лодка, корабль, судно’;

– другие объекты строительства: *becn* ‘маяк’, *byrgen* ‘склеп’, *brycg* ‘мост’, *stret (stræt)* ‘дорога, улица’, *an-licnes* ‘статуя, идол’.

2. Материал строительства. В древнеанглийских рукописях, повествующих об истории английского народа, основным материалом строительства являются древесина и камень. При этом периферийная сема ‘материал строительства’ передается лексемами *treow* ‘дерево, древесина’, *beam* ‘дерево, древесина, ствол, колонна’ и *stan* ‘камень’, а также их производными *treowgeweorc* ‘деревянная постройка’, *stænen* ‘каменный’. В текстах религиозно-дидактического содержания, наряду с деревом и камнем, упоминаются другие виды материала, используемые как материал строительства, среди которых *gold* ‘золото’, *seolfor* ‘серебро’, *strew* ‘солома’, *deorwurðe stanas* ‘драгоценные камни’, *hyd* ‘шкура’.

В процессе исследования установлено, что в древнеанглийских рукописях, описывающих исторические события, глаголы строительства

употребляются в прямом значении, в то время как в религиозно-дидактических текстах наблюдается тенденция к формированию переносных значений исследуемых глаголов.

Таким образом, синтагматические семантические связи древнеанглийских глаголов строительства реализуются в конкретном контексте их употребления. Сочетаемость глаголов с лексемами, обозначающими разнообразные объекты строительства и материал, из которого строили древние англосаксы, является средством актуализации периферийных сем древнеанглийского значения 'строить'. Такие семы не фиксируются словарями, но являются важными для понимания экстралингвистической ситуации строительства в древнеанглийский период, поскольку дают дополнительную информацию о специфике строительного процесса в это время.

Основываясь на анализе сочетаемости исследуемых глаголов в текстах древнеанглийских рукописей, можно утверждать, что в древнеанглийский период, в основном, строятся отдельные жилища и населенные пункты, возводятся укрепления для защиты от внешних врагов и религиозные сооружения. При этом древние англосаксы владеют техникой строительства из дерева и камня. Особым объектом строительства для англосаксов, обитающих на островах, являются корабли и лодки, обеспечивающие передвижение по морю.

Список литературы

1. Маклакова, Е. А., Стернин И. А. Теоретические проблемы семной семасиологии [Текст]: монография. – Воронеж: «Истоки», 2013. – 277 с. – EDN: REVFJD.
2. Подгайская, И. М. Парадигматические связи древнеанглийских глаголов со значением 'строить' // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. – Донецк: ДонНУ, 2019. – Т. 15, Вып. 1-2 (43-44). – С. 43–50. – URL: <https://donnu.ru/node/2641> (дата обращения: 12.08.2024). – EDN: RSASFG.
3. *An Anglo-Saxon Dictionary Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth*; Ed. And Enlarged by T. Northcote Toller. – Oxford University Press, 1898. – 1302 p.
4. *An Anglo-Saxon Dictionary Supplement*; Ed. By T. Northcote Toller. – Oxford University Press, 1921. – 768 p.
5. *Dictionary of Old English Corpus* [Электронный ресурс]. University of Toronto. – Toronto, Ontario, 2004. 1 электрон. Опт. Диск (CD-ROM). Загл. с экрана.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ОНИМНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ТЕКСТАХ НЕМЕЦКИХ СМИ

Савченко В. И., ORCID 0009-0007-6269-246X,

Усова Н. В., д-р филол. наук, доц., ORCID 0000-0003-1515-913X

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

sawtschenkowiktorija@mail.ru

Введение. В современном языкознании наблюдается возрастание интереса к фразеологии как к культурно значимой составляющей языка, на этом фоне ещё более актуальными становятся вопросы формально-содержательного наполнения фразеологических единиц (далее ФЕ) и их функционирования, в том числе в общественно-политическом дискурсе. Отличительной чертой общественно-политического дискурса является ситуативно обусловленное употребление известных языковых единиц в новых для них значениях и функциях. В современной практике средств массовой информации фразеология часто используется для манипуляции общественным сознанием, в связи с этим возникает необходимость в подробном анализе содержания ФЕ и их структурных компонентов.

ФЕ, отображающие понятия, связанные с общественно-политической жизнью, представляют собой один из богатейших пластов современной фразеологии. К таким языковым знакам В.С. Арутюнян причисляет терминологические наименования явлений социальной и политической жизни, традиционные фразеологические единицы, используемые политиками, а также крылатые слова и выражения, принадлежащие тому или иному политическому деятелю, справедливо полагая, что специфика общественно-политической фразеологии подразумевает знание автором уровня социального знания реципиента [1, с. 3]. В данной работе представлено описание структурно-семантических характеристик и толкование фразеологических единиц немецкого языка с онимным компонентом. Эта категория ФЕ в немецком языке многочисленна и разнообразна, что подтверждает замечание А.В. Суперанской: «Собственные имена пронизывают все сферы человеческой жизни и деятельности, состав имен и их социальная и идеологическая нагрузка во многом определяются социальными, историческими, экономическими и другими факторами» [2, с. 5].

Цель работы – изучение функционирования ФЕ с онимным компонентом (далее – ФЕОК) в немецкоязычном медийном дискурсе на основе анализа особенностей их семантики и компонентного состава.

Основная часть. Статус онима в составе фразеологических сочетаний определяется тем, сохраняет ли он в устойчивых

словосочетаниях свои именные признаки или нет. По В. Фляйшеру, имена внутри фразеологизмов остаются «онимичными», если они берут на себя сравнительную функцию. В большинстве случаев релевантные компоненты фразеологизма деонимизируются, и их следует рассматривать как имена собственные лишь генетически [4, с. 96]. Переосмысление имени в процессе фразеологизации часто является следствием его частого употребления и распространения в разных социальных слоях. Имя собственное как компонент ФЕ выполняет не только номинативную, но и другие, обычно не свойственные онимной лексике функции, основной из которых является характеризующая. Утрачивая при фразеологизации функцию индивидуальной идентификации людей, онимы выполняют классифицирующую и обобщающую функции. Благодаря этим свойствам ФЕОК активно используются в современном медийном дискурсе.

Исследование показало, что один и тот же оним может формировать устойчивые связи с лексическими единицами различных грамматических категорий, образуя апеллятивно-онимные группы фразеологического типа, что демонстрируют ниже приведенные примеры. Таким образом создаются ФЕОК, различные по структуре и семантике. Выявленные в ходе работы ФЕОК были систематизированы по их компонентному составу. В результате сформированы следующие группы:

субстантивные ФЕОК, напр.: *im Adamskostüm* ‘в костюме Адама’, ‘в чём мать родила’;

адъективные, напр.: *der alte Adam* ‘древний Адам’, ‘первородный грех’, ‘старые привычки, взгляды, пережитки прошлого’;

предложные ФЕ: *nach Adam Riese*, ‘абсолютно точно’, ‘по Адаму Ризе’;

глагольные номинативно-коммуникативные ФЕОК, напр.: *bei Adam und Eva anfangen* ‘начинать от Адама и Евы’, ‘начинать с самого начала’; *alten Adam ausziehen* букв. ‘умертвить в себе ветхого Адама’, что означает ‘освободиться от старых привычек’; *der alte Adam regte sich* ‘ветхий Адам зашевелился’, ‘проснулись старые инстинкты’.

Заключение. Фразеологические единицы немецкого языка с онимным компонентом разделяются по компонентному составу на субстантивные, адъективные, глагольные и предложные. Самой продуктивной группой являются предложные ФЕОК второе место принадлежит субстантивным ФЕОК, далее следуют глагольные ФЕОК.

В ФЕОК оним выступает в роли обобщающего типичного элемента.

Онимы в составе ФЕ являются носителями историко-культурной информации, через призму ФЕ можно рассмотреть отличительные черты известных людей, понять, чем они прославились.

Номинативная функция частично сохраняется, что выясняется при толковании ФЕОК, обозначающих известных личностей.

Информация о финансовой поддержке: Исследования проводились в рамках государственного задания (номер госрегистрации 124012400351-9).

Список литературы

1. Арутюнян, В. С. Общественно-политическая фразеология в призме межкультурной коммуникации / В.С. Арутюнян // Язык. Словесность. Культура, 2015. – № 1. – С. 30–43.
2. Суперанская, А. В. Ономастика начала XXI века / А.В. Суперанская. – Москва: ИЯ РАН, 2008. – 80 с.
3. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. – URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 02.09.2024).
4. Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache / W.Fleischer. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1997. – 299 S.
5. Schemann, H. Deutsche Idiomatik Wörterbuch der deutschen Redewendungen im Kontext / H. Schemann / Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, Berlin/Boston Druck: Hubert & Co. GmbH & Co. KG, Göttingen, 2011. – 1037 p.

УДК 81'373:81'253(811.1/2+811.111)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА «КАТОРЖНИКИ» В АВСТРАЛИЙСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Синявская Н. С., ORCID 0009-0008-7753-3872

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
n.sinyavskaya@mail.ru

Введение.

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью и ростом интереса лингвистов XX-XXI вв. к проблемам пространственной вариативности английского языка, недостаточной изученностью территориального варьирования английского языка в Австралии, а также механизмов формирования вариантных языковых систем.

Цель работы – показать развитие австралицизмов от исходных английских единиц: установить метафоры, метонимии, слова образованные путем сужения значения, телескопии.

Данной цели подчинено разрешение следующих **задач**:

1) выявить семантические пути развития лексем в австралийском варианте английского языка (далее АВА);

2) выявить «общее ядро» и различительные признаки в особенностях семантической деривации лексических единиц АВА и БрА;

4) сравнить особенности семантического развития лексических инноваций, историзмов и архаизмов в ЛСГ «Наименования каторжников».

Объект исследования – лексика АВА и БрА в диахроническом аспекте. **Материал** исследования представлен примерами, отобранными

путем сплошной выборки из толковых словарей австралийского варианта английского. Общий объём выборки составил 1200 примеров (из них 600 в АВА). За основу данного исследования была взята ЛСГ «Каторжники» в АВА. Такие исследователи как О. А. Ильин [3] О. В. Николаева, Е. В. Женева, Е. И. Трубаева [6], исследовали проблемы лексических и семантических особенностей австралийского варианта английского языка, В. А. Дроздов исследовал ЛСГ «Рабы» в тринидадотобагском, ямайском и багамском креолях [2, с. 299–304].

1.1 Краткая история заселения материка Австралия каторжниками из Англии

В период с 1788 года по 1868 год в различные колонии Австралии британским правительством было принудительно отправлено свыше 162000 приговорённых к каторге преступников [3, с. 45]. Британское правительство начало отправлять осуждённых в заморские колонии с начала XVII века – первоначально в Северную Америку. Когда в конце 1770-х годов в связи с началом Войны за независимость США их отправка туда стала невозможной, проблема размещения в британских тюрьмах большого количества заключённых серьёзно обострилась, и возникла необходимость в поиске новых территорий для отправки туда каторжников. В 1770 году Джеймс Кук объявил восточное побережье Австралии британским владением; во второй половине 1780 года, стремясь решить ситуацию с заключёнными и одновременно упрочить своё влияние в регионе, правительство решило использовать австралийские территории для высылки каторжников. В 1787 году к Ботани-Бэй в Австралии отплыл так называемый Первый флот, состоявший из одиннадцати кораблей, являвшихся плавучими тюрьмами.

После его прибытия к австралийским берегам 20 января 1788 года был основан Сидней – первое постоянное европейское поселение на континенте, ставшее центром колонии Новый Южный Уэльс. В 1803 году была основана колония для каторжников на Тасмании, в 1824 году – в Квинсленде. Западная Австралия, основанная в 1829 году свободными переселенцами, принимала каторжников с 1850 года. Население Виктории и Южной Австралии состояло только из свободных людей. Пик отправки каторжников в Австралию пришёлся на 1830-е годы, существенно снизившись в последующем десятилетии; последний корабль с каторжниками прибыл в Западную Австралию 10 января 1868 года. Становление государственности австралийского варианта английского языка отмечено в 1900 году подписанием королевой Викторией Конституции.

1.2 Семантическое развитие заимствований-историзмов в ЛСГ «Каторжники» в австралийском варианте английского языка

Лексема **absentee** ‘отсутствующий в БрА, беглый каторжник в АВА’ – *A convict who has escaped from custody and remains at large. One who is absent,*

or away, on any occasion. Например: **1537** *Absentees or des Absentees, was a Parliament so called, held at Dublin, 10 May, 28 H. 8.* Отсутствующие (на немецком), ‘Беглые каторжники – так назывался парламент, состоявшийся в Дублине 10 мая, 28 ч. 8 мин’. Семантическое развитие производной инновации происходит путём расширения значения исходной единицы. Пример: *Hist. 1805 ‘Sydney Gaz. 29 Dec., Wm. Page, absentee into the woods’.* Сидней газета, 29 декабря, ст. VM, **беглый каторжник** в лесу. В БрА слово *absentee* вошло как ‘отсутствующий’: a person who is not at a place where they were expected to be [3, с. 4].

Семантическое развитие производной австралийской единицы *absentee*.

(БрА) англ *absentee* ‘отсутствующий’→сужение значения→АВА *absentee* ‘беглый каторжник’.

Путем семантического развития, в сочетании с ‘absolute’, происходит семантическое расширения значения.

АВА *Absolute Pardon* безусловное помилование →инновация→БрА *Absolute Pardon* ‘полная амнистия’.

Слово **Brick** ‘участник уличной банды’ – member of street gang, hooligan. В БрА **brick** ‘кирпич, приятель’, надежный друг’ *one whom one approves for his genuine good qualities*. Например: **1857** *151 What a brick not to give us even twenty lines to learn.* ‘Какой молодец (хороший товарищ). Не дал даже 20 строк, которые нужно выучить’.

Путем периодизации образуется морфема ‘член группировки’. БрА **brick** друг→пейоризация→АуЕ **brick** ‘член группировки’. **1866** *Now very hard headed both Scotch and Colonial bricks are* – Насколько же твердолобы как шотландцы, так и колониальные бандиты группировок.

ЛСВ **Brickism** ‘занятие криминалом в банде’, типичный австралицизм. Пример: **1841** *We had hopes that this gang of mischievous youth had been broken up.... If the police would only keep a sharp eye upon them for a few nights, and lay a few of them fast by heels, the spirit of brickism would soon be broken* ‘Мы надеялись, что эта банда озорной молодежи была разгромлена.... Если бы полиция только внимательно следила за ними в течение нескольких ночей и прижала нескольких из них к стенке, дух бандитизма вскоре был бы сломлен’. БрА *brick is a good fellow + banditism*→telescopy→ АВА *brickism*. В результате телескопии образовалась лексема *brickism* (brick+banditism).

Заключение.

Основные результаты исследования могут быть представлены в следующих обобщениях и выводах.

1) В работе исследованы лексические особенности АВА на примерах наименований каторжников и лексики, используемой ими.

2) В исследовании история происхождения слов ЛСГ «Каторжники» была рассмотрена более детально в АВА, приведены примеры использования терминов в более ранние времена от 1788 года и в наше время становления государственности от 1900 по 1945 с примерами. Исследованы пути образования новых слов путём метафоры, метонимии, сужения, расширения, телескопии, синекдохи. В АВА рассмотрено 300 примеров лексического словообразования.

3) Выявлено «общее ядро» и РП в особенностях семантической деривации лексических единиц АВА и Бра.

4) Приведены сравнения особенностей семантического развития лексических инноваций, историзмов и архаизмов в ЛСГ «Каторжники» в АВА. Наиболее продуктивным является сужение значения как способ семантического развития. В ходе данного исследования метонимия не была установлена.

Список литературы

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Изд. 2-ое, стереотип. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 605 с. – Текст : непосредственный.
2. Дроздов, В. А. Лексико-семантические особенности карибских креолов на англоязычной основе: докт. дисс. – Донецк, 2020. – 391 с.
3. Ильин, О. А. Особенности австралийского варианта английского языка: докт. дисс. – Москва, 2018. – 400 с.
4. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. - Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. – 562, [1] с.; 21 см. - (Серия "Словари").; ISBN 978-5-222-17060-1.
5. Трубаева, Е. И. Лексические особенности австралийского варианта английского языка: канд. дисс. – Белгород, 2018. – 195 с.
6. Швейцер, А. Д. «Очерк современного английского языка в США», Москва, 1963.–104 с.
7. Ярцева, В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва : Большая Рос. энцикл., 2002 – 707 с.
8. Ramson W. S. Australian National Dictionary of Australianisms on historical principles: Oxford University Press: Melburn. – Australia, 1997.– 814 p.
9. The Oxford English Dictionary: University Press, 1989. Second Edition, volume 3, under of J.A. Simpson and E.S.C. Weiner. – 1660 p.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В НЕМЕЦКИХ ТЕКСТАХ XIX ВЕКА

Ус Ю. Н., канд. филол. наук, ORCID 0009-0005-1988-5747
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
yu.us@donnu.ru

Введение. В рамках заявленной темы анализу подверглись фразеологические единицы с компонентом цветообозначения, отобранные из разножанровых текстов XIX века.

Интерес к изучению фразеологических единиц (ФЕ) обусловлен, прежде всего, тем, что они являются одним из ярчайших средств образного отражения мира, базируясь на историческом опыте народа, вобрав в себя религиозные представления и этические нормы носителей языка различных исторических периодов. Именно поэтому фразеологизмы являются важной лингвокультурологической составляющей любого языка [2, с. 201].

Лексика из области цветообозначения также играет важную роль в межкультурной коммуникации. Цветообозначающая лексика обладает исключительной способностью переосмысления. В связи с этим она часто имеет не только прямое, но и переносное, символическое, значение, выполняя вторичные семантические функции и заключая в себе национально-культурные коннотации [1, с. 137].

Целью данного исследования является определение особенностей семантики цветообозначений во ФЕ, отобранных из немецких разножанровых текстов XIX века.

Основная часть. В корпусе текстов XIX века зафиксированы ФЕ со следующими цветообозначениями: *grün* 'зеленый', *blau* 'синий, голубой', *schwarz* 'черный', *grau* 'серый'.

Прилагательное *grün* в сочетании с существительным *Seite* отобрано из танцевальной песни "Mädele, ruck, ruck, ruck auf meine grüne Seite". *Grüne Seite* – фразеологизм, в котором прилагательное цвета десемантизируется, а выражение употребляется для обозначения левой части тела человека, близкой к сердцу. Таким образом, становится понятным, что девушка вызывает положительные эмоции и чувства у лирического героя, потому что он хочет ее прижать к себе.

Следует отметить, что некоторые лексикографические источники за словосочетанием *grüne Seite* закрепляют значение 'правая сторона', но в немецкой народной традиции в общем, и в исследованной песне, в частности, *grün* связано с сердцем, которое находится именно с левой стороны. Так, еще в Средневековье появляются первые параллели слов *grön* и *herz*. Благодаря народной мелодии *grün* и *Herzseite* 'сторона, где сердце;

левая сторона' в понимании немецкого народа стали понятиями с одинаковым значением.

Цветобозначение *blau* зафиксировано в составе фразеологизмов *blauer Tag* 'прогул, отгул', *blauer Montag* 'прогул, отгул', *blau sein* 'быть пьяным', *Blautag* 'прогул, отгул', *Blaubart* 'Синяя борода', *Blaubartskönig* 'король – синяя борода'.

В переносном значении употребляется сложное прилагательное цвета *blitzblau*. В народной песне XIX в. используется словосочетание *blitzblaue Milch* 'прокисшее молоко'. В таком контексте *blitzblau* передает низкое качество соответствующего продукта. В подобном значении прилагательное *blau* зафиксировано и в современном немецком языке, о чем свидетельствуют примеры употребления фразеологизма *blaue Milch* в текстовых источниках последних лет [2, с. 202].

В композите *Blautag* 'прогул, отгул' компонент *Blau-* не передает цвет. Данная лексема является синонимом к более распространенному выражению *der blaue Montag*. Е.В. Розен [4, с. 76] пишет, что выражение *blauen Montag machen* 'не выйти на работу' имеет древнее происхождение. Изначально так назывался последний день карнавала, который традиционно был выходным. По другой версии происхождение данного выражения можно объяснить тем, что по воскресеньям красильщики шерсти опускали ее в специальные сосуды с краской. А в понедельник развешивали ее для просушки и ждали пока она высохнет, т.е. отдыхали. Следует отметить, что данные выражения могут восприниматься по-разному. Так, в статье Дойниковой М. И. [2, с. 203], фразеологизм *der blaue Montag* имеет положительную коннотацию, а в работе О. А. Минеевой [3, с. 43] он относится к тематической группе «Отрицательные явления, неприятные действия, события».

Употребление *blau* в значении 'пьяный' также связывают с поведением людей во время последнего дня карнавала. Поскольку горожане проводили день перед началом поста в веселье и пьянстве, цветобозначение *blau* стало использоваться в этом значении. В данном случае ФЕ *blau sein* включает в себя как внешние черты человека, так и передает его внутреннее состояние.

Наименование *Blaubartskönig*, зафиксированное в романе Т. Фонтане «Эффи Брист», использовано для характеристики любого мужчины, который своим поведением напоминает жестокого сказочного рыцаря.

В корпус текстов XIX века входит один фразеологизм с прилагательным *schwarz* (*schwarz nachstreben* 'слепо брать пример с кого-либо'), имеющий отрицательную коннотацию. В этом выражении цветобозначение употребляется в переносном значении и может выступать синонимом к прилагательному *blind* 'слепой, слепо'.

Фразеологические выражения, содержащие цветобозначения могут отражать мудрость, суеверия народа относительно взаимосвязи внешних

качеств человека с его внутренним миром. Так, прилагательное *grau* в сочетании с *Haar* обозначает седовласого человека, который считается мудрым, опытным, того, кто пережил много бед. Данное сочетание часто встречается в текстах исследованного периода, а также зафиксировано в составе фразеологического оборота *sich keine grauen Haare wachsen lassen* ‘не беспокоиться о чем-либо, не принимать близко к сердцу’ (*unser Freund hält zu denen, die sich über das, was kommt, keine grauen Haare wachsen lassen* ‘наш друг относится к тем людям, кто не ломает себе голову над будущим’).

Заключение. Обзор анализируемого материала позволяет сделать вывод, что в текстах XIX века ФЕ с компонентом цветообозначения служат для описания внешности, физического состояния человека, а также взаимоотношений между людьми. При этом количество фразеологизмов с отрицательным значением больше, чем с положительным. Данное явление можно объяснить тем, что человек часто обращает внимание на недостатки, негативные стороны других людей, поэтому чаще появляются фразеологизмы, выражающие негативный приобретенный опыт.

Перспективным представляется дальнейшее исследование ФЕ с компонентом цветообозначения в современном немецком языке.

Информация о финансовой поддержке: *Исследования проводились в рамках государственного задания (номер госрегистрации 124012400351-9).*

Список литературы

1. Гуськова, А. П. Цветообозначения в различных языках и культурах (на материале русско-венгерских словарей) / А. П. Гуськова // Филологические науки. Финно-угорский мир. – 2019. – Т. 11, № 2. – С. 137–142. – DOI:10.15507/2076-2577.011.2019.02.136-142.
2. Дойникова, М. И. Фразеологические единицы с компонентом цветообозначения *blau* (синий) в немецком языке / М. И. Дойникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2019. – Т. 12. – Вып. 10. – С. 201–205. – ISSN 1997-2911. – DOI: 10.30853/filnauki.2019.10.44.
3. Минеева, О. А., Пирогова А. А. Немецкие фразеологизмы с компонентом «синий цвет» и их межъязыковая эквивалентность в русском языке / О. А. Минеева, А. А. Пирогова // Международный научный журнал «Символ науки». – 2016. – № 11–4. – С. 42–44. – ISSN 2410-700X. – EDN: XBWXWD.
4. Розен, Е. В. Немецкая лексика: история и современность: Учеб. пособие. / Е. В. Розен. – М.: Высш. Шк., 1991. – 96 с. – ISBN 5-06-001719-2.

СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕЛОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ С КОМПОНЕНТОМ 'DEBT'

Федуленкова Т. Н., д-р филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-5039-5827

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет

имени А.Г. и Н.Г. Столетовых», г. Владимир, РФ

fedulenkova@list.ru

Введение. Проблема изучения деловой терминологии фразеологического свойства является одной из наиболее насущных проблем сегодняшнего дня в лингвистике. Причина популярности обсуждения этой проблемы и на лингвистических конференциях, и на страницах научных журналов кроется в том, что, с одной стороны, наблюдается быстрый рост объема деловой терминологии за счет механизмов фразеологического преобразования устойчивых и особенно двухкомпонентных фраз, и, с другой стороны, коммуникативной потребностью в терминологии фразеологического характера как в описании и обсуждении новой терминологии, так и в оценке ее прагматического эффекта.

Научную основу данного исследования составляют труды современных лингвистов в области терминологии [2], в области английской фразеологии [5] и в области деловой и научной фразеологии современного английского языка [6]. Методологическая база работы формируется на основе новейших работы по методологии лингвистических исследований [3] и по методике исследования деловой фразеологии и терминологии [4].

Данное исследование посвящено изучению деловой фразеологии современного английского языка, которая включает компонент *debt*. Объектом исследования послужили терминологические единицы, которые обладают свойствами фразеологических единиц. Объект исследования подбирался на основе современного словаря деловой английской терминологии [7]. Принадлежность терминов к области фразеологии устанавливается посредством метода фразеологической идентификации, предложенного профессором А.В. Куниным.

Целью исследования является выявление структурных характеристик современной английской деловой терминологии с компонентом *debt*, имеющей признаки фразеологии.

Результаты исследования. Изучение выборки из названного словаря позволяет сделать выводы:

В анализируемом поле данного словаря находятся 56 терминов делового английского языка, из которых: (а) 26 терминов включают компонент *debt* в группе структурных моделей в позиции ядра и (б) 30

терминов включают компонент *debt* в группе структурных моделей в позиции адьюнкта [1, с. 149].

Рассмотрим группу структурных моделей (а). В этой группе выявляем четыре основные подгруппы структурных моделей:

1. Adj + N, например:

<...> *This idea would be much better in my opinion if OWS fought the debts in court as illegitimate rather than simply forgiving them, since by doing so they seem to be playing right into the credit card company's hands. Clearly this adds to the market for buying **bad debt**, encouraging banks to continue to lend out money they know has little likelihood of being repaid.* # (COCA) — <...> На мой взгляд, эта идея была бы намного лучше, если бы OWS оспаривали долги в суде как незаконные, а не просто прощали их, поскольку, поступая таким образом, они, по-видимому, играют на руку компании, выпускающей кредитные карты. Очевидно, что это способствует росту спроса на покупку **безнадежных долгов**, побуждая банки продолжать выдавать кредиты, которые, как они знают, вряд ли будут возвращены. #

2. N + N, например:

<...> *They've wasted a trillion dollars on Iraq will letting America go bankrupt and fall into a state of disrepair. They brought about NAFTA and GATT that has given us a \$60 billion per month **trade debt** and sent all our manufacturing jobs to the third world.* (COCA) — <...> Они потратили триллион долларов на Ирак, позволив Америке обанкротиться и прийти в упадок. Они создали НАФТА и ГАТТ, которые привели к тому, что **торговый долг** США достиг 60 миллиардов долларов в месяц, а все наши производственные рабочие места переместились в страны третьего мира.

3. Ncomp + N, например:

*The change in course is a setback for Emanuel and Endeavor, which analysts expected to pay down its substantial debt load with the proceeds. The company carries **long-term debt** totaling \$4.6 billion with total liabilities of \$7.2 billion and cash on hand of \$830.9 million, according to recent filings.* # *Emanuel built his reputation and that of Endeavor on a series of bold, risky moves and unexpected acquisitions, including* <...> (COCA) — # Изменение курса является неудачей для Emanuel и Endeavour, которые, как ожидали аналитики, погасят свою значительную долговую нагрузку за счет вырученных средств. Согласно последним отчетам, компания имеет **долгосрочный долг** на общую сумму 4,6 миллиарда долларов, общие обязательства – 7,2 миллиарда долларов, а наличность на руках – 830,9 миллиона долларов. # Эмануэль построил свою репутацию и репутацию Endeavour на серии смелых, рискованных шагов и неожиданных приобретений, в том числе <...>.

4. PtcpI II + N, например:

The debtor's priority allocation may be distorted by the fact that the interest rate charged by some of its creditors is sensitive to neither the amount of

*leverage nor the seniority of outstanding debt issued by the debtor. All things equal, higher leverage and more **secured debt** raise the default risk borne by unsecured creditors. Several types of creditors, however, do not adjust their interest rates when the debtor issues new secured debt.* (COCA) — #
Распределение приоритетов должника может быть искажено из-за того, что процентная ставка, взимаемая некоторыми из его кредиторов, не является чувствительной ни к размеру кредитного плеча, ни к сроку погашения непогашенного долга, выданного должником. При прочих равных условиях более высокий уровень заемных средств и более **обеспеченный долг** повышают риск дефолта, который несут необеспеченные кредиторы. Однако некоторые типы кредиторов не корректируют свои процентные ставки, когда должник выдает новый обеспеченный долг.

В группе (б) выявляем три основные подгруппы структурных моделей:

1. N + Ndrv: *debt management, debt adjustment, debt exposure*;
2. N + N: *debt burden, debt finance, debt relief*;
3. N + Ger: *debt counselling, debt factoring, debt restructuring, etc.*

Ввиду ограничения объема данной тезисной заявки предполагается рассмотрение детальной трактовки структурных характеристик терминов анализируемых моделей во время выступления на конференции и в тексте расширенной статьи для журнала SGRC.

Заключение. В результате проведенного исследования выявлено четыре основные группы структурных моделей терминов с компонентом **debt** в позиции ядра и три основные группы структурных моделей терминов с компонентом **debt** в позиции адьюнкта.

Список литературы

1. Аракин, В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. – Ленинград: Просвещение, 1979. – 259 с.
2. Багана, Ж. Терминообразование в языке науки: Монография / Ж. Багана, Е. Н. Таранова. – Москва: ИНФРА-М, 2012. – 144 с. – ISBN 978-5-16-005533-6.
3. Комарова, З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. – М.: ФЛИНТА, Наука, 2018. – 820 с. – ISBN 978-5-9765-1683-0.
4. Куликова, И. С. Лингвистическая терминология в профессиональном аспекте / И. С. Куликова, Д. В. Салмина. – 3-е изд., стер. – Санкт-Петербург: Лань, 2020. – 380 с. – ISBN 978-5-8114-6478-4.
5. Кунин, А. В. Английская фразеология: Теоретический курс. – Москва: Изд-во «Высшая школа», 1970. – 344 с.
6. Натхо, О. И. К вопросу о моделировании научно-популярного делового дискурса // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики: сборник научных трудов. – Пятигорск: ПГЛУ, 2016. – № 9. – С. 52–58.
7. Murthy, M. Longman Business English Dictionary. – Harlow: Pearson Education Limited, 2007. – 596 p. – ISBN 978-1-4058-51381.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Шостак К. А., ORCID 0009-0008-9953-1368

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
karina.k.shostak@mail.ru

Введение. Данное исследование направлено на установление и описание языковых средств, реализующих коммуникативные стратегии, применяемые кандидатом на пост президента Джоозефом Байденом во время финальных предвыборных теледебатов, которые состоялись 22 октября 2020 г. в Белмонтском университете, штат Теннесси, Нашвилл, против действующего президента Дональда Трампа, в результате которых, первый одержал победу. В ходе вышеуказанных теледебатов кандидатами были затронуты следующие темы: борьба с пандемией COVID-19, вопросы государственной безопасности и неразрешенные проблемы в экономической и финансовой сферах.

Необходимо отметить, что изучение современных стратегий электорального дискурса и способов их реализации, в частности того кандидата, который выиграл выборы, дает возможность установить наиболее эффективные методы воздействия на избирателей.

Объектом исследования являются коммуникативные стратегии, используемые Дж. Байденом в ходе финальных предвыборных дебатов в октябре 2020 г. **Предметом** исследования выступают языковые средства, целью которых является реализация коммуникативных стратегий кандидатом на пост президента Дж. Байденом.

Целью настоящего исследования является установление и описание языковых средств, реализующих коммуникативные стратегии Дж. Байдена в ходе финальных предвыборных дебатов в 2020 г.

Поставленная цель обусловила необходимость решения следующих **задач**: определить ключевые коммуникативные стратегии, характерные для американского электорального дискурса, выявить и проанализировать языковые средства, посредством которых Дж. Байден реализовал наиболее эффективные из этих стратегий.

В соответствии с целью, задачами и объектом исследования были использованы следующие **методы** и приемы анализа: метод контекстуального анализа, метод лингвостилистического анализа и дискурсивный анализ.

В электоральном дискурсе, как правило, превалирует воздействующая функция языка, которая выражается в стремлении политических деятелей

прибегать к использованию определенных коммуникативных стратегий. Стоит отметить, что Г. А. Копнина рассматривает *коммуникативную стратегию* как «общий мыслительный план, или общую психологическую линию речевого поведения, определяемую интенцией и коммуникативными целями говорящего на основе осознания коммуникативной ситуации как совокупности факторов, влияющих на планирование и реализацию речевой коммуникации» [2, с. 9]. В современном электоральном дискурсе все коммуникативные стратегии действуют в одном ключе: оказать воздействие на избирателей и убедить их отдать свой голос за того или иного кандидата.

В коммуникативной ситуации выборов на пост президента наблюдается характерное сочетание двух взаимодополняющих элементов. С одной стороны, присутствует высокая степень агональности, когда противопоставление между кандидатами переходит в открытое противостояние. С другой стороны, ощущается значительный элемент театральности, выражающийся не только в тактическом использовании языковых средств, но и определенных жестов кандидатом для достижения нужного эффекта [4, с. 65].

В основе описания коммуникативных стратегий, которые используются в американском электоральном дискурсе, положены подходы О. Л. Михалевой [5, с. 156], О. П. Мальшевой [3, с. 207], О. Л. Бессоновой и И. В. Фатьяновой [1, с. 70]. Наиболее частотными коммуникативными стратегиями, к которым прибегает Дж. Байден во время финальных предвыборных дебатов в 2020 г., являются: *стратегия позиционирования, стратегия кооперации и стратегия конфликта.*

Стратегия позиционирования выражается в формировании позитивного имиджа, направленного на укрепление репутации политика в глазах избирателей: *And we're in a circumstance where the President, thus far, still has **no plan**. No comprehensive plan. What **I would do** is make sure we have everyone **encouraged to wear a mask**, all the time. **I would make sure** we move in the direction of **rapid testing**, investing in rapid testing. **I would make sure** that we set up **national standards** as to how to open up schools and open up businesses so they can be safe, and give them the wherewithal and financial resources to be able to do that.* Так, кандидат на пост президента, освещая тему пандемии, и выставляя своего оппонента беспомощным в борьбе с вирусом, прибегает к использованию параллелизма *I would + verb*, который подчеркивает твердое намерение политика исправить ситуацию. Дж. Байден не просто говорит о необходимости плана – *no plan*, он предлагает конкретные шаги, которые он предпримет: *encourage to wear a mask, rapid testing, national standards*. Это делает его план более убедительным и реалистичным.

Стратегия кооперации заключается в применении психологических техник с целью воздействия на эмоциональную сферу избирателей и мотивирования их к поддержке определенного кандидата: *Anyone who's responsible for not taking control – **in fact, not saying, I take no responsibility,***

initially – anyone who is responsible for that many deaths should not remain as President of the United States of America. Политик использует эмоции, направленные на вызов чувства вины и ответственности у слушателей, а выражение категоричного утверждения усиливает эмоциональное воздействие. Помимо этого, кандидат прибегает к использованию риторического вопроса – *Anyone who...*, целью которого является создание ощущения неизбежного и недопустимого действия Д. Трампа, а также анафоры – *in fact, not saying, I take no responsibility*, которая позволяет выступлению быть более эмоциональным и убедительным.

Стратегия конфликта представляет собой целенаправленное подчеркивание негативных качеств и действий политического противника: *I don't understand why this President is unwilling to take on Putin when he's actually paying bounties to kill American soldiers in Afghanistan, when he's engaged in activities that are trying to destabilize all of NATO. I don't know why he doesn't do it but it's worth asking the question. Why isn't that being done?* Дж. Байден делает акцент на неспособности действующего президента обеспечить национальную безопасность страны, используя лексический повтор *I don't understand, I don't know*. Свое недоумение и несогласие политик выражает в риторическом вопросе – *Why isn't that being done?*, одновременно подчеркивая, что заданный вопрос является ключевым и требует ответа.

В заключение, анализ речи Дж. Байдена демонстрирует, что кандидат прибегает к использованию разных коммуникативных стратегий для достижения политических целей. Он умело формирует позитивный образ, одновременно дискредитируя своего оппонента, и в то же время анализирует ситуацию, опираясь на логику и факты. Стратегия позиционирования Дж. Байдена, основанная на создании образа компетентного и решительного лидера, строится на конкретных предложениях по решению актуальных проблем. Он не просто декларирует свои цели, а предлагает четкие шаги, что делает его позицию более убедительной. В стратегии конфликта прослеживается не только прямая критика, но и риторические вопросы, подчеркивающие отсутствие действий со стороны действующего президента.

Список литературы

1. Бессонова, О. Л., Фатьянова, И. В. Динамика американского политического дискурса XX – начала XXI века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 1. – С. 69–83. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.6>.
2. Копнина, Г. А. Контрманипуляция в речевой коммуникации: некоторые перспективы изучения / Г. А. Копнина // Коммуникативные исследования. – 2018. – № 2 (16). – С. 7–19. – DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.7-19.
3. Малышева, О. П. Коммуникативные стратегии и тактики в публичных выступлениях (на материале речей американских и британских политических лидеров) /

- О. П. Мальшева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 96. – С. 206–209.
4. Маник, С. А. Коммуникативные стратегии президента Байдена как представителя американской политической элиты / С. А. Маник, Ю. С. Якимук // Политическая лингвистика. – 2021. – № 5 (89). – С. 62–69. – DOI 10.26170/1999-2629_2021_05_07.
 5. Михалёва, О. Л. Политический дискурс : специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалёва. – Москва : URSS, 2008. – 252 с. – ISBN 978-5-397-00227-1.
 6. Donald Trump & Joe Biden 3d Presidential Debate Transcript 2020. Electronic resource: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-joe-biden-3d-presidential-debate-transcript-2020> (дата обращения: 09.09.2024).

Лингвокогнитивные и лингвокультурологические исследования

УДК 81.4

КУЛЬТУРА ПАБОВ В АНГЛИИ

Акинина Н. В., канд. пед. наук, доц., ORCID 0009-0009-0736-4839,
Магарамова А. Д., ORCID 0009-0002-0539-6107,
Гранникова В. В., ORCID 0009-0006-0358-6782

Старооскольский филиал ФГАОУ ВО НИУ «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет», г.Старый Оскол, РФ
vgrannikova@gmail.com

Следующее определение паба дано в лингвострановедческом словаре «Великобритания»: «паб (pub), пивная, трактир, таверна (торгует преимущественно пивом, а также другими алкогольными и безалкогольными напитками и закусками; является местом встречи жителей данного района». Однако, паб – это не просто пивная в прямом смысле этого слова.

На данный момент в Англии более 60 тысяч пабов, которые ежегодно посещают более 25 миллионов человек. Пабы неотъемлемо вписываются в британскую жизнь и культуру, считается, что они являются неотъемлемой частью знакомства с Британией [1].

Паб – это не просто место, где можно выпить и расслабиться. В течение многих столетий это было местом встреч с друзьями, общения с коллегами, заключения деловых сделок; местом, где люди собирались для празднования, игр или поиска уединения.

Благодаря изменениям в законодательстве пабы теперь стали семейными местами. В некоторых отдаленных общинах они выполняют дополнительные функции, такие как церковь или почтовое отделение.

Считается, что пабы впервые появились в XII веке. Одна из легенд связывает их происхождение с королем Ричардом Львиное сердце, который, остановившись на ночлег в маленькой деревне, был так поражен гостеприимством местного старосты, что приказал создать подобные места по всей стране. Так возникли первые «дома для людей», или public houses, как они известны [3].

Другие версии утверждают, что пабы появились с приходом римлян.

Типичный английский паб представляет собой уютное и атмосферное место, где история встречается с современностью. Интерьер обычно оформлен в традиционном стиле, часто с элементами деревянной отделки и камня, что придает ему особый шарм.

Внутри паба можно обнаружить уютные залы с низкими потолками и деревянными балками, создающими атмосферу старинной английской гостиницы. Стены могут быть украшены картинами или панелями, рассказывающими историю заведения или местной общины.

Мебель в английских пабах часто выполнена из темного дерева, с мягкими сиденьями и подушками для комфортного отдыха. В заведениях часто встречаются длинные деревянные столы, пригодные для больших компаний, а также уютные уголки для уединенных бесед.

Освещению в пабе отводится весьма важная роль, обычно оно приглушенное и уютное. Вечером создается приятная атмосфера благодаря мягкому свету подвесных ламп и настольных светильников, которые добавляют теплоты и интимности.

В целом, английский паб – это не только место, где можно насладиться напитками, но и аутентичная часть культуры, где можно окунуться в атмосферу прошлого и насладиться комфортным интерьером и гостеприимством.

Атмосфера в пабе представляет собой смесь традиции и уюта. Она подчеркивает историю и культуру, придавая заведению особый характер.

Эффектная атмосфера привлекает различные категории посетителей – от местных жителей, желающих провести время с друзьями, до туристов, желающих ощутить аутентичность британской культуры. Паб становится не только местом для отдыха, но и центром социальной активности, где люди собираются для общения, развлечений и уединения.

В питейных заведениях жители проводят огромную часть своей жизни: видятся с друзьями, отмечают праздничные дни, устраивают вечеринки, обмениваются последними событиями, знакомятся и даже заключают сделки. Также в пабе можно играть в дартс, карты, домино, настольный футбол, общаться с любыми посетителями, даже если вы не знакомы.

Одним из основных элементов английской паб-культуры является ассортимент напитков, предлагаемых в этих заведениях. Эль, портер, биттер, стаут, сидр – все эти напитки имеют долгую историю в Великобритании. При этом каждый паб может предложить свои уникальные сорта пива, что делает поход в заведение увлекательным и разнообразным. Кроме того, в английских пабах часто можно попробовать и местные спиртные напитки, такие как джин, виски и ром. Однако напитки – это не единственное, что делает визит в английский паб уникальным [2].

Традиционные закуски и блюда, предлагаемые в пабах, также играют важную роль в опыте посещения этих заведений. В пабах можно попробовать такие блюда, как fish and chips, паштеты, сосиски с пюре, а также различные блюда из говядины, свинины и баранины. Такие блюда часто готовятся по традиционным рецептам, передаваемым из поколения в поколение.

Важную роль пабы играют и в общественной жизни Великобритании. Это места, где люди могут встретиться после работы, отметить праздники или просто провести вечер в компании друзей. Пабы также являются центрами социальных взаимодействий, где можно встретить совершенно разных людей и обсудить что угодно, независимо от возраста собеседников, их статуса и профессии. В целом, для многих людей пабы имеют большое значение как места для встреч с друзьями, проведения досуга и социализации. Они предлагают уникальный опыт, позволяющий окунуться в атмосферу английской культуры и традиций. А выбор напитков, закусок и блюд, а также возможность общения с различными людьми делают поход в английский паб незабываемым и уникальным событием.

Традиционными развлечениями в английском пабе являются выступления местных музыкантов, открытые встречи музыкантов, дартс или игра в дарты, бильярд. За выпивкой и закусками британцы часто смотрят футбол на большом экране.

Важной особенностью английских пабов является то, что в них нет официантов, обслуживающих столики. Чтобы заказать пиво или закуски, нужно дождаться своей очереди у барной стойки. При этом меню обычно написано мелом на доске. Во многих пабах готовят традиционную британскую кухню. Наиболее популярными блюдами среди британцев являются: йоркширский пудинг, который, по сути, представляет собой запеченный кляр из муки, молока и яиц, сосиски с картофельным пюре и Sunday roast (жареное мясо с овощами и другими дополнениями, например, с йоркширским пудингом) [4].

В английских пабах подают самые разные напитки, но в первую очередь – различные сорта пива. Лагер – пиво низового брожения, наиболее распространенный вид по всему миру. Напиток может быть светлым или темным. Стаут в свою очередь исключительно темное пиво, которое изготавливается из жженого солода, в него также добавляют карамельный солод и жареный ячмень. Следующий тип – настоящий эль. Этот напиток варят по традиционному рецепту, после чего выдерживают в контейнере, где он проходит вторичную ферментацию. Другим распространенным слабоалкогольным напитком является сидр. Он производится из особых сортов яблок путем брожения натурального сока [5].

Английские пабы являются важным элементом культуры Великобритании, а их роль в общественной жизни и социальных взаимодействиях не может быть переоценена. Это места, где люди могут встретиться с друзьями, провести вечер в компании единомышленников или даже включиться в общение с незнакомцами. Пабы предлагают уютную атмосферу и широкий выбор традиционных напитков и закусок.

В заключении можно отметить, что английские пабы – это не просто места для употребления алкоголя, это часть богатой истории и культуры Великобритании.

Список литературы

1. Arkell, P. “A Pub Crawl Through History: The Ultimate Boozers’ Who’s Who” [Текст] / Peter Arkell, Mike Pentelow // Amberley Publishing. – 2010. – 368 с. – ISBN 978-1857567014.
2. Haydon, P. “The English Pub: A History” [Текст] // Robert Hale Ltd. – 1995. – 351 с. – ISBN 978-0709056942.
3. Haydock, W. “Pubs and Patriots: The Drink Crisis in Britain during World War One.” [Текст] / W. Haydock // Manchester University Press. – 2015. – 262 с. – ISBN 9781781381021.
4. Johnson, P. “Cheers!: The story of the modern pub” [Текст] / P. Johnson // Oxford University Press. – 2016. – 30 с. – ISBN 978-0951932704.
5. Smith, M. “The Pub: A Cultural Institution in England.” [Текст] / M. Smith // London Press. – 2018. – 256 с. – ISBN 978-1910254523.

УДК 81`42

КУЛЬТУРНО ДЕТЕРМИНИРОВАННЫЕ МИТИГАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В БРИТАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ахметзянова П. А., ORCID 0009-0008-3827-9269

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань, РФ
Polina.akhmetzyanova@list.ru

Введение. Возрастающий интерес к исследованиям в области коммуникативного поведения политиков обусловлен растущей политизацией общества и постоянными изменениями, происходящими в его политической системе. Политические деятели вступают в коммуникацию в эвентуально конфликтных ситуациях, в которых используемые языковые средства направлены на защиту. Одним из средств является митигация или смягчение, и их предмет активно изучается в рамках лингвистических исследований в целом, и в институциональном дискурсе в частности [2, 3, 4]. Вслед за С.С. Тахтаровой, мы определяем митигацию как коммуникативную категорию, «...основным содержанием которой являются прескрипции, установки и правила, детерминированные максимами вежливости и направленные на минимизацию коммуникативных рисков в интеракции...» [4, с. 78], причем важным аспектом митигации является ее этнокультурная обусловленность.

Цель. В данной статье мы предпримем попытку проанализировать выступление бывшего премьер-министра Великобритании Лиз Трасс на частотность употребления в нем митигативных единиц, а также сопоставим полученные данные с ранее выявленными особенностями национального коммуникативного стиля британцев. Ранее в рамках нашего исследования

был проведен анализ особенностей национального коммуникативного стиля немцев и англичан в политическом дискурсе [1].

Подчеркнем, что правомерность генерализации полученных данных подтверждается К.Фокс, утверждающей, что для анализа коммуникации неизбежно необходимо принимать коммуникатора за типичного среднестатистического представителя лингвокультуры, поскольку существует то общее, что есть у носителей определенного языка и культуры, и что неизменно отличает его от представителя другой лингвокультуры [5, с. 21].

Основная часть. Для практической части исследования было выбрано видео-интервью бывшего премьер-министра Лиз Трасс Британской газете-таблоиду Daily Mail [6].

В 45-минутном видео нами было выделено 19 митигаций, среди которых в порядке от наиболее частотных к менее отмечены: тактика уклонения от ответа (6), тактика разделения ответственности (5), тактика смягчения несогласия (2), тактика смягчения модальности (2), тактика эвфемизации (2), тактика подчеркивания личной вовлеченности (1), тактика подтверждения идей дискуссантов (1).

Полученные данные, в целом, совпадают с этнокультурным портретом англичан в политическом дискурсе [1]. Высокая частотность тактики уклонения от ответа связана с неприятием представителей Британии неожиданных и незапланированных обстоятельств; разделения ответственности и смягчения несогласия с одной стороны со скрупулёзностью в деталях, а с другой – с потребностью отстаивать свои интересы; эвфемизации – с дистанцированностью; личной вовлеченностью и подтверждением идей дискуссантов – с твердой позицией и исключительной вежливостью.

Приведем несколько наиболее примечательных примеров тактик, реализуемых бывшим премьер-министром в интервью Эндрю Пирсу.

1) На 17-ой минуте интервью репортер задает вопрос Лиз Трасс:

Reporter: Can the clock be turned back? How?

Liz Truss: Of course, it can. One of the things I tried to do as prime minister, which was not accepted by conservative MPs, is get on with fracking. (Прим.: здесь и далее орфография наша. Интервью не имеет транскрипта).

Здесь мы можем отчетливо наблюдать тактику разделения ответственности, к которой бывший премьер-министр прибегает, вовлекая в неудобную для себя ситуацию посторонние лица и перекладывая на них часть ответственности, вменяемой ей интервьюером.

2) На 28-ой минуте интервью Лиз Трасс замечает:

Liz Truss: I was then once bitten and twice shy, yeah, about anything that could create market jitters. That was the issue.

В данном речевом акте была использована пословица, которая эквивалентна русскому «обжегся на молоке – дует на воду», а также

разговорное выражение, с помощью которого Трасс маскирует негативную оценку ситуации на рынке.

3) На 30-ой минуте интервью Эндрю Пирс задает вопрос:

Reporter: Do you think that was because they were trying to scupper you?

Liz Truss: I don't know whether it was poor communication between the bank of England and the treasury, I don't know what the issue was. <...> All I can tell you is it felt like we weren't getting the fulsome support of the bank of England for what we were trying to do.

В ответе бывшего премьер-министра прослеживается попытка мягкого уклонения от прямого ответа на вопрос о том, ощущала ли она давление и попытку смещения с должности со стороны правительства и банка Англии. Политик перечисляет возможные причины, но при этом не выражает однозначного согласия или несогласия с высказанной интервьюером возможностью.

4) На 40-ой минуте интервью между интервьюером и интервьюируемым политиком происходит следующий диалог:

Reporter: Are you sometimes embarrassed that you're going to go down in history as the shortest serving prime minister in British history?

Liz Truss: I'm not embarrassed. I'm definitely frustrated that I feel we've missed an opportunity to deliver those policies. Am I proud to have got there? I'm proud that when I got there, I did actually get rid of this new Health and Social Care.

Данный речевой акт отражает тактику смягчения несогласия, где Лиз Трасс отрицает негативную оценку, скрываемую за наделяемым интервьюером титулом самого непродолжительного премьер-министра Великобритании, представляя взамен положительные аспекты ее работы на (на тот момент) занимаемой должности.

Заключение. В данной работе методом сплошной выборки из 45-минутного интервью [6] было отобрано 19 митигативных тактик, реализуемых представителем британской лингвокультуры. Данные тактики были сопоставлены с ранее выделенным этнокультурно обусловленным коммуникативным стилем британцев в политическом дискурсе. Нами была подтверждена взаимосвязь между используемыми средствами коммуникативного смягчения и этнокультурной спецификой британского политического дискурса, сопоставлены данные избранных тактик смягчения и соответствующих характеристик английской лингвокультуры.

Список литературы

1. Ахметзянова, П. А. Митигативные аспекты национального коммуникативного стиля в немецком и британском политическом дискурсе / П.А. Ахметзянова, С. С. Тахтарова // Russian Linguistic Bulletin. – 2024. – №6 (54). – URL: <https://rulb.org/archive/6-54-2024-june/10.60797/RULB.2024.54.11>. – DOI: 10.60797/RULB.2024.54.11.

2. Труханова, Д. С. Митигативные стратегии и тактики в современном российском парламентском дискурсе : дис. ...канд. : 10.02.01 : защищена 2021-05-20 : утв. 2021-05-20 / Д. С. Труханова. – Москва. – 2021. – 224 с.
3. Каракулова, С. Ш. Митигативные стратегии и тактики в политических интервью с германскими политиками : дис. ...канд. : 10.02.04 : защищена 2017-01-26 : утв. 2017-01-26 / С. Ш. Каракулова. – Волгоград. – 2017. – 224 с.
4. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты) : [монография] / С. С. Тахтарова; науч. ред. В. И. Шаховский; ГОУ ВПО «ВолГУ». – Волгоград: Изд-во ВолГУ. – 2009. – 380 с.
5. FOX, K. (2005). Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour. Hodder. London. – 424 pp.
6. Liz Truss reacts to being shortest-serving PM EVER | Exclusive Interview : сайт. – 2024. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Oe20p923Qdg&list=PLcNGaNBolqe98gIe4C4VqYiM4KttMq24a&index=3> (дата обращения: 31.08.2024).

УДК 81'373.2

ПОЛИСЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЭТОНИМЫ В РОМАНЕ ДЖ.ДЖОЙСА «УЛИСС»

Бартенева В. Г., ORCID 0000-0001-6202-2588

ФГБОУ ВО «Донецкий национальный технический университет, г. Донецк, РФ
dravika2016@yandex.ru

Введение. Большинство проприальных единиц романа Джойса являются полисемантическими онимами, совмещающими элементы апеллятивной (дотекстовой) семантики, семы и коннотемы, сформированные контекстом произведения и широким историко-культурным контекстом, а также предшествующей «Улиссу» прозе Джойса («Дублинцы», «Портрет художника в юности», «Герой Стивен»).

Цель исследования – по мере развития идейно-художественного содержания «Улисса» раскрыть смыслы, заложенные в полисемантическое собственное имя одного из главных персонажей романа *Stephen Dedalus / Стивена Дедала*.

Основная часть. Если начать с языкового уровня интерпретации, то можно установить апеллятивное значение личного имени *Stephen*, восходящего к греч. “στέφανος” – венок, символ славы. Ср.: “Stephen looked on his hat, his stick, his boots. *Stephanos*, my crown. My sword. His boots are spoiling the shape of my feet. Buy a pair [1, p. 314]. На уровне фоновых знаний – это имя новозаветного первомученика Стефана, жившего в I в. н.э., забитого камнями за проповедь Евангелия. Фамилия Стивена также эксплицируется с учетом фоновых знаний греческой мифологии, отсылая к образу древнего мастера-искусника Дедала, создателя и непроходимого лабиринта для царя Миноса, и возносящих, освобождающих крыльев,

притом творящий в изгнании, на чужбине (все эти мотивы весьма значимы для Джойса) [2, с. 787]. Вследствие соотношения имени с мифонимом автор выражает идею участи художника-творца, соединяющей славу, страдания, изгнание.

Собственное имя *Стивена Дедала* является, наверное, самым значимым в контексте “жизнь и творчество Джеймса Джойса”, поскольку первые рассказы Джойса при их публикации в дублинской газете были подписаны этим псевдонимом [2, с. 787]. Содержательную связь онима *Стивен Дедал* с автором «Улисса» подтверждает и тот факт, что это СИ заимствуется из «Героя Стивена» и «Портрета художника в юности», которые исследователи называют автобиографическими романами. Их главный герой “переходит” в «Улисс», сохраняя черты характера, прошлое (во многом имеющее автобиографический характер), хотя в целом дистанция между автором и героем становится больше. Личное имя *Stephen* лежит в основе школьного прозвища героя – *Bous Stephanoumenos/ Бус Стефануменос* [3, с. 223], в греческой классике означающего “бык венценосный”, жертвенное животное, украшенное венком и предназначенное для заклания [2, с. 869]. *Бус Стефануменос* означает, что у Стивена душа быка и намекает на сходство с Фомой Аквинским, которого называли молчаливым и упрямым как бык. Это прозвище заимствуется из «Портрета художника в юности», подтверждая внутреннюю интертекстуальную связь романа с «Улиссом».

Множественность смыслов антропонима обусловлена прозвищными наименованиями, формирующими какую-либо сторону образности персонажа. Большинство иронических прозвищ выдумает Бык Маллиган, что соответствует его балаганной сущности. В эпизоде «Телемак» он критически оценивает официальное имя *Стивен Дедал* (“Это нелепое твое имя, как у древнего грека” [2, с. 6]) и этимологизирует прозвище, выбранное для именованного приятеля-врага: “Нет, лучшее тебе имя придумал я: *Клинк, острый клинок*” [2, с. 6] – “O, my name for you is the best: *Kinch, the knifeblade*” [1, p. 7]. Эта отапеллятивная проприальная единица включается Маллиганом в другие конструкции, интерпретируемые на историко-филологическом уровне. Так, издеваясь над литературной версией Стивена о том, что Шекспир в «Гамлете» – не принц Гамлет, а Призрак, Король – отец (Шекспир-актер играл именно Призрака; сына Шекспира звали Гамнетом [2 с. 853]), Маллиган говорит: O, shade of *Kinch the elder! Japhet in search of 'a father!*” [1, p. 28] “– О, *тень Кинка-старшего! Иафет в поисках отца!*” [2, с. 21]. Первое прозвище представляет собой генетивную конструкцию с зависимым онимным компонентом: *shade of Kinch the elder / тень Кинка-старшего*, которая пародийно трансформирует номинацию “*тень отца Гамлета*” (Шекспир). Второе прозвище создается с помощью приема трансонимизации – перехода названия романа Ф. Мэрриэта «*Иафет в поисках отца*» в антропоним.

Еще одним аллюзийным источником наименования является имя *Иафета* (Яфета), младшего сына Ноя (Книга Бытия), актуализирующая тему “поисков отца” – один из лейтмотивов темы Стивена Дедала.

В эпизоде «Протей» дополнением к прозвищу *Клинк* становится уничижительное определение “toothless” /“беззубый” и безымянная номинация “*superman*” /“сверхчеловек”, эксплицируемая с учетом биографии Джойса и историко-культурного контекста: “Toothless Kinch, the *superman*” [1, p. 76]. Согласно комментариям к «Улиссу», словарь и некоторые идеи Ф. Ницше можно проследить и у Маллигана, и у Стивена; сам же Джойс в 1904 г. подписался под одной открыткой Дж Робертсу: Джеймс Сверхчеловек” [2, с. 813].

Семантика имени *Стивен Дедал* обогащается за счет самономинирования, актуализирующей мифологическую связь героя с *Икаром* (эпизод «Сцилла и Харибда»). Гомеров план эпизода символизируют противоречивость ума, противопоставление аристотелевской и платоновской эстетики, мучительную духовную антиномию, сомнения, через которые обязательно должен пройти художник. Стивен внутренне колеблется: он не знает где его место – в Париже или Дублине и не знает, кто он: дерзкий юноша Икар или же зук, который не может высоко летать: “Fabulous artificer. The hawklike man. You flew. Whereto? <...>Paris and back. *Lapwing*. *Icarus*... Seabedabbled, fallen, weltering. *Lapwing* you are. *Lapwing* be” [1, p. 314]. – “Легендарный искусник. Человек-сокол. Ты летал. Куда же? <...> Париж и обратно. *Зук*. *Икар*... Упал, барахтается в волнах, захлебывается. *Зук*, вот ты кто. Быть *зуйком*” [2, с. 225]. Самоотождествление Стивена то с *Икаром*, то с *зуйком* реализует тему творческих, религиозных и т.д. сомнений героя, интерпретируемую с учетом историко-филологического предтекста. В «Метаморфозах» Овидия *Зук* – имя племянника и ученика Дедала, столь искусного, что Дедал из ревности мастера сбросил его с Акрополя; Афина, подхватив отрока в падении, превратила его в птицу. Там же Овидий говорит, что зук глядел на погребение Икара Дедалом, веселясь [2, с. 869-870].

Заключение. Исследование языковых приемов создания образности СИ, выявление социо-лингвистической информации и фоновых знаний читателей в различных сферах культуры, а также экспликацию литературных параллелей с протонимами, в скрытом или явном виде “входящими” в содержательную структуру проприальных лексем романа «Улисс» дает возможность установить полисемантическую сущность имени *Stephen Dedalus*, сформированного с учетом фонетических, смысловых, исторических, аллюзийных и т.д. связей с пространством текста «Улисса», общего текста, включающего все предшествующие «Улиссу» произведения («Дублинцы», «Герой Стивен», «Портрет художника в юности») и биографию писателя, а также широкого историко-культурного контекста (интертекста).

Список литературы

1. Joyce, J. *Ulysses*. – Published by David Campbell Publishers Ltd., London. – 1992. – 1084 p.
2. Джойс, Дж. Улисс / Дж. Джойс // Роман: Пер. с англ. В. Хинкиса, С. Хоружего. – СПб.: Азбука-классика. – 2006. – 778 с.
3. Джойс, Дж. Портрет художника в юности / Дж. Джойс // Роман: Пер. с англ. М. Богословской. – СПб.: Азбука. – 2000. – 358 с.

УДК 81(045)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ОБМАН» В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ СМИ

Бояркина Л. М., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0003-1944-7008,
Кулагина А. В., ORCID 0009-0004-6303-1282

ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет
имени М. Е. Евсевьева» г. Саранск, РФ
kulagina.alina150903@yandex.ru

Введение. В современном языкознании исследование фразеологизмов, вызывает большой интерес, поскольку именно во фразеологизмах наиболее ярко отражаются национальная практика, культурные традиции и мировоззрение каждого народа. Фразеологизмы являются наиболее эффективным способом репрезентации концепта «обмана», так как они значительно превосходят лексические единицы по информационному содержанию и прагматическому потенциалу.

Цель статьи – изучить особенности использования именных фразеологизмов, репрезентирующих концепт «обман» в современных текстах англоязычных СМИ.

Основная часть. Ключевые характеристики обмана: это концепт высокой степени абстракции, который представляет собой ментальное представление коммуникативной ситуации с её динамичностью, двойственностью намерений субъекта и уникальными взаимоотношениями между участниками.

Для того чтобы лучше понять, как фразеологизмы данной тематической группы представлены в современном английском языке, мы обратились к одному из известных аутентичных английских новостных ресурсов – “The Guardian”. Выбор данного новостного сайта был обусловлен тем, что данный ресурс, как уже было сказано ранее, охватывает все направления происходящих в мире событий, что совершенно очевидно дает большое преимущество в поиске необходимого материала по изучаемой теме.

По соотнесённости с той или иной частью речи можно выделить следующие лексико-грамматические разряды фразеологизмов: именные,

глагольные, адъективные и адвербиальные. В данной работе рассматривались фразеологизмы именной группы.

Фразеологизм “False pretenses” в значении «обман, притворство», был найден в заголовке следующей статьи: “Are British football coaches lured to the US under false pretenses?” – «Неужели британских футбольных тренеров заманивают в США под надуманным предлогом?». Данная статья датируется 24 февраля 2021 года, что является отличным примером использования представленного фразеологизма в современном языке. В статье идет речь о незаконных, то есть мошеннических схемах «переправки» в США спортивных тренеров по всему миру из их родных стран, в том числе и с помощью поддельных виз. В примере хорошо прослеживается связь фразеологизма “False pretenses” непосредственно с тематической группой «Обман». “False pretenses” подразумевает под собой именно те самые мошеннические схемы, по которым клуб Global Premier Soccer (GPS) и производил незаконный въезд иностранных спортивных тренеров на территорию США, то есть делал это обманом [1].

Следующий фразеологизм был найден в заголовке статьи “Tech label obscures a host of old-fashioned sharp practice” – «Технологичный лейбл скрывает множество старомодных обманных приемов». Перевод “Sharp practice” – «темные делишки, бесчестное поведение, мошенничество, надувательство», как никогда лучше отображает значение фразеологизма. Представленная статья повествует нам о еще одной мошеннической схеме, но уже не в сфере спорта, а в сфере науки. В ней речь идет о небезызвестной мошеннице Элизабет Холмс из Кремниевой долины и ее инновационном проекте по анализу крови, который собрал невообразимое количество денег у инвесторов, но который, в конечном счете, оказался «пустышкой» и простым обманом честных людей. В данном случае “Sharp practice” ближе всего подходит к слову «надувательство» [5].

Фразеологизм “hard-luck story”, выражающий историю о каких-либо неудачах и перипетиях, был найден в заголовке следующей статьи: “Baseball's all-star game just a hard-luck story in Cleveland?” – «Матч всех звезд бейсбола в Кливленде – просто история невезения?». В статье идет речь о Матче всех звезд в штате Огайо. В первый раз его не смогли провести из-за бейсбольных забастовок, а во второй раз, когда дата проведения была изменена, она совпала с несколькими отдельными мероприятиями в том же месте, из-за чего все отели были заполнены, а пробки стояли по всему городу. Усугубляет ситуацию забастовка авиадиспетчеров. Одним словом, все, что происходило в городе во время Матча всех звезд – самая настоящая “hard-luck story”, то есть история о неудачах и перипетиях [2].

“Behind Moon Travel Goal, Big Talk and Little Money” – «За целью путешествия на Луну стоят хвастливые речи и небольшие деньги». Речь в статье идет о том, что после того, как сорок лет назад первый человек ступил на Луну, у НАСА мало шансов повторить это достижение к 50-ой

годовщине полета «Аполлона-11». “Big talk”, или «хвастливые речи, преувеличение», автор статьи использует как раз для того, чтобы показать, что все обещания насчет повторной высадки человека на Луну к 2020 году – лишь хвастливые речи [3].

И последний фразеологизм был найден в заголовке “Good hospital food? That’s just pie in the sky” – «Хорошая больничная еда? Это просто несбыточная мечта». В данной статье рассматривается бесплатная еда в больницах, которая, по мнению автора, не является хорошей, а тем более вкусной. Фразеологизм как никогда лучше описывает мнение автора о больничной еде. Фраза “pie in the sky” передает те самые «несбыточные мечты» о хорошей еде в больницах [4].

Заключение. Проанализировав представленные фразеологизмы тематической группы «обман», можно отметить следующую тенденцию в статьях “The Guardian” – как минимум большая половина всех искомых фразеологизмов данной группы была задействована непосредственно в заголовках статей, однако же в самом материале статьи, другими словами, внутри самого текста, именные фразеологизмы встречены не были. Отсюда можно сделать вывод о том, что именные английские фразеологизмы в большей мере находят свое отражение именно в заголовках новостных статей.

Список литературы

1. Are British football coaches lured to the US under false pretenses. – Текст : электронный // The Guardian [сайт]. – URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/sep/11/tech-label-obscures-old-fashioned-sharp-business-practice> (дата обращения: 24.04.2024).
2. Baseball’s all-star game just a hard-luck story in Cleveland. – Текст : электронный // The Guardian [сайт]. – URL: <https://www.theguardian.com/2007/08/08/us/baseball-s-all-star-game-just-a-hard-luck-story-in-cleveland.html> (дата обращения: 24.04.2024).
3. Behind Moon Travel Goal, Big Talk and Little Money. – Текст : электронный // The Guardian [сайт]. – URL: <https://www.theguardian.com/2023/11/29/opinion/no-labels-trump-biden-2024.html> (дата обращения: 24.04.2024).
4. Good hospital food? That’s just pie in the sky. – Текст : электронный // The Guardian [сайт]. – URL: <https://www.theguardian.com/society/article/2024/may/26/good-hospital-food-thats-just-pie-in-the-sky> (дата обращения: 26.04.2024).
5. Tech label obscures a host of old-fashioned sharp practice. – Текст : электронный // The Guardian [сайт]. – URL: <https://www.theguardian.com/football/2021/feb/24/are-british-football-coaches-lured-to-the-us-under-false-pretenses> (дата обращения: 24.04.2024).

СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «РАБОТА» (В АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ПАРЕМИЯХ С КОМПОНЕНТОМ- ЗООНИМОМ)

Вахитова Р. И., ORCID 0000-0002-4573-4783

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань, РФ
ruzilya.vahitova@mail.ru

Введение. Исследование семантической единицы языка вышло на новую ступень, когда смысл и значение, представление, образ, слова, понятия и концепты выступают как единый целый. В статье наибольшим образом представлено общее понятие концепта из-за необходимости сочетания семантических и концептуальных анализов в целом.

Цель статьи – сравнительный анализ понятия «работа» на английском и русском языках. Предмет исследования – сравнительная характеристика этимологического материала и материала паремии, которые непосредственно связаны с вербальным понятием «работа».

Основная часть. Ограничение лингвистического материала лишь этимологическим данным и словами и фразами связано с тому, что первый дает доступ к исходным значениям слов, второй – образами и связями, привязанными к языковым формам. Концепция «работы» – одна из самых важных единиц, которые лежат в языковом сознании людей. У него существует значительное число синонимов, выражений, пословиц и поговорок, которые фиксируют понятие труда и подтверждают его значимость.

Исторические и этнографические данные о словах «работа» в англоязычном языке могут быть представлены следующим образом: «работа».

Обращаясь к истории слова *работа* в русском языке мы находим, что: «РАБОТА, -ы, ж. – «занятие», «труд», «деятельность»; «служба»; «продукт труда», «изделие», «произведение».

При классификации данных этимологических словарей, можно сделать целостный вывод, о том, что *работа* в русском языке сочетает в себе понятия: «тяжелый, подневольный труд», «относящийся к рабству».

Паремии в английском языке рассматриваются 100 пословицами, выбранными из 500, рассмотренными на предмет соотнесенности с концептом «работа», такими как:

All lay load on the willing horse. На добросовестную лошадь все груз вваливают. Смысл: свою работу все валят на добро совестного работника. Ср. Ретивому коню всегда работы вдвое, а тот же корм [3, с. 20].

The cat would eat fish, but would not wet her feet – Кошка хотела бы рыбы поесть, да лапки замочить боится. Ср. И хочется, и колется. Проглотить-то хочется, да прожевать-то лень [7, с. 47].

Пословицы и поговорки, выражающие общее отношение к работе/труду (положительно или отрицательно) независимо от конкретной сферы, насчитывается 52 (что составляет (54 %).

Количество тематически мотивированных сельскохозяйственной тематикой восемнадцать единиц выборки (19%) из паремиологического фонда английского языка.

A good horse cannot be of a bad colour [7, с. 137], *Go to bed with the lamb and rise with the lark. Ложись спать с ягненком, а вставай с жаворонком. Ср. Ложись с курами, а вставай с петухом* [3, с. 55].

Двадцать пять единиц выборки (26 %) из паремиологического фонда английского языка соотносятся с определенными видами деятельности (работы, труда), не связанными с сельским хозяйством.

If you run after two hares you will catch neither. Ср. За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь [7, с. 274].

Фрагмент паремиологического фонда русского языка представлен выборкой, включающей 120 пословиц и поговорок, тематически объединенных общим понятием «работа» и отношением к ней (методика проведения выборки паремий аналогична работе над англоязычным языковым материалом).

Содержательный анализ исследуемого материала показал, что шестьдесят четыре (53 %) единиц тематически мотивированы сельскохозяйственной тематикой: *Где в колхозе порядки – там лошади гладки* [2, с. 57], *С курами ложись, с петухами вставай* [2, с. 190], *Цыплят по осени считают* [1, с. 347]; *Ласточка лепит гнезда, пчелка – соты* [4, с. 63].

Сорок четыре (43 %) пословиц и поговорок выражают обобщенное отношение к работе/труду (положительное или отрицательное) безотносительно к конкретной сфере:

Курица в гнезде, а баба сковородку греет [4, с. 46], *Ранняя птичка зобок набивает, а поздняя глазки протирает* [4, с. 37], *чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть* [2, с. 99].

И лишь двенадцать единиц (9 %) паремиологического фонда русского языка соотносятся с определенными видами деятельности (работы, труда), не связанными с сельским хозяйством. Среди них можно выделить пословицы, связанные рукоделием, охотой: *За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь* [1, с. 120], *Из пруда и рыбы не изловишь без труда* [5, с. 201].

Рассматривая сопоставительный анализ концепта «работа» на материале английского и русского языков можно сделать следующие выводы. Сравнение этимологических данных с выборкой парами каждого языка показало, что существует какая-то когнитивная структура,

отражающая связь накопленного опыта, информации, знаний мира и значений слов, мотивации паремий и их коннотации.

Внутренняя форма слов «*work*» и «*работа*» является основой для семантического развития слова, с одной стороны, и отражает важные свойства одноимённого концепта, с другой.

Часть паремий о работе мотивируется другими видами деятельности (различными ремеслами, охотой, рыбной ловлей и т.д.). При этом процентное соотношение в английском языке иное, чем в русском.

Заключение. Следовательно, опираясь на значения языковых единиц, семантико-когнитивный анализ позволяет выявлять как концептуальные универсалии, так и характерные черты, свойственные национальным формам ментальности, а также пояснить особенности миропонимания этносов.

Список литературы

1. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Русс. яз. – 1991. – 534 с.
2. Избранные пословицы и поговорки русского народа. Составители: Н. П. Колпакова, М. Я. Мельц, Г. Г. Шаповалова. – М.: Гос. Изд-во худ. Лит-ры. – 1957. – 204 с.
3. Митина, И. Е. Английские пословицы и поговорки и их русские аналоги. – СПб.: КАРО. – 2009. – 336 с.
4. Рыбникова, М. А. Русские пословицы и поговорки. – М.: Изд-во Академии наук СССР. – 1961. – 230 с.
5. Словарь русского языка: В 4-х т./ АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. Стереотип. – М.: Русский язык, Т. – I. А – Й. – 1985. – 696 с.
6. Снегирев, И. М. Русские народные пословицы и притчи. – М.: Университетская типография. – 1848. – 88 с.
7. Speake, J. Oxford Dictionary of Proverbs. – Oxford University Press. – New York, 2008. – 388 p.

УДК 811.111.134.2.161.1'373.7:17.02

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ СООТВЕТСТВИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ, В АНГЛИЙСКОМ, ИСПАНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Гармаш Д. А., ORCID 0000-0001-5724-1989

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
daria.garmash@list.ru

Введение. Сопоставительное исследование фразеологии в лингвокультурологическом аспекте представляется актуальным, поскольку межъязыковые и межкультурные контакты различных народов носят

устойчивый характер. Фразеология, являясь сокровищницей языка, сохраняет в языке живые образы и метафоры, позволяющие воспроизвести картину мира и культурный потенциал народа. В фокусе внимания исследователей находятся явления фразеологической эквивалентности и лакунарности как выражение этнокультурной специфики сопоставляемых фразеологических систем.

Теоретические основы изучения межъязыковых соответствий находят отражение в работах Е. Ф. Арсентьевой [1], А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского [2], О. Л. Бессоновой и Е. Ю. Войтенко [3], Э. М. Солодухо [5], которые традиционно выделяют: *полные эквиваленты* – фразеологизмы сопоставляемых языков, которые практически идентичны с точки зрения актуального значения, синтаксической и лексической структуры и внутренней формы; *частичные эквиваленты* – фразеологизмы, значения которых почти совпадают, а синтаксические структуры, лексический состав и образные составляющие отличаются; *фразеологические аналоги* – идиомы анализируемых языков с близкими значениями, но различной внутренней формой; *безэквивалентные фразеологизмы* – выражения одного языка, у которых в сопоставляемом языке нет фразеологических соответствий [4, с. 221-223].

Целью работы является установление и описание межъязыковых соответствий фразеологических единиц, репрезентирующих морально-нравственные ценности, в английском, испанском и русском языках.

Основная часть. В результате анализа эмпирического материала установлено, что повышенной структурно-семантической эквивалентностью характеризуются **фразеологизмы-интернационализмы**, к которым относятся:

1) **библеизмы**: например, англ. *an eye for an eye and a tooth for a tooth* / исп. *Ojo por ojo (diente por dientes)* / рус. *око за око, зуб за зуб* ‘о мести, отплате за причиненное зло той же мерой’. Источником происхождения ФЕ является Библия: «Перелом за перелом, око за око, зуб за зуб: как он сделал повреждение на теле человека, так и ему должно сделать» (Левит, 24, 20; об этом же – Исход, 21, 24; Второзаконие, 19, 21). Такая форма регулирования отношений между людьми (зуб за зуб) родилась в дохристианские, ветхозаветные времена. Однако в Новом Завете Иисус Христос отменяет эту заповедь и дает новое наставление вместо него: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому». Таким образом, христианская мораль осуждает месть, творимую человеком;

2) **мифонимы**: например, англ. *labour of Sisyphus* / исп. *Trabajo de Sísifo* / рус. *Сизифов труд* ‘о трудной, безрезультатной, бесконечной работе (муче)’. Источником происхождения ФЕ является древнегреческая мифология, а именно, «Одиссея» Гомера. Выражение «Сизифов труд» принадлежит римскому поэту Проперцию (I в. до н. э.). Образ

фразеологизма восходит к древнегреческому мифу о Сизифе, царе Коринфа. Сизиф в наказание за земные грехи был осужден в загробном мире на бесконечный и бесплодный труд – вкатывать на гору огромный камень, который, едва достигнув вершины, срывался с нее. И Сизиф вновь принимался за свою работу;

3) фразеологические единицы, восходящие к **реалиям, деталям быта, обычаям**: англ. *to pay smb. (back) in his own coin* / исп. *Pagar con (en) la misma moneda, pagar en igual moneda* / рус. *оплатить той же монетой* ‘отвечать тем же самым, таким же поступком, отношением’. Первоначально ФЕ использовали в том значении, что долг необходимо погасить в такой же валюте, в которой он был предоставлен. Происхождение ФЕ восходит к римским временам – Плавт и Плиний использовали её в своих произведениях, а в 16 в. отмечено переносное значение фразеологизма.

К **фразеологическим аналогам** относятся:

1) фразеологизмы со сходной структурно-грамматической организацией, но разным компонентным составом. Например, англ. *as busy as a bee* / исп. *Más laborioso que el gusano* / рус. *трудолюбив как пчела* ‘очень трудолюбивый’;

2) фразеологизмы с разной структурно-грамматической организацией и разным компонентным составом, например, англ. *He that would have the fruit, must climb the tree.* / исп. *No se toman truchas, à bragas enjutas.* / рус. *Без труда не выловишь и рыбку из пруда.* ‘ничто не может быть достигнуто без усилий’.

Отдельного изучения заслуживают фразеологические единицы, не имеющие эквивалента в сопоставляемых языках, так как **безэквивалентность** объясняется какими-либо культурно-историческими реалиями, особыми традициями народа, зафиксированными во внутренней форме фразеологизма. Примерами могут послужить фразеологизмы с национально-культурным компонентом:

- англ. *to paddle one's own canoe* ‘быть независимым, полагаться только на себя’. Аналогия с управлением лодкой очень старая; Еврипид использовал ее в своей пьесе «Киклоп» (ок. 440 до н. э.). *Canoe* ‘каноз’ является транспортом, в основном используемым многими индейскими племенами Северной Америки, что наводит на мысль об американском происхождении данной ФЕ (примерно 1800 г.);

- исп. *Saltarse algo a la torera* ‘не выполнить обещание’. До возникновения корриды в современном виде в конце XVIII века, проводились так называемые игры быков. Одна из таких игр заключалась в том, чтобы дразнить животное шестом и, когда оно приближалось, воткнуть палку в песок и пройти мимо него. Это и есть *salto a la torera*, которую испанский художник Гойя отобразил на одной из своих гравюр, входящих в серию Тавромахия;

- рус. *прописать ижицу кому-л.* ‘проучить, жестоко наказать кого-л., всыпать кому-л.’ Выражение по происхождению собственно русское, употребляется с XVIII века. *Ижица* – последняя буква церковнославянской азбуки; по форме эта буква отчасти напоминает пучок розог или плетку. Наряду с *фитой* и *ятем ижица* является символом трудного письма и обучения грамоте на Руси. Русские пословицы связывают *ижицу* с телесными наказаниями, так при порке на теле возникает что-то вроде прописной *ижицы*.

Заключение. В ходе анализа межъязыковых соответствий фразеологизмов, репрезентирующих морально-нравственные ценности, в английском, испанском и русском языках, были выделены следующие группы: полные и частичные эквиваленты, фразеологические аналоги и безэквивалентные ФЕ. Национально-культурная специфика фразеологизмов связана с безэквивалентными фразеологическими единицами, которые отражают историю народа, его своеобразные традиции, обычаи.

Информация о финансовой поддержке: *Исследования проводились в рамках государственного задания (номер госрегистрации 124012400351-9).*

Список литературы

1. Арсентьева, Е. Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте (на материале русского и английского языков) : монография / Е. Ф. Арсентьева. – Казань : Изд-во Казан. Гос. Ун-та. – 2006. – 172 с.
2. Баранов, А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М.: Флинта: Наука. – 2016. – 312 с.
3. Бессонова, О. Л. Особенности перевода природного культурного кода во фразеологической картине мира / О. Л. Бессонова, Е. Ю. Войтенко // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2023. – № 73. – С. 62–77. – EDN DKNPXY.
4. Добровольский, Д. О. Сопоставительная фразеология: межъязыковая эквивалентность и проблемы перевода идиом / Д. О. Добровольский // Русский язык в научном освещении. – 2011. – № 2(22). – С. 219–246. – EDN QBAPLV.
5. Солодухо, Э. М. Проблемы интернационализации фразеологии : (На материале яз. Слав., герм., и роман. Групп) / Э. М. Солодухо. – Казань : Изд-во Казан. Ун-та. – 1982. – 168 с.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА, ОТРАЖАЮЩИЕ СПЕЦИФИКУ АМЕРИКАНСКОЙ ЦЕННОСТНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Ежова Т. В., д-р пед. наук, доц., ORCID 0000-0001-7985-3417

Шереметева Е. Г.

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет»,
г. Оренбург, РФ
ortatmin@mail.ru

Введение. Многие исследователи-лингвисты (Л. Вайсгербер, В. Гумбольдт, В. В. Кабакчи, А. А. Потеня, Т. Г. Тер-Минасова, Э. Сепир, Б. Уорф и др.) отмечают тот факт, что в разных лингвокультурах существуют разные пути постижения мира языковым способом, то есть следует вести речь о национальных вариантах языковой картины мира. Основная задача данной статьи – выявить ключевые слова, наиболее полно отражающие специфику американской ценностной картины мира. Источниками отбора языкового материала послужили аутентичные англоязычные СМИ и Интернет-ресурсы, наглядно иллюстрирующие лингвистические особенности выражения языковой картины мира в американской лингвокультуре. По мнению Т. В. Ивановой, слово можно считать «ключевым» для отдельной культуры, если оно может служить своего рода ключом к познанию культуры народа, пользующегося данным языком [1, с. 325].

Основная часть. Нами были выделены наиболее частотные лексические единицы – ключевые слова, представляющие американскую картину мира. Проведенный анализ показал, что в рамках выделенных частотных лингвистических единиц можно выделить следующие культурно и социально значимые для американской нации концепты: DEMOCRACY, SECURITY, WORK (JOB), NATURE, AMERICAN DREAM. Следует отметить, что перечень и содержание данных концептов не является исчерпывающим, поскольку ключевые слова достаточно широко представлены в любом дискурсе.

Концепт DEMOCRACY и репрезентирующие его ключевые слова часто имеют в американской языковой картине очень высокую эмоциональную окраску, крайне экспрессивны, что определяет параллельное (с целью усиления эффекта) использование лексем, связанных с риском, жертвенностью, борьбой (*to risk, to fight, to sacrifice*, и т.д.), символизирующими достижение демократических ценностей. Часто используются лексем, символизирующие «нечеловеческие сверхусилия» (*to endure, to carry smth. Forth, to tolerate, to deliver smth safely, to reach u m.д.*), что позволяет авторам захватить внимание и сознание людей,

пробудить чувство веры в свою страну, дух патриотизма, гордости за достижения и уверенность в будущем [3].

Смысловое поле концепта DEMOCRACY достаточно неоднородно и пересекается со многими другими концептуальными полями, в частности, с концептом NATURE. Такая взаимосвязь, по мнению исследователей, объяснима тем фактом, что лексема *nature* употребляется в английском языке с конца XIII столетия в значении «сила (энергия) обновления тела, телесных процессов, силы возрастания» и объединяет семы «рождение», «бытие», «творение», «вселенная», «наследственность», «обновление», «характер» [2]. Концепт NATURE охватывает в своем поле наименования небесных светил, воздуха и воздушных явлений, воды и водных явлений, огня, растительного мира, животного мира, земли, погодных явлений, природных катаклизмов и др. Как показал проведенный анализ, в связи с экологической политикой общественных организаций США и приоритетами национальной политики высокочастотными ключевыми словами являются лексические единицы «вода» (*water*) и «лес» (*forest*).

Взаимосвязь концепта NATURE с концептом AMERICAN DREAM представлена в речах многих политиков как система простых истин, ставших для американской нации «неоспоримыми», наделенными фактически «высшей силой», существующими и как абстрактные понятия и в тесной связи с жизнью народа и его представителей.

Анализируя репрезентацию концепта NATURE в контексте различных ключевых слов, можно отметить, что в исследуемом дискурсе мы часто сталкиваемся с метафоризацией и олицетворением с использованием природной тематики – как с положительным (природа как помощник, союзник человека, связующее звено), так и отрицательным оттенком (природные явления как чудовища, поглощающие, загоняющие в ловушку человека, заставляющие искать убежище, спасаться, преодолевать трудности, способном убивать) [2].

Концепт DEMOCRACY достаточно часто представлен в современных текстах вместе с концептом SECURITY, который актуализируется через такие ключевые слова, как: *danger, fear, fight, peace, protection, safety, strength, terror, terrorism, separatism, panic, war, world, violence, hatred, attack, enemy, act of smth. (liberty, etc.), expansion (extension) of smth. (liberty, etc.), tyranny, axis of evil* и т.д.

Анализ концепта SECURITY и составляющих его ключевых слов показывает, что в американской политической концептосфере сегодня на первый план выходит национальная безопасность как во внутренней политике, так и на внешней арене, о чем свидетельствует частотность использования ключевых слов *world, terror, war, intervention*. Военные действия американской стороны так и продолжают стереотипно оставаться «актами свободы», «защитой свободы» и «благородным сражением», «положительной интервенцией» (*act of liberty, freedom defence, battle, good*

intervention). В то время как действия противника или стран, чью политику США осуждает – «кровопролитной войной, «вражеской угрозой», «трусостью», «фанатизмом» и т.д. («*cruel war*», «*enemy assault*» «*cowardice*», «*zealotry*»). Навязывая обществу мысль о том, что его безопасность находится под угрозой, американские СМИ пытаются отвлечь общественное внимание от других важных социальных и геополитических проблем и оправдать определенные непопулярные решения, касающиеся силовой и авторитарной политики администрации.

Актуализация ценностей свободы и безопасности в американской картине мира неразрывно связана с имеющим глубокие исторические корни концептом “AMERICAN DREAM”, который передает могущество страны и ее представителей, способность пройти через любые испытания и выйти победителем, и представлен такими ключевыми словами, как *promise(d) of land; country where all things (everything) are (is) possible; country build up by waves of immigrants, Statue of Liberty, best days, good old days, pioneers, great things, great country (nation)* и т.д.

Концепты DEMOCRACY и SAFETY также имеют тесную связь с концептом WORK (JOB), представленном следующими наиболее частотными ключевыми словами: *work, job, business, money, career, to hire*.

Заключение. Подводя итог вышеизложенному, отметим, что результаты анализа использования ключевых слов, репрезентирующих американскую языковую картину мира в рамках концептов DEMOCRACY, SECURITY, AMERICAN DREAM, WORK (JOB), позволяют заключить, что формируемые ими концептосферы тесно пересекаются, отражая этнокультурную специфику страны в историческом плане и представляя собой конкретный срез ее языковой картины в текущий период.

Список литературы

1. Иванова, Т. В. Ключевые слова как репрезентанты актуальных концептов в американском предвыборном дискурсе / Т. В. Иванова // Ползуновский вестник. – 2006. – № 3-1. – С. 324–328. – EDN KZCHOV.
2. Маругина, Н. И. Концепт «природа» в русской и английской языковых картинах мира СТАТЬЯ 1 / Н. И. Маругина, Д. А. Ламинская // Язык и культура. – 2010. – № 2(10). – С. 36–45. – EDN NBN OUD.
3. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово/Slovo. – 2000. – 624 с.

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: КОММУНИКАТИВНО- ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Калинина М. В., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0003-1362-6283
ГБОУ ВПО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград, РФ
kalinina_8181@mail.ru

Политический медиадискурс, в котором сегодня главной темой становятся международные, внутривластные и экономические проблемы, все чаще оказывается предметом исследования работ, посвященных коммуникативно-прагматическим особенностям современной медиаречи. Всем известно, что «с помощью политического дискурса осуществляется социально-психологическое воздействие на адресата, происходит информирование и управление обществом» [4, с. 45]. С позиции прагматической лингвистики дискурс предполагает изучение речи участников общения, обмен информацией, оказание воздействия, использование различных языковых средств, оценку жестов, мимики, интонации, особенностей дикции, громкости и тембра голоса.

Материалом для данной статьи послужили политические ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым» (далее «Вечер») и «Воскресный вечер», в которых обсуждается современная общественно-политическая ситуация, освещается позиция российских СМИ в отношении войны на Украине. Главной стратегией данных ток-шоу становится воздействие на интеллектуальное и физическое поведение реципиента, на его ментальную сферу и коммуникативное поведение [1, с. 120].

Отметим, что в языке СМИ в последнее время все чаще используются слова, обладающие эмоциональной окраской и «высоким когнитивно-прагматическим потенциалом в плане выражения субъективной оценки агрессивности, воинственности, враждебности, нетерпимости и т. д.» [2, с. 18]: *вероятный противник, геополитический тупик, западные непартнеры, гибридная война с Вашингтоном, вражеские ресурсы* и т. д.

Ярлыки представляют довольно многочисленную группу лексики в политических ток-шоу, они отражают разные стороны информационно-психологического противоборства, выражаемого участниками коммуникации. В СМИ России присутствует оценочная характеристика американского президента: *старик Джо, престарелый Джо, самоходный Джо, дед самоходный, но направляемый* и т. д. Много негативных комментариев звучит в адрес не только украинских и европейских политиков (*просроченный Зеленский, Макрон – жалкое ничтожество*,

президент некогда христианской страны (об Э. Макроне), но и отдельных наций (лягушатники вякают, что пойдут с нами воевать (о французах).

Риторический вопрос является «эффективной фигурой диалогизации монологической речи, служащей для смыслового и эмоционального выделения ее смысловых центров, для формирования эмоционально-оценочного отношения адресата к предмету речи, а также для представления адресату особенно важных в смысловом отношении этапов рассуждения (доказательства)» [3, с. 241]. Отметим следующие вопросительные предложения в высказываниях ведущего: *Западные империалистические скоты, будет ли у вас завтра?* (Вечер, 19.06), *А зачем такой мир, в котором нет России?* (Вечер, 20.06), *Что вы творите?* (В. Соловьев о гей-парадах, проводимых возле Стены Плача в Иерусалиме), *Что за позор?* (Шахназаров о президенте Джо Байдене, Вечер, 20.06). Коммуникативной целью риторических вопросов является не запрос информации и побуждение к ответу, а привлечение внимания аудитории к наиболее важным аргументам, которые заложены в самом вопросе. Этот риторический прием помогает привлечь внимание к ключевым моментам, усилить впечатление, повысить эмоциональный тон высказывания, реализовывают принцип диалогичности, что помогает структурировать материал для дальнейшего обсуждения.

Эмоциональность выступающих, накал страстей передают восклицательные предложения, которые очень часто звучат в прямом эфире ток-шоу: *Не кончится все скоро!* (А. Гурулев, Вечер, 20.06), *Идиоты! Ну что вы такие безграмотные глупцы!* (об ошибке западных СМИ, выдавших приезд Путина в Якутию за приезд в КНДР, Вечер, 20.06).

В речи В. Соловьева и гостей студии ток-шоу широко представлена группа лексики, которая имеет отношение к решению внутривосточных задач, стоящих перед Россией: *национальные интересы, многополярный мир, всеобъемлющее стратегическое партнерство, дипломатический прорыв, глубокий прорыв по построению многополярного мира, военно-политический союз в Азии и т.д.*

Изучение высказываний В. Соловьева, экспертов и политологов свидетельствует о высокой частоте употребления эпитета (*сатанинские игры (об Олимпиаде во Франции), нацистские подонки* и т.д.). Использование эпитета чрезвычайно эффективно не только для создания особой образности высказывания, но и для оказания воздействия на слушателя, так как эпитет выносит на первый план то, что говорящему представляется наиболее существенным и эмоционально значимым.

Еще одна тенденция, наблюдаемая в языке политического медиадискурса – увеличение числа разговорных, жаргонных, просторечных и других стилистически сниженных элементов: *Хуситы долбанули по их судам* (В. Соловьев, Вечер, 19.06), *Получишь от нас **ответку**, реально не хватает Жириновского* (В. Соловьев, Воскресный вечер, 21.07). *За вас*

вписываться, Вы топчили за Камаллу (В. Соловьев, Вечер, 23.07). *Каждый давит свой шкурняк* (А. Гурулев, Вечер, 28.07).

В медиатекстах используются прецедентные феномены и приемы языковой игры: *Есть только дед, за него и держись* (В. Соловьев о Джо Байдене, Вечер, 21.07.24). Слова из песни композитора А. Зацепина «*Есть только миг*» трансформируются в «*есть только дед*», такая языковая игра увеличивает эмоциональность, экспрессивность высказывания, что в целом отражает установку речи В. Соловьева на ироничность и сарказм. Примером могут служить следующие комментарии: *Ох, у них подгорает* (о западных СМИ, освещающих поездку В. Путина в КНДР, Вечер, 17.06), *Холодный пот побежал по спинам «западных партнеров»* (Вечер, 19.06), *Пусть трампомания разгуляется* (В. Соловьев, Вечер, 21.07). *Вы не волнуйтесь, вы лучше окапывайтесь* (обращение к американцам, Вечер, 18.06).

Итак, на сегодняшний день в лингвистике наблюдается большой интерес к исследованию политической коммуникации, т.к. в политической сфере язык является важнейшим инструментом речевого воздействия. Активное участие СМИ в ходе освещения украинского конфликта оказало значительное влияние на формирование новой медийной картины мира, в которой частотными стали факты нарушения правил уважительного диалога, в том числе принципа обмена мнениями, во многих случаях обычной манерой общения становится грубость (использование оскорбленной, просторечной, жаргонной лексики), категоричность и прямолинейность суждений, отчего типичной становится речевая ситуация наклеивания ярлыков, что в русской картине мира всегда отвергалось даже на уровне бытового сознания.

Список литературы

1. Калинина, М. В. Коммуникативно-прагматический портрет современного ведущего (на материале программы «Вечер с Владимиром Соловьёвым») / М. В. Калинина, Е. В. Тишина // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 24. – № 1. – С. 120–122. – EDN: GSTPRR.
2. Карповская, Н. В. О конфликтном дискурсе, лексических маркерах конфликтности и их когнитивно-прагматическом потенциале / Н. В. Карповская, И. Р. Абкадырова, И. И. Давтянц // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. – 2022. – № 1 (2). – С. 14–25. – EDN: SRVWWM.
3. Михальская, А. К. Основы риторики: Мысль и слово / А. К. Михальская. – М.: Просвещение. – 1996. – 416 с.
4. Чикилева, Л. С. Политический дискурс парламентских дебатов: прагмалингвистический аспект / Л. С. Чикилева, А. Г. Сергеева // Российский гуманитарный журнал. – 2020. – № 1. – С. 42–60. – DOI: 10.15643/libartrus-2020.1.5. – EDN: FTAUTZ.

СИМВОЛИКА ВЕСОВ В ПЬЕСЕ ШЕКСПИРА «МЕРА ЗА МЕРУ»

Кизилова Т. Ю., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0003-0598-6235
 ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»,
 г. Москва, РФ
kayata@mail.ru

Античный символ весов как Страшного суда и справедливости звучит с новой силой в пьесе Шекспира «Мера за меру» как знак социальных перемен, модель умственных операций, нравственный камертон автора и музыка Истории. Задаваемая заглавной библейской аллюзией (Мф. 7: 2) идея измерения и оценки, поначалу опрокинутая в сюжет как юридический термин ‘measure’ в значении ‘a proposed legislative act’, переводится к V акту в сферу поэтического творчества как “poetic rhythm measured by temporal quantity or accent; meter.” Совмещение двух планов – сюжетно-бытового и эстетического – сопутствует созданию аллегорического образа весов на протяжении всей пьесы.

Испытание на прочность главных персонажей – Изабеллы (“he hath made an assay of her virtue”; “Assay the power you have”) и Анджело (“bid herself assay him”) обозначено с помощью глагола ‘assay’, ‘determine the content or quality of (a metal or ore)’. Значение измерения усиливает заглавный повтор и поддерживается фразами “testimonied in his own bringings-forth”, “test made of my metal” (“test”, ‘critical evaluation’). При этом игра омофонами “metal”/ “mettle” и многозначность ‘power’ намекает на испытание творческих способностей самого поэта, а синонимический ряд “measure – test – 129ealial29es – assay” говорит как об оценке государства и человека, так и о мере творческого акта, нравственно-художественной мере.

Предвосхищая эпоху рационализма, Шекспир наполняет древний символ новым смыслом – весы как модель разума; поэт выступает в ипостаси учёного. ‘Heading and hanging’ – не просто элементы сюжета пьесы и способы исполнения приговора (execution ‘putting to death by hanging and beheading’), от которых зависит судьба, но *ментальные операции Связывания, взвешивания аргументов и выделения главного*: “There are pretty orders beginning, I can tell you: it is but heading and hanging”. О связи и сцеплениях (‘hanging’) в художественном творчестве намекают контексты, упоминающие ‘painting’ (picture) и ‘mystery’ (handicraft, trade, art). Прилагательное ‘hanging’ (“you have a hanging look, – do you call, sir, your occupation a mystery?”) одновременно несёт смыслы ‘gloomy’ и контекстуальные ‘estimating’, ‘weighing’, ‘producing something with artistry.’

Слова ‘to weigh’, ‘weight’ часто употребляются как синонимы ‘measure’, ‘assess the value’ перед вынесением приговора (‘passing the

sentence’). Баланс омонимов 'weigh' и 'way', восходящих к протоевропейскому *wegh- ‘to go, to move’, намекает на то, что путь человека постоянно связан с взвешиванием возможностей. Не случайно негативная оценка человека даётся при помощи производного от 'weigh' прилагательного 'unweighing', 'thoughtless'. Лексемы 'even', 'equal', 'equally', 'equality' становятся синонимами 'just', обосновывая правильность выбора и одновременно обозначая правду жизни в искусстве.

В основе ритмической организации произведения, в заглавии которого заложена идея измерения и соразмерности, также лежит модель весов, тщательного взвешивания аргумента и контраргумента, поэтому излюбленными синтаксическими приемами становятся антитеза, хиазм и анадиплосис. Однако не стоит забывать, что за фигурами речи стоит гораздо больше, чем стремление к экспрессивности: они обозначают необходимость нравственного выбора, которым человек утверждает своё бытие в Истории. Контраст “I am at war ‘twixt will and will not” по сути оформляет программный запрос на образ будущего человека, на оценку волевых качеств, которыми он должен обладать, на выбор между Благодатью и Апокалипсисом. Концепция Истории как спасения направляет творческий потенциал человека в созидательное русло.

Часто основанная на параллелизме и антитезе мысль кристаллизуется в афоризмах об истории и творчестве – “some rise by sin, others by virtue fall”; “it is excellent// To have a giant’s strength; but it is tyrannous// To use it like a giant.”

В триаде «Бог, человек и природа» человек выступает орудием Божественного разума и сам становится разумом вселенной (Флоренский). Разум человека становится инструментом, позволяющим распознать фальшь: “Isa. nor do not banish reason// For inequality; but let your reason serve// To make the truth appear where it seems hid// And hide the false seems true.”

Структура хиазма, в которой части выражения уравниваются путем изменения синтаксической структуры, а вторая часть построена в порядке, обратном первой части, позволяет сфокусировать мысль о том, что правду не всегда легко обнаружить и отделить от лжи, повтор усиливает значимость слова “reason”, то есть логосного мышления ('logos', reason that in ancient Greek philosophy is the controlling principle of the universe).

Повторимся, что за синтактико-стилистическим приёмом у Шекспира скрывается философия жизни, колебания чаши весов перед их равновесным состоянием подобны методу познания действительности по модели тезис-антитезис – синтез. Гносеологически эта бинарность мышления отражает колебание мысли, борьбу противоположностей в поисках истины как основы нравственного развития человека. В искусстве подобная диалогичность – выражение художественной правды.

Кроме того, эстетически двухчастные противопоставления служат основой создания ритма как чередования элементов, в том числе модуляций перехода тональностей от весёлой к грустной и наоборот.

Единицами измерения становятся слова ‘sentence’, ‘sound’, ‘letter’, ‘syllable’, ‘word’, ‘thought’, ‘phrase’, ‘proverb’, ‘judgment’, ‘speech and discourse’, для которых характерна осцилляция между двумя полюсами: с одной стороны, сюжетно они связаны с судопроизводством, с другой – с ментальными операциями и искусством словесно-художественного творчества.

Отдельного внимания заслуживают единицы измерения веса ‘grain’, ‘scruple’, ‘jot’, счета ‘score’, денег ‘pound’, ‘mark’, ‘dollar’, ‘crown’, ‘ducat’, ‘sheckels/ sickles”, вовлекаемые в сферу социальной и эстетической оценки.

Употребление денежных единиц измерения ‘pounds’, ‘marks’, ‘dollars’, ‘crowns’, “sheckels” в оценке качеств людей способствуют восприятию *метафоры социальных весов*, поднимающих на одной чаше одних и опускающих одновременно других. В оценке драматурга, достоинство и суть человека измеряются (to score/ to measure) не деньгами, а благородными поступками. Так, многозначность слова ‘mark’ не только передаёт иронию к описываемому персонажу, но и авторский вердикт эпохи первоначального накопления капитала, когда оборотистые дельцы быстро превращали деньги в земельные участки (как драматург жизненный опыт – в спектакли). ‘Score’ как ‘musical composition’ возникает с учетом всего контекста пьесы о шуме истории, где каждый персонаж исполняет свою музыкальную и философскую партитуру в словах.

Обыгрывается орфография голландского слова ‘dollar’ во французском ‘douleur’, ‘pain, suffering’, ‘shekels of gold’ становятся секирой золота ‘sickles of gold’: новорождённый капитал источал не только ‘кровь и грязь’, но и болезни и страдания (чтобы воплотиться в строки поэта). Игра слов из области нумизматики переводится в сферу геополитики в многозначной коллокации “French crown”, где встречаются друг с другом ‘a French coin’, ‘top of the head’, ‘the French disease’ и французские заимствования в английском языке. Сам же драматург как «a three-pile mercer”, “thee-piece piler” комбинирует (собирает из кусочков) греческие, романские и германские фрагменты.

Итак, все перечисленные платёжные средства осмысляются не только как расчётные единицы Истории, но и как слагаемые творчества, денежные знаки языка, доставшиеся от других писателей. Наконец, фраза о том, как пёрышко может перетянуть чашу весов - “you weigh equally; a feather will turn the scale” - превращается в афоризм о способности пера мастера переиграть всю музыкальную партитуру (в контрапунктном звучании ‘scale’: 1) instrument for weighing 2) a graduated series of musical tones, или изменить масштаб (‘marks laid down to determine distance along a line’) силой художественной правды. Так колебания весов превращаются мощью художественного слова гения в музыку Истории.

К ВОПРОСУ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ МОДЕРАЦИИ)

Кишко С. Н., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0001-8251-3146
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
svetnick2401@mail.ru

На современном этапе развития лингвистики актуальность представляют комплексные исследования языковых единиц и структур как с точки зрения их коммуникативно-прагматического потенциала, так и социокультурных факторов, обуславливающих их функционирование в речи.

Объектом исследования данной работы является речевой феномен хеджинга (англ. *hedging*). Предмет составляют дискурсивные маркеры данного речевого явления. Цель данной работы состоит в анализе дискурсивных маркеров хеджинга как средств выражения коммуникативной стратегии модерации (англ. *moderation*), т.е. придание высказыванию более умеренного, менее категоричного, безапелляционного и т.п. тона) [1]. Материалом послужили 780 диалогических единств, в которых манифестируется рассматриваемый речевой феномен.

В своих ранних работах, основываясь на точке зрения П. Браун и С. Левинсона, предлагающих рассматривать речевое поведение в непосредственной корреляции с «лицом» говорящего – положительным \ отрицательным, что, тем самым делает коммуникацию стратегической, (т.е. любое речевое действие совершается с целью поддержать \ сохранить «лицо» или избежать «потери лица» [3]), речевой феномен хеджинг рассматривается как одно из средств выражения коммуникативной стратегии модерации [1]. Учитывая прагматическую составляющую лингвистического термина «hedging», мы используем термин «стратегическая неуверенность», а для средств выражения – *hedges* – «прагматические маркеры неуверенности».

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что в высказываниях с маркерами стратегической неуверенности находит отражение исходная установка говорящего на некатегоричный способ и манеру осуществления общения. Стратегическая неуверенность находит выражение в англоязычном диалогическом дискурсе в определенных языковых средствах, причем это выражение закреплено в них узуально.

К лексическим модераторам относятся наречия *sort of, kind of, in a way* и т.п., которые в словарях английского языка имеют помету '*frequently used to express uncertainty or hesitation*' (русск. *Часто используются для выражения неуверенности*); модальные глаголы со значением предположительности *could, might*; модальные слова со значением

предположительности *maybe, perhaps, probably, possibly*; глаголы «кажущести» *seem* и *appear*. К синтаксическим модераторам относятся речевые стереотипы модуса полагания: *I think (guess, believe и др.), to my mind; as far as I can tell, from all I can make out, in a manner of speaking, I'm not sure, It seems to me, If I am not mistaken, If I remember rightly.*; речевые стереотипы-дизъюнктивы *as it were, if you ask me / if I say so, so to speak*; речевые стереотипы со значением неопределенности *how shall I say? / how can I put it?, what you would call / what could be called*. Указанные языковые единицы и структуры позволяют избегать категоричности, прямолинейности при выражении своего мнения, тем самым субъективируют продуцируемое высказывание.

Стратегическая неуверенность демонстрирует сознательное соблюдение англоговорящим культурных норм и правил, принятых в данном лингвосообществе. Основными нормами речевого поведения, отражающих систему ценностей англоязычной личности, являются смягчение или предотвращение ликоповреждающих РА, таких как несогласие, неодобрение и т.п., нормы, предписывающие говорящему избегать безапелляционности и самоуверенности в высказывании мнения, т.е. руководствоваться правилом «Не показывай, что считаешь свое мнение бесспорным и тем самым не показывай, что считаешь свой статус в данной ситуации выше статуса собеседника» [2]. Это находит выражение в стратегиях отрицательной вежливости, каковой является и стратегическая неуверенность. Например, (1) – *Marshal, there's something that happened tonight. It has nothing to do with the murder of Loretta, but I believe it has something to do with John Bruno's kidnapping* (Baldacci, p. 182). Пример (1) иллюстрирует снижение категоричности заявления говорящего (о связи ночного происшествия с похищением Бруно). Используя маркер неуверенности, говорящий подчеркивает, что, делая подобное заявление, он высказывает лишь собственное мнение.

Использование стратегической неуверенности также может быть объяснено типом культуры, особенностями социально-культурных отношений, а именно параметром культуры «дистанция власти» (Power Distance) [4]. Как известно, в соответствие с этим параметром социальные отношения между членами языкового коллектива выстраиваются или горизонтально, или по вертикали. Поскольку английская культура принадлежит к индивидуалистическому типу, то она характеризуется горизонтальной дистанцией. Такая дистанция считается длиннее, чем вертикальная, и, как следствие, для ее сокращения необходимы большие усилия в процессе коммуникации. Как результат, широкое использование стратегий положительной вежливости: повышенный интерес к собеседнику, внимание к нему, подчеркнутая расположенность, демонстративная обходительность и др. Например, (2) – *Would you mind if I thought about it? (Sutton blinked and seemed about to ask what the fuck is there to think about? But*

she just nodded and said) – It's a big decision. Maybe you should sleep on it. I won't ask the other people I'm considering until tomorrow (Deaver, 186). В примере (2) вежливая просьба подчиненного дать ему время обдумать деловое предложение вызывает раздражение начальницы, которая, однако, повинаясь правилам положительной вежливости («Прояви усиленный интерес к адресату». «Стремись к согласию»), вынуждена уступить. Стратегическое использование маркера неуверенности *maybe* помогает ей скрыть свое недовольство во имя сохранения хороших отношений с сотрудником.

Рассмотрим следующий пример. (3) – *Damn it! It looks terrible. Roberta, can you see what's wrong with this window?– Perhaps it's a matter of scale? And maybe the colour values are wrong? Perhaps a gray blue cloth, if we have one, would show up the dark blue better?* (Bartel, p. 68). В примере (3) адресат, отвечая на вопрос, высказывая свою точку зрения по поводу внешнего вида витрины, использует неуверенность, руководствуясь принципами положительной вежливости («Прояви усиленный интерес к адресату», «Подчеркни то, что ты и адресат принадлежат к одной социальной группе», «Укажи на единство точек зрения, мнений, знаний»).

Таким образом, стратегическая неуверенность как средство выражения коммуникативной стратегии модерации обусловлена правилами отрицательной и положительной вежливости, соблюдение которых является обязательным в английском речевом поведении. Принцип отбора и закономерности применения ее средств лежат не в языке, а вне его, в организации общества, в том, какого поведения оно требует от говорящего в ситуации. Стратегическая неуверенность способствует реализации прагматического принципа коммуникации, регулирующего общение таким образом, чтобы обеспечить максимальный уровень кооперации и поддержать социальные отношения.

Список литературы

1. Кишко, С. Н. Коммуникативно-прагматическое макрополе модерации: синергетический аспект / С. Н. Кишко Вестник ДонНУ: научный журнал. Серия Б: Гуманитарные науки. – №2. – Донецк: ДонНУ. – 2017. – С. 36–40. – ISSN 2524-0285.
2. Ларина, Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – URL: <http://www.e-reading.org.ua/bookreader.php/137743/Larina>. (дата обращения: 30.06.2024).
3. Brown, P. Politeness: some universals in language usage / P. Brown, S. Levinson – Cambridge: Univ. Press. – 1987. – 345 p.
4. Hofstede, G. Cultures and Organizations: Software of the Mind / G. Hofstede, G. J. Hofstede, M. Minkov. Revised and expanded 3rd ed. – N. Y. : McGraw-Hill USA. – 2010. – 561 p.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Кочелаба А. В., ORCID 0009-0009-0220-6516

ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, РФ
alina30063@mail.ru

Введение. В современной лингвистике наблюдается большой интерес к анализу лингвокультурологического материала в процессе преподавания языков, формируется антропоцентрическая парадигма, язык рассматривается не только в рамках его коммуникативной и когнитивной функции, но и как своеобразный культурный код отдельных лингвокультурных сообществ.

Цель. Целью данной научной статьи является изучение проявления лингвокультурного мировоззрения и изучение лингвокультурного аспекта изучения английского языка с помощью единиц фразеологического уровня. Объектом данной научной статьи являются фразеологические единицы, выражающие представления о внутреннем мире человека, специфика их функционирования и интерпретации в английском языке, а также аспекты их использования в процессе преподавания английского языка.

Основная часть. Концепция «язык и культура» объединяет интересы всех гуманитарных наук, она стирает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку невозможно изучать человека вне его языка. Объектом лингвокультурологии является изучение взаимосвязи языка и культуры народа. В результате формируется национальная картина мира. Первые определения культуры были основаны на идее о том, что культура – это однородное явление, присущее всем обществам [1].

Язык, мышление и культура настолько тесно взаимосвязаны, что практически образуют единое целое, состоящее из трех компонентов, ни один из которых не может функционировать без двух других. Вместе они соотносятся с окружающим миром, отражают и одновременно формируют его. В то же время они формируют так называемые картины мира. Связь между языком и культурой можно рассматривать как связь между частью и целым. Язык можно воспринимать как компонент культуры и как инструмент культуры.

Лингвокультурология – это дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке. Лингвокультурологический подход к объяснению слова в тексте «носит описательный характер по своей сути, то или иное явление аксиоматически квалифицируется как культурно

значимое, а объяснение переносится из сферы языка в сферу истории, мифологии и фольклора.

В центре интересов лингвокультурологии находится «изучение и описание взаимодействия языка и культуры в контексте современной культурной и национальной идентичности, ее знаковой презентации» [2].

В связи с появлением и развитием лингвокультурологии национально-культурная специфика фразеологизмов стала объектом пристального внимания исследователей. Значительное количество появившихся в последние годы исследований, посвященных культурным и концептуальным особенностям фразеологизмов и их роли в формировании и воспроизводстве культурной идентичности этнической группы, народа или нации, указывают на перспективность лингвокультурологического и лингвистического подхода к изучению фразеологии. В работах лингвокультурологов описаны различные методы лингвокультурологического анализа (сравнительный, сравнительно-исторический, этимологический, компонентный анализ и культурно-исторический комментарий).

Метод культурно-исторического комментария основан на принципах изучения лексики и фразеологии в связи с материальной и духовной культурой и историей народа. На уроках родного языка это может быть реализовано в виде культурно-исторического комментария к фразеологизмам, имеющим национально-культурную специфику.

Под фразеологизмами, обладающими национально-культурными особенностями (спецификой, семантикой, компонентами), обычно понимаются такие фразеологизмы, которые содержат информацию о культурной идентичности носителя языка. Такие фразеологизмы являются источником культурной информации о языке данного народа, об особенностях людей, которые являются носителями английского языка, что особенно важно в процессе преподавания иностранного языка [4].

Изучение фразеологизмов на уроках иностранного языка с учетом национально-культурной специфики и сопровождение их необходимым комментарием – информацией об их культурно-историческом значении позволяет обогатить словарный запас, а также решить следующие задачи: 1) повысить мотивацию к изучению родного и иностранного языков; 2) вызвать интерес учащихся. В культурных фактах языковых явлений.

Особое значение имеет изучение лингвокультурологического материала, обладающего небольшим, но значимым жизненным опытом, навыками сравнительного анализа языковых явлений.

Огромным подспорьем в этом являются фразеологизмы, крылатые выражения, идиомы, которые прекрасно отражают лингвокультурный аспект изучения иностранного языка, в которых заложены знания об истории, современной общественной жизни, культуре, быту и традициях изучаемой языковой группы. Использование культурно-исторического

комментария на уроках иностранного языка в процессе словарной и семантической работы обязательно предполагает обращение к истории народа. В результате ознакомления с фразеологизмами в сознании студентов постепенно накапливаются дополнительные знания о культуре носителя языка [3].

Преподавание фразеологии является частью культурологического подхода в методике преподавания иностранных языков и организации изучения лексики, хотя структура значения компонентов является лингвистическим подходом. Отличным способом обучения фразеологизмам является использование темы. Большинство идиом в английском языке делятся на тематические группы. Например, вы могли бы использовать все идиомы, связанные с погодой, пляжными видами спорта, животными, продуктами питания. Используя общую тему для изучения идиом, учащимся будет легче понять значение фраз и увидеть, как похожие слова могут означать совершенно разные вещи.

Заключение. Овладение иностранным языком неразрывно связано с приобщением к иноязычной культуре. В процессе преподавания иностранного языка элементы страноведения сочетаются с языковыми явлениями, которые выступают не только как средство общения, но и как способ ознакомления учащихся с новой для них реальностью. Таким образом, наряду с овладением иностранным языком приобретаются культурные знания и формируется умение понимать менталитет носителей другого языка.

Список литературы

1. Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г. Лингвистика и принцип коммуникации. Лингвострановедческое описание лексики английского языка. – Москва. – 1983. – С. 3–11. – ISBN 5-85759-289-5.
2. Виноградов, В. В. Основные типы лексических значений слова. – 1953. – № 5. – С. 88–119. – ISBN 978-5-4475-3621-3.
3. Воробьев, В. В. Лингвокультурология в кругу других гуманитарных наук. Русский язык за рубежом. – 1999. – № 3. – С. 95–101. – ISBN 978-5-209-02717-1.
4. Хуснутдинов, Д. Х., Сагдиева, Р. К., Мирзагитов, Р. Х., Сагдиев, Р. Х. Фразеологические единицы татарского языка с компонентом ЖАН (ДУША) // Вестник Башкирск. Ун-та. – 2018. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frazeologicheskie-edinitsy-tatarskogo-yazyka-s-komponentom-an-dusha> (дата обращения: 11.09.2024).

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БРИТАНСКОГО И ИСПАНСКОГО ДИСКУРСА ВЛАСТИ

Крамаренко Е. К., ORCID 0009-0005-2103-9187

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
elizabeth.kramarenko@mail.ru

Введение. Анализ политических речей является одним из ключевых аспектов изучения политического дискурса, поскольку он позволяет выявить стратегии убеждения, риторические приемы и особенности идеологического высказывания политических деятелей. В данной работе проводится сопоставительный анализ политических выступлений бывшего премьер-министра Великобритании Риши Сунака и председателя правительства Испании Педро Санчеса. Эти два лидера представляют разные политические системы и культурные контексты, что делает их выступления интересным объектом для исследования с точки зрения как содержательных особенностей, так и риторических стратегий.

Материалом данного исследования послужили первая речь Риши Сунака на посту премьер-министра Великобритании от 25 октября 2022 г. [7] и речь председателя правительства Испании Педро Санчеса, произнесенная во время «Дебатов по инвеституре» (исп. Debate de investidura) от 4 января 2020 г. [6] Следует отметить, что данная процедура подразумевает под собой обсуждение Конгрессом депутатов, нижней палатой испанского парламента, кандидатуры на должность председателя правительства, которая затем утверждается королем Испании.

Теоретико-методологической базой данного исследования послужили работы Т. А. ван Дейка [2], А. П. Чудинова [5], О. Л. Михалевой [3], О. Н. Паршиной [4], О. Л. Бессоновой и И. В. Фатьяновой [1], посвященные различным аспектам политического дискурса, включая анализ речевых стратегий, особенностей аргументации и функций языка в политическом контексте.

Основная часть. Политические речи бывшего премьер-министра Великобритании Риши Сунака и председателя правительства Испании Педро Санчеса демонстрируют схожие цели, такие как установление доверия с аудиторией, акцент на преодоление трудностей, а также выражение готовности к сотрудничеству и стабильности. Однако их тематика, структура, композиционные приемы и стилистические особенности различаются, отражая культурные и политические контексты каждой страны.

С точки зрения тематики и композиционной организации, речь Риши Сунака можно разделить на несколько четко структурированных частей: вступление, указание на текущие проблемы, оценка работы

предшественников, постановка целей и обещания, заключение. Такая композиция соответствует классической структуре политических выступлений, где особое внимание уделяется построению доверительных отношений с аудиторией и выражению готовности к решению существующих проблем.

Один из ключевых приемов, используемых Сунаком, – это обращение к актуальным проблемам, с которыми сталкивается страна: “*profound economic crisis*”, “*the aftermath of Covid*” и “*Putin’s war in Ukraine*”, что создает контекст кризиса и неопределенности. Данный прием акцентирует внимание на объективных вызовах, которые стоят перед правительством, и создает ожидание решительных действий со стороны нового премьер-министра.

Кроме того, в речи выделяется мотив благодарности и признания работы предшественников, несмотря на сделанные ошибки. Сунак заявляет: “*I want to pay tribute to my predecessor Liz Truss*”, а затем осторожно указывает на ошибки: “*But some mistakes were made*”. Здесь он использует смягчающие конструкции, такие как “*Not borne of ill will or bad intentions*”, чтобы избежать резкой критики и сгладить негативное восприятие аудитории.

В свою очередь, речь Педро Санчеса представляет собой сложное многослойное произведение, структурированное на несколько блоков, в которых сочетаются личные размышления, политическая программа и риторические стратегии, направленные на убеждение аудитории.

В первом блоке Санчес делает акцент на личном аспекте: “... *el honor que representa para mí como demócrata, como ciudadano y como español tener la ocasión de obtener la confianza de la Cámara*”. Здесь он апеллирует к понятиям «демократ», «гражданин», «испанец», что усиливает эмоциональную составляющую и демонстрирует его личную приверженность демократическим ценностям. Следующая часть речи представляет собой аргументацию политической программы. Он утверждает, что выборы продемонстрировали явное предпочтение социалистической партии: “...*los españoles fueron de nuevo a las urnas... situaron al Partido Socialista como primera fuerza a gran distancia de la siguiente*”. Данный тезис помогает подкрепить идею легитимности его власти и акцентирует внимание на стабильности и последовательности гражданской поддержки.

Одной из ключевых тем речи Санчеса является идея о нерушимости испанского государства: “*No se va romper España, no se va romper la Constitución. Aquí lo que se va a romper es el bloqueo al Gobierno progresista*”. Введение с отрицания и последующего утверждения создает контраст и привлекает внимание слушателей к главной мысли – стабильности государства, несмотря на политическую напряженность.

В выступлениях Сунака и Санчеса прослеживаются определенные различия и сходства в их лингвистическом и риторическом подходах. Оба лидера используют ряд стилистических приемов для достижения своих целей

– установления контакта с аудиторией, убеждения и эмоционального воздействия на слушателей.

Сунак использует простые и краткие предложения, что делает его речь легкой для восприятия и подчеркивает конкретику: *“The aftermath of Covid still lingers”, “But mistakes were made”*. Санчес, напротив, предпочитает более сложные синтаксические конструкции, что придает его речи более эмоциональную и многослойную структуру: *“Insisto, no somos nosotros quienes hemos decidido la conformación de esta Cámara, han sido con su voto los españoles”*.

Сунак часто прибегает к анафоре для создания ритмики, усиления ключевых тезисов и подчеркивания своей решимости: *“I will place economic stability and confidence”, “I will unite our country”, “I will work day in and day out”*. Санчес также использует анафору для акцентирования внимания на главных идеях. Так, повторение глагола *“retomar”* помогает выделить центральную тему выступления – возобновление диалога, что характерно для его риторики, связанной с решением национальных конфликтов: *“Retomar nuestro diálogo político... Retomar el diálogo... Retomar la senda de la política...”*.

В речи Сунака используются метафоры, призванные сделать сложные экономические идеи более понятными. Так, он сравнивает государственный долг с долгом, который нельзя оставить будущим поколениям: *“The government I lead will not leave the next generation... with a debt to settle that we were too weak to pay ourselves”*. Санчес также активно использует метафоры, чтобы описать политические проблемы в Испании через образы болезни: *“herida territorial”, “dolencia crónica”*. Это позволяет ему подчеркнуть, что проблемы требуют серьезного лечения и решения, и усилить драматизм выступления.

Заключение. Анализ выступлений Риши Сунака и Педро Санчеса показал, что, несмотря на общие цели – установление доверия и акцент на актуальных проблемах – их риторические стратегии различаются. Сунак использует простые и краткие фразы, делая акцент на конкретике, в то время как Санчес предпочитает сложные конструкции для усиления эмоциональности. Оба лидера прибегают к анафоре и метафоре, но их стили отражают разные политические и культурные контексты стран.

Список литературы

1. Бессонова, О. Л., Фатьянова, И. В. Динамика американского политического дискурса XX – начала XXI века / О. Л. Бессонова, И. В. Фатьянова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 1. – С. 69–83. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.1.6>.
2. Дейк ван, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация: сб. работ: пер. с англ. / Т. А. Дейк; сост. В. В. Петров. – Москва: Прогресс. – 1989. – 312 с. – ISBN 978-5-9710-1387-7.
3. Михалева, О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалева. – Москва: URSS. – 2008. – 252 с. – ISBN 978-5-397-00227-1.

4. Паршина, О. Н. Российская политическая речь: теория и практика / О. Н. Паршина; под ред. О. Б. Сиротининой. – 2-е изд., испр. И доп. – Москва: URSS. – 2007. – 227 с. – ISBN 978-5-382-00178-4.
5. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие / А. П. Чудинов. – 4-е изд. – Москва: Флинта: Наука. – 2012. – 254 с. – (Для студентов, аспирантов, преподавателей-филологов). – ISBN 978-5-89349-897-4.
6. Discurso íntegro de Pedro Sánchez en la sesión de investidura. – URL: https://www.eldiario.es/politica/documento-discurso-pedro-sanchez-investidura_1_1096030.html (дата обращения: 01.09.2024).
7. Rishi Sunak's first speech as Prime Minister: 25 October 2022. – URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/prime-minister-rishi-sunaks-statement-25-october-2022> (дата обращения: 01.09.2024).

УДК 81.42

ЯРЛЫКИ И ИНВЕКТИВНАЯ ЛЕКСИКА В РИТОРИКЕ КАНДИДАТОВ НА ПОСТ ПРЕЗИДЕНТА США

Кузьминская С. И.¹, канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0008-9335-3409,
Аблеев С. С.², ORCID 0009-0004-0532-989X

¹ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва, РФ

²ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», г. Москва, РФ

ableevsimon@yandex.ru

Введение. В предвыборных кампаниях в США применяется широкий набор различных лингвистических инструментов для манипуляции массовым сознанием. Однако, предвыборная риторика кандидатов в президенты США на выборах 2024 г. отличается небывалым по своим масштабам использованием инвективной лексики и ярлыков – упрощённых номинативных единиц оценочного характера [2].

Цель нашего исследования – выделить признаки примитивизации американского политического дискурса на примере предвыборной риторики кандидатов в президенты США. Исследование проводилось на основании анализа сплошной выборки статей американской прессы, посвященных президентским выборам 2024 г. в США.

Основная часть. Кандидат от Республиканской партии и бывший президент США Дональд Трамп регулярно делает эмоциональные выпады в адрес своих противников. Применение Трампом тактики обвинения и оскорбления своих политических оппонентов отмечалось в его речах уже во время предвыборной кампании 2016 г., и до сих пор Трамп часто её использует [1]. В частности, в интервью телеканалу CNN Трамп назвал действующего президента США Джо Байдена «худшим президентом в

истории» («*He is the worst president in the history*») [4]. В своей критике Трамп также часто упоминал преклонный возраст Байдена и предполагаемые проблемы с когнитивными способностями у последнего.

Трамп старается в своих выступлениях подчеркнуть отрицательные личные качества своих оппонентов, порой вставляя в свои высказывания инвективную лексику. Например, кандидата на пост президента от Демократической партии и действующего вице-президента США Камалу Харрис Трамп назвал «порочной и тупой» («*vicious and dumb*»). Ранее Трамп и вовсе заклеил её как «фальшивого человека» («*a phony*») [5]. В данном случае Трамп хотел сделать акцент на якобы низких умственных способностях и моральных качествах Харрис, тем самым подводя свою аудиторию к мысли, что ей нельзя доверять руководство страной.

Впрочем, такого рода лингвистическими инструментами пользуется не только Дональд Трамп. Его соперники из Демократической партии тоже активно применяют ярлыки в своей предвыборной агитации. В одном из выступлений Камала Харрис высмеяла склонность Трампа к эмоциональным всплескам и эпатажному поведению, назвав его «несерьезным человеком» («*unserious man*») [6]. Данная номинация призвана сформировать у избирателей образ Трампа как человека, не подходящего для управления государственным аппаратом США.

Соратника Трампа и кандидата на пост вице-президента США Джеймса Дэвида Вэнса Харрис неоднократно называла «странным» («*weird*») [7]. Использование этого ярлыка должно вызвать у аудитории неприятие Вэнса, а также произвести разграничение «свой-чужой», при котором «странный» Вэнс противопоставляется «нормальной» Харрис и её сторонникам.

При этом по состоянию на август 2024 г. сама Харрис так и не смогла сформулировать предвыборную программу и предложить свои варианты решения ключевых проблем в американской экономике и общественном устройстве. Трамп же в своей предвыборной кампании старается как можно больше говорить о достигнутых им успехах в ходе его пребывания на посту президента в 2016–2020 гг., в то время как в его политической программе много расплывчатых и популистских обещаний.

Можно заметить, что кандидаты не столько отстаивают собственные взгляды на переустройство Америки, сколько концентрируются на создании негативного личного образа своих оппонентов. Выбор такой стратегии свидетельствует о примитивизации американского политического дискурса, который всё более приобретает черты политического шоу. Главная цель такой риторики – эмоциональное воздействие на американского обывателя, который зачастую в силу невысокого уровня образования не способен рационально оценить программы кандидатов и степень их полезности для страны.

Подмена реальной политической дискуссии навешиванием ярлыков и обменом голословными обвинениями приближает США к странам со слабо развитыми демократическими институтами. В связи с этим уместно будет провести аналогию с поддерживаемой США Украиной, в политическом дискурсе которой широко распространены и личные оскорбления, и необоснованные обвинения в адрес политических противников.

Во время президентских выборов на Украине в 2019 г. Пётр Порошенко (в то время занимавший пост президента) активно очернял своего оппонента – актёра и шоумена Владимира Зеленского, именуя последнего «клоуном» и поддерживая слухи о его наркотической зависимости. Зеленский, в свою очередь, обвинял Порошенко в коррупции, а поддерживавшие его информационные ресурсы заявляли о хроническом алкоголизме Порошенко [3]. Но если подобный дискурс вполне привычен для стран с низким уровнем политической культуры, то появление его признаков в США, претендующих на роль мирового лидера, внушает сомнения в стабильности политической системы Америки.

Заключение. Таким образом, всё большее использование в американской предвыборной риторике инвективной лексики и ярлыков является одним из признаков кризиса политической системы США. Лингвистические инструменты манипулирования массовым сознанием становятся основным орудием политической борьбы, подменяя собой широкое обсуждение политических проектов и программ. Пейоративно-оценочная лексика и ярлыки призваны воздействовать на сознание простых американцев и вызвать у них отторжение того или иного политического деятеля.

Список литературы

1. Корецкая, О. В. Лингвостилистические особенности политической риторики Дональда Трампа / О. В. Корецкая // Преподаватель XXI век. – 2017. – № 2-2. – С. 349–355. – EDN YZKCNF.
2. Кузьминская, С. И. «Ярлык» как средство манипулирования массовым сознанием // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – 2014. – №5 (36).
3. Smart, J. J., Teosa, V. Contrasting the use of varying methods of character attacks in national political campaigns: a case study of the use of images in the presidential and parliamentary elections of Georgia, Moldova, and Ukraine 2018 – 2019 // Ivane Javakhishvili Tbilisi State Universit: Open Journal Systems. – 2019.
4. Land, O., Navia, V. Trump slams Biden ‘as worst president in history’ after Democrat drops re-election bid // The New York Post [Электронный ресурс]: 2024. 21 июля. URL: <https://nypost.com/2024/07/21/us-news/trump-slams-biden-as-worst-president-in-history-after-president-drops-re-election-bid/> (дата обращения: 23.08.24)
5. Nelson, S. Trump says two words describe Kamala Harris — and they’re ‘a bad combination’ // The New York Post [Электронный ресурс]: 2024. 22 июля. URL: <https://nypost.com/2024/07/22/us-news/trump-says-two-words-describe-kamala-harris-and-theyre-a-bad-combination/> (дата обращения: 23.08.24)

6. Kamala Harris Calls Trump an ‘Unserious Man // The Bloomberg [Электронный ресурс]: 2024. 23 августа. URL: <https://www.bloomberg.com/news/videos/2024-08-23/kamala-harris-calls-trump-an-unserious-man-video> (дата обращения: 25.08.24)
7. Kinnard, M. Why Harris and Democrats keep calling Trump and Vance ‘weird’ // The Associated Press News [Электронный ресурс]: 2024. 1 августа. URL: <https://apnews.com/article/kamala-harris-trump-vance-weirdc54d506d1f533ee7aa455f7b500322c5> (дата обращения: 24.08.24)

УДК 81’373:008

СИМВОЛИКА ФИТОНИМОВ В ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Масленкина Н. Г., канд. ист. наук, доц., ORCID 0009-0000-7145-4331,

Жебеленко О. Г., ORCID 0009-0007-2339-3088

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

rector@donnu.ru

Введение. Языковая картина мира представляет собой совокупность знаний, убеждений и представлений об окружающей действительности, формируемых посредством языка. Язык выполняет функцию инструмента, который не только определяет восприятие реальности, но и формирует представления о том, что считается естественным и достоверным. Одним из важных компонентов языковой картины мира выступают фразеологизмы, которые отображают взгляды на определённые явления и события. «Фразеологизмы являются не только интегративной частью языковой картины мира, но также служат важным средством вербализации национальной концептосферы» [2, с. 155].

Цель. Выявить и проанализировать специфику языковой картины мира, отражённой во фразеологических единицах с фитонимами-символами в русском и французском языках, а также определить общие и этноспецифические черты этих фразеологизмов.

Основная часть. Большинство фразеологических единиц формируется путём переосмысления компонентов свободных словосочетаний, ключевым признаком которого является противопоставление прямого и переносного значения. Этот процесс можно описать как метафорический перенос, при котором исходное значение теряет свою актуальность, уступая место новому значению, присущему только данной фразеологической единице. Метафора и метонимия являются универсальными способами формирования новых значений. Метафорические и метонимические преобразования, связанные с растительным миром, обогащают язык, придавая ему выразительность, являясь источником знаний о культуре и менталитете народа.

Вместе с тем, в отечественной лингвистике систематические исследования фитонимической лексики пока ещё не нашли достаточно широкого освещения [1, с.125]. Тем не менее, исследования фразеологических единиц с фитонимическими компонентами проводились в различных языках. Так, Н.В. Мишина исследует аксиологические характеристики фитонимических фразеологизмов в русском языке, анализ фитофразеологизмов английского языка представлен в работах Т. И. Якуниной, Е. И. Трубаевой и др. Фитонимы-фразеологизмы французского языка исследуются в трудах Т. А. Емельяновой и Н. А. Шапошника [1, с.126].

Фразеологизмы с фитонимическими компонентами представляют собой неотъемлемую часть любого языка. Эти единицы вербализуют элементы окружающей действительности, что позволяет предположить, что такая группа фразеологизмов, наряду с общими понятиями, свойственными человеческому восприятию, будет значительно отличаться в сопоставляемых языках.

Можно заметить, что традиции, связанные с цветами, значительно различаются между странами. Например, хризантемы в России являются приемлемыми для подарков, тогда как во Франции они ассоциируются с кладбищами, где их называют *marguerites d'automne* (эвфемизм букв. 'осенние маргаритки'). Французский певец Ж. Брассенс упоминает их как *la marguerite des morts* (букв. 'маргаритки поминовения усопших') из-за совпадения времени их цветения с Днём всех святых [1, с.129]. В русском же культурном пространстве скорбь, память символизирует красная гвоздика, которая ассоциируется с кровью, с военными событиями, особенно с Днём Победы. Красные гвоздики – это традиционные цветы, которые приносят к памятникам и возлагают на могилы павших солдат. Эти цветы также олицетворяют героизм, смелость и жертву. Так, 'букет гвоздик' является устойчивым выражением, связанным с темой почтения памяти, особенно в военных и патриотических контекстах. Вместе с тем, во французской культуре гвоздика (*œillet*) имеет символические значения, связанные преимущественно с любовью, страстью и очарованием, особенно красная гвоздика. Цветок символизирует глубокие эмоции, может указывать на сильную, но мимолетную любовь или же на уважение и почтение. Красная гвоздика во французском контексте также иногда ассоциируется с революцией и социальными движениями, выступает как символ борьбы за справедливость: *œillet rouge* – 'красная гвоздика', которая может символизировать как страсть, так и революционные настроения; *porter un œillet* – 'носить гвоздику в петлице' как символ любви или памяти на особых мероприятиях. В связи с вышесказанным можно сделать вывод о том, что 'гвоздика' в русском и французском языках имеет как схожие, так и уникальные символические значения. В русском языке она связана прежде всего с военными событиями,

героизмом и памятью о павших, в то время как во французском языке она чаще олицетворяет страсть, любовь и социальные движения [3].

Во фразеологизмах фитонимы выполняют оценочную и описательную функции, основанные на объективных свойствах растений и законах логического мышления [1, с. 156]. Значительная роль в понимании фразеологических единиц отводится ассоциациям. Ассоциации, связанные с фразеологизмами, зачастую носят национальный характер, создавая этнокультурные стереотипы, которые отражают культурные ценности и эмоции [3]. Это объясняется тем, что фразеологизмы формируются в конкретной культурной среде и отражают особенности национального менталитета и традиций. Например, понятие «стройная фигура» в русском языке ассоциируется с деревом 'берёза' ('стройная как берёзка'), тогда как во французском языке используется слово *roseau* – 'тростник'. Прямого эквивалента, соответствующего русскому 'стройная как берёза' во французском языке не существует. Однако близким по смыслу выражением можно считать: *svelte comme un roseau* – 'стройная как тростник', которое схоже по значению с образом берёзы в русском языке [3].

Следует отметить, что фитонимические компоненты сопоставляемых фразеологических единиц, как правило, полисимволичны, и среди их синонимичных значений как во французском, так и в русском языке всегда присутствует часть этноспецифических, отличительных черт. Так, символическое значение слова 'хрен' в русском языке может указывать на что-то грубое, неприятное или даже с оттенком сарказма и юмора в отношении чего-то негативного: 'хрен знает' – употребляется в значении 'не знаю', как выражение неведения или замешательства; 'хрен редьки не слаще' — фразеологизм, обозначающий, что оба варианта одинаково плохи или неприятны. В отличие от русского языка, где слово 'хрен' активно используется в символическом и разговорном контексте, во французском языке его синоним *raifort* практически не имеет таких значений. Он чаще всего используется в буквальном значении, как название растения или кулинарного ингредиента. В символическом смысле, если и употребляется, *raifort* может обозначать что-то острое, резкое или нечто, что вызывает сильные эмоции (обычно неприятные, как сильное воздействие хрена на организм). Поэтому во французском языке фразеологизмы с *raifort* редки [3]. Примеров устойчивых выражений, подобных русским, нет. В основном это слово используется в кулинарных рецептах или в разговорах о еде. Если в русском языке слово 'хрен' имеет не только буквальное значение растения и приправы, но и богатый символический ряд, активно используется в разговорной речи в форме грубых или пренебрежительных выражений, то во французском языке *raifort* остается более нейтральным понятием, лишенным устойчивых выражений с ярко выраженной символикой.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод о том, что фитонимы во фразеологических единицах играют значительную роль в

отражении культурно-языковой специфики как французского, так и русского языка. Фитонимы придают фразеологизмам выразительность и образность, способствуя созданию новых значений и смыслов. Сравнение фразеологических единиц с фитонимами в сопоставляемых языках выявило как общие черты, так и значительные различия в восприятии и использовании символов растений. Ассоциации, связанные с фразеологизмами, зачастую имеют национальный характер, что способствует формированию этнокультурных стереотипов и уникальных символических значений в каждом языке.

Список литературы

1. Мишина, Н. В. Этнокультурная специфика фразеологизмов с фитонимами / Н. В. Мишина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2021. – 1. – С. 125–129.
2. Седых, А. П. Фитонимическая фразеология и национальный дискурс / А. П. Седых, М. М. Бондарева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 5-1(83). – С. 155–159.
3. Французско-Русский фразеологический словарь под ред. Я. И. Рецкера. Издательство иностранных и национальных словарей. – М. – 1963. – 1111 с.

УДК 811.112.2'42'27

КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНТИРОССИЙСКОГО ДИСКУРСА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ ВЕДУЩИХ ПОЛИТИКОВ США И ГЕРМАНИИ

Мифтахова О.В., ORCID 0009-0000-9252-2305

ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, РФ
olga_miftakhova@mail.ru

Введение. Образ страны является одной из доминирующих стратегий в установлении продуктивных взаимоотношений с другими государствами. На протяжении последнего десятилетия образ России воспринимается западной аудиторией открыто негативно.

Разным народам свойственно свое восприятие окружающей действительности. Это восприятие находит выражение в языке: язык фиксирует все особенности восприятия окружающих реалий, становясь хранилищем знаний о них и закрепляя в себе общественно-исторический опыт. Таким образом, языковая картина мира основывается на возникших в культуре концептах [2, с. 42].

Изучение особенностей политического дискурса является актуальным и злободневным в силу тех процессов, которые происходят в современной

политике. Совокупность всех речевых актов, используемых в политической риторике, освященных традицией и проверенных опытом, образует политический дискурс [3, с. 25]. Именно язык позволяет оказывать значительное воздействие на аудиторию, создавая определенный образ оратора. Для достижения цели говорящий должен произнести убедительную речь, насыщенную не только фактами, но и эмоциями. Это объясняет метафоризацию политического дискурса любого государства.

Нагнетание отрицательных эмоций с помощью использования негативно маркированной лексики, метафорические переносы, чрезмерное употребление дисфемизмов для характеристики России – лишь малая часть приемов для ведения антироссийской риторики.

Говоря об антирусской коммуникации в политическом дискурсе США и Германии, стоит сказать, что во всех медийных ресурсах активно применяется фрустрационная стратегия, цель которой лежит в создании максимального психологического напряжения, направленного на выведение адресата коммуникации из состояния эмоционального баланса путем запугивания его негативными прогнозами [1, с. 201].

Цель исследования – посредством лингвокогнитивного описания выступлений ведущих политиков США и Германии проанализировать реализацию антироссийского дискурса.

Основная часть. В американском дискурсе абсолютное большинство политиков являются носителями русофобской риторики, активно продуцирующими в медийной сфере антироссийскую коммуникацию.

Ярким представителем русофобской риторики является государственный секретарь США Энтони Блинкен. Обратимся к его выступлению:

As the storm clouds gathered, we surged military, economic, and humanitarian assistance to Ukraine. First in August 2021, and again in December, we sent military equipment to bolster Ukraine's defenses, including Javelins and Stingers [5].

По мере того, как сгущались грозовые тучи, мы увеличивали военную, экономическую и гуманитарную помощь Украине. Сначала в августе 2021 года, а затем в декабре мы отправили военную технику для укрепления обороноспособности Украины, включая Джавелины и Стингеры.

В данном высказывании наблюдается применение природоморфной метафоры со сферой-источником «погодные явления», выраженную придаточной структурой *as the storm clouds gathered / как сгущались грозовые тучи*. Эмотивно-оценочная окраска данной метафоры является негативной, описывает кризисные явления в связи с обострением военной обстановки на фронте. Поскольку механизмы и инструменты являются сферами-источниками артефактной метафоры, военная техника, представленная Джавелинами и Стингерами, создает положительный образ тех, кто ее поставляет и для кого ее поставляют.

Далее Блинкен говорит:

Russia is estimated to have suffered more than 100,000 casualties in the last six months alone, as Putin sends wave after wave of Russians into a meat grinder of his own making.

По оценкам, только за последние шесть месяцев в России погибло более 100 000 человек, поскольку Путин отправляет волну за волной россиян в мясорубку, созданную им самим.

Здесь также можно заметить перекрестное использование природоморфной и артефактной метафор со сферами-источниками «погодные явления», выраженной лексемой *waves/волны*, и «инструменты», реализуемой лексемой *meat grinder/мясорубка*. Данные метафорические модели органично накладываются на прием оперирования статистикой, представленной шокирующими цифрами. Создавая негативный образ России в политическом пространстве США, американские политики часто прибегают к такому приему, как апелляция к Путину, что, по их мнению, должно ассоциироваться со злом, чем-то нежелательным или плохим.

Рассмотрим также отрывок из политического выступления канцлера Германии Олафа Шольца.

Er hat die Einigkeit Europas, der Vereinigten Staaten und aller Freunde der Ukraine sowie die ständige Lieferung von Waffen, die wir der Ukraine zur Verfügung stellen, falsch eingeschätzt. (...) Aus meiner Sicht ist es notwendig, dass Putin begreift, dass er mit dieser Invasion und seiner imperialistischen Aggression keinen Erfolg haben wird, dass er seine Truppen abziehen muss [4].

Он недооценил единство Европы, США и всех друзей Украины, а также постоянные поставки оружия, которые мы поставляем Украине. (...) На мой взгляд, Путину необходимо понять, что это вторжение и его империалистическая агрессия ему не удастся и что он должен вывести свои войска.

Данному высказыванию присуща определенная суггестивность. Здесь оратор воздействует на психологическое состояние адресата, затрагивая пределы экзистенциального страха последнего. С когнитивной точки зрения это ощущается, в первую очередь, благодаря сфере-источнику «война» и релевантными слотами *Lieferung von Waffen/поставки оружия, Invasion/вторжение, imperialistische Aggression/империалистическая агрессия, Truppen/войска*. Но стоит обратить внимание на прием создания бинарной оппозиции «мы-они/свои-чужие», относящийся к фрустрационной стратегии медиа-дискурса или политического дискурса. Есть «он», который выступает в плоскости негативной коннотации – неправильно оценил, ему не удастся, он осуществляет свою империалистическую агрессию, не имеющую успеха; и «мы», которые едины, которые друзья, которые осуществляют помощь в виде постоянных поставок оружия. Также наблюдается такой прием провокационной стратегии в политическом медиа-дискурсе, как «апелляция к Путину»,

который способствует формированию нужной повестки в западном обществе и эксплицитно навязывает необходимую пропаганду.

Заключение. Обобщая вышеизложенное, следует сказать, что когнитивная метафора играет значительную роль в создании антироссийских нарративов в политической риторике, поскольку выступает действенным механизмом манипулирования сознанием реципиентов. Она способна изменить имеющиеся политические взгляды и сформировать политическую картину мира, выгодную адресанту. Благодаря разнообразным сферам-источникам когнитивная метафора делает политическую риторiku более простой, понятной для восприятия, выразительной и экспрессивной.

Список литературы

1. Дзялошинский, И. М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии : монография / И. М. Дзялошинский. – Москва : НИУ ВШЭ. – 2012. – 572 с. – ISBN 978-5-8429-1053-3.
2. Залевская, А. А. «Образ мира» vs «языковая картина мира» / А. А. Залевская // Картина мира и способы ее репрезентации: научные доклады конференции «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование» (21 – 24 апреля 2003 г., Курск). – Воронеж: ВГУ. – 2003. – С. 41–47.
3. Кубрякова, Е. С. О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания / Е. С. Кубрякова // Язык. Личность. Текст: Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой. – М. – 2005. – С. 23–34. – ISBN 5-9551-0103-9.
4. Scholz beim CNN-Interview: Keine kritischen Fragen bitte! [Электронный ресурс] – <https://anti-spiegel.ru/2023/scholz-beim-cnn-interview-keine-kritischen-fragen-bitte/> (дата обращения: 25.07.2024).
5. Speech by Secretary Blinken: “Russia’s Strategic Failure and Ukraine’s Secure Future.” [Электронный ресурс] – <https://ru.usembassy.gov/secretary-blinken-russias-strategic-failure-and-ukraines-secure-future/> (дата обращения: 11.07.2024).

УДК 811.111’367.723

ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА *ВНЕШНОСТЬ* В АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Морозенко Е. А., ORCID 0009-0009-2962-3627

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

Elena.morozenko82@list.ru

Введение. На современном этапе развития лингвистической науки наблюдается повышение интереса к проблемам, связанным с когнитивной деятельностью человека. Когнитивный подход к описанию языковых явлений основывается на том положении, что язык – это один из наиболее характерных типов ментальной деятельности человека, в котором

зафиксирован многовековой социальный, исторический, культурный опыт человечества. Актуальность использования термина «концепт» связана с развитием когнитивного направления в психологии, языкознании и появлением новых дисциплин – когнитивной психологии, психолингвистики, когнитивной лингвистики. Сущность и содержание концептов изучаются в разных направлениях и разными способами, однако многие аспекты остаются дискуссионными.

Некоторые лингвисты термином концепт определяют мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода. Концепт включает следующие слои: активный («основной актуальный признак, известный каждому носителю культуры и значимый для него»); пассивный (дополнительные признаки, актуальные для отдельных групп носителей культуры») и внутренняя (обычно не осознаваемая) форма, запечатленная во внешней словесной форме» [2, с. 44].

Целью работы является системное описание вербализации концепта английскими фразеологическими единицами.

Корпус языкового материала составляет 220 ФЕ, которые объективируют концепт *ВНЕШНОСТЬ* и были отобраны путем сплошной выборки из англоязычных словарей идиом.

Концепт *ВНЕШНОСТЬ* является наиболее часто репрезентируемым, поскольку первое, что привлекает наше внимание в человеке – это внешность. Концепт *ВНЕШНОСТЬ* в любом языке актуализируется посредством различных языковых средств, в том числе фразеологическими единицами (ФЕ). Идиомы придают образность и эмоциональность любому описанию внешности человека. Использование ФЕ предоставляет возможность, достаточно ярко описать те ли иные черты лица, строение тела, особенность походки и т.д. [3; 178].

А. А. Бодалев в своих исследованиях утверждает, что взрослый человек, воспринимая других людей и затем, воссоздавая их облик, выделяет признаки в следующей последовательности: рост (83%), глаза (75), волосы (73), мимика (66), лицо (64), телосложение (54), поза, осанка, (10,3), косметика, украшения (8,4), одежда (6,8) [2].

Особенности характера человека выявляются в процессе общения, в разных ситуациях. Смысловые репрезентанты концепта достаточно разнообразны. Можно выделить набор признаков, формирующих данный концепт, а именно, внешний вид в целом, части тела (лицо, глаза, волосы, взгляд), рост, вес, одежда, привлекательность.

Семантический объем концепта состоит из признаков, зафиксированных в словарях английского языка, и дополняется значением ФЕ, которые объективируют исследуемый концепт.

В английских ФЕ, объективирующих концепт *ВНЕШНОСТЬ*, описываются:

1. Отличие и сходство во внешности: *As like as two peas* ‘Как две капли воды’

2. Цвет лица: *Red as a cherry* Кровь с молоком; *As pale as death* ‘Ни кровинки в лице нету’.

3. Красота и уродство: *Pretty as a picture* ‘Как картинка’; *Easy on the eye* ‘Привлекательный’;

4. Рост: *Tall as a maple*, ‘Каланча пожарная’; *Tom Thumb* ‘От горшка два(три) вершка’;

5. Одежда и внешний вид: *Dressed to kill* ‘Одет с иголки’; *The tailor makes the man* ‘Наряди пень, и пень хорош будет’;

6. Противоречие внешности и характера: *A fair face* ‘Рубашка белая, да душа черная’; *Appearances are deceitful* ‘Внешность обманчива’;

7. Телосложение: *A bag of bones* ‘Кожа да кости’; *Fat as a pig* ‘Жирный как свинья’;

Проанализировав собранные ФЕ, объективирующие концепт «внешность», можно установить, что ядерная зона концепта *ВНЕШНОСТЬ* объективируется ФЕ (68%), репрезентирующими такие признаки как, внешний вид в целом, фигура, например:

Look like a million dollars ‘выглядит на миллион долларов, eg. *With a tan and a new hairstyle, she looked a million dollars!* – ‘Загорелая и с новой стрижкой она выглядела на миллион долларов!’.

Fresh as a daisy ‘Свежа как роза, eg: *She then rose from the ashes, fresh as a daisy.* ‘Она возродилась из пепла, свежа как роза’

Mutton dressed as lamb молодящаяся старушка – *The style doesn't suit her – it has a mutton-dressed-as-lamb effect on her!* ‘Этот стиль ей не идет – у нее вид молодящейся старушки!’.

As ugly as sin страшен как сметрный грех, eg: *Have you seen our new neighbour's wife? She's as ugly as sin!* ‘Ты видел жену нашего нового соседа? Страшна как смертный грех!’

Также к ядерной зоне относятся ФЕ (32%), репрезентирующие такие признаки как лицо, волосы, например:

Face that would stop a clock ‘очень непривлекательное лицо’, eg: *You'll recognize him – he's tall and thin, with a face that would stop a clock!* ‘Ты узнаешь его – он высок и худ, а его лицом можно детей пугать!’.

Face only a mother could love ‘быть некрасивым’, eg.: *The poor guy has a face only a mother could love* ‘У бедняги было такое некрасивое лицо’.

Bald as a bandicoot ‘лысый как колено’, eg.: *If Tom's hair continues to recede at this rate, he'll be bald as a coot by the age of thirty.* ‘Если волосы Тома будут выпадать в таком темпе, то к сорока он будет лысый как колено’ [7].

К периферийной зоне концепта относятся ФЕ, объективирующие такие признаки как глаза, одежда:

Twinkle in someone's eye ‘горящий взгляд’, eg.: *John still has a twinkle in his eyes* ‘У Джона до сих пор взгляд горит’.

Eyes asparkle ‘сияющие глаза’, eg.: *I could notice her eyes asparle at any distance*. ‘Ее сияющие глаза я видел отовсюду’.

Good clothes open all doors ‘По одежде встречают’, eg.: *More than anything else I am a firm believer that good clothes open all doors* ‘Я четко убежден, что людей по одежке встречают’ [7].

Проанализировав данные единицы, можно прийти к выводу, что в английской лингвокультуре понятие красоты ассоциируется с опрятностью и чистоплотностью: *Fresh as a daisy* ‘Свежа как роза’, румянцем: *Red as a cherry* ‘Кровь с молоком’. Высокий рост считается одним из показателей красоты: *Tall as a maple* ‘Высокий и стройный’. Бледность лица и полнота не являются признаками красоты, а скорее уродства: *Fat as a pig* ‘Жирный как свинья’; *Like a sack of potatoes* ‘Как мешок с картошкой’; *As pale as death* ‘Белый как смерть’. Худоба, однако, выражена отрицательно в английских ФЕ: *Thin as a lath* ‘Худой как жердь’ [7].

Концепт *ВНЕШНОСТЬ* является одним из базовых концептов английской языковой картины мира, который входит в концептосферу любого языка, в том числе английского. Анализ концепта *ВНЕШНОСТЬ* в английском языке показывает, что он является многомерной ментальной единицей, которая своеобразно формируется в языковом обществе.

Список литературы

1. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка // А. П. Бабушкин; Воронежский государственный университет. – Воронеж: Изд-во «РИТМ». – 1996. – 104 с.
2. Багаутдинова, Г. Л. Фразеологизмы антропоцентрической направленности и языковая картина мира / Г. Л. Багаутдинова. – 2006. – 120 с. – ISBN 934-5-5678-153-1.
3. Бодалев, А. А. Восприятие и понимание человека человеком. / А. А. Бодалев. – М: Изд-во Моск. Ун-та. – 1992. – 200 с.
4. Квеселевич, Д. И. Современный русско-английский фразеологический словарь. М. – 2005. – 629 с.
5. Кунин, А. В. О переводе английских фразеологизмов в англо-русском фразеологическом словаре / А. В. Кунин // Тетради переводчика. – вып. 2. – М. – 1964. – С. 56–78.
6. Hornby, A. S. Oxford advanced learner's dictionary of current English / A. S. Hornby ; Ed. By S. Wehmeier ; Phonetics ed. M. Ashby. – 6 ed. – Oxford: Oxford Univ. Press: Intern. Student's ed. – 2003. – 1600 p.
7. Longman Idioms Dictionary. New ed. Harlow: Longman. – 2002. – 402 p.

ДЕКСРИПТОР *LITTLE* КАК СРЕДСТВО АКТУАЛИЗАЦИИ ДИМИНУТИВНОЙ СЕМАНТИКИ В АНГЛИЙСКИХ НАИМЕНОВАНИЯХ ЛИЦА

Осокова А. С., ORCID 0000-0002-2240-5987

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

anna_ososkova@mail.ru

Количество – это универсальная категория, которая отражает количественную характеристику объективной действительности. Отклонение количественного значения от нормы в сторону убывания признака представлено малым количеством.

На языковом уровне значение малого количества репрезентировано, в том числе, диминутивностью или уменьшительностью. Под диминутивом понимается форма слова, которая используется для выражения малой величины и/или эмоционального отношения (ласкательности, уничижительности) [1, с. 485]. Обычно диминутивность актуализируется на уровне лексемы посредством уменьшительных аффиксов или на уровне словосочетания с помощью дескриптора *little* [2].

Настоящая работа посвящена изучению аналитических диминутивных наименований лица со структурным компонентом *little*, например, *little tacker* ‘ребяенок’ и *little woman* ‘женушка’.

По утверждению К. Шнайдера, прилагательное *little* передает как размерное значение, так и эмоциональные оттенки [3, р. 125]. В свою очередь, А. А. Буряковская отмечает, что основными значениями данного прилагательного являются малый размер, малый возраст, незначительность, несерьезность, а эмоционально-экспрессивные коннотации уходят на второй план [2].

Среди аналитических диминутивных наименований лица со структурным компонентом *little* выявлены термины семейного родства (*little blister* ‘сестра’), а также обозначения человека по возрасту (*little muggings* ‘малышка’), внешности (*little trick* ‘красотка’), профессии (*little boy blue* ‘тюремщик’), поведению (*Little Sir Echo* ‘подголосок’), положению в социальной группе (*little shit* ‘мелкая сошка’).

Семантика диминутивности выражается на уровне свободных и устойчивых словосочетаний. Как правило, они имеют двухкомпонентную структуру, а именно, *little* + существительное.

В свободном словосочетании *little fella* ‘мальш’ дескриптор *little* указывает на недостаточность по размеру или возрасту и модифицирует значение стержневого компонента *fella*, который сам по себе является усеченной разговорной формой существительного *fellow* ‘парень’. Данное

диминутивное словосочетание используется в британском английском для обозначения низкого человека или маленького ребенка.

Дескриптор *little* выявлен в структуре ряда фразеологических единиц. Например, в устойчивом диминутивном словосочетании *little wheel* 'мелкая сошка' прилагательное *little* выражает признак недостаточности по социальному статусу. Анализируемое диминутивное словосочетание употребляется для обозначения заместителя главаря банды.

Реже диминутивные словосочетания имеют многокомпонентную структуру, а именно, *качественное прилагательное + little + существительное*, например, *naughty little girl* 'непослушная маленькая девочка'.

Таким образом, семантика диминутивности активно реализуется на синтаксическом уровне и находит выражение в виде свободных и устойчивых словосочетаний, где дескриптор *little* передает значение уменьшительности и дополнительные коннотативные смыслы.

Информация о финансовой поддержке: *Исследования проводились в рамках государственного задания (номер госрегистрации 124012400351-9).*

Список литературы

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Книга по Требованию. – 608 с.
2. Буряковская, А. А. Диминутивность в английской языковой картине мира : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Буряковская Анна Александровна ; Тульский гос. Ун-т. – Воронеж. – 2008. – 23 с.
3. Schneider, K. Diminutives in English. – Max Niemeyer Verlag GmbH, Tübingen. – 2003. – 266 p.

УДК 811.111'1

НЕГАТИВНО-ОЦЕНОЧНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XX ВЕКА

Просандеева Ю. В., ORCID 0009-0009-7093-2392,
Войтенко Е. Ю., канд. филол. наук, ORCID 0000-0002-9643-2275
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
julia.prosandeyeva@mail.ru

Введение. Оценка – категория, отражающая в языке восприятие человеком окружающей его действительности, она представляет собой часть коммуникативного процесса, разграничивая объекты в ценностной картине мира и определяя их взаимодействие.

Драматургический дискурс, как пример диалогической коммуникации, дает возможность идентифицировать специфику употребления оценочных высказываний в зависимости от особенностей ценностной картины мира определенного периода и выявить особенности использования лингвистических средств оценки.

Целью данного исследования является определение и анализ структурных особенностей негативно-оценочных высказываний, функционирующих в англоязычном драматургическом дискурсе начала XX в.

Материал исследования составили 462 негативно-оценочных высказываний, отобранных методом сплошной выборки из англоязычных драматургических произведений начала XX в, таких как *Heartbreak House* (B. Shaw), *For Services Rendered* (W. S. Maugham), *The Silver Box* (J. Galsworthy), *Time and the Conways* (J. B. Priestley), *Death of a Salesman* (A. Miller), *The Glass Menagerie* (T. Williams), *The Great God Brown* (E. O'Neill), *Our Town* (T. Wilder).

Основная часть. Драматургический дискурс, как разновидность художественного дискурса, представляет собой диалог, последовательность речевых взаимодействий, в которых автор заключает свое видение мира. Ключевой особенностью драматургического произведения является преобладание персонажной речи, при моделировании которой драматург стремится добиться реалистичности ситуации и отобразить специфику разговорной речи, используя соответствующие конструкции в их типической форме, избавляя их от ненужных, случайных элементов. Это позволяет рассматривать драматургический дискурс в качестве стилизованного разговорного дискурса, отражающего общую употребительность конструкций в сфере живой разговорной речи [2].

Важнейшей частью речевых взаимодействий персонажей пьесы выступает их оценочная деятельность. Оценочным высказыванием считается речевое образование, с помощью которого субъект в рамках определенной коммуникативной ситуации выражает свое отношение к какому-либо объекту действительности на основании того, насколько удовлетворены его желания, потребности или цели. Несмотря на разнообразие форм выражения оценки, их объединяет наличие общих структурных элементов: субъекта и объекта, связанных оценочным предикатом со значением «хорошо/плохо» [1].

Субъектом оценки выступает языковая личность или группа личностей, выражающих свое отношение к объекту окружающей действительности с учетом определенных ценностных критериев. Если оценочное суждение принадлежит только одному отдельному индивиду, субъект оценки считается индивидуальным. Так, в примере "*Kay (severely): I think you were rather beastly to that little man.*" [5] субъект оценки эксплицируется с помощью личного местоимения *I*. В противном случае,

если оценка объединяет несколько субъектов речи, разделяющих определенные стереотипы и ценности, субъект оценки является коллективным, например: “Mrs. C.: ...*Everybody* knows how ridiculous they were.” [5].

В ходе анализа материала исследования было установлено, что негативно-оценочные высказывания с индивидуальным субъектом оценки значительно преобладают (97,8%), что может свидетельствовать о стремлении коммуникантов выразить собственное отношение к объектам окружающей действительности, опираясь на личные убеждения и жизненный опыт.

Источником возникновения оценки выступает её объект, эксплицитно или имплицитно представленный в структуре высказывания. Объект оценки – лицо или группа лиц, предмет, явление или событие, которому оценивающий субъект приписывает определенные ценности в процессе акта оценки.

Материал исследования продемонстрировал, что объектом оценки в драматургическом дискурсе может являться широкий спектр аспектов действительности: человек или группа людей, ситуация, абстрактное понятие, место, предмет, период времени или погода. Однако, наибольшей продуктивностью обладают высказывания, направленные на оценку человека (74,5%), в частности, его поведения: “BARTHWICK. ...*Your conduct, as far as I can see, is absolutely unjustifiable. It’s – it’s criminal.*” [3]. Это может свидетельствовать о значимости морального облика человека в ценностной картине мира исследуемого периода, а также строгости социальных норм, доминирующих в обществе первой половины XX века.

Неотъемлемой составляющей оценочного высказывания является оценочный предикат, отражающий специфику оценочного отношения субъекта к объекту. Отрицательная оценка затрагивает практически все стороны системы языка и реализуется на различных её уровнях. Доминирующими средствами выражения оценки являются морфолого-семантические средства, представляющие собой единицы различных частей речи: прилагательные, существительные, глаголы и наречия. Данная тенденция может свидетельствовать о стремлении коммуникантов использовать более простые способы выражения оценочного отношения, что способствует передаче спонтанного оценочного суждения говорящим, а также облегчает понимание адресатом в процессе коммуникации. Так, наибольшей частотностью обладают прилагательные (54,3%), например, “Gwen: ...*Oh, it’s so awful to love someone with all your heart and to know that the very sight of you maddens him beyond endurance.*” [4]. Использование прилагательных с целью выражения отрицательной оценки объясняется наличием оценочных сем в их значении, что сокращает количество необходимых для выражения оценки лексических единиц [2].

Необходимо подчеркнуть, что для передачи отрицательного отношения к объекту действительности говорящий может комбинировать лексические и грамматические средства, что способствует более полной передаче не только негативного отношения к объекту, но и различных оттенков чувств коммуникантов. Одним из распространенных примеров сочетания языковых средств различных уровней является употребление негативно-оценочного существительного или прилагательного в вопросительном предложении, что можно продемонстрировать следующим примером: “*Gwen: ...What good can he be to you? How can you be so stupid?*” [4].

Заключение. Обобщив сказанное, можно сделать выводы об огромном потенциале исследования драматургического дискурса для раскрытия психологически и социально-обусловленных тенденций в употреблении лингвистических средств выражения оценки в тот или иной исторический период.

Список литературы

1. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф ; вступ. ст. Н. Д. Арутюновой и И. И. Чельшевой. – Изд. 3-е изд., стер. – Москва : URSS. – 2005. – 259 с. – ISBN 5-484-00400-4.
2. Старостина, Ю. С. Динамика негативной оценки в англоязычном драматургическом дискурсе [Текст]: монография / Ю. С. Старостина, А. А. Харьковская. – Прага: Vědeckovydatelské centrum «Sociosféra-CZ». – 2014. – 140 с.
3. Galsworthy, J. The Silver Box / J. Galsworthy [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gutenberg.org/files/2906/2906-h/2906-h.htm> (Дата обращения 08.09.2023)
4. Maugham, W. S. For Services Rendered / W. S. Maugham [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.125970/mode/2up> (Дата обращения 08.09.2023)
5. Priestley, J. B. Time and the Conways / J. B. Priestley [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.531481/mode/2up> (Дата обращения 08.09.2023)

УДК 811.111:81'42

СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ В ПОЛИКОДОВЫХ МЕДИАТЕКСТАХ «ЗЕЛеной ПОВЕСТКИ»

Резникова А. Р., ORCID 0000-0001-7674-9251

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
arinareznikova@list.ru

Введение. В XXI в. информационная среда является одной из наиболее благоприятных для формирования общественного мнения по ряду

актуальных тем. Для достижения этой цели средства массовой информации используют как вербальные, так и визуальные средства передачи сообщения. Медiateксты выполняют не только информативную функцию, но также «формируют моральные нормы и оценку социальных реалий, ценностные приоритеты» [2, с. 834]. Поликодовые англоязычные медiateксты в этой связи представляют особый интерес для изучения, т.к. «отправители все чаще создают и предлагают получателям поликодовые сообщения, которые признаны наиболее эффективными в плане восприятия» [3], в таком контексте исследование особенностей актуализации категории оценки в поликодовых медiateкстах представляется оправданным.

Основная часть. Обращаясь к трактовке основных понятий исследования, определим **поликодовый текст**, как «...построенный на соединении в едином графическом пространстве семиотически гетерогенных составляющих вербального текста в устной или письменной форме, изображения, а также знаков иной природы» [4, с. 117]. Под **оценкой** понимается «...ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться как «А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший / плохой» [1, с. 5-6]. Оценка может даваться по разным признакам, но основная сфера значений связана с признаком «хорошо/плохо» [1, с. 5-6]. В современных СМИ тема «зеленой повестки» формирует медийную среду, являясь одним из наиболее актуальных информационных поводов. «Зеленая повестка» – современное неолиберальное политическое направление, популяризирующее принятие мер противодействия климатическим изменениям через политические, экономические, социальные решения.

Материал исследования составляют поликодовые медiateксты современных британских и американских СМИ (The Guardian, The Economist, The New York Times, The Wall Street Journal, The Washington Post, The New York Post), посвященные тематике «зеленой повестки». Анализ языковой выборки показывает, что оценка в поликодовых медiateкстах может быть выражена как вербально, так и посредством иконического компонента (рисунка, фотографии, карикатуры, параграфемных средств). Вербальная оценка объекта может быть дополнена иконическим компонентом и наоборот – тем самым усиливая общую положительную или отрицательную оценку.

В ходе анализа материала исследования было выявлено, что оценка в англоязычных поликодовых медiateкстах выражается вербально на лексико-стилистическом, морфологическом, синтаксическом уровнях.

Например, в статье газеты The Guardian ‘The curse of ‘white oil’ от 08.12.2020 заголовочный комплекс выражает негативную оценку посредством эмоционально-оценочной лексики: *The curse of ‘white oil’* (Проклятие белого масла / очищенных нефтепродуктов). Речь идет о

продолжающейся гонке за стабильным источником лития, ключевого компонента для перезаряжаемых аккумуляторов электроавтомобилей, но пока ЕС уделяет особое внимание выбросам, литиевая лихорадка угрожает нанести гораздо больший ущерб окружающей среде, чем выбросы. Словарное определение существительного ‘*curse*’ содержит негативно-оценочную сему ‘something that causes harm or evil’ [6]. В теле статьи используется мейоративная ‘*Electrifying transport has become a top priority in the move to a lower-carbon future*’ и пейоративная лексика ‘ “*So much destruction <...> and for what? So eco-minded urbanites in Paris and Berlin can feel good about driving around in zero-emission cars*” ’.

Риторический вопрос является одним из средств выражения оценки в поликодовых медиатекстах, например в заголовке статьи ‘*CO2-sucking machines. Is this the solution the world needs – or just the distraction?*’ издания The Guardian от 25.09.2021, который содержит два полюса значения оценки.

Прилагательное в сравнительной степени ‘*hotter*’ в заголовке таблоида The New York Post ‘*Hotter than the sun*’ от 10.09.2022 выражает положительную оценку, т.к. речь идет об изобретении новой чистой термоядерной энергии – альтернативной ядерной и другим традиционным видам энергии.

Анализ языкового материала показывает, в поликодовых англоязычных медиатекстах «зеленой повестки» категория оценки может быть выражена невербально, посредством иконического компонента в негомогенной структуре медиатекста. Например, аналитическая статья газеты The Washington Post ‘*Who has the most delegates at the COP26 summit? The fossil fuel industry*’ от 08.11.2021 сопровождается фотографией активистов Ocean Rebellion, которые держат в руках канистры с нефтью и носят их на голове во время акции протеста 29 октября перед залом заседаний саммита COP26 по климату в Глазго, Шотландия. Канистры, имитирующие лица людей, а также то, что протестующие одеты в деловые костюмы выражает негативное отношение некоторых общественных групп к тому, что самой многочисленной делегацией на климатическом саммите COP26 была не США, которые пытаются восстановить свои позиции в качестве лидера в области климата, и не принимающая страна Великобритания, а отрасль, работающая на ископаемом топливе, которая в целом прислала больше делегатов, чем любая другая страна в отдельности.

Другим примером медиатекста, в котором оценка выражается иконически может служить карикатура издания The Washington Post ‘*Hope for the future: A climate conference hosted by a petrostate*’ от 01.12.2023. Изобразительный компонент медиатекста представляет собой ось координат, голубя, который пролетает от вертикальной оси к горизонтальной и попадает в бочку с нефтью (черное содержимое и надпись ‘*oil*’), после чего птица погибает (лежит на горизонтальной оси, вместо глаз – крестик, что в языке мультипликации означает смерть). В вербальной

части карикатуры значится, что голубь – это надежда (*‘hope’*), следовательно интерпретировать данную карикатуру можно следующим образом: климатический саммит COP28 проводился в Дубае (ОАЭ), в стране, основную часть экономики которой составляет добыча сырой нефти и газа и их реэкспорт (что противоречит идеологии перехода на чистую энергетику, продвигаемую на климатических саммитах), и по этой причине надежда на энергетический переход сошли на нет.

Заключение. Итак, материал исследования демонстрирует, что оценка в поликодовых медиатекстах «зеленой повестки» выражается как вербально на лексико-стилистическом, синтаксическом и морфологическом уровнях, так и невербально – через изобразительный компонент медиатекста. Подобное комбинирование вербального и визуального кодов в рамках одного медиатекста предполагает усиление эффекта воздействия на реципиента, тем самым формируя у него устойчивые оценочные суждения в отношении, в данном случае, климатической повестки.

Список литературы

1. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки – URSS. – 2020. – 278 с. – ISBN 978-5-397-07255-7.
2. Рацибурская, Л. В. Проблема поликодовости как синтеза вербальных и невербальных средств воздействия (на материале медийных новообразований) / Л. В. Рацибурская, С. Г. Бусарева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2021. – Т. 18, № 4. – С. 831–846. – DOI 10.21638/spbu09.2021.412. – EDN RNVZWA.
3. Сергеева, Ю. М., Уварова Е. А. Поликодовый Текст: особенности построения и восприятия // Наука и школа. – 2014. – №4. – С. 128–134.
4. Сонин, А. Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления / А. Г. Сонин // Вопросы языкознания. – 2005. – № 6. – С. 115–123. – EDN HSIROZ.
5. Bessonova, O. L., Gordienko E. V. Binary opposition ‘us/them’ in British and American media texts about conflicts // SKASE Journal of Theoretical Linguistics. – 2021. – Т. 18. – № 2. – С. 91.
6. Oxford Learner’s Dictionaries. – Текст: электронный. – 2024. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 27.08.2024).

ИЗУЧЕНИЕ ЮМОРА В ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

Рудакова Е. А., ORCID 0009-0001-3607-2386,
Солодилова И. А., д-р филол. наук, доц., ORCID 0009-0008-1001-4509
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург, РФ
katrinessa@list.ru

Введение. Изучение юмора с точки зрения когнитивной лингвистики предполагает анализ юмористических материалов в аспекте обработки человеком поступающей информации, ее понимания и интерпретации. Лингвокогнитивная теория юмора строится на положении, что юмор представляет собой результат взаимодействия когнитивных и эмоциональных процессов человеческого сознания. Появление юмора обусловлено противоречием между ожидаемой и реальной ситуацией, с которой сталкивается человек. Данное противоречие приводит к возникновению когнитивного диссонанса, одним из способов решения которого является юмор.

Цель статьи – выявление особенностей изучения юмора в лингвокогнитивном аспекте.

Основная часть. Согласно когнитивной теории, юмор имеет следующие характерные черты: остроумие, как способность преобразовывать новые идеи в юмористические высказывания и шутки; креативность, как способность подбирать идеи и ассоциации для создания шуток; спонтанность, как способность быстрого реагирования на ситуацию при помощи шутки; эмоциональность, как способность передавать ощущения и чувства через шутки; интерактивность, как способность взаимодействовать со своими собеседниками посредством шуток. Исследователь Е. Ю. Семенова указывает, что «когнитивные структуры юмора позволяют понять не только механизм возникновения самого юмора, но и предлагают основы для понимания когнитивных процессов человека в целом» [4, с. 84].

Согласно мнению М. В. Мусийчук, существует несколько когнитивных механизмов юмора, среди которых выделяется: коммуникативный, креативный, гелозоический, аксиологический [3, с. 50].

Аксиологический механизм, по утверждению Г. В. Денисовой и Е. Р. Пертковой, «обуславливается знаковостью и социальностью юмора и проявляется в юмористических фрагментах произведений мировой художественной литературы и фольклора, выражающих отношение народа к событию, явлению, факту, как наиболее широкий и глубокий способ установления связи между внешним миром и субъектным опытом личности,

посредством проведения оценки событий с последующим выделением значимых» [2, с. 41-42].

Одним из важнейших результатов изучения юмора в аспекте когнитивной лингвистики является тот факт, что юмор выполняет аксиологическую функцию, то есть помогает человеку оценивать и интерпретировать события и явления жизни.

Аксиологическая функция юмора проявляется также в том, что человек способен проводить переоценку ценностей и антиценностей при помощи юмористических ситуаций и высказываний, так как происходит снижение важности проблемы или негативной ситуации, преодоление отрицательных эмоций, в том числе, ощущения страха, влияние на ценностную картину мира человека, ее преобразование.

Особую значимость для изучения юмора в когнитивном аспекте имеет изменение ценностной картины мира при помощи юмористических текстов и высказываний. Ценностная картина мира – это совокупность духовно-нравственных ценностей, составляющих основу существования человека, определяющая смысл его жизни и принципы, по которым он живет. Ценность в философии культуры понимается как «незыблемая сокровенная жизненная ориентация» [1, с. 136], на которую опирается человек на всех этапах своей жизни, при принятии решений и постановке целей. Ценности представляют основу не только жизни отдельной личности, но и культуры, в целом, ее идеалы и принципы. Антиценности представляют собой ценности с отрицательной коннотацией.

Юмор, используемый для высмеивания пороков, негативных стереотипов, ситуаций и пр., составляющих в совокупности систему антиценностей, влияет на представления человека – члена определенного социума – о хорошем и плохом, т.е. на его идеализированную или ценностную картину мира. Предмет насмешек и шуток получает негативную оценку в социуме, становясь на уровне ценностной системы антиценностью. И поскольку антиценность неразрывно существует в паре с ценностью, то актуализация одной сразу влечет за собой актуализацию другой. Высмеивание, например, человеческой глупости придает этому качеству статус антиценности и одновременно повышает ценность интеллекта человека.

Рассмотрим пример ценности и антиценности в юмористической ситуации на примере молодежного сериала «The Big Bang Theory». В следующих примерах мы наблюдаем обращение к ценности/антиценности «порядок/беспорядок»:

1. Sheldon: No, it hurt... (looking around) Great Caesar's Ghost, look at this place?

Leonard: So Penny's a little messy.

Sheldon: A little messy? The Mandelbrot set of complex numbers is a little messy, this is chaos. Excuse me, explain to me an 163ealia163es163onal system where a tray of flatware on a couch is valid. I'm just inferring that this is a couch, because the evidence suggests the coffee table's having a tiny garage sale.

2. *Sheldon: Do you need some pajamas and a toothbrush?*

Amy: Would it alarm you to know that two years ago I've hidden some in your apartment for just such an 164ealia164e? [Produces bag containing pajamas]

Sheldon: It would, but you know how much I admire preparedness. But how did you know we'd be in the living room?

Amy: Who said this is the only one I hid?

В представленных примерах мы видим, что при помощи юмора высмеивается антиценность «беспорядок» и демонстрируется статус ценности «порядок» через это высмеивание.

Заключение. Изучение юмора в лингвокогнитивном аспекте позволяет сделать вывод о том, что юмор помогает человеку воспринимать, интерпретировать и оценивать события жизни, проводить переоценку ценностей и антиценностей, что приводит к изменению и преобразованию ценностной картины мира человека.

Список литературы

1. Гуревич, П. С. Кризис ценностных ориентаций / П. С. Гуревич // Личность. Культура. Общество. – 2008. – Т. 10. – №5-6 (44-45). – С. 135–149. – EDN: NEIUCR.
2. Денисова, Г. В. Когнитивные механизмы юмора: к вопросу о психолингвистических особенностях восприятия иноязычного анекдота / Г. В. Денисова, Е. Р. Перткова // Вопросы прикладной лингвистики. – 2022. – №46. – С. 34–66. – DOI: 10.25076/vpl.46.02. – EDN: VOKIAF.
3. Мусийчук, М. В. Когнитивные механизмы юмора в структуре комического / М. В. Мусийчук // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. – 2010. – Т. 8. – №2. – С. 48–52. – EDN: LRHPB.
4. Семенова, Е. Ю. Когнитивное обоснование юмора в современной лингвистической науке / Е. Е. Семенова // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2010. – №1. – С. 78–84. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnoe-obosnovanie-yumora-v-sovremennoy-lingvisticheskoy-nauke> (дата обращения: 11.09.2024).

УДК 81'373.7:316.613.4:811.111

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ЭМОТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Трофимова Е. В., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0007-8845-1162
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
elenatrofimova_vl@mail.ru

Одним из актуальных вопросов современной фразеологии остается проблема фразеологической устойчивости. Тенденция к обновлению компонентного состава и разнообразию морфологического оформления и синтаксической организации фразеологических единиц (ФЕ) приводит к возникновению фразеологических вариантов. Согласно определению

Н. М. Шанского, варианты ФЕ – это лексико-грамматические разновидности, тождественные по своему значению и по степени семантической слитности [1, с. 50]. Варианты ФЕ, отличающиеся друг от друга отдельными элементами в лексическом составе, являются лексическими вариантами. Данное исследование посвящено установлению особенностей лексической вариативности ФЕ, обозначающих отрицательные эмоции в английском языке.

Анализ заменяемых компонентов в составе лексических вариантов английских эмотивных ФЕ позволил выделить две группы лексических вариантов: а) с семантически равноценными компонентами; б) с компонентами, принадлежащими к одному тематическому классу. Приведем примеры первой группы: *to hold (keep) in awe* ‘вызывать благоговение’, *to be afraid (frightened) of one’s own shadow* ‘бояться собственной тени’, где глаголы *hold* и *keep* и прилагательные *afraid* и *frightened* являются синонимами. Рассмотрим примеры второй группы: *a slap in the face (eye)* ‘обида, оскорбление’ *bare one’s heart (soul)* ‘излить, отвести, облегчить душу’, где взаимодействуют компоненты схожей тематической принадлежности.

Таким образом, анализ особенностей лексической вариативности английских эмотивных ФЕ свидетельствует о том, что заменяемые компоненты характеризуются синонимическими отношениями или принадлежат к тематически однородной группе лексем.

Информация о финансовой поддержке: *Исследования проводились в рамках государственного задания (номер госрегистрации 124012400351-9).*

Список литературы

1. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М.: Высш. Школа. – 1985. – 160 с.

УДК 82

К ВОПРОСУ КЛАССИФИКАЦИИ И РОЛИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Удовенко А. С., ORCID 0009-0001-3543-5974,

Мурзина Е. А., канд. экон. наук, доц., 0000-0003-3717-076X

ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», г. Йошкар-Ола, РФ
arinaudovenko2206@gmail.com

Введение. Английский язык является одним из наиболее значимых языков международного общения. Его изучение не теряет актуальности. Сложно переоценить коммуникативную функцию данного языка в

социально-правовой, экономической, культурной сферах. Знание иностранного языка позволяет обмениваться опытом, информацией, делиться мыслями и идеями, передавать через поколения культуру и исторические традиции. Одним из разделов языкознания – науки, изучающей структуру языка – является фразеология. Фразеология, в свою очередь, исследует устойчивые сочетания, речевые обороты и выражения, то есть разнообразные фразеологические единицы.

Цель нашего доклада – в контексте существующей классификации раскрыть роль фразеологизмов в современном английском языке, как неотъемлемой части английского языка, показав многогранность данного языка и его коммуникативный потенциал.

Основная часть. Богатая история английского языка и его многовековое развитие повлияли на разнообразие фразеологии. Как верно подмечает В. Ю. Пипопуло, идиомы в английском языке, прочно вошедшие в разговорную речь, кино, литературу и другие сферы жизни, отражают интересы и повседневные реалии носителей языка [3].

Большой вклад в изучение зарубежной фразеологии внес известный советский лингвист А.В. Кунин, который впоследствии был признан родоначальником данной науки. По мнению О. С. Абдыкаимовой и С. А. Турдакуновой, это связано с тем, что английские ученые и лингвисты того времени не занимались целенаправленным изучением фразеологизмов и устойчивых сочетаний своего языка [1]. Самая распространенная классификация английских фразеологизмов, предложенная А.В. Куниным, является не только стилистической, но и структурно-семантической классификацией, что указывает на ее уникальность и точность.

Согласно классификации ученого, фразеологические единицы могут быть исследованы в двух основных направлениях: по происхождению и в соответствии со структурно-семантической характеристикой. Каждое из этих направлений, в свою очередь, разветвляется на многочисленные подгруппы.

По происхождению английские фразеологизмы А. В. Кунин разделяет на исконно английские фразеологические единицы и заимствованные фразеологические единицы. К первому типу можно отнести фразеологические выражения, в которых отражены обычаи и традиции английского народа, различные поверья, сказки и басни. Обратим внимание на фразеологизм *good wine needs no bush* ‘хороший товар сам себя хвалит’, связанный со старинным английским обычаем, по которому трактирщики вывешивали ветки плюща в знак того, что в продаже имеется вино [2, с. 110].

К заимствованным фразеологическим единицам ученый относит библеизмы, которые в настоящее время являются полностью ассимилированными, а также фразеологизмы, пришедшие из других языков, например, из французского или немецкого. Рассмотрим библеизм а

milestone about smb's neck 'тяжелая ответственность' или 'камень на шее'. Данный оборот происходит от одного библейского текста с буквальным значением. Изобилие библеизмов А. В. Кунин объясняет тем, что Библия является наиважнейшим литературным источником фразеологических выражений [2, с. 116].

Говоря о структурно-семантической классификации, А.В. Кунин делит ее на четыре класса: номинативные, номинативные и номинативно-коммуникативные, междометные и модальные, а также коммуникативные фразеологические единицы.

Номинативные фразеологические единицы являются разнообразными по структуре оборотами, среди которых можно выделить как однокомпонентные обороты, включающие в себя только одну знаменательную лексему или две незнаменательные, так и фразеологические сочетания и фразеологические предложения, имеющие структуру словосочетания и структуру придаточного предложения соответственно. Класс номинативных фразеологических единиц разделен на три подгруппы: субстантивные, адъективные и адвербиальные фразеологические сочетания. В первую подгруппу входят частично переосмысленные и полностью переосмысленные фразеологические единицы со структурой словосочетания и с частичнопредикативной структурой. Для адъективных фразеологических единиц характерно полное переосмысление компонентов и сравнение с ярко выраженным оценочным значением. Что касается последней подгруппы, к адвербиальным фразеологическим сочетаниям относятся компоненты, обозначающие признаки процесса и обстоятельства действия [2, с. 126].

Глагольные фразеологические единицы относятся ко второму классу, так как некоторые из номинативных и номинативно-коммуникативных единиц являются словосочетаниями, а некоторые – как словосочетаниями, так и предложениями. Третий класс – междометные и модальные фразеологические обороты, которые не обладают свойствами ни первого, ни второго класса. Для фразеологических сочетаний данного класса характерна экспрессивность и выражение отношения говорящего к содержанию высказывания. К коммуникативному классу относятся фразеологизмы, являющиеся полноценными цельнопредикативными предложениями, например, пословицы и поговорки [2, с. 156].

На определенном этапе развития человеку необходимо изучать фразеологические выражения, так как они являются неотъемлемым компонентом речи, делают ее естественной и выразительной. По мнению Р. В. Ивановой, такие устойчивые словосочетания, обладая не только экспрессивно-эмоциональной окраской, но и ярко выраженной национальной спецификой, играют важную роль в обогащении лексической системы любого языка [4]. Такой позиции придерживается А. А. Торопова, отмечая, что фразеологические единицы важны для отражения

национальной культуры, так как описывают обычаи, нравы, характерные черты быта, а также культурные и значимые исторические события [5].

Заключение. Резюмируя сказанное, фразеологизмы были и остаются важной частью любого языка, включая английский. Они не только придают красочность и выразительность, но и отражают культурные и исторические особенности, традиции и обычаи народа. В современном мире, с развитием технологий и глобализацией, фразеология английского языка продолжает обогащаться новыми выражениями и пословицами. Несмотря на то, что существующие классификации позволяют систематизировать изучение этого сложного явления в языке, данная область лингвистики все еще остается динамичной и требует постоянного тщательного исследования.

Список литературы

1. Абдыкаимова, О. С. Становление и развитие фразеологии как самостоятельного направления в лингвистической науке / О. С. Абдыкаимова, С. А. Турдакунова // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2021. – Т. 21, № 2. – С. 73–78. – EDN VMQELH.
2. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 033200 (050303) – иностр. Яз. / А. В. Кунин ; А. В. Кунин. – 3-е изд., стер.. – Дубна : Феникс+. – 2005. – ISBN 5-9279-0047-X. – EDN QRSDHN.
3. Пипопуло, В. Ю. Фразеология как наука: роль фразеологизмов в современном английском языке / В. Ю. Пипопуло // Вестник ИМСИТ. – 2023. – № 2(94). – С. 26–29. – EDN LUDZFD.
4. Ivanova, R. V. The role of phraseological units in modern English / R. V. Ivanova // 19 апреля 2023 года. – 2023. – P. 382–385. – EDN WVBMQN.
5. Тогорова, А. А. Phraseological units: their origin and the place in the English language / А. А. Тогорова // Молодежь. Общество. Современная наука, техника и инновации. – 2023. – No. 22. – P. 118–120. – EDN FGTADI.

УДК 811.11142:32

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА DEMOCRACY В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XX ВЕКА (НА ОСНОВЕ ИНАУГУРАЦИОННЫХ РЕЧЕЙ ПРЕЗИДЕНТОВ)

Фатьянова И. В., д-р филол. наук, доц., ORCID 0009-0009-2870-1275,

Барабанищикова Д. Е., ORCID 0009-0009-1564-4136

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

irenefatianova@mail.ru

Введение. Данное исследование выполнено в рамках политической лингвистики и лингвокультурологии на основе американского политического дискурса XX – начала XXI веков (на материале публичных

выступлений американских президентов). Объектом изучения является концепт DEMOCRACY в американском политическом дискурсе XX века.

Цель работы – выявить средства вербализации концепта DEMOCRACY в инаугурационных речах президентов США.

Основная часть. Характеристику понятийно-ценностного компонента концепта DEMOCRACY необходимо составить на основе словарей. В юридическом словаре 1968 года дано следующее определение:

DEMOCRACY. *That form of government in which the sovereign power resides in and is exercised by the whole body of free citizens, as distinguished from a monarchy, aristocracy, or oligarchy. According to the theory of a pure democracy, every citizen should participate directly in the business of governing, and the legislative assembly should comprise the whole people. But the ultimate lodgment of the sovereignty being the distinguishing feature, the introduction of the representative system does not remove a government from this type. However, a government of the latter kind is sometimes specifically described as a “representative democracy”. Town form of government constitutes pure democracy as distinguished from representative government [Black’s Law Dictionary, 1968, p. 518].*

Democracy is loosely used of governments in which the sovereign powers are exercised by all the people or, a large number of them, or specifically, in modern use, of a representative government where there is equality of rights without hereditary or arbitrary differences in rank or privilege; and is distinguished from aristocracy.

In modern representative democracies, as the United States and France, though the governing body, that is, the electorate, is a minority of the total population, the principle on which the government is based is popular sovereignty, which distinguishes them from aristocracies [Black’s Law Dictionary, 1968, p. 519].

Концепт DEMOCRACY является важным понятием в жизни американского общества, поэтому данный феномен и косвенное обращение к нему часто используется в инаугурационных речах президентов.

В инаугурационной речи Т. Рузвельта концепт DEMOCRACY выражается имплицитно с помощью различных стилистических приёмов, таких как перифраз и эпитет:

(1) *“Under such conditions it would be our own fault if we failed; and the **success** which we have had in the past, the **success** which we confidently believe the future will bring, should cause in us no feeling of vainglory, but rather **a deep and abiding** realization of all which life has offered us]; ... **a full** acknowledgment of the responsibility which is ours; and **a fixed** determination to show that under **a free government a mighty people can thrive best**, alike as regards the things of the body and the things of the soul.”*

Концепт вербализуется имплицитно с помощью эпитета и относится к характеристике государства:

(2) *“Never before have men tried so vast and formidable an experiment as that of administering the affairs of a continent under the forms of a Democratic republic”*.

В инаугурационной речи У. Гардинга концепт DEMOCRACY вербализуется с помощью стилистического приёма метафоры:

(3) *“the unshaken temple of representative democracy”; “the righteousness of representative democracy”*.

В инаугурационной речи Ф.Д. Рузвельта концепт DEMOCRACY используется 1 раз эксплицитно, остальные случаи использования концепта – имплицитные. Концепт вербализуется с помощью эпитета *“essential”* – *“неотъемлемый”*, что указывает на важность данного понятия:

(4) *“We do not distrust the future of essential democracy”*.

Имплицитное использование концепта представлено лексическим средством, перифразом:

(5) *“Action in this image and to this end is feasible under the form of government which we have inherited from our ancestors.”*

В инаугурационной речи Г. Трумэна наблюдается частое обращение к концепту DEMOCRACY, выраженного с помощью стилистического приёма персонификации:

(6) *“Democracy maintains that government is established for the benefit of the individual, and is charged with the responsibility of protecting the rights of the individual and his freedom in the exercise of those abilities of his”*.

(7) *“These differences between communism and democracy do not concern the United States alone. People everywhere are coming to realize that what is involved is material well-being, human dignity, and the right to believe in and worship God”*.

В данной речи концепт DEMOCRACY используется как антитеза к понятию «Коммунизм», при этом концепт наделяется исключительно положительным значением, а «Коммунизм» – категорически отрицательным:

(8) *“Democracy holds that free nations can settle differences justly and maintain a lasting peace”*.

В инаугурационной речи Д.Ф. Кеннеди непосредственное использование концепта DEMOCRACY отсутствует, однако присутствует косвенное использование термина. Концепт реализуется с помощью понятий *“freedom”, “law”, “peace”, “secure”, “life”*.

У Л. Джонсона концепт вербализован с помощью метафоры: *“man's dominion over tyranny and misery”*, параллелизма и персонификации:

(9) *“Conceived in justice, written in liberty, bound in union, it was meant one day to inspire the hopes of all mankind”*.

В инаугурационном выступлении Р. Рейгана концепт DEMOCRACY выражается только косвенно. Используются такие стилистические приёмы, как, например, хиазм:

(10) *“the Federal Government did not create the States; the States created the Federal Government”*.

В первой инаугурационной речи Б. Клинтона концепт DEMOCRACY используется 4 раза и передаётся с помощью метафоры, также присутствует антитеза: противопоставление “spring – winter”.

В своей второй инаугурационной речи Б. Клинтон также апеллирует к концепту DEMOCRACY четыре раза с помощью гиперболы и персонификации:

(11) *“We must keep our old democracy forever young”*.

Значимость демократии подчёркивается гиперболой:

(12) *“We, – the American people, we are the solution. Our founders understood that well and gave us a democracy strong enough to endure for centuries, flexible enough to face our common challenges and advance our common dreams in each new day”*.

Концепт реализуется с помощью антитезы “democracy”–“dictatorship”:

(13) *“And for the very first time in all of history, more people on this planet live under democracy than dictatorship”*.

Заключение. В начале XX столетия в инаугурационных речах президентов концепт DEMOCRACY редко используется эксплицитно: в инаугурационной речи У. Тафта прямое использование концепта отсутствует, в речи Т. Рузвельта концепт используется один раз имплицитно, в остальных примерах наблюдается косвенное обращение к концепту. Частое обращение концепту наблюдается с середины XX века у Г. Трумэна, что может быть обусловлено политическими факторами (начало Холодной войны): в его речи концепт DEMOCRACY резко противопоставлен понятию «Коммунизм». Наиболее часто употребляемый стилистический приём в начале XX века – метафора (4,9%), также присутствуют сравнение (2,45%), эпитет (3,7%) и перифраз (2,45%). В начале XX века концепт используется косвенно, затрагиваются отдельные аспекты концепта. В основном концепт передаётся с помощью понятий: “rights”, “interests”, “freedom”.

Информация о финансовой поддержке: *Исследования проводились в рамках государственного задания (номер госрегистрации 124012400351-9).*

Список литературы

1. Фатьянова, И. В. Американский политический дискурс XX – начала XXI веков: автореф. дис. Доктора филол. наук. – Донецк. – 2022. – 41 с.

ЭВФЕМИЗМЫ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ СМИ)

Фатьянова И. В., д-р филол. наук, доц., ORCID 0009-0009-2870-1275,

Вельчев К. А., ORCID 0009-0005-6479-6495

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

irenefatianova@mail.ru

Введение. Важнейшей тенденцией в развитии современного английского языка является его эвфемизация. Интенсивное распространение этого языкового явления в литературе и публицистике XX – XXI веков связано с возросшим влиянием СМИ, воздействием феномена политкорректности, развитием новых каналов коммуникации.

Цель работы – исследование роли эвфемизмов в американском политическом дискурсе и их воздействия на общественное сознание, что представляет актуальную проблему современной политической лингвистики.

Основная часть. Исходя из специфики американского политического дискурса и в результате анализа политических выступлений, нами были выделены высказывания американских президентов, в которых эвфемизмы используются в качестве эффективного воздействия на аудиторию, чтобы смягчить более прямые и неприятные для слушателя выражения, не способные вуалировать те или иные негативные моменты, являющиеся проблемой в стране и в мировом сообществе. В США, как и в других любых странах, существуют проблемы, с которыми общество во главе с государством борется на протяжении некоторого времени. Рассмотрим специфику функционирования эвфемизмов в политической сфере, взятых из американских СМИ.

(1) *“The square deal”* (Speech to audience in Montana. May 27, 1903. The New York Times) – «Справедливая сделка».

Данный эвфемизм относится к принципу справедливого и равного отношения к бизнесу и гражданам, поддерживаемому Т. Рузвельтом.

Официальные речи Г. Гувера отражали сложный период Великой Депрессии. Президент часто использовал смягчающие эвфемизмы, чтобы не подчеркивать негативные аспекты событий и облегчить трудности, с которыми сталкивалось население: (2) *“Economic difficulties”*. – «Экономические трудности».

В данном высказывании президент США обращается к тяжелым экономическим условиям Великой депрессии, называя их просто «экономическими трудностями», чтобы не усугублять негативные ассоциации.

Ф. Д. Рузвельт известен мастерством ораторского искусства и способностью эффективно общаться с общественностью. В его речах часто встречались эвфемизмы, которые помогали создать позитивное впечатление и облегчить восприятие слушателями трудных ситуаций: (3) *“The arsenal of democracy”*. – «Мощь демократии».

Президент использовал данный эвфемизм в контексте обеспечения военной помощи союзникам во время Второй мировой войны, подчеркивая роль США в обеспечении свободы и демократии.

Будучи 34-м президентом США, Д. Д. Эйзенхауэр был известен своим взвешенным и дипломатическим языком, часто используя эвфемизмы для передачи своих посланий в тонкой и тактичной манере: (4) *“Atoms for peace”* (Address by Mr. Dwight D. Eisenhower to the 470th Plenary Meeting of the United Nations General Assembly, Tuesday, 8 December 1953). «Атом во имя мира».

В своей речи на Генеральной Ассамблее ООН в 1953 году Эйзенхауэр представил концепцию «Атом во имя мира» как стратегию, направленную на содействие мирному использованию ядерной энергии при минимизации риска ядерного распространения. Эта фраза эффективно передала усилия его администрации по использованию потенциала атомной энергии в конструктивных целях, таких как производство электроэнергии и медицинские исследования, при этом более зловещие последствия ядерных технологий.

Следующий президент также известен своим красноречием и дипломатичностью, используя эвфемизмы для более тактичной передачи деликатных или спорных тем. Вот некоторые эвфемизмы, которые Дж. Ф. Кеннеди, 35 президент США использовал в своих речах и заявлениях: (5) *“Peaceful coexistence”* (National Security Action Memoranda: NSAM 61, An Effective Countertheme to “Peaceful Coexistence”, June 8, 1961). «Мирное сосуществование».

Дж. Ф. Кеннеди часто использовал эту фразу, говоря о политике США в отношении СССР. Это подразумевало готовность вступить в дипломатические отношения и переговоры с Советским Союзом, несмотря на идеологические разногласия и геополитическую напряженность: (6) *“Cuban missile crisis”* (Radio and television address to the American people on the Soviet arms build-up in Cuba, October 22, 1962). «Кубинский ракетный кризис».

Хотя термин «ракетный кризис» не является явным эвфемизмом, он использовался для описания напряженного противостояния между Соединенными Штатами и Советским Союзом по поводу размещения ядерных ракет на Кубе. Обозначив это как кризис, Кеннеди подчеркнул серьезность ситуации, не прибегая к более тревожным выражениям, которые могли подвергнуть панике и дестабилизации народ США: (7) *“New frontier”* (Acceptance of Democratic Nomination for President at the party’s

national convention in the LA Memorial Coliseum on July 15, 1960). «Новый рубеж».

Эту фразу Кеннеди использовал, чтобы описать свое видение прогресса и инноваций в Америке. Это послужило эвфемизмом для его амбициозной внутренней программы, включая реформы гражданских прав, программы экономического развития и инициативы по исследованию космоса: (8) “*Peace corps*” (President John F. Kennedy, March 1, 1961). «Корпус мира».

Вместо использования таких фраз, как «иностранный помощь» или «международная помощь», Кеннеди придумал термин «корпус мира», чтобы описать свою инициативу по отправке добровольцев за границу для гуманитарной работы и работы в целях развития. Этот эвфемизм подчеркивал идеалистический и альтруистический характер программы, принижая при этом традиционные представления об иностранной помощи.

Р. Рейган, знаменитый своим харизматичным и красноречивым стилем речи, часто использовал эвфемизмы, чтобы смягчить воздействие своих высказываний или передать свое послание в более благодушной манере: (9) “*Economic restructuring*” – «Экономическая реструктуризация».

Президент использовал этот термин для обозначения своей политики дерегуляции и снижения налогов, направленной на оживление экономики. Вместо того чтобы говорить о «сокращении правительственных программ» или «сокращении регулирования», он охарактеризовал данный процесс как позитивную попытку реструктуризации.

Дж. Г. У. Буш известен своим дипломатичным и тактичным языком: (10) “*A kinder, gentler nation*” – «Более добрая и нежная нация».

Эту фразу Дж. Г. У. Буш использовал во время своей президентской кампании, чтобы передать свое видение более сострадательного и чуткого общества. Это подразумевало переход к политике и отношениям, которые были внимательными и гуманными, особенно в отличие от того, что некоторые воспринимали как суровость эпохи Рейгана.

Билл Клинтон известен своим умением использовать эвфемизмы в своих речах и заявлениях для решения деликатных и спорных тем. Вот один из примеров с пояснением и контекстом: (11) “*I misspoke*” – «Я оговорился».

Клинтон использовал этот эвфемизм в различных случаях на протяжении своего президентства, в том числе обращаясь к несоответствиям и противоречиям в своих замечаниях по политическим вопросам. Это послужило способом сохранить доверие и минимизировать последствия своих (политических и дипломатических) ошибок.

Заключение. Эвфемизмы играют важную роль в формировании образа политических лидеров, их коммуникативных стратегий манипулирования и давления с целью воздействия на аудиторию. Данные фигуры речи часто используются для смягчения негативных или конфронтационных высказываний, создания политической корректности

или управления и манипулирования общественным мнением. С течением времени изменяются не только сами эвфемизмы, но и их роль в американском политическом дискурсе. Изменения в политической среде, социокультурные тенденции и технологические инновации могут существенно влиять на выбор и использование эвфемизмов политическими лидерами.

Информация о финансовой поддержке: *Исследования проводились в рамках государственного задания (номер госрегистрации 124012400351-9).*

Список литературы

1. Фатьянова И. В. Американский политический дискурс XX – начала XXI веков: автореф. дис. Доктора филол. наук. – Донецк. – 2022. – 41 с.

УДК 81'373.2:321.02

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЧАХ Д. ТРАМПА

Цыкало Д. С., ORCID 0009-0003-5501-7109

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
d.tsykalo@list.ru

Введение. Онимная лексика обладает значительным культурологическим потенциалом и занимает особенное место в языке и культуре. Данная работа посвящена исследованию лингвокультурологических особенностей употребления имен собственных в политических речах известного американского политика Д. Трампа.

Цель работы – систематизация ономастического пространства и его культурологический анализ на материале политических речей Д. Трампа.

Основная часть. Имя собственное определяется как слово или словосочетание, служащее для выделения именуемого им объекта среди других объектов: его индивидуализации и идентификации [3].

Ономастика – наука, изучающая имена собственные, их происхождение, трансформации в процессе языкового функционирования, а также особенности заимствования в другие языки и закономерности развития [1]. Ономастические исследования активно опираются на данные смежных дисциплин – археологии, теологии, философии, материальной и духовной культуры, логики, психологии. Это свидетельствует о комплексном, междисциплинарном характере ономастики, подчёркивающим её глубокую взаимосвязь со всеми сферами человеческой деятельности [4].

Современная лингвистика прагматически ориентирована, что предполагает учет культурного, ситуативного и прочих контекстов и

метаконтекстов, в которых функционируют имена собственные, а также индивидуальных и коллективных стереотипов сознания и подсознания коммуникантов [7].

Политический дискурс отражает общественно-политические процессы, культуру, менталитет и ценности народа. Под политическим дискурсом понимается совокупность всех речевых актов в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, которые оформились в соответствии с существующими традициями и получили проверку опытом [5].

Политическая лингвистика занимается рассмотрением создаваемых в рамках политической коммуникации текстов (заявления, манифесты, речи политиков и государственных деятелей, аналитические статьи, политическая публицистика) и их особенностей [5].

Политические тексты и имена собственные, выступая компонентами этих текстов, выявляют национально-культурную специфику соответствующего речевого коллектива [6]. Они рассматриваются как специфические реалии и относятся к безэквивалентной лексике, передают значимую для реципиента информацию, но и обладают способностью делать ту же информацию закрытой для «непосвященных» или представителей других культур. Отсюда, они предстают в качестве своеобразного культурного кода, требующего особого декодирования [2].

К одному из самых популярных разрядов имен собственных в политических речах Д. Трампа относятся антропонимы:

And a very special thanks to our great Vice President, Mike Pence (Swearing-In Ceremony of the Honorable Amy Coney Barrett to the US Supreme Court).

В данном примере личное имя *Mike Pence* употребляется вместе с должностью *Vice President*, для введения слушателей в контекст. Майк Пенс – бывший вице-президент США в администрации Д. Трампа.

В следующем примере рассмотрим пример прозвищной номинации:

...let me just tell you something: President Obama and Biden – Sleepy Joe, he knew everything that was happening (Labor Day Press Conference).

Прозвище *Sleepy Joe* «Сонный Джо» было придумано Дональдом Трампом в 2019 г., имеет негативную коннотацию и используется теми, кто выступает против президентства Байдена. Оно появилось после серии видеороликов, на которых Дж. Байден иногда засыпает во время важных встреч и телеинтервью.

Следующий по распространенности разряд имен собственных – топонимы. Например, в конце практически каждого выступления Д. Трампа можно встретить фразу “*God bless the United States of America*” или “*God bless America*”:

Thank you, God bless you, and God bless America (Statement about the Violence at the Capitol).

Такие традиционные фразы символизируют патриотизм, веру и общие ценности, важные для американского общества. Произнесенные в заключительной части выступлений президента, подобные фразы придают его речам торжественности и значимости.

Каждые выборы в США становятся ареной для конфликта между Республиканской и Демократической партией. В последние десятилетия разногласия между партиями становятся все более острыми. Рассмотрим употребление эргонимов в следующем примере:

And Jim [Justice] is now a proud member of the Republican Party. He was a Democrat. He switched over, right? You don't see that too often. Maybe we'll see it more and more (Remarks at the House and Senate Republican Member Conference).

Д. Трамп принадлежит к Республиканской партии и делает акцент на том, что Джим Джастис – губернатор Западной Вирджинии – был демократом, но перешел на сторону республиканцев. Президент намекает и на то, что в будущем возможно больше таких переходов, взывая к тем, кто рассматривает возможность смены своей партийной принадлежности.

Заключение. Имена собственные являются неотъемлемой частью политического дискурса. Изучение употребления разных разрядов имен собственных в речах политических деятелей отражает национально-культурные особенности стран, которые они представляют. Эффективное использование онимной лексики является необходимым инструментом для успешной политической коммуникации.

Список литературы

1. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. Яз. И лит.» / В. Д. Бондалетов. – М.: Либроком. – 1983. – 224 с. – ISBN 978-5-397-03151-6.
2. Ларина, Т. И. Антропонимические метафора и сравнение как отражение этнокультурных ценностей (на материале русско-, англо- и польскоязычной публицистики) / Т. И. Ларина // Веснік ГрДУ імя Янкі Купалы. – Серия 3: Філологія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2010. – № 1. – С. 20–25.
3. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская; под ред. Л. В. Суперанской. – 2-е изд., перераб. И доп. – М.: Наука. – 1988. – 192 с. – ISBN 5-02-010892-8.
4. Сызранова, Г. Ю. Ономастика : учеб. пособие / Г. Ю. Сызранова. – Тольятти: Изд-во ТГУ. – 2013. – 248 с. – ISBN 978-5-8259-0707-9.
5. Фатьянова, И. В. Американский политический дискурс XX – начала XXI веков: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / И. В. Фатьянова. – Донецк. – 2022. – 518 с.
6. Халеева, И. И. Гендер в теории и практике обучения межъязыковой коммуникации / И. И. Халеева // Гендер: язык, культура, коммуникация: доклады I междунар. конф. – М.: МГЛУ. – 2001. – С. 7–11.
7. Чернобров, А. А. Философские и логико-методологические основы теории номинации (на материале английских и русских собственных имен): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / А. А. Чернобров. – Новосибирск. – 2002. – 371 с.

Зарубежная литература: модус, жанр, стиль

УДК 17.09.91

SALIM ROLLAN SEISENBAYEVA: HERO OF OUR TIME?!

*Abdykhanov U. K.*¹, PhD in Philology, prof.

*Latyshev O. Yu.*², PhD in Philology, prof., ORCID 0000-0002-6164-0015

¹South Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent, Kazakhstan

²International Mariinskaya Academy named after M.D. Shapovalenko,

Moscow, Russian Federation

papa888@list.ru

Introduction. The article deals with the issues of naming of the character of the story “Return of Kazybek” by Rollan Seisenbayev, who artistically reflected that the image of Salim hides the spiritual inferiority of the era. The authors emphasize that Seisenbayev’s work confirms not only the vital reality and artistic capacity of the character, but also designates the reached peak, to which literature and art are called to raise the depicted phenomenon. Thus, the article notes that the writer has made an artistic discovery, he created a work of great generalizing power. Goal. The purpose of the study is to determine to what extent the main character can really be considered a positive hero of a literary work.

Main part. A household name of a hero does not immediately appear and establish itself in literature, and it happens even more rarely that he is immediately recognized as such. Time must pass before the originality and universal significance of a character whose personality bears universal or national traits becomes obvious. The catalyst for a specific literary image to become a household name is criticism, called upon to fearlessly expose what was expressed by the work, sometimes political ideology, interpreting and using the results of artistic generalization for its own purposes, or the further fate of the creation itself, which can experience a second birth, be rediscovered. It should be noted that all the elements of this process have intersected precisely at the present time, at this stage of the development of society. It is time for the spiritually full-fledged intelligentsia, politicians, and literary scholars to reveal the depth of characters, reflect the significance of the works of Rollan Seisenbayev, and use the power of the critical focus of his pen for humane purposes. It is necessary to take into account not only the artistry and skill of the author, confirmation of the life truth and artistic capacity of the character. Next to Don Quixote, Khlestakov, Myshkin, Gobsek, Oblomov there are images no less significant and vivid, but they never became the center of universal human forces, passions and characters. Common heroes, of course, have their limits and are also finite (in the socio-historical and psychological sense), but these limits and finiteness are of a certain scale and significance. Before us appear not eccentrics or half-madmen, “idiots” against their will, but Don

Quixote and Prince Myshkin, artistically embodying the ideal of human dignity and nobility, not just a miser, but Gobsek and Plyushkin, “gaps in humanity”. The commonality of an image is something more than a confirmation of its life truth and artistic capacity, it is a designation of the achieved peak, to which literature and art are called upon to raise the depicted phenomenon. The commonality of Salim (Rollan Seisenbayev’s story “The Return of Kazybek” [1]) “Salimovshchina” will manifest itself quite obviously if the life content contained in this character is understood more fully and deeply than has been done so far. The common hero (in our case Salim) is interesting because the artist here approaches the very essence of what he wanted to say with his work, but did not receive an answer that would satisfy him. Aphoristic designations such as “Hamletism”, “Khlestakovism” or “Don Quixoteism” explain absolutely nothing if commonality is understood in a school way – as an identification of the hero with one of his qualities or character traits. The artist is interested in what is hidden behind Tartuffe’s hypocrisy, Khlestakov’s boasting, Oblomov’s laziness, Judas Golovlev’s duplicity, namely, where things come from (for example, why there is “woe from wit”, why nobility and selflessness sometimes look like madness). Thus, behind Salim’s hypocrisy, complacency, ignorance, vanity, greed, and laziness, there is hidden the spiritual inferiority of the era – the unrestrained unbridled satisfaction of his (Salim’s) immoral needs. The behavior of Seisenbayev’s characters, generated by an undeveloped consciousness, revealed by Mikhail Zoshchenko (the story “Fog” [2]), has a dangerous tendency: they turn out to be capable of communication and activity, but at the level of an idea understood by him. Such is the enormous danger of “Salimovism”, not only in the field of science, but also in public administration, and in everyday life. Seisenbayev, who has artistic intuition, figuratively reflects the results of the creation of a new man, shows that in the 20th century they idealized him, turning a blind eye to the role of the natural, biological in him, whose worldview is equally influenced by the social circumstances of life and the irrational forces of his soul. Even Vikenty Veresaev in the story “To Life” revealed the great significance of the dark instincts of a rational being. “There, deep under consciousness, there is something of my own, separate from me ... [3, p. 458] ... In the depths of the soul of each lies, curled up in a ball in the darkness, a shapeless master ... [3, p. 460] The mighty Master of my consciousness, he is a slave to forces unknown to me. These forces relentlessly stand above him – above humanity, above all life. And how many of these forces – you can not count and do not take into account!” [3, 469] So, we feel: a monster was born, which by its appearance expressed the process of destruction of the system of intellectual reproduction of the nation, which had been built up over centuries. A monster, whose very existence plunges into the horror of incomprehensibility. The independence of the Kazakh people was acquired at that period of the nation’s development, when part of the intelligentsia was torn away from both traditional moral pillars and from the achievements of world culture and civilization. The vacuum of spirituality became “fertile” soil for the rapid reproduction of “Salims”. This is an ulcer on the body,

viruses in the organism of humanity. Pathogens of infectious behavior deprive society of the opportunity for its progressive and dynamic development.

Seisenbayev touches many people with his works and characters, touches them painfully offensively. After all, in social terms, Salim is not an example at all, and meanwhile, psychologically and behaviorally, he carries recognizable traits, even very common ones. Thus, the writer clarifies and highlights those who are not Salimovs and have a different social function. Moreover, it should be remembered that in real life there were no such complete Hamlet and Don Quixote as Shakespeare and Cervantes presented them. There is no absolute Salim in Kazakh society. These are extreme, limiting designations of character traits, as if scattered in a multitude of very different people, or projecting properties and attributes that tend to spread. Undoubtedly, Salim as a typical character has the ability to become a household name. That is why they are recognizable, and people who seem to be completely different from them are irritated, hurt by the fact that they contain something very close, characteristic of many, although it is not always pleasant to admit this. I would not like to call Salim a hero of our time. But it would be unforgivable for the Kazakh people not to notice the acute social problem in the very fact of the emergence and spread of Salim's character, the expansion of his behavior model. The expansion of the circle of Salimovism has become a social phenomenon. The image of Salim leads us to a philosophical understanding of the Kazakh national character. It also expresses an indication of the possibility of a special moral path that opposes the vanity of all-consuming lack of spirituality. In Kazakh literature, Rollan Seisenbayev has made an artistic discovery; he created a work of enormous generalizing power.

Conclusion. Thus, Seisenbayev's works confirm the idea that there is a deep root connection between humanism, realism, progressive philosophical and ideological orientation. To reveal the contradictions of a person's character, social collisions of his era, the writer uses force, pictorial and artistic means of classical realism. Seisenbaev's work fully represents one of the most mature trends in the development of Kazakh and world literature, occupying a worthy place in them.

Список литературы

1. Сейсенбаев, Р. Ш. Возвращение Казыбека. Повести и рассказы. Пер. с каз. Автора. / Р.Ш. Сейсенбаев. – Алма-Ата: Жалын. – 1984. – 347 с.
2. Зощенко, М. М. Т. 1. Рассказы и фельетоны / М.М. Зощенко. Собрание сочинений. В 3-х тт. – Л.: Художественная литература, 1986. – 560 с.
3. Вересаев, В. В. Т. 2. Повести и рассказы / В. В. Вересаев. Собрание сочинений в 4-х тт. – М.: Правда, 1985. – 276 с.

РЕАЛЬНЫЕ ПРОТОТИПЫ ФОЛЬКЛОРНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ И РОССИИ

Акинина Н. В., канд. пед. наук, доц., ORCID 0009-0009-0736-4839,

Леонтьева К. А., 0009-0004-2486-3641

Старооскольский филиал ФГАОУ ВО НИУ «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет», г. Старый Оскол, РФ
kl583517@gmail.com

Введение. В данной статье мы рассматриваем влияние изучения народного творчества и проведения сравнительного анализа фольклора разных стран на развитие социокультурных компетенций людей разных государств и улучшения языковой коммуникации между иностранцами. Для этого мы будем использовать легенды, мифы и былины России и Великобритании.

Основная часть. Большинство людей придерживаются мнения, что фольклор, в плане словесного выражения (то есть легенды, песни, сказки, былины и т.д.), являет собой чистый вымысел и фантазию. «*И там и здесь действительность изображается одинаково верно и правдиво*» – так выражается М. М. Плисецкий о том, что фольклорные произведения, подобно классической литературе, также имеют право на настоящий исторический фундамент, а не на один только вымысел [1]. Мнения исследователей-фольклористов расходятся, но при любом из подходов можно сказать, что пусть не все, но некоторые произведения устного народного творчества имеют в своем основании если не цельное историческое событие, то хотя бы реального человека, послужившего прототипом для создания образа фольклорного героя.

Благодаря современной мультипликации, литературным произведениям и широко известной картине В. М. Васнецова «*Богатыри*» среди российского общества популярны образы «*Трех богатырей*» – Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алёши Поповича. Все эти воины, безусловно, являются известными действующими лицами былин прошлых веков, но, должно быть, не всем известно, что как минимум один из этих популярных персонажей претендует на звание настоящей исторической личности. О личности этого богатыря существует разные мнения, его считали и полностью вымышленным персонажем, собравшим в себе лучшие качества самого народа, и реальным воином княжеской армии, прошедшим множество кровопролитных сражений, некоторые исследователи придерживаются мнения, что Алеша Попович и Добрыня Никитич появились в творчестве народа раньше, чем Муромец. И все-таки именно вокруг Ильи Муромца на его предполагаемой родине сложился

целый культ, и именно Илья Муромец является единственным богатырем, у которого есть собственная могила, популярная среди людей, посещающих место захоронения воина [1].

Среди специалистов самой распространённой теорией о происхождении Ильи Муромца является та, что называет прототипом богатыря Илию Печерского, который в XVII в. был канонизирован как «преподобный Илья Муромец». Также этого человека могли называть «Чоботок», такое прозвище он получил после боя, в котором отбивался от врагов сапогом, то есть чоботком [2].

Стоит обратить внимание, что в разных летописных источниках и былинах некоторые подробности и детали жизни и смерти Ильи Муромца варьируются, однако основная сюжетная линия остаётся неизменной. Согласно этому мнению, Илья родился в селе Карачарово недалеко от Муромца, он был парализован и в течение 30 лет лежал на печи в доме родителей, но однажды к нему пришли старцы, сотворившие чудо и излечившие больного во имя благородного служения князю Владимиру. Получив благословение своих родителей, Илья отправляется в столичный град Киев, по дороге он проходит через множество разных препятствий, но в итоге достигает своей цели. Илья становится одним из лучших воинов князя Владимира и совершает для своего правителя множество подвигов. После одного из сражений, где богатырь получает ранение, предчувствуя скорую смерть, Илья отправляется в Киево-Печерскую лавру, где постригается в монахи. Точная дата смерти Муромца неизвестна, но можно сказать, что это событие относится к концу XII века [1].

На сегодняшний день известно, что мощи преподобного Ильи Муромца находятся в Киево-Печерской лавре и Спасо-Преображенском монастыре города Муром. День памяти святого, согласно церковному календарю, выпадает на 19 декабря. Илья Муромец является одним из самых популярных персонажей русского фольклора, упоминание его имени присутствует во множестве произведений как народного творчества, так и авторского: баллада А. Толстого «Илья Муромец», недописанные произведения Н. Карамзина и А. Пушкина, множество былин, мультфильмов, картин и т.д.

Великобритания также может иметь в истории своего фольклора реальных исторических личностей, которые послужили прообразом для персонажей различных видов народного творчества. Обращаясь к английскому фольклору, нельзя не вспомнить о существовании такой знаменитой и незабвенной фигуры как Робин Гуд. Этот персонаж легенд и баллад стал героем множества литературных произведений по всему миру. К числу людей, обратившихся к образу маститого разбойника, принадлежит и Вальтер Скотт, известный английский прозаик. Его «Айвенго» стал одной из самых известных книг, повествующих о легендарном бандите. В своем произведении Скотт опирается на теорию, согласно которой Робин Гуд жил

в XII веке, во времена правления короля Ричарда I Львиное Сердце. Однако, несмотря на то, что эта версия – одна из самых широко распространённых, по словам некоторых исследователей, в том числе Уильяма Стьюкли, она является ошибочной. В пользу своего мнения британец приводит несколько фактов, например: соревнования по стрельбе из лука, упомянутые в романе Скотта, появились в Англии лишь в XIII веке, а, как мы помним, Робина Гуда считали человеком, жившим в XII веке [5].

Еще одна известная гипотеза о существовании реальной личности Робина Гуда говорит о том, что прототипом послужил Робин Худ, находящийся на службе у мятежного графа Ланкастера, после казни которого он ушел в лес в 1322 году. Похожее имя значится в данных королевской счетной палаты Эдуарда II за период 1323-1324 года, что даёт возможность предположить поступление Худа на службу к самому королю. Следуя этой теории, выдвинутой Джозефом Хантером, перед смертью Худ принял постриг в Кирклейском аббатстве, где и скончался в 1346 году. Однако так называемая могила Робина Гуда, расположенная близ аббатства, указывает датой смерти 24 декабря 1247 года, что, впрочем, по мнению некоторых исследователей, является подделкой [5].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что в одних случаях источниками для фольклорных произведений могут служить реальные исторические личности, жизни которых вызывают большой интерес среди народных масс, а в других основой может служить собирательный образ нескольких людей или выдуманных персонажей. Подобное запечатление в фольклоре реальных людей служит также для сохранения истории и лучшего ее понимания. Но в то же время события, относящиеся к жизни прототипов героев фольклора, могут быть дополнены или изменены в связи с различными факторами и авторами, которые передают легенды, мифы и былины об этих личностях в своих произведениях.

Заключение. Изучение народного творчества разных стран даёт возможность более углублённо изучить исторические традиции, обычаи, ценности и уклад жизни определённых стран. Такой подход позволяет лучше понять менталитет и культурные установки людей разных государств. Нужно отметить, что проведение сравнительного анализа фольклора разных стран способствует выявлению общих и различных черт в культуре, это помогает лучшему пониманию исторических аспектов и их сущности. Благодаря этому изучение фольклорного творчества других стран может помочь в улучшении качества коммуникации с иностранцами, улучшению взаимопонимания. Развитие социокультурных компетенций также способствует развитию межъязыкового контакта между гражданами разных стран. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что изучение народного творчества не только своей Родины, но и других стран способствует расширению кругозора, улучшению социокультурных связей между людьми, а также повышению уровня владения иностранными языками.

Список литературы

1. Королев, А. С. Илья Муромец / А. С. Королев. – М.: Изд-во Молодая гвардия, 2016. – 384 с. – ISBN: 978-5-235-03879-0.
2. Лопухина, Е. В., Илья Муромец. / Е. В. Лопухина, О. А. Сухова, Б. Н. Флоря // Православная энциклопедия. – М., 2009. – Т. XXII: «Икона – Иннокентий». – С. 307–315. – 752 с.
3. Александрова, Д. Почему Марию Тюдор называли «Кровавой». – Текст: электронный // Дилетант. – 2005. – URL: https://diletant.media/articles/45324065/?utm_medium=sborniki
4. Дандес, А. Кровавая Мэри в зеркале: Ритуальное отражение допубертатной тревоги / А. Дандес // Западный фольклор. – Лос-Анджелес, 1998. – №. 5. – С. 119–135.
5. Брайант, А. Эпоха рыцарства в истории Англии / А. Брайант; Пер. с англ. Т. В. Ковалёва, М. Г. Муравьёва. – СПб.: Евразия, 2001. – 578 с.

УДК 821.111

ЗНАЧЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЙ ГЛАВЫ РОМАНА О. УАЙЛЬДА «ПОРТРЕТ ДОРИАНА ГРЕЯ»: ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ

Бабий А. В., ORCID 0009-0008-2466-2312

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
a.babiy@donnu.ru

Роман О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» включает множество философских отступлений – рассуждения о красоте, искусстве, любви. Эстетский роман не может обойтись и без ярких, красочных описаний. Однако одиннадцатая глава романа на первый взгляд может показаться выбивающейся из общей композиции и неоправданно замедляющей романное действие. Наша задача доказать, что в столь пространственных описаниях и отступлениях скрывается несколько определяющих для сюжета мотивов.

Начинается глава с упоминания романа Жориса-Карла Гюисманса «Наоборот» – «отравляющей» героя книги. Описание жизни дез Эссента, главного героя романа, завораживает Дориана и оказывает воздействие на его мировоззрение – настолько привлекательным кажется ему смесь романтика и учёного, заключённая в этом образе. Второе, что притягивает Дориана к роману Гюисманса, это чувство злорадства – ему забавно сопоставлять увядающую красоту и проходящую молодость дез Эссента со своей застывшей юностью. Два мотива, побуждающие Дорина читать «ядовитую» книгу, соединяются в его наблюдении за своим изменившимся портретом. Он с любопытством изучает контраст между изображением и действительностью. Дориан одновременно восхищается своей красотой и увлечён разглядыванием

следов деградации своей жизни, которые он видит на портрете. Злорадствуя и смеясь над своим отражением, он редко думает о разрушении своей души. При этом Дориан заботится о своей репутации. Стараясь быть кумиром молодёжи, он демонстрирует безупречное чувство стиля. Однако одного лишь статуса законодателя мод недостаточно для того, чтобы удовлетворить тщеславие Дориана. Он стремится стать для общества тем, «<...> чем для Рима времён императора Нерона был автор “Сатирикона”» [3, с. 144] («<...> what to imperial Neronean Rome the author of the “Satyricon” once had been...») [4, p. 160]). Так у него рождается идея создания своей философии – «нового гедонизма» [4, p. 161], ключевые черты которого – культ красоты и почти научное исследование ощущений. Главное стремление – избегая как аскетизма, так и «грубого распутства», притупляющего ощущения [3, с. 145] («<...> the vulgar profligacy that dulls [the senses] <...>») [4, p. 162]), познать все тонкости чувственного мира, не думая о последствиях. Дориан считает своей миссией раскрасить жизнь более яркими красками, что показано посредством готического образа ночных кошмаров: картины и звуки, которые пугают нас ночью, тем самым внося в нашу жизнь нечто загадочное, исчезают бесследно, и жизнь возвращается на круги своя. Дориан же хочет привнести в обыденное существование элемент странности, необычности, что видно в многочисленных описаниях коллекций и увлечений главного героя.

В этих подробных описаниях можно увидеть отсылку к упомянутому ранее роману «Наоборот». М. Свердлов называет произведение Гюисманса «романом бездействия» [1]: «<...> почти весь роман рассказывает о том, как устроился дез Эссент в <...> особняке, <...> чем он там занимается, <...> как подбирает обои, какие книжки собирает в библиотеку, какие цветы ставит <...> Много говорится о том, какие интересные эксперименты проводит дез Эссент <...>» [1]. Коллекциям тканей, музыкальных инструментов и драгоценных камней Дориана также уделяется значительное внимание. Здесь раскрывается несколько мотивов. Первый из них – упомянутый ранее исследовательский интерес к ощущениям. Так, Дориан, к примеру, изучает воздействие запахов и ароматов на настроение человека: «Почему, например, запах ладана настраивает людей мистически, а серая амбра разжигает страсти?» [3, с. 148] («<...> what there was in frankincense that made one mystical, and in ambergris that stirred one’s passions <...>») [4, p. 165]).

Мотив странности и отчуждения просматривается в описании коллекции музыкальных инструментов. Привычная слуху Дориана музыка, которую он слушал в театрах, перестала увлекать его. Он предпочитает теперь инструменты других народов, инструменты необычного вида и звучания: «<...> перуанские глиняные кувшины, издающие звуки, похожие на пронзительные крики птиц <...> и резко звучащий «туре» амазонских племен <...>» [3, с. 149] («<...> the earthen jars of the Peruvians that have the

shrill cries of birds <...> [and] the harsh ture of the Amazon tribes <...>» [4, p. 166]). Примечательно, что Дориана привлекает не только классически прекрасное, но и то, что считается уродливым: «<...> он испытывал своеобразное удовлетворение при мысли, что Искусство, как и Природа, создаёт иногда уродов, оскорбляющих глаз и слух человеческий своими формами и голосами» [3, с. 149] («<...> he felt a curious delight in thought that Art, like Nature, has her monsters, things of bestial shape and with hideous voices» [4, p. 166]).

В описании драгоценных камней и ювелирных изделий, любимых Дорианом, этот мотив раскрывается с новой силой, приобретая новые краски. Так, его пленяет не только красота этих камней, но и жуткие истории о них, связанные с жестокими страстями. Это свидетельствует о том, что для героя рамки прекрасного расширяются с выходом на парадигмы декаданса (прекрасное в ужасающем). Кроме того, в этих своеобразных историях кроются для него утерянные красота и величие прошлого. Тоска по прошлому, стремление навечно завладеть увядающим и недолговечным (параллель с жизнью самого Дориана) заставляют его коллекционировать гобелены с вышитыми на них старинными сюжетами. Связь с историей, с предками, литературными героями прошлого – также один из основных мотивов этой главы. При этом за всеми увлечениями героя скрывается страх, что кто-то узнает его страшную тайну. По словам И.В. Кабановой, «по мере того как увеличивается в жизни Дориана удельный вес <...> неназываемых преступлений, по мере того как стущаются тени вокруг его имени, автор всё больше места уделяет описанию роскоши бесполезных и бесценных предметов, которыми окружает себя герой. <...> Смысл [описаний] не столько в том, чтобы иллюстрировать изысканность вкусов героя, сколько в том, чтобы парадоксальным образом подчеркнуть его моральную ущербность <...>» [2]. Он старается маскироваться при помощи притворства, считая это искусством – скрывать неприглядное содержание своей жизни за эстетичной формой. На этом этапе Дориан чувствует не угрызение совести, а лишь страх быть раскрытым.

Таким образом, можно сделать вывод, что одиннадцатая глава романа, где, на первый взгляд, не происходит никаких заметных действий, наполнена целым рядом концептуальных для произведения мотивов – это мотив странности и отчуждения, тоски по прошлому, исследования жизни, мотив прекрасного и безобразного, страшной тайны, а также ключевой для Оскара Уайльда мотив соотношения искусства и жизни. Все они служат более полному раскрытию образа Дориана Грея и более глубокому пониманию самого романа.

Список литературы

1. Свердлов, М. Жизнестроительство декаданса: «Наоборот» Ж.-К. Гюисманса // Курс: Метафизика европейского романа. – URL: <https://magisteria.ru/metaphysics-of-european-novel/a-rebours?ysclid=m0zrdq4133152675302> (дата обращения: 12.09.2024).
2. Кабанова, И.В. Анализ романа «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда. Зарубежная литература XX века: практические занятия. Под редакцией И.В. Кабановой (второе издание) / И.В.Кабанова. – Москва: Флинта Наука, 2009. – URL: <http://oscar-wilde.ru/analiz-proizvedenii/kabanova-analiz-romana-portret-doriana-greya-oskara-uaylda.html> (дата обращения: 12.09.2024)
3. Уайльд, О. Портрет Дориана Грея: Роман, повести, пьесы, сказки, афоризмы. / Пер. с англ. В. Чухно, М. Благовещенской / Оскар Уайльд. – Москва: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. – 672 с. (Серия «Зарубежная классика»). – ISBN 5-04-002367-7.
4. Уайльд, О. Портрет Дориана Грея = The Picture of Dorian Gray / O.Wilde; Авт. Вступ. ст. та комент. Є.В. Бондаренко. – Харків: Ранок-НТ, 2003. – 288 с. – ISBN 966-8082-27-3.

УДК 821.111(73)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ФРОНТИРА В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Вихрова К. А., ORCID 0000-0003-4175-8005

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица», г. Санкт-Петербург, РФ
r2654256@gmail.com

Введение. Утопический образ Нового Света зародился еще в Старом: ранние представления европейских колонистов «о далеком аркадском саде», о новом континенте как зоне потерянного рая и материального изобилия соединились с ренессансным гуманизмом, идеей естественных прав человека и мечтой о реформированном обществе верующих. Квинтэссенцией американского опыта колонизации стала жизнь на фронтире, динамической границе между дикостью и цивилизацией, как в конце XIX в. это явление определил Фредерик Тернер [4, с. 14].

Идея фронтирного обновления и реструктурирования американской идентичности получила развитие в исследованиях историка Ричарда Слоткина, изучившего фронтирный нарратив обширного корпуса художественных произведений. Слоткин установил, что «миф о возрождении через насилие стал структурной метафорой американского опыта» [1, с. 5], т.е. насилие, осуществлявшееся на фронтире, имеет фундаментальное значение для американского мифогенеза и национального сознания.

Цель работы: проанализировать трансформации образа фронтира в американской прозе XIX–XX вв.

Основная часть. Отправной точкой в исследовании того, как изменялся образ фронта со временем, становятся представления о границе в произведениях Фенимора Купера (1789–1851), классика приключенческой литературы и одного из основоположников популярного жанра вестерн (в терминологии Дж. Кавелти). Именно Купер творчески осмыслил и ввел в американскую литературу образ фронта в «романах границы», к числу которых относится его пенталогия о Кожаном Чулке, Натаниэле Бампо, которой зачитывалась вся Европа. Важно отметить, что пенталогия, охватывающая период 1740–1806 гг., представляет собой органичное соединение элементов исторического, приключенческого и нравоописательного романов.

Наиболее популярным среди читателей романом пенталогии представляется «Последний из могикан» (1826). В нем Купер показывает противостояние колонистов друг другу и коренному населению. Романист выводит образ «благородного дикаря» Ункаса, обреченного на смерть самим ходом истории. Ункас – трагическая фигура, его судьба в полной мере предрешена. Вместе с тем Купер – «поэт фронта»: опыт жизни на границе переформатирует его персонажей, позволяет им раскрывать и реализовывать личностный потенциал, становиться «американскими Адамами». Природа фронта благожелательна колонистам, предоставляет им пищу и кров, романтически окрашена, отражает величие человеческого эксперимента по строительству нового общества.

«Пограничные» истории Марка Твена (1835–1910) рассказывают об изобретательных и рациональных покорителях Запада и их захватывающих авантюрах. Писатель провел молодые годы на границе, и этот опыт многое объясняет в его художественном методе и характере мышления. Как отмечает видный отечественный американист А. М. Зверев, юмористические рассказы Твена 1860–1870-х гг. сближаются со сложившимся еще на рубеже XVIII–XIX вв. фольклорным жанром небылиц [2, с. 560]. Для героев-пионеров Твена нет ничего невозможного и непосильного, на любую сложность они отвечают смекалкой и храбростью, а их отличительная черта – уверенность в успехе и отвращение к несправедливости.

В течение долгого времени в художественном осмыслении фронт оставался ярчайшим и достовернейшим подтверждением «американской мечты»: зона свободы и индивидуализма представлялась источником возможностей для воплощения самых смелых планов, взаимной ответственности и честной работы. Впрочем, к концу жизни Твену пришлось осознать, насколько существенно эти идеи отличаются от реальности, особенно в контексте специфических американских черт, которые в конечном итоге стали результатом попыток воплотить «мечту». Горечь его поздних произведений в значительной степени является отражением этого социального прозрения.

Постепенно – особенно в популярной культуре – фронтир превращается в «игровую зону» с легкоузнаваемым пейзажем и типичными персонажами. Этому во многом способствовал кинематограф и бульварные романы, популярные зрелища, воссоздающие картины из быта индейцев и ковбоев. Узнаваемость и простота воспроизведения образно-сюжетной схемы, четкость (и зачастую примитивность) морально-этической оппозиции «добро-зло», мощный развлекательный потенциал делают мир фронта популярной «концептуальной зоной», которая реализуется мультиплатформенно: типичный антураж, максимально упрощенные персонажи – герои, злодеи и жертвы – и конфликты активно репродуцируются в произведениях литературы, кинематографа, индустрии развлечений и в компьютерных играх. Американский герой вестерна, оказавшись в ситуации опасности и беззакония, добивается успеха только через какие-либо насильственные действия.

Наконец, ревизионистский вестерн, ярким примером которого служит «Кровавый меридиан» К. Маккарти (1933–2023), реформирует популярные представления о фронтире. После Второй мировой войны вестерн получил более глубокое психологическое измерение, а в последней трети XX в. – эпоху новых исторических потрясений – западный миф обрел еще более серьезные черты: писатели начали активно поднимать ряд вопросов, связанных с фактической колонизацией, которая была заслонена этноцентричным нарративом. Важным обстоятельством является генетическое родство романа Маккарти со значительно более ранней традицией. Первооснова «Кровавого меридиана» – плутовская автобиография «Моя исповедь: воспоминания бродяги» американского военного Сэмюэля Чемберлена (1829–1908).

Маккарти изображает юго-восточную границу США столетней давности в апокалиптических тонах войны всех против всех, разгула насилия и беззакония. Мексиканские губернаторы нанимают главного героя, в котором «зреет вкус к бессмысленному насилию» [3. С. 7], в составе группы охотников за скальпами для уничтожения индейцев, однако в результате развязавшейся резни бандиты убивают и скальпируют не только коренных американцев, но и мексиканцев. Конец бойне не настает даже с разгромом банды и физическим истреблением большинства ее членов, поскольку злая сущность – судья Холден, дьявольский апологет насилия, – бессмертна. В «Кровавом меридиане» Маккарти ставит под сомнение доктрину «Явного предназначения» и показывает неисключительность исторических путей США.

Заключение. На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что за двести лет образ фронта в художественных произведениях претерпел сильные изменения. Представления о пограничной зоне как об утопическом месте рождения новой нации трансформировались в трагическое видение фронта как области беззакония и власти насилия.

Список литературы

1. Slotkin, R. *Regeneration through Violence: The Mythology of the American Frontier, 1600–1860* / R. Slotkin. – Middletown: Wesleyan University Press, 1973. – 670 p.
2. Зверев, А. М. Марк Твен / А. М. Зверев // *История всемирной литературы: В 8 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. Им. А. М. Горького.* – Т. 7. – М.: Наука, 1991. – С. 559–568.
3. Маккарти, К. *Кровавый меридиан, или Закатный багрянец на западе* / К. Маккарти; пер. с англ. И. Егорова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – 384 с.
4. Тернер, Ф. Дж. *Фронтир в американской истории* / Ф. Дж. Тернер; пер. с англ. А. И. Петренко. – М.: Весь Мир, 2009. – 304 с.

УДК 82 – 1/9:811.11(7/8) [Майкл Джера]

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ МИРА В МАЛОЙ ПРОЗЕ МАЙКЛА ДЖИРЫ

Волохов Д. В., ORCID 0009-0000-1302-590X

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
danvolohov@gmail.com

Майкл Джера (Michael Gira) – американский писатель, музыкант, композитор, основатель коллективов SWANS, The World Of Skin и The Angels Of Light [8, с. 11]. Получивший известность в первой половине 80-х годов XX века, Майкл Джера прочно ассоциируется с нью-йоркским движением ноу-уэйв (no wave), а также с различными авангардными рок-артистами – Гленном Бранкой, Рисом Чатемом, Лидией Ланч, коллективами Sonic Youth, Band Of Susans, Live Scull [8, с. 3]. М. Джера и многие его коллеги затрагивают психологические (в частности, поведенческие) аспекты в массовой культуре, рассматривая действия людей через призму потребления. Лидия Ланч, Ник Кейв, Генри Роллинз, как и М. Джера, наблюдали становление и растущую популярность представителей «грязного реализма» [4, с. 8]. Но если для большинства авторов, представителей андеграундной музыки Восточного побережья США, рефлексия стала языком становления художественного/литературного «я», то Джера в своих литературных произведениях говорит о важных проблемах социума на его современном историческом этапе [4, с. 9]. В частности, анализ общественной и культурной ситуации в США подводит автора к размышлениям в духе идей Ж. Бодрийера – к его тезису о потреблении как самоцели [1, с. 5].

В рассказе «Собака» Джера рассказывает о путешествии детей по водосточной трубе [4, с. 18-22]. Уже в самом начале произведения автор задает социальный тон, описывая поведение неблагополучных детей, употребляющих наркотики и слоняющихся поблизости от канализационного коллектора: «Густой затхлый запах мочи и ядовитой

помойной жижи поднимался из свежих разрывов на затвердевшей поверхности» [4, с. 18]. На ольфакториальном уровне чувство отвращения передано многочисленными описаниями дурных («низких») запахов – коллектора, выхлопов, запаха аэрозоля, вдыхаемого детьми. Прибегая к наркотическому мотиву и учитывая уже описанное в художественной литературе воздействие наркотиков на человеческий мозг (Ш. Бодлер, Т. Готье, Т. де Квинси и др.), Джера показывает изнанку обыденного мира потребления, открывающегося наркотическому «расширенному сознанию» своей страшной стороной [6, с. 10].

В силу устойчивого противостояния конформистской модели жизни писательское и музыкальное творчество М. Джеры не вполне «удобно» для массового потребителя [7, с. 371]. Так, в музыке он намеренно отходит от сформированного акустического «радио-формата» и прибегает к многочисленным звуковым экспериментам [2, с. 95]. К ним можно отнести диссонирующие гитарные партии, замену вокала криком, педалированную, на грани срыва, передачу эмоциональной составляющей в ходе концертных исполнений, что отразилось и на специфике записи альбомов SWANS [8, с. 20]. Любопытно, что и литературная сторона творчества Майкла Джеры, подобно музыкальной, характеризуется прежде всего различного рода динамическими изменениями, выводимыми автором на уровень так называемого «белого шума» (или «информационного шума»), который усложняет процесс восприятия художественной информации [3, с. 56]. В авангардистской литературе этот приём не нов: классическим примером могут стать драматические произведения Э. Ионеско, в которых сюжетные повороты, диалоги и поведение героев выходят за привычные коммуникативные рамки, лишая, таким образом, человеческое общение главного – смысла [5, с. 132]. Вследствие этого реакции героев на сцене, зрителей в зале и читателей характеризуются как неоднозначные в поле отведённых им коммуникативных компетенций. «Белый шум» у Ионеско – концептуальный приём, его цель – привлечь внимание зрителя/читателя к утраченной ясности в общении. Похожего эффекта, но уже с опорой на свой музыкальный стиль, добивается и Майкл Джера, выстраивая структуру произведений, диалогов, сюжетных поворотов и описаний как отражение безумного мира потребления и жестокости [6, с. 9]. В этом плане уместно обращение к словам Антонена Арто о тех, «<...> кто является хозяевами своего языка», о тех, «для кого у слов есть смысл; для кого в душе существуют высоты <...>». В данном случае под «высотами» следует понимать резкие динамические срезы, характерные для творчества Джеры в целом [6, с. 9]. В музыке, согласно С.А. Харламовой, – это тотальное обрушение гитарных аккордов, а в его прозе мы отмечаем шокирующе резкие переходы к сценам насилия, описания наркотической эйфории, каннибализма. Следуя принципам антипрозы, Джера также порой лишает своих героев всякой логики мышления и поведения, часто оформляя свои

рассказы как короткие «страшные» нарративы с открытой концовкой, что формирует особую модель его художественного мира как бесчеловечного и бесконечного в своей жестокости.

Список литературы

1. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. Пер. с фр., послесл. И примеч. Е.А. Самарской. – М.: Республика: Культурная революция, 2006. – 269 с.
2. Брузгене, Р. Литература и музыка. О классификации их взаимодействия / Р. Брузгене // Вестник Пермского Университета. – 2009. – №6. – С. 93–99.
3. Горбаткова, А. Ф., Котлярова В. В. Проблема информационного шума в жизни человека XXI века / А.Ф. Горбаткова, В.В. Котлярова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – № 7. – С. 56–59.
4. Джера, М. Потребитель /М. Джера. – М.: Эксмо. 2003. – 263 с.
5. Усачева, А. В. Реальность, сон и галлюцинации в произведениях Эжена Ионеско / А.В. Усачева // Материалы Международной междисциплинарной научной конференции «Человек ощущающий: Перцепция в современном гуманитарном знании», 5 апреля 2015 г. / под ред. Э.Б. Яковлева. – М., 2015. – С.132.
6. Харламова, С. А. Рок-музыкант как автор художественной прозы: методологические заметки, взаимоотношение звука и текста на примере творчества М. Джеры. / С.А. Харламова. – Тюмень: Litera. 2019. – №2. – С. 6–14.
7. Carducci, J. Rock And The Pop Narcotic / J. Carducci. – Redoubt Press, 2005. – 529 p.
8. Saulsby, N. Swans: Sacrifice And Transcendence. The Oral History / N. Saulsby. – Jawbone Press, 2018. – 336 p.

УДК 8.82.82-3

КОММЕНТАРИЙ КАК ФОРМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МЕТАТЕКСТУАЛЬНОСТИ В РОМАНЕ М. З. ДАНИЛЕВСКОГО «ДОМ ЛИСТЬЕВ»

Кашкан Т. А., ORCID 0000-0003-1940-1827

Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь
kashkanbsu@gmail.com

В широком понимании постмодернистский текст представляет собой метатекст (текст о тексте), для которого характерны разного рода рассуждения о произведении непосредственно в самом произведении. В каком-то смысле метатекст фактически вытесняет персонажа в классическом понимании, поскольку внимание акцентируется не на фабуле, событиях повествования, а на самом *процессе* повествования.

К формам репрезентации метатекстуальности в литературе обычно относят предисловие, аннотацию, комментарии, суждения, сноски, пометки на полях, различные оценочные замечания и комментарии [1, с. 31].

Согласно Ж. Женнету метатекстуальность – «транстекстуальная связь, объединяющая комментарий и текст, который он комментирует» [2, с.470]. Ю. С. Жолобова в своем труде «Структурные и содержательные характеристики метатекстовых элементов» пишет о метатекстуальности как об «отношении комментирования между текстами, а также между фрагментами одного и того же текста. Объектом комментирования может служить как содержание, так и его языковое оформление» [1, с.32].

Рассмотрим связанные с метатекстуальностью элементы поэтики романа «Дом листьев» (2000) американского писателя М.З. Данилевского. По сюжету главный герой произведения Уилл Нэвидсон переезжает в дом, в котором расставляет камеры, чтобы снять фильм о своей семье. Но вместо семейной хроники получается фильм («Пленка Нэвидсона») о доме, который меняет свои размеры. «Пленку Нэвидсона» описывает слепой старик Дзампано, а татуировщик Джонни Труэнт, в свою очередь, комментирует рукопись старика. Соответственно, в романе обнаруживается сразу два «автора», персонажа-рассказчика, от лица которых идёт повествование: слепой старик Дзампано, который написал исследовательскую работу по «Пленке Нэвидсона» и дал сноски к своему тексту; и второй автор – Джонни Труэнт, который исследует и комментирует данную рукопись. Причем комментирование Труэнта идет в трех направлениях: 1) «Пленка Нэвидсона», 2) текст Дзампано, 3) мысли и рассуждения о своей собственной жизни.

Данный комментирующий пласт в романе автор выделил графически: используются различные типы шрифтов разного цвета, особый характер расположения текста на странице и т. д. (рис. 1, 2). Данный прием вводится не только с целью облегчения прочтения текста и распознавания его авторов-персонажей, но также и для реализации общего художественного замысла писателя.

Метатекстуальность проявляется в виде комментария, когда главные герои, желая получить хоть какое-то объяснение описываемому феномену, отправились в экспедицию. Прокладывая свой путь по дому, главные герои не обнаруживают «ни вещи, ни приспособления, ни чего-нибудь еще, способного приблизить их к цели» [3, с. 131] «not one object, let alone fixture or other manner of finish work has ever been discovered there» [4, p. 119]. Дзампано комментирует это описание дома, выделив его в квадрат. Примечательно, что данный комментарий располагается более чем на 20 страницах, а с их обратной стороны он представлен зеркально.

Другой пример проявления метатекстуальности в романе мы видим, когда Дзампано комментирует короткометражный фильм «Экспедиция №4», созданный Карен из «Пленки Нэвидсона». Однако фрагмент текста Дзампано обрывается, будучи зачёркнутым «чем-то, подозрительно напоминающим черный карандаш и деготь» [3, с. 378] «Crossed out with what looked suspiciously like black crayon and tar» [4, p. 354] – комментирует уже Труэнт.

However, even as Holloway Roberts, Jed Leeder, and Wax Hook make their way further down the stairway in **Exploration #4**, the purpose of that vast place still continues to elude them. Is it merely an aberration of physics? Some kind of warp in space? Or just a topiary labyrinth on a much grander scale? Perhaps it serves a funereal purpose? Conceals a secret? Protects something? Imprisons or hides some kind of monster? Or, for that matter, imprisons or hides an innocent? As the Holloway team soon discovers, answers to these questions are not exactly forthcoming.¹²⁹

encountered Mint (as Chielitz refers to the Minotaur) and nearly murdered him. Had Minos himself not rushed in and killed the criminal, his son would have perished. Suffice it to say Minos is furious. He has caught himself caring for his son and the resulting guilt and sorrow incenses him to no end. As the play progresses, the King slowly sees past his son's deformities, eventually discovering an elegant spirit, an artistic sentiment and most importantly a visionary understanding of the world. Soon a deep paternal love grows in the King's heart and he begins to conceive of a way to reintroduce the Minotaur back into society. Sadly, the stories the King has spread throughout the world concerning this terrifying beast prove the seeds of tragedy. Soon enough, a bruiser named Theseus arrives (Chielitz describes him as a drunken, virtually retarded, frat boy) who without a second thought hacks the Minotaur into little pieces. In one of the play's most moving scenes King Minos, with tears streaming down his face, publicly commends Theseus' courage. The crowd believes the tears are a sign of gratitude while we the audience understand they are tears of loss. The king's heart breaks, and while he will go on to be an extremely just ruler, it is a justice forever informed by the deepest kind of agony.¹²⁸

Note: Struck passages indicate what Zampanò tried to get rid of, but which I, with a little bit of turpentine and a good old magnifying glass managed to resurrect.
¹²⁴Violent Prejudice in Knossos" by Zampanò in Sonny Will Wait Flyer, Santa Cruz, 1969.¹²⁵
¹²⁵I've no idea why these titles and cited sources are different. It seems much too deliberate to be an error, but since I haven't been able to find the "Flyer" I don't know for certain. I did call Ashley back, left message, even though I still don't remember her.
¹²⁶The Minotaur, by Teggert Chielitz, put on at The Hey Zeus Theater by The Seattle Repertory Company on April 14, 1972.
¹²⁷W. H. Matthews writes "A similar small labyrinth, with a central Theseus-Minotaur design, is to be found on the wall of the church of San Michele Maggiore at Pavia. It is thought to be of tenth-century construction. This is one of the few cases where the Minotaur is represented with a human head and a beast's body—as a sort of Centaur, in fact." See his book *Mazes & Labyrinths: Their History & Development* (New York: Dover Publications, Inc., 1970), p. 56. Also see Fig. 40 on p. 52.
¹²⁸Even in *Metamorphoses*. Ovid notes how Minos, in his old age, feared young men.
Qui, dum fuit integer aevi, terreturat imago ipso quoque nomine gentis; tunc erat involutus Deionideoque iuvenat robore Miletum Phaeoque parente superbum perterritus, credensque suis insurgere regnis; hanc tamen est patriis arcebat penatibus omni.
¹²⁹When Minos was in golden-middle age! All nations feared the mention of his name! But now he'd grown so impotent, so feeble! He shied away from proud young Miletus. The forward son of Phoebeus and Deione! Though Minos half-suspected Miletus! Had eyes upon his throne and framed a plot! To make a palace revolution, he feared to act! To sign the papers for his deportation." Horace Gregory, p. 258-259.
¹³⁰Perhaps Miletus reminded Minos of his slain son and out of guilt he covered in the presence of his youth.
¹³¹Strictly as an aside, Jacques Derrida once made a few remarks on the question of structure and centrality.

Рис. 1

Lord De la Warr's timely arrival with supplies those still living would have fled.³⁹⁵

With the help of John Rolfe's tobacco industry, the marriage of Pocahontas, and the naming of Jamestown as the Virginia capital, the colony survived. However Nathaniel Bacon's fierce battle with the tidewater aristocrat Sir William Berkeley soon left the village in flames. Eventually the capital of Virginia was moved to Williamsburg and the settlement quickly decayed. In 1934 when park excavations began, very little remained of the site. As Park Warden Davis Manatok reported, "The marsh land has obscured if not completely consumed the monuments of the colony."³⁹⁶

All of which is relevant only because of a strange set of pages currently held at the Lacuna Rare Books Library at Horenew College in South Carolina.

Supposedly the journal in question first turned up at The Wishart Bookstore in Boston. It had apparently been mixed in with several crates of books dropped off from a nearby estate. "Most of it was dreck" said owner Laurence Tack. "Old paperbacks, second rate volumes of Sidney Sheldon, Harold Robbins, and the like. No one here paid them much attention."³⁹⁷

Eventually the journal was bought for a remarkable \$48.00 when a Boston University student noticed "Warr" penciled inside the cover of the badly damaged volume. As she soon discovered, the book was not De la Warr's but one he had kept in his library. It seems that prior to Warr's arrival, during "the starving time" of the winter of 1610, three men had left the Jamestown Colony in search of game. As the journal reveals, they traveled for several days until they stumbled onto an icy field where they camped for the night. The following spring two of their thawing bodies were found along with this priceless document.

For the most part, the entries concern the quest for game, the severe weather and the inevitable understanding that cold and hunger were fast colluding into the singular sensation of death:

18 Januere, 1610

We fearch³⁹⁸for deere or other Game and always there is nothing. Tiggs believev our luck will change.

³⁹⁵Consider the interesting mention in Rupert L. Everett's *Gallantrie and Hardship in the Newfoundland* (London: Samson & Son Publishing Company, Inc., 1673), where a colonist remarked how "Warr in Frye sure was all tabled Balls, full with much Delight and of course strange Veering Spirit."

³⁹⁶*Virginia State Park Report* (Virginia State Press, v. 12, April 1975), p. 1, 173.

³⁹⁷Personal interview with Laurence Tack, May 4, 1996.

³⁹⁸This sporadic "f" for "s" stuff mystifies me,³⁹⁹ but I don't care anymore. I'm getting the fuck out of here. Good thing too, since I'm also being evicted from my apartment for failure to pay. It took them all of January, February and most of March to do it but here it is the end of March and if I'm not out by tomorrow, people will come for me. My plan's to leave tonight and take a southern route all the way to Virginia, where I hope to find that place, or at the very least find some piece of reality that's at the root of that place, which might in turn—I hope; I do, do hope—help me address some of the awful havoc always tearing through me.

Luckily, I've managed to put enough money together to get the hell away. My Vifa was canceled a month ago but I had some good fortune selling my mother's locket (though I kept the gold necklace).

Рис. 2

Метатекстуальность обнаруживается и в эпизоде романа, описывающем, как Нэвидсон и Рестон дали образцы стен дома на исследование. Полученные данные Дзампано подкрепляет ссылкой на результаты, которые, в свою очередь, комментирует Труэнт и пишет о том, что «никакой вставки 3 не существует» [3, с. 407] «there's no Exhibit Three» [4, p. 379]. Далее в своем комментарии он рассуждает о себе и вспоминает свою маму.

Таким образом, важной формой репрезентации метатекстуальности как категории авторской картины мира в романе М.З. Данилевского «Дом листьев» являются комментарии к основному тексту произведения. Написав исследование по «Пленке Нэвидсона», Дзампано для изложения своих пояснений дает сноски, а второй персонаж-рассказчик уже комментирует и описание, и сноски первого «автора». Это один из основных способов организации многоуровневого повествования в романе, важный элемент постмодернистской поэтики М. З. Данилевского в целом.

Список литературы

1. Жолобова, Ю. С. Структурные и содержательные характеристики метатекстовых элементов / Ю. С. Жолобова // Язык: Мультидисциплинарность научного знания: научный альманах. – Выпуск 1. – Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2009. – С. 55–58. – EDN WCRIAZ.

2. Женетт, Ж. Фигуры. В 2-х томах. Том 1-2. / Ж. Женетт. – Москва: Изд.-во им. Сабашниковых, 1998. – 944 с. – ISBN 5-8242-0064-5; ISBN 5-8242-0065-3.
3. Данилевский, М. Дом листьев. Быков Д., переводчик. / М. Данилевский. – Екатеринбург: Гонзо, 2019. – 748 с.
4. Danielewski, M. Z. House of leaves. / M. Z. Danielewski. New York: Pantheon books, 2000. – 709 p. – ISBN 978-0375410345.

УДК 821.111

ДЕКОНСТРУКЦИЯ МИФА О «ВЕЛИКОЙ ЖЕРТВЕ» В РОМАНЕ ПЭТ БАРКЕР «ВОЗРОЖДЕНИЕ»

Коваленко Е. В., ORCID 0009-0000-1673-7259

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
KovalenkoEck@yandex.ru

Роман Пэт Баркер «Возрождение» («Regeneration», 1991) описывает историю английского поэта-«окопника» Зигфрида Сассуна, опубликовавшего в 1917 г. открытое письмо «Покончить с войной: Декларация солдата», в котором призывал власти остановить войну, которая погрязла в «политических ошибках и неискренности» («political errors and insincerity's»), из-за которых погибают солдаты: «Я видел и терпел страдания военнослужащих, и я больше не могу участвовать в продлении этих страданий ради целей, которые я считаю злыми и несправедливыми». Результатом этой публикации стала отправка З. Сассуна в военный госпиталь Крейглокхарт с диагнозом «военный невроз» [3, с. 5].

Баркер фокусируется на разрушительных последствиях войны в частности и насилия в целом, а не на изображении ужасов фронта. Исследуя страдания как результат насилия Баркер демифологизирует их и, таким образом, деконструирует христианский «большой нарратив» о «великой жертве». Мифологизация предстаёт попыткой сделать травматический опыт «приемлемым» и заставляет человека «искать смысл, скорее, в знаково-символических или эмоционально-образных репрезентациях реальности, чем в ней самой» [2, с. 114], т. е. мифологизация обеспечивает индивидов культурными стандартами, соответствие которым позволяет достигать достаточной степени самоуважения, чтобы на индивидуальном уровне преодолевать страх смерти [5, с. 97-98].

Для рядового солдата в гуще исторических событий это означает смену онтологического статуса с «homo sacer» на христианскую «великую жертву». «Homo sacer» – по формулировке Джорджо Агамбена, – это человек, чья жизнь принадлежит богам, «подлежащий убийству, но не жертвоприношению», т.е. его смерть не преследует «высшую» цель.

Мифологизация призвана поднять этот статус до христианской концепции жертвенности, когда страдания не напрасны, в жертве скрыт сакральный смысл (например, спасение других людей) и нет мучительного раздвоения между миром живых и мёртвых. В христианстве страдания Иисуса и его жертва в наиболее общем виде преследуют своей целью спасение всего человечества [1, с. 95-96].

Но цели Первой мировой войны для Англии, как указывает Сассун в своей «Декларации», в реальности далеки от возвышенных: «Я считаю, что эта война, в которую я вступил как в оборонительную и освободительную, теперь превратилась в войну агрессивную и захватническую» [3, с. 5].

Попытка придать «смысл страданиям», как подчёркивает исследователь Омер Бартов, привела к тому, что даже публичные символы траура, выражавшие скрытую или (реже) явную критику войны, «одновременно стремились придать смерти солдат более высокий смысл и тем самым в конечном итоге скрывали тот факт, что война в значительной степени была бессмысленной резней». На частном уровне солдаты по окончании войны также почувствовали «ещё большее желание наполнить её смыслом», фокусируясь на придании особого значения собственному опыту и опыту своих товарищей, даже если они отвергали саму идею войны [4, с. 14].

Идея страдания в романе воплощена в образе Дэвида Бёрнса. Баркер демонстрирует страдание, которое включает в себе только отчуждение от жизни и «ничего больше» и может быть рассмотрен как пример *homo sacer*, является Дэвид Бёрнс, который продолжал подавлять свои воспоминания и страдать от непереносимости пищи: «Его страдания не имели цели или достоинства <...>» [3: 27]. «Конечно, то, что случилось с Бёрнсом, было всего лишь необычайно отвратительной версией обычного опыта» [3, с. 232]. Организм героя отвергает пищу как витальное начало, исключая таким образом Бёрнса из мира живущих, что подкрепляется также и его социальным отчуждением.

Задаваясь вопросом о том, почему лечение Бёрнса не увенчалось успехом, доктор Риверс приходит к выводу, что он позволил себе превратить случай этого пациента «в своего рода миф»: «И это было непростительно. Он имел дело не с Ионой во чреве кита и тем более не с Христом во чреве земли, он имел дело с Дэвидом Бёрнсом, голова которого застряла в животе мертвого немецкого солдата, и каким-то образом нужно было помочь ему жить с этими воспоминаниями» [3, с. 232].

Зигфрид Сассун, история протеста которого формально является сюжетобразующей, неосознанно стремится к смене своего онтологического статуса на событийном уровне, буквально пытаясь «стать значимой жертвой», которая привлечёт внимание к проблеме бессмысленного затягивания войны. Социальный статус Сассуна изначально слишком высок и близок к героическому, чтобы просто объявить его трусом или уклонистом: он получил прозвище «Безумный

Джек» («Mad Jack») за свои отчаянные атаки, награждён Железным крестом за спасение раненых, куда бы он ни направился, он вызывает восхищённые взгляды – и в поезде по пути в госпиталь, и в Клубе консерваторов.

Помимо этого, предать Сассуна полевому суду значит не только подтвердить его право на смену онтологического статуса, но и показать, что его слова принимаются всерьёз, тем самым подтолкнув других людей, военных и гражданских, к серьёзным размышлениям о протесте Сассуна, его причинах и высказанных им идеях. Роберт Гревс, друг Сассуна, обсуждая с ним идею протеста, сразу указывает на его тщетность и невозможность смены статуса: «Нет смысла делать из себя жертву. <...> Они не предадут тебя полевому суду» [3, с. 9-11].

Параллель с христианской «великой жертвой» усиливается тем, что Грейвс, по сути, предаёт своего друга, поклявшись на Библии в том, что власти не дадут Сассуну осуществить задуманное, тем самым вынудив его отказаться от протеста и пройти медицинскую комиссию.

Таким образом, мифологизация страданий препятствует доступу к истине, скрывает его. Одним из способов мифологизации является смена онтологического статуса субъекта с «*homo sacer*» (по Дж. Агамбену) на христианскую «великую жертву». Баркер подчёркивает, что этот способ в современных реалиях не только не продуктивен, но и опасен тем, что лишает доступа к истине и освоению уроков истории.

Список литературы

1. Агамбен, Дж. *Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь* // Дж. Агамбен; пер. с ит. И. Левина и др. – М: Европа, 2011. – 256 с. – ISBN 978-5-9739-0208-7.
2. Павлов, Д. Н. Мифологизация как инструмент политической пропаганды / Д. Н. Павлов // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2015. – №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifologizatsiya-kak-instrument-politicheskoy-propagandy> (дата обращения: 02.08.2024). – EDN: UAUGZX.
3. Barker, P. *Regeneration* / P. Barker. London: Penguin books, 2019. – 336 p. – ISBN 978-0-141-03093-7.
4. Bartov, O. *Mirrors of destruction. War, genocide, and modern identity* / O. Bartov. – NY: Oxford University Press, 2000. – 302 p. – (Studia philologica). – ISBN 0-19-507723-7.
5. Solomon, Sh., Greenberg J., Pyszczynski T. *A Terror Management Theory of Social Behavior: The Psychological Functions of Self-Esteem and Cultural Worldviews* / Sh. Solomon, J. Greenberg, T. Pyszczynski // *Advances in Experimental Social Psychology*. – San Diego: Academic Press, 1991. – Vol. 24 – P. 93–159. – DOI:10.1016/S0065-2601(08)60328-7.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМ РОМАНА «ПОПУГАЙ ФЛОБЕРА» ДЖ. БАРНСА

Котомцев Д. О., ORCID 0009-0003-8882-3510

ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, РФ
dima_kot_94@mail.ru

Мировая литература XX- нач. XXI вв. Отмечена тенденцией к интеллектуализации – философско-эстетической и жанровой стратегией неклассической парадигмы художественного письма, вызванной необходимостью интеллектуального постижения мира (Г. А. Белая). Суть её заключается в усиленной потребности в интерпретации и переинтерпретации жизни (Н.С.Павлова), «интеллектуальной провокации» читателя (С.Д. Павлычко), конструирования модели мира как загадки, ребуса, тайны, взывающей к работе сознания и настаивающей на постижении мира как текста. «Мыслительный дискурс» составляет основу нарратива интеллектуального романа. Разгадывание главным героем тайн собственной судьбы, интерпретация и полемика с философскими системами, установление паритета толкований в контексте повествовательной гетерогенности составляют суть такого нарратива.

В каждом интеллектуальном романе прослеживается «сюжет мысли» героя. Для этих целей интеллектуальная проза порождает особый тип персонажа, который мы предлагаем называть героем-интеллектуалом (см.: [2]). Герой-интеллектуал – персонаж, обладающий обширной культурной памятью и задействующий свои внушительные знания для оценки и интерпретации действительности. Связано это с самоопределением героя: он – человек творческой профессии (писатель, художник, режиссёр, литературовед, музыкант и т. д.), библиофил, склонный к духовному развитию в одиночестве. Подобная роль в сюжете обуславливает ведущие повествовательные инстанции герой-интеллектуала в тексте. Он обладает нестандартными и нетрадиционными формами толкования мира, что приводит к намеренной противоречивости и провокативности модели мира в тексте. Яркий образ интеллектуально развитого и нестандартно мыслящего человека представлен в романе «Попугай Флобера» Дж. Барнса – это Джеффри Брэйтуэйт, биограф-Флобера, дилетант, нарратор романа и несчастный человек, пытающийся осознать неудачи своей жизни сквозь призму искусства (об образе Джеффри достаточно объёмную, но неполную функционально характеристику см.: [3]).

Метапринцип поэтики интеллектуального романа – невозможность сведения версий интерпретаций мира в единую концепцию. Поэтому Брэйтуэйт всё подвергает сомнению (при этом будучи, по сути, самоучкой,

просто ценителем флюберовского искусства, ведь настоящая профессия Джеффри – врач, что усиливает парадоксальность нарратива Дж. Барнса). Например, он предлагает три варианта «Хронологии» жизни Флюбера: первая – «объективная», рисующая облик выдающегося художника слова; вторая – связанная с утратами, болезнями, неудачами, смертями; третья – составленная из высказываний Флюбера: самоироничных, едких, провокационных. Три хронологии, одни и те же даты – но при этом Джеффри удаётся многопланово раскрыть личность и мировоззрение Флюбера. Скепсис и недоверие оказываются оправданными для создания целой портретной характеристики писателя. Не испытывает доверия и не питает уважения Брэйтуэйт и к своим предшественникам-«флюбероведам»: за непрофессионализм он отчитывает Энид Старки, оксфордского профессора, заставляя читателей пристально вчитываться в тексты Флюбера (история со «сложным» цветом глаз Эммы Бовари).

Итак, мир может быть сколько-нибудь исчерпывающе объяснён благодаря взаимосвязи толкований реальности, ни одно из которых по отдельности не может претендовать на статус «авторитетного высказывания». Преследуя эту цель, Джеффри совершенно закономерно усложняет композиционно-речевое устройство романа. Пятнадцать глав романа отличаются жанровым и стилистическим разнообразием. Некоторые главы – интермедии, рассказывающие о путешествии Джеффри по флюберовским местам во Франции, его научных изысканиях и прорывающихся исповедальных пассажах о собственной несчастной судьбе («Попугай Флюбера», «Кто нашёл, тот и хозяин», «Через Ла-Манш» и др.). Другие же посвящены разноаспектной интерпретации жизни Флюбера. Джеффри сосредотачивает внимание на бестиарии Флюбера, совпадениях, пронизывающих судьбу писателя, его любовных отношениях. Одна из глав – «Версия Луизы Коле» – написана в жанре письма от любовницы Флюбера (с сохранением стилистики реальных писем Коле), что позволяет представить ещё один взгляд на фигуру автора «Мадам Бовари» – версию уставшей, измученной, брошенной женщины. (Впрочем, в других частях романа сам Флюбер, его друзья и Джеффри опровергают многие пассажи исповеди Луизы Коле.) Одна глава даже написана в стилистике «Лексикона прописных истин» – сатирических афоризмов Флюбера, составленных в формате словаря, – и называется она парафразом «Лексикон прописных истин Брэйтуэйта». Каждая «словарная статья» этой главы посвящена ироническому описанию кого-то (Луи Буйе, Луизы Коле, Максима Дюкана и др.) или чего-то (эпилепсии, иронии, писем и т. д.), связанного с Флюбером, напр.: «*Prussians/Пруссаки. Вандалы в белых перчатках, воры со знанием санскрита. Страшнее каннибалов и коммунаров. Когда пруссаки ушли из Круассе, дом пришлось дезинфицировать*» [1, с. 173]. Лишь тотальная ирония, ряд лейтмотивов (*попугая, письма, путешествия*) и фигура нарратора (всё комментирующего и интерпретирующего Джеффри)

обеспечивают роману целостность внефабульного уровня, ведь фабула «Попугай Флобера» упрощена до истории о поиске чучела попугая Лулу. Однако история постижения Флобера – «сюжет мысли», – нанизанная на историю поиска никому не нужного чучела, создают архитектонику самопознания Джеффри.

Выше уже упоминалось, что профессия Джеффри связана с медициной. Это ироничная деталь: Брэйтуэйт подробно комментирует телесные недуги и болезнь Флобера («любовная болезнь» – сифилис) и его душевные расстройства и метания, связанные с тяжёлыми отношениями с матерью, возлюбленными, друзьями; однако свои «болезни» Джеффри умышленно скрывает, так как не знает способа лечения собственной духовной слабости после потери любимой, но изменившей ему жены (параллель с Шарлем Бовари). Исповедальность текста Джеффри очевидна, но до конца не реализована; жизнь, творчество и страдания Флобера нужны ему для того, чтобы заглушить боль и выговорить травматический опыт. Это типичный нарративный ход интеллектуального романа – за внешней творческой виртуозностью и креативностью Джеффри Брэйтуэйта (как и Гумберта Гумберта, Брэдли Пирсона, Лёвы Одоевцева) скрываются болезнь, травма, нуждающиеся в исповедальном осмыслении. Для героя-интеллектуала текст становится пространством постижения собственного бытия-в-мире, которое позволит избавиться от опыта разочарования, тоски, скепсиса. Но мир, увиденный Джеффри благодаря поиску «подлинного» чучела флоберовского попугая Лулу, оказался куда сложнее и многограннее его представлений об устройстве реальности. Действительность насмешливо смотрит на Брэйтуэйта десятками глаз чучел, расположенных в чулане Музея естественной истории, поставляющего «Лулу» в Руан и Круассе: *«Может быть, один из них был тот самый»*, – думает Джеффри в финале [1, с. 210]. Оказалось, что понять самого Флобера, себя и личность любого человека, в том числе ближнего, невозможно – придуманный образ оказывается *«самозванцем, выдумкой, миражом»* [1, с. 206]. Фигура «открытого финала» – инвариантный элемент композиции интеллектуального романа – оставляет читателю выбор стратегии чтения и понимания, а герою-интеллектуалу – надежду на личностное самопознание.

Список литературы

1. Барнс, Дж. Попугай Флобера : роман / Дж. Барнс. Пер. с англ. Т. Шинкарёв. – М. : АСТ, 2002. – 253 с.
2. Котомцев, Д. О. «Искатели словесных приключений»: к характерологии интеллектуального романа / Д. О. Котомцев // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2024. – № 3. – С. 157–169. – DOI: 10.5281/zenodo.12569628. – EDN ВНМВУМ.
3. Царева, Е. В. Проблема автора в романе Дж. Барнса «Попугай Флобера» / Е. В. Царева // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. – 2021. – № 1(70). – С. 137–144. – DOI: 10.37724/RSU.2021.70.1.014.

**ПРИМЕНЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ П. Б. ШЕЛЛИ «ИЗМЕНЧИВОСТЬ»
("MUTABILITY / WE ARE AS CLOUDS...") НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

Кочина Н. С., ORCID 0009-0008-3043-0139,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
natalya_kochina@list.ru

Существует много концепций переводческих трансформаций несмотря на то, что наука о переводе ещё достаточно молода. В данной работе были выбраны концепции В. Н. Комиссарова [1] и С. Г. Бархударова [2, с. 38-40; 3], выдающихся исследователей отечественной науки о переводе. В процессе своей профессиональной деятельности переводчик использует смешанные типы трансформаций. Их можно разделить на лексические, грамматические и лексико-грамматические. Это касается и поэтических текстов.

Перевод поэтического текста – это всегда новый, неисследованный мир, другая цивилизация, другая культура. Поэзия английского романтика П.Б. Шелли (1792-1822) традиционно считается трудно поддающейся переводу. Анализируемое нами стихотворение П. Б. Шелли “Mutability” (‘Изменчивость’) вошло в сборник “Alastor, or The Spirit of Solitude: And Other Poems”, изданный в Лондоне в 1816 г. [3, с. 59].

Впервые данное стихотворение было переведено на русский язык знаменитым русским поэтом, символистом, классиком литературы Серебряного века Константином Дмитриевичем Бальмонтом (1867-1942). Несмотря на то, что К. Бальмонт как поэт и переводчик был подвергнут критике, он был первооткрывателем стихотворений П.Б.Шелли в России, пусть и несовершенным [4, с. 119-140].

Касательно переводческих трансформаций заметим, что в самом начале стихотворения: ‘Мы точно облака вокруг луны полночной’ переводчик использовал грамматическую трансформацию – части речи, где глагол *to veil* (‘окутывать’) был заменен на предлог ‘вокруг’. Мотив окутывания луны вуалью, то есть чем-то полупрозрачным, утрачен, однако это существенно не влияет на восприятие, так как строка переведена довольно точно. В начале второй строки К. Бальмонт добавил междометие ‘О’, которое передает драматичность, присущую переводчику. Далее К. Бальмонт опускает наречие ‘беспокойно’ и вместо него добавляет обстоятельство времени ‘всегда’, что не соответствует оригиналу. Последующую цепочку глаголов К. Бальмонт передал при помощи лексических трансформаций – конкретизации (*to speed* – ‘спешат’), генерализации (*to gleam* – ‘горят’) и дословно перевел глагол *to quiver* – ‘дрожать’.

В начале следующей строки глагол *to streak* ('испещрять') приобрел более узкое значение – 'пронзают'. Далее видим использование трансформаций, основанных на нарушении формального сходства между текстами исходного языка и переводящего языка – опущение наречия *radiantly* ('лучезарно') и добавление *yet soon* – 'но гаснет свет непрочный', что передает непостоянство света. Однако свет в произведениях П. Б. Шелли обладает относительной постоянностью. В следующей строке фраза: 'Ночь окружила' воспроизведена антропоморфной метафорой с применением лексической трансформации – конкретизации: *Night closes round* ('Ночь заполнит все кругом') – 'Ночь поглотила'. Далее используется прием модуляции: *they are lost forever* ('они потеряны навсегда') – 'нет от них следа', то есть, если что-либо потеряно, то бесследно.

Интересно отметить, что К. Бальмонт заменил слово *lyre* ('лира') на 'арфу'. Данная замена объясняется тем, что в сознании русского читателя слово 'лира' ассоциируется с поэзией и Античностью, а, значит, может быть неверно интерпретировано как позабытые строки, старинные стихи. Слово 'арфа' не имеет таких коннотаций, поэтому является предпочтительным. Далее происходит грамматическая трансформация – замена существительного *strings* ('струны') на прилагательное 'струнный'. Помимо этого, было добавлено существительное 'лад', а прилагательное *dissonant* 'расстроенный' было перенесено на следующую строку. В последующих двух строках К. Бальмонтом была применена еще одна грамматическая трансформация, а именно членение предложений: *Give various response to each varying blast, / To whose frail frame no second motion brings* 'Расстроен и даёт изменчивый ответ. / На ровный вздох ветров, при той же ласке лунной'. Однако можно было обойтись без этой замены, так как в оригинале мысль занимает целую строфу.

В первых двух строках третьего четверостишия сразу можно увидеть ряд трансформаций, таких как: конкретизация, где существительные *to rest* и *to sleep* переведены как 'спать' и 'дремота'. Далее переводчиком была применена трансформация, основанная на нарушении формального сходства между текстами исходного языка и переводящего языка – добавление (*thought pollutes the day* ('мысль загрязняет день') – 'мечта гнетёт нас целый день') и опущение (*One wandering thought pollutes the day* ('Одна блуждающая мысль загрязняет день') – 'Одна мечта гнетёт нас целый день').

В последнем четверостишии авторское *It is the same!* 'Это ведь одно и то же!', как способ передать равнодушие природы к чувствам человека, К. Бальмонт превращает в намного более драматичное: 'Нет выхода для нас!'. При этом в переводе утвердительная конструкция заменяется на отрицательную. Следом идет драматичное выражение: 'Всё к гибели стремится!', добавляя отсутствующее в оригинале: 'Как полон день минут, так жизнь измен полна'. Последующее *tomorrow* переводчик, при помощи генерализации, обобщает и расширяет до 'грядущего', а *yesterday* –

до 'прошлого' ('С грядущим прошлое не может здесь сравниться'), возводя мысль оригинального стихотворения до глобальных масштабов и наполняя ее трагизмом.

Из анализа видно, что доминирующий тип трансформации у К. Бальмонта – это добавление, которое переходит в переводческие вольности. Помимо этого, переводчик чаще добавлений прибегает к лексическому приему – конкретизации. Было обнаружено 7 ярких случаев использования данной трансформации. Далее по частоте отметим то, что в 5 случаях переводчик дословно перевел некоторые слова, четко передав их значение. Последней часто употребляемой трансформацией является опущение, для передачи краткости и лаконичности подлинника. Несмотря на частую драматизацию и романсовые моменты, перевод можно признать адекватным, поскольку по своей форме и содержанию, прагматике и семантике перевод очень близок к оригиналу.

Список литературы

1. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для вузов. [Текст] / В. Н. Комиссаров – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с. – ISBN 5-06-001057-0.
2. Бархударов, Л. С. Некоторые проблемы перевода английской поэзии на русский язык [Текст] / Л. С. Бархударов // Тетради переводчика. – М.: Высш. Шк., 1984. – Вып. 21. – С. 38–48.
3. Бархударов, Л. С. Язык и перевод [Текст] / Л. С. Бархударов. – М.: Международные отношения. – 1975. – 240 с.
4. Alastor; or, The Spirit of Solitude; and Other Poems [Text] / S. Hamilton – London: Printed for Baldwin, Craddock & Joy and Carpenter & Son, 1816.
5. Матвиенко, О. В. Три «юбилейных» перевода стихотворения П. Б. Шелли «То»: диалог авторской и переводческой концепций [Текст] / Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2016. – Т. 1, № 3. – С. 119–140.

УДК 81'255.4:811.111'161.1

СТИХОТВОРЕНИЕ «ЛИНОР» Э. А. ПО В ПЕРЕВОДЕ В. Я. БРЮСОВА

Кузьмина А. В., ORCID 0000-0003-4297-333X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
a.shersh@bk.ru

Смерть прекрасной и юной возлюбленной – тема многих рассказов и стихотворений американского романтика Эдгара По. Известно, что на выбор темы его произведений повлияла личная история самого поэта, жена которого, Вирджиния, умерла в возрасте 24 лет от туберкулёза. Эдгар По

воспел её под разными именами: Улялюм, Аннабель Ли, Евлалия, Лигейя и т.д. Один из самых известных образов в этом ряду – Линор, вдохновлённый героиней «страшной» баллады Г.А. Бюргера «Ленора».

В стихотворении Эдгара По «Линор» («Lenore», 1843), написанном через год после трагического происшествия, рассказывается о безвременной кончине молодой девушки, которую оплакивают её друзья, но среди них находится один, который поёт на её похоронах пэан – античный гимн, песнь радости и восхваления.

Подготовительным эскизом к созданию «Линор» послужило стихотворение «Пэан» (1831), написанное двенадцатью годами ранее. Развивая тот же мотив умершей возлюбленной, оно, тем не менее, содержит ряд важных отличий. В качестве размера в «Пэане» используется чередование четырёхстопного и трёхстопного ямба. В «Линор» стих удлиняется вдвое благодаря использованию семистопного ямба. По словам Т.В. Колчевой, это связано с тем, что «длинный стих ближе античному стихосложению» [2]. Ещё одно изменение связано с образом лирического героя: в «Пэане» автор и лирический герой неразделимы, а в «Линор» есть лирический герой Ги де Вир, чьи слова оформлены в прямую речь. Т.В. Колчева отмечает, что благодаря этому «усиливается психологический эффект: герой позиционирует себя как единственный человек, который понимал суть Линор. Именно обладание этим тайным знанием дает ему право не оплакивать, а прославлять Красоту в смерти» [2]. Еще раз Эдгар По обратится к образу Линор в знаменитом «Вороне» (1845). В стихе «*And, Guy De Vere, hast thou no tear? – weep now or never more!*» уже предвосхищается рефрен будущего стихотворения.

Первые переводы стихотворения Эдгара По на русский язык приходятся на эпоху Серебряного века. В этот период «Линор» переводили К.Д. Бальмонт (1901 г.), Л.И. Уманец (1908 г.) и В.Я. Брюсов (1924 г.). Анализу именно брюсовского перевода будет посвящена данная работа. Впервые русский поэт обратился к творчеству Эдгара По в 1890-е гг., создав несколько переводов его баллад. Интерес к американскому романтику Брюсов пронёс через всю жизнь, а итогом тридцатилетней переводческой работы над его творчеством стало издание «Полного собрания поэм и стихотворений Эдгара По» (1924), где и был напечатан его перевод стихотворения «Линор».

Техническая точность – сильная сторона перевода Брюсова. Русский поэт сохраняет версификационные особенности подлинника: систему рифмовки, размер (семистопный ямб). В своём стихотворении Эдгар По прибегает к возвышенной лексике («*the slanderous tongue*», «*hallowed mirth*», «*the queenliest dead*»), устаревшим формам глаголов и местоимений («*hast thou no tear?*»), обилию пассивных конструкций («*How shall the ritual, then, be read?*»). Высокий стиль, книжная лексика используются и в переводе: «смежила взор», «тихий прах», «властитель небес», «смерть в очах».

Поэзия Эдгара По известна своей виртуозной звукописью. В стихотворении он использует разнообразный арсенал фонетических приемов: внутренние рифмы («*The life still there, upon her hair*»), аллитерации («*flown forever*», «*a saintly soul*», «*low lies thy love, Lenore!*»), параллелизмы и повторы («*By you – by yours, the evil eye, – by yours, the slanderous tongue*»). Брюсову мастерски удалось передать музыкальность стиха, воспроизвести звуковые повторы подлинника. Так, каждая строфа у По содержит эпифоры, а практически в половине стихов присутствуют внутренние рифмы. Русский поэт сохраняет эти особенности:

*Из ада в высь | несись, несись | – к сиянию небес,
Из мглы, где стон, | туда, где трон | властителя небес!*

В речи Ги де Вира, который обвиняет окружение Линор в клевете, используется аллитерация на звук «н», ассоциирующийся с отрицанием, ненавистью и небытием:

*Не ваш ли взгляд, | недобрый взгляд, | не вы ли клеветой
Невинность в гроб свели навек, – о! слишком молодой!»*

Героиня стихотворения американского романтика – богатая девушка знатного происхождения; не случайно Эдгар По называет её самой царственной («*the queenliest*»), а Ги де Вир обвиняет её близких за то, что они любили её лишь за богатство («*ye loved her for her wealth*»). Переводя эти строки, Брюсов усиливает тему бренности бытия и суетности земных благ, в духе православной традиции называя всё материальное прахом: «*Лжецы! Вы в ней любили прах, но гордость кляли в ней!*». В следующей строфе «прахом» будет названа сама умершая Линор и её мечты о счастье: «*Она, дитя прекрасных грез, что ныне тихий прах*». В финале стихотворения Брюсов ещё раз проводит мысль о мимолетности человеческой жизни, сравнивая её с земным сном. Возможно, этот образ навеян известной барочной драмой Кальдерона «Жизнь есть сон», тремя годами ранее (в 1921 г.) переведённой К.Д. Бальмонтом.

Можно отметить особое благоговение лирического героя перед Линор; он называет её прекрасной («*fair*»), милой («*sweet*»), жизнерадостной («*debonair*») и даже святой («*saintly*»). В переводе русский поэт прежде всего делает акцент на несчастной доле Линор: её он называет молодой «жертвой», смерть которой сопровождает не торжественная песнь, как у Эдгара По, а «грустный звон» и «печальный гимн». Таким образом несколько нарушается замысел американского поэта, который, по словам Т.Г. Артамоновой, подчеркивал, что «любовь ... как идеальное, духовное начало, торжествует и за гранью земного бытия» [1, с. 5]. В строке «*Когда в ней стебель жизни чах, вы были с ней нежней*» Брюсов обращается к распространенной метафоре, уподобляя болеющую девушку увядающему цветку. Глагол «чахнуть», возможно, намекает на печальную судьбу Вирджинии, жены поэта, умершей от чахотки. Метафора «руно волос» также

подчеркивает восприятие Линор как жертвы, вызывая ассоциацию с невинным агнцем: «Ещё есть жизнь в руне волос, но только смерть в очах».

Примечательно, что в переводе душу Ленор уносят воды не Стикса, как у Эдгара По, а Коцита. Обе эти реки в античной мифологии протекают в царстве мёртвых. Но если Стикс считался рекой страха и ненависти, через которую Харон переправлял души умерших людей, то Коцит воспринимали как реку плача. По её берегам бродили души умерших, которые не смогли оплатить свой проезд Харону. Вероятно, такая река лучше соответствует настроению брюсовского лирического героя, который не в состоянии проститься с Линор, «отпустить» её в иной мир.

В целом, перевод Брюсова можно назвать большой удачей. Русскому поэту блестяще удалось передать версификационные и стилистические особенности оригинала, воспроизвести виртуозную звуковую игру. Брюсов несколько смещает смысловые акценты стихотворения: в духе православной традиции он усиливает тему бренности бытия, а также вносит изменения в образ главного героя: тоскуя по возлюбленной, он не готов, подобно герою Эдгара По, воспринять смерть как проявление красоты и избавление от земных страданий, поэтому его песнь полна не «святой радости» («*hallowed mirth*»), а печали и грусти.

Список литературы

1. Артамонова, Т.Г. Концепция любви в поэзии Эдгара По и Константина Бальмонта / Т.Г. Артамонова // Проблемы жанра и стиля в современном литературоведении : Сборник научных трудов. – Курган : Курганский государственный университет, 2009. – С. 3–8.
2. Колчева, Т. В. Валерий Брюсов – Эдгар По: проблема передачи сознания / Т.В. Колчева // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2009. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/valeriy-bryusov-edgar-po-problema-peredachi-soznaniya> (дата обращения: 15.09.2024).

УДК 821.112.2

ДИАЛОГИЧНОСТЬ БИОГРАФИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ БИОГРАФИИ Р. САФРАНСКИ)

Лаврухина А. В., ORCID 0009-0004-9554-8446

ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, РФ
lavruhinaanastasiya@yandex.ru

Диалог широко используется в деятельности человека и затрагивает все области жизни. Со времен Аристотеля признана естественность диалога, диалогичные речи считаются основной естественной формой языкового общения.

Диалогичность является одной из основных текстовых категорий. Понятие «диалогичность» является более широким, чем «диалог». Диалогичность можно применить и к внешней речи, и к внутренней, которая связана с процессом мышления человека.

Теория диалогичности была впервые исследована русским филологом и философом М. М. Бахтиным. Согласно М. М. Бахтину, любой текст диалогичен по своей сути, потому что каждый текст был создан с учетом восприятия адресата и любой дискурс был основан на двух сторонах, который, по его выражению, «двухголосен», то есть отражает как позицию говорящего, так и позицию слушающего. Как пишет ученый, «когда диалог кончается, все кончается... Два голоса – минимум жизни, минимум бытия» [1, с. 45]. Впоследствии Л. П. Якубинский, М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, О. А. Прохвятилова и другие ученые развивают эту идею.

Можно предположить, что диалогичность текста – это режим реплики, который может быть явно или скрыто отражен в текстах. В исследовании мы выделяем явный (очевидный) и скрытый (потенциальный) диалог. Явный диалог происходит прежде всего между героями, между автором и читателями, а скрытый диалог происходит между автором и героем, героем с самим собой.

Несмотря на специфику биографического произведения, диалог в нем также может быть отражен тем или иным способом. В немецкой биографии Рюдигера Сафрански, а именно, в произведениях «Goethe: Kunstwerk des Lebens» и «E.T.A. Hoffmann. Das Leben eines skeptischen Phantasten», посвященных жизненному и творческому пути И.В. фон Гёте и Э. Т. А. Гофмана, мы можем выделить два типа диалога: явный и скрытый. Явный диалог может быть представлен разговором между главным героем биографии и второстепенным героем, двумя второстепенными героями, а также диалогом между автором и читателем. Скрытый диалог не столь очевиден и чаще выражен во взаимодействии автора и героя либо героя самим с собой. Далее приведем примеры частных случаев диалогичности в биографиях Сафрански:

Диалог между главным героем и другим персонажем. Диалог является составным элементом биографии. В исследуемых биографиях диалоги биографического героя с другими лицами представлены в цитатах из личных переписок, например: «Тщетно ждал я со вторника оказии с письмом от тебя, – пишет Гофман 19 февраля 1795 года. – Ты или очень занят тем, что лучше всего развлекает человека, или же хочешь уже постепенно отвыкнуть от письменного общения со мной, чтобы жить потом в Мариенвердере в совершенном покое и довольстве» [2, с. 41]. Дословная реплика прямой речи главного героя может прерываться речью автора, вносящего ясность относительно времени, места, адресата реплики, а также содержать авторское пояснение либо комментарий.

Диалог между биографом и читателем. Своеобразие этого диалога состоит в том, что его скрытость и потенциальность выражена не прямой речью, а различными средствами.

Типичными маркерами такой формы диалога в биографическом тексте является нарратив с местоимением 1-го лица множественного числа и использование безличных предложений.

Например, в биографии Гёте частные случаи подобного диалога повсеместно встречаются в авторских трактовках произведений биографического героя: «Воля Господня» – это не то, что мы могли бы понять, но не понимаем; она непостижима по своей сути. Что нам кажется случайностью, имеет глубинную взаимосвязь с целым, но понять ее в отдельном конкретном случае нам не дано» [3, с. 548]. Очевидно, в биографическом тексте использование местоимения «мы» биографом является одним из видов субъективного выражения и привлечения читателей на основе построения коммуникации с ними.

В нарративе биографического текста биограф иногда опускает подлежащее: «Необходимо перестать верить в то, что переход от идеи к действительности – это всегда уменьшение или понижение, подобно тому, как понижается уровень при переходе от божественного творца к творению» [3, с. 577]. Таким образом, с помощью безличного предложения биограф выражает свое мнение перед читателями, побуждает к действию или дает им указание в процессе чтения.

Другим средством явного диалога выступают вопросительные конструкции. Такой прием призван привлечь внимание читателей и подчеркнуть содержание биографического нарратива. Побуждает читателя к размышлению и анализу, например, следующий пример из биографии Гёте: «Это в лучшем случае дополнительный доход, и такое положение кажется ему правильным, ведь писательство и сочинительство проистекают от избытка внутренних сил. Но означает ли это, что они избыточны, излишни?» [3, с. 119].

Приведенные выше две формы диалога относятся к явному или очевидному диалогу в биографическом тексте. Кроме этого, выделяются неявные или потенциальные формы. Такой является, например, диалог *между биографом и героем*, который отражен через передачу биографом слов героя, которые обычно описывают идею, чувство, эмоцию, мысль и его внутренний мир: «Здесь уместно вспомнить об экспрессивных, исступленных письмах, которые Гёте в годы учебы в Лейпциге писал Беренсу. Именно тогда он почувствовал в этом процессе творящую, самотворящую силу» [3, с. 163]. Чувства биографического героя показаны в виде авторского изложения с маркером *почувствовать*, отражающим диалогичность между биографом и биографическим героем и передающим идеи и чувства главного героя.

Другая форма потенциального диалога в биографическом тексте происходит *между героем и самим собой*, то есть внутренний монолог героя.

Эта идея была представлена некоторыми исследователями, которые считают, что в художественном произведении внутренний монолог героя тоже имеет диалогический характер, он представляет собой «диалог персонажа со своим вторым “я”» [4]. В биографии форма диалога биографического героя с самим собой выражена через внутренний монолог, представленный в виде прямой речи героя: «Собираюсь на север, а еду на юг, обещаю и не прихожу, отказываюсь и являюсь!» [3, с. 191]; «В тихой печали несколько дней занят сценой смерти, потом снова захвачен театральным легкомыслием» [3, с. 251].

Итак, в биографическом тексте мы выделили четыре формы диалога: диалог героя с другим героем, диалог биографа с читателем, диалог биографа с героем и диалог героя с самим собой. Первые два – очевидные диалоги, а последние два – скрытые. Среди них форма диалога между биографом и читателем имеет самые разнообразные средства выражения и языковые знаки в биографическом тексте.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – Москва : Художественная литература, 1979. – 320 с. – ISBN: 978-5-699-95749-1.
2. Сафрански, Р. Гофман / Р. Сафрански. – Москва : Молодая гвардия, 2005 – 384 с. – ISBN 5-235-02813-9.
3. Сафрански, Р. Гёте: Жизнь как произведение искусства / Р. Сафрански. – Москва : Дело, 2018. – 707 с. – ISBN 978-5-85006-205-7.
4. Изотова, Н. В. Диалогическая коммуникация в языке художественной прозы А. П. Чехова : автореф. дис. На соиск. Учен. Степ. Док. Филол. наук : 10.02.01 / Н. В. Изотова; Ростовский гос. Ун-т. – Ростов-на-Дону, 2006. – 59 с.

УДК 8

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИИ СОЛДАТ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ БЕЗ ПЕРЕМЕН» Э. М. РЕМАРКА

Лазуткина О. А., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-9794-5590,
Леонтьева К. А., ORCID 0009-0004-2486-3641

Старооскольский филиал ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет», г. Старый Оскол, РФ
kl583517@gmail.com

Эрих Мария Ремарк является одним из самых известных представителей «потерянного поколения», то есть людей, родившихся в последние годы XIX века и, как следствие, переживших ужасы Первой мировой войны, будучи совсем молодыми. Творчество Э. М. Ремарка пронизано военной тематикой, в некоторых его произведениях присутствуют автобиографические моменты. Так, один из первых романов

писателя «На западном фронте без перемен» был написан под влиянием собственных впечатлений автора, которые он сохранил в своей памяти после участия в военных действиях в 1916-1917 годах.

«На западном фронте без перемен» – одна из первых и самых ярких антивоенных книг, которая поднимает тему «потерянного поколения», натурально показывает воздействие войны на людей.

На примере главного героя своего романа, Пауля Боймера, Э. М. Ремарк показывает военную жизнь группы молодых людей, которые отправились воевать сразу после окончания школы. Автор описывает их восприятие картины мира, реакции на определённые события. Ремарк отображает то, насколько сильно война влияет на психику людей, меняет их взгляды, ценности и ориентиры.

Люди, находясь на войне по несколько месяцев без перерыва, пребывая в экстремальных условиях, невольно меняют свое отношение к жизни и смерти. Вокруг них на протяжении долгого времени гибнут десятки, сотни людей, смерть перестает быть редким явлением и уже не вызывает ужаса. После некоторого времени, проведенного на фронте, «гибель товарищей становится обыденностью, перестающей вызывать сильный эмоциональный отклик, восприятие притупляется» [2].

Психика адаптируется под внешние факторы, помогая человеку пережить трудные времена и оградиться от огромного количества стрессовых ситуаций. Даже смерть близких друзей не вызывает на фронте таких бурных чувств, какие могла бы вызвать при других обстоятельствах в мирной жизни. Зигмунд Фрейд в своей работе «Мы и смерть» говорил: «Наш договор со смертью... перестает соблюдаться так, как прежде. Мы уже не можем упускать смерть из виду, нам приходится в нее поверить. Теперь люди умирают по-настоящему, и не единицы, а во множестве, подчас десятки тысяч в день. К тому же теперь это уже не случайность» [2].

Солдаты в первую очередь думают о том, что может помочь выжить, а не заикливаются на том, что уже невозможно изменить. Так, в последние дни жизни Франца Кеммериха его одноклассник Мюллер пытается получить права на сапоги раненого школьного товарища: «*Сапоги-то с собой повезешь, а, Франц?*» (5). Это не является проявлением равнодушия к судьбе приятеля. Если не беспокоиться о повышении своих шансов на возвращение домой, то долго протянуть на войне не получится. Мюллер думает о сапогах не потому, что ему нет дела до состояния Кеммериха, а потому, что от смерти его одноклассника уже не спасти, а хорошая обувь может сохранить жизнь пока еще живым парням.

Помимо того, что солдаты ежедневно видят смерть «своих», они вынуждены лишать жизни вражеских воинов, что тоже не может не отразиться на моральном состоянии людей. «*Я ни о чем не думаю, не принимаю решений*» – во время совершения своего первого убийства в ближнем бою Пауль, как и другие солдаты в таких ситуациях, действует

машинально, не понимая того, что делает. Осознание придет позже. В угрожающих жизни ситуациях при внезапном появлении аффекта (страха) у солдат может наблюдаться некая апатия, утрата эмоциональной восприимчивости при сохранении мыслительных функций. Эрвин Бельц, немецкий терапевт, назвал такую совокупность симптомов «эмоциональным параличом». Психиатры утверждают, что такая реакция характерна для здорового человека, таким образом физиология защищает организм от последовательного вредоносного воздействия аффекта на организм [1]. На протяжении нескольких часов, которые Пауль проводил рядом с умирающим врагом, он чувствовал тошноту, испытывал панические атаки и пытался облегчить последние минуты жизни француза. Героя романа преследовали навязчивые мысли о семье убитого им мужчины, он извинялся перед уже мёртвым человеком и называл его товарищем. *«Каждый вздох обнажает мне сердце», «вздох будто крик», «пронзает грудь как пуля»* (5) – эти фразы показывают то, насколько сильно Пауля потрясло осознание совершенного им деяния. Он воспринимает француза не как врага, которого надо любым способом уничтожить, а как человека, который так же, как и сам Пауль, является ни в чем невиновным солдатом, изо дня в день рискующим своей жизнью.

Автор романа противопоставляет юному Паулю «бывалых» снайперов, которые настолько адаптировались к окружающим обстоятельствам, что их психика стала резистентной. Теперь они видят во врагах лишь небольшие мишени, а не живых людей.

Множественные случаи смерти приучают человека жить под постоянной угрозой, от этого у солдат обостряется восприятие жизни, которая в условиях войны может прерваться в любой момент по не зависящим от самих солдат причинам. *«Фронт – это клетка, где приходится нервно ждать, что будет»* (5). Именно из-за значимости случайных совпадений среди военных распространен такой синдром, как «солдатский фатализм», значение которого можно уместить во фразе – «чему быть, того не миновать». «Неясность будущего и недостаточный контроль личности над ситуацией могут вызвать равнодушие к ситуациям, угрожающим жизни» [2]. В условиях войны фаталистическое отношение к жизни оказывает психологическую поддержку солдатам, так как единственное, что остается при отсутствии возможности повлиять на ситуацию, – это изменить свое отношение к ней [2].

В романе Э.М. Ремарка описываются и так называемые приступы «блиндажного страха», как их зовет Пауль Боймер, которые могут возникнуть у военных в чрезвычайно напряжённые и психотравмирующие моменты: *«У одного из новобранцев припадок. Я давно заметил, как он беспокойно двигает челюстями и то сжимает, то разжимает кулаки»* (5). Немецкий психиатр Карл Клейст в 1916 году обозначил подобное поведение «термином «невроз испуга», который характеризуется шоковыми

эмоциональными реакциями на определённые обстоятельства» [3]. Такие реакции подразделяются на два вида: для первого характерны двигательное возбуждение, расстройство сознания, бессмысленность поведения; для второго вида свойственны заторможенность сознания и двигательный ступор [3].

Несмотря на различные точки зрения, большинство психиатров сходятся в том, что война является источником чрезвычайно сильных потрясений, которые могут нарушить душевное состояние не только людей с изначально неустойчивой психикой. Немецкий психиатр Альфред Хохе утверждал: «Любой человек имеет склонность к истерии в условиях достаточной силы переживаний» [1].

Подводя итог, можно сказать, что война неоспоримо имеет деструктивный характер и оказывает разрушительные действия как на все человечество в целом, так и на людей как отдельных личностей. Она пробуждает в человеке природные инстинкты и защитные механизмы, в которых нет нужды в мирное время. На примере одного произведения невозможно проанализировать все психологические изменения, происходящие с солдатом, можно увидеть часть ужасающих обстоятельств, вызывающих тяжелые психологические последствия у человека. *«Она сделала из нас мыслящих животных, чтобы дать нам оружие инстинкта, пропитала нас тупым безразличием, чтобы мы не сломались от ужаса, который обуял бы нас при ясном, осознанном мышлении...»* (5), – такими словами Пауль Боймер, один из сотен тысяч солдат, описывает, какими же их сделали годы, проведенные на фронте.

Список литературы

1. Боген, Д. Г. Психозы и психоневрозы войны [Текст]: Кафедра психиатрии Военно-медицинской академии РККА / Д. Г. Боген, Н. И. Бондарев, С. В. Гольман, В. Е. Макаров, С. П. Рончевский; под ред. В. П. Осипова – Санкт-Петербург: Государственное изд-во биологической и медицинской литературы, 1934. – 160 с.
2. Данильченко, С. А. Отношение к смерти и бессмертию на войне [Текст]: монография / С.А. Данильченко, Р. В. Кадыров, В. Е. Кулешов. – Владивосток: Изд-во ТОВМИ им. С.О. Макарова, 2007. – 113 с.
3. Иванов, Ф. И. Реактивные психозы в военное время [Текст]: монография / Ф. И. Иванов; Санкт-Петербург: Изд-во Медицина, 1970. – 168 с.
4. Караяни, А. Г. Психологические последствия войны и социально-психологическая реадaptация участников боевых действий [Электронный ресурс] / А. Г. Караяни, Ю. М. Караяни // Психология служебной деятельности. – 2014. – Т.7, № 4. – С. 59–65. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-posledstviya-voyny-i-sotsialno-psihologicheskaya-readaptatsiya-uchastnikov-boevyh-deystviy>.
5. Ремарк, Э. М. На западном фронте без перемен : [Текст] / Эрих Мария Ремарк; [Пер. С нем. Н. Федоровой]. – Москва: Изд-во АСТ, 2021. – 285 с.

БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ КАК ПРИНЦИП МЕТАМОДЕРНИЗМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. БЕГБЕДЕРА

Максименко О. А., ORCID 0009-0008-2416-2350

ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет», г. Мелитополь, РФ
o.a.maksimenko@yandex.ru

Введение. Французский писатель Фредерик Бегбедер приобрел славу едва ли не самого скандального автора современности, которого подозревают в нарочитом эпатировании публики и нескрываемом цинизме. Несмотря на это, интеллектуальная проза Ф. Бегбедера привлекает внимание аналитиков и все чаще становится объектом научных исследований. В российском литературоведении творчество Ф. Бегбедера исследовали Л.А. Хаджиева, В. В. Хорольский, С. Н. Позднякова, В. В. Скороходов.

Цель статьи – доказать, что именно компоненты библейских мотивов выполняют в современной зарубежной литературе содержательные и формообразующие функции. Охарактеризовать культурно-идеологические предпосылки появления, суть и основные черты доминантного в современной литературе через творчество Ф. Бегбедера направления – метамодернизма и его типологической характеристики.

Основная часть. Метамодернизм – это глобальный культурный процесс настоящего, который характеризуется колебанием между модернизмом и постмодернизмом. Метамодернизм трактует противоположности как составляющие общей истины, не навязывает некую «единоправильную» позицию, а предлагает выбирать ее каждому лично и оставаться в состоянии непрерывного поиска между противоположностями. Одним из главных стиливых признаков метамодернизма является экзистенциальная вера. В эпоху модерности религиозность отошла в тень под натиском морализаторства и откровенного атеизма – бытового, научного, идеологического. Десакрализация мира привела к разочарованию в нем, к бегству в нигилизм. Метамодернисты же приходят к обновленной вере, принимая за основу опыты мыслителей-гениев предыдущих эпох (Блезе Паскаля, Федора Достоевского, Владимира Соловьева, Николая Бердяева и др.). Это внутренний искренний, иногда болезненный и острый поиск Бога. Эта вера является движением от человека к Богу, она побуждает человека не просто верить, думать, а прежде всего существовать, творить. Метамодернистское видение экзистенциально-религиозной проблематики ярко проявляется в произведениях Фредерика Бегбедера. Исповедальную манеру, эпатаж, разрушение стереотипов писатель использует для формирования собственной фигуры интеллектуала, который ощущает несовершенство религии, пытается уйти в атеизм, но постоянно оглядывается

на Библию. Даже в отрицании идеи Бога Ф. Бегбедер представляет себя как субъекта религиозного сознания.

Жанр произведения Ф. Бегбедера и епископа Жан-Мишеля Ди Фалько «Я верую – я тоже нет» (2004 г.) отличается трансформацией, в которой прослеживаются черты исповеди, диалога, интервью, философского трактата, автобиографии. Концептуальное и стилистическое пересечение духовного, научного, художественного с «массовым» обогащает межродовой лиро-эпический канон. В обращении к читателю Ф. Бегбедер выделяет тематику круга вопросов – Бог, религия, вера, молитва, смерть, Воскресение, Троица. Ф. Бегбедер уравнивает для себя Бога и искусство.

Разоблачая систему, писатель остается представителем этой системы, из которой не может вырваться, поскольку она привлекательна – позволяет себя критиковать. Идею Бога писатель воспринимает поверхностно, как и большинство: «Бог, которого считают синонимом любви, сегодня стал синонимом конфликта, самоубийства, ненависти, кровопролития, смерти» [1, с. 73]. В этих утверждениях писатель сосредотачивается на идее справедливости, которой подменяет любовь, и забывает о выборе, который существует для человека. Идея Бога в том, что каждому дается шанс и варианты выбора. Бог наблюдает, как человек делает выбор: любит, убивает, предает. Идея «Бога Любви» в том, что шансов человеку дается множество, поскольку доминирует прощение.

Итак, писатель позиционирует себя как грешный человек, который гордится своими непопозволенными поступками, поскольку в этом усматривается смелость человека, который бросает вызов религиозным правилам. Ф. Бегбедер констатирует, что «... люди больше ни во что не верят и отчаиваются» [1, с. 51]. Но атеизм писателя не помешал ему окрестить свою дочь в церкви Сен-Жермен-де-Пре. Подчеркнуто, что этот акт осуществлен под влиянием красоты церковных обрядов. В воспитании разграничиваются церковь как институт и вера как мироощущение, причем Ф. Бегбедер указывает, что самое важное – «передать веру, сохраняя свободу. Это как любовь... однако никто не сможет заставить человека полюбить, если он этого не хочет» [1, с. 36]. Даже свое отношение к дочери писатель раскрывает через религиозную символику: «... моя дочь – это Мессия! На самом деле, когда вижу такую чистоту, я верю в мою дочь. Я в нее верую» [1, с. 52]. Размышляя над смыслом существования, писатель предполагает, что «смысл жизни – Бог», с уточнением: «искусство или любовь» [1, с. 40]. При определении собственного места и назначения Бегбедер осознает, что доминирует в его мироощущении квинтэссенция потустороннего, которая и образует эстетические устои и ценности: «мой стимул – любовь к искусству, к красоте, просто любовь. Влюбляться, любить. Если подумать как следует, я не могу сказать, что верю в Бога, но и не могу утверждать, что наша жизнь без смысла, для меня очевидно: чтобы есть, пить, заниматься любовью, есть что – то еще...

что-то высшее – думаю, это можно назвать абсолютom: например, увлечение великими литературными произведениями» [1, с. 40-41].

Ф. Бегбедер в романе «Windows on the World», пользуясь образами Нового Завета, выстраивает собственное эсхатологическое видение мира, где «вавилонские башни» обречены на разрушение, а человечество – на самоуничтожение. Апокалипсис, воссозданный Бегбедером в романе, предшествует искуплению, но не гарантирует спасения. Его «Спаситель» напоминает человечеству лишь о смерти и никому не сулит вечной жизни [2, с. 114]. Писатель рассматривает Вавилонскую башню как первую попытку глобализации, а Божью кару помешать людям общаться между собой считает более жестокой, чем разрушение самой башни. По его мнению, появление различных языков и наций в планетарном измерении делает почти невозможным воплощение проекта иудео-христианской глобализации.

Апокалиптической составляющей произведения является эпиграф к «Windows on The World», посвященный дочери автора: «Прости меня, Хлоя, что я привел тебя на эту опустошенную землю» [2, с. 4]. Образ опустошенной земли как метафора мира связан с событиями конца света и берет истоки в пророческих книгах Ветхого Завета. Ф. Бегбедер так же, как и Холден Колфилд, примеряет на себя роль Мессии – «The Catcher in the Windows» («ловца в окнах») [2, с. 38] и признается, что никого не спасет.

Заключение. В книгах Ф. Бегбедера через биографические элементы обсуждаются отношения Бога и человека, мужчины и женщины, детей и родителей, проблема морали и безнравственности, которые формируют основу развития цивилизации. Дальнейший научный поиск может направляться на выявление эстетической концепции писателя, метамодернистских принципов, которые нашли отражение в книгах Ф. Бегбедера.

Список литературы

1. Бегбедер, Ф. Я верую – я тоже нет / Ф. Бегбедер, Ж.-М. ди Фалько; [пер.с франц. Н. Кисловой]. – М.: Иностранка, 2006. – 350 с.
2. Бегбедер, Ф. Windows on the World: роман /пер. с франц. И. Стаф /Ф. Бегбедер // Иностранная литература. – 2004. – № 9. – С. 3–129.
3. Нетесов, В. О. Особенности диалогичности в современном постмодернистском тексте (на примере произведений Фредерика Бегбедера) / В. О. Нетесов. // Молодой ученый. – 2020. – № 26 (316). – С. 250–253. – URL: <https://moluch.ru/archive/316/72169/> (дата обращения: 26.08.2024).
4. Хаджиева, Л. Л., Хорольский, В. В. Философские грани романа Ф.Бегбедера «Windows on the World»: мотивы смерти и умирания./ Л.Л. Хаджиева, В.В. Хорольский // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки. – 2019. – № 7(140). – С. 238–240. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-grani-romana-f-begbedera-windows-on-the-world-motivysmert-i-umiraniya> (дата обращения 28.08.2024).

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В ДЕТЕКТИВНОМ РОМАНЕ АГАТЫ КРИСТИ «ДЕСЯТЬ НЕГРИТЯТ»

Меликова Н.Ю., ORCID 0009-0006-9647-7904,
Гущина Л.В., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-7434-133X,
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, РФ
roytvh@mail.ru, lgushchina@sfedu.ru

Введение. Цветообозначения являются неотъемлемой частью любого языка и используются для описания внешности человека, его внутреннего мира и окружающих предметов. В художественной литературе цветообозначения служат для более точной передачи чувств, черт характера и настроения персонажей, в целом усиливая стилистическую окраску текста.

Целью работы является исследование семантических особенностей цветообозначений в детективном романе Агаты Кристи «Десять негрятят». Материалом исследования послужили более 100 единиц цветообозначений, отобранных методом сплошной выборки из детективного романа Агаты Кристи «Десять негрятят».

Основная часть. Цветообозначения, обладая комплексной символикой, способны передавать яркую палитру разнообразных эмоций персонажей, красочность сцен и событий художественных произведений. С помощью как привычных нам цветов, так и неожиданных колористических вариантов автор передаёт свою личную оценку по отношению к созданному им образу, используя соответствующие ассоциации [2, с. 87].

В ходе проведённого исследования нами было выявлено, что в детективном романе Агаты Кристи «Десять негрятят» в 51% случаев автор использует цветообозначения для описания эмоций, физических характеристик и признаков смерти персонажей. Отметим, что при помощи цветообозначений автор акцентирует эмоции своих персонажей. Так, Агата Кристи использует белый цвет для описания эмоции страха, например: «*Vera had gone rather white.*» [4] – «*Вера побледнела.*» [1], который создаёт необходимые для детективного жанра напряжение и мрачную атмосферу.

Автор применяет красный цвет и его оттенки для описания такой эмоции как смущение: «*Blore looked slightly embarrassed. His red-brick face grew a little deeper in hue.*» [4] – «*Вид у Блора стал озадаченный. Его кирпичное лицо потемнело ещё сильнее.*» [1]. Преображение кирпичного цвета лица персонажа в более тёмный в данном случае демонстрирует нарастание степени его уязвимости и неуверенности.

В романе используются цветообозначения для выражения эмоций недоверия и подозрения: «*Four pairs of eyes were on him, black with suspicion*

and accusation.» [4] – «*И снова четыре пары глаз враждебно, подозрительно уставились на доктора.»* [1]. В данном случае символика чёрного цвета удачно сочетается с отрицательной прагматикой эмоций подозрения и недоверия, наталкивая читателя на размышления и догадки, усиливая интригу романа.

Следует отметить, что при описании персонажей Агата Кристи использует цветообозначения для изображения их физических характеристик. Детальное представление внешности героев с указанием определённой палитры цветов позволяет читателю погрузиться в историю и сформировать картину произведения, например: «*A tall man with a brown face, light eyes set rather close together and an arrogant almost cruel mouth.»* [4] – «*Высокий, дочерна загорелый, светлые глаза довольно близко посажены, жёсткая складка дерзкого рта.»* [1]. Таким образом, использование цветообозначений при описании физических характеристик персонажей вызывает определённые ассоциации с героями, делая их уникальными.

Также нами было обнаружено, что в детективном романе цветообозначения выражают признаки смерти персонажей, что обусловлено необходимостью создания запоминающихся сцен и захватывающего сюжета, например: «*And then they saw her face – suffused with blood, with blue lips and staring eyes.»* [4] – «*Лишь обойдя кресло, они увидели её лицо – распухшее, с синими губами и выпученными глазами.»* [1]. Такое описание признаков смерти персонажа с помощью цветообозначений, очевидно, создаёт определённый эстетический эффект, делая произведение более выразительным и впечатляющим.

По результатам нашего исследования, в 26 % случаев автор применяет цветообозначения для описания предметов, таких как особняк, материал, одежда, предмет убийства и др. Использование цветообозначений при описании окружающих предметов создаёт визуальные образы сцен, что способствует погружению в контекст произведения и более глубокому пониманию происходящего: «*Off-white rugs on the gleaming parquet floor – faintly tinted walls – a long mirror surrounded by lights.»* [4]. – «*На сверкающем паркетном полу кремовые ковры, светлые стены, длинное зеркало в обрамлении лампочек.»* [1].

Также цветообозначения используются для акцентирования ключевых предметов произведения, подчёркивая символическую значимость таковых, например: «*But what shocked and startled the onlookers was the fact that he sat there robed in scarlet with a judge's wig upon his head...*» [4] – «*Но больше всего их удивило и испугало то, что судья был в судейской мантии и парике...*» [1]. Здесь следует отметить, что не всегда в предложенном варианте перевода художественного текста отражены все цветообозначения оригинального произведения, что, на наш взгляд, недопустимо, поскольку использование цветообозначений при описании предметов не только способствует

авторской характеристики персонажей, но и устанавливает культурный контекст произведения, создавая реалистичный сюжет.

Следует отметить, что Агата Кристи использует цветообозначения в своём романе и для описания природы (15 %), а также абстрактных понятий (9 %). Так, цветообозначения, характеризующие природу, создают тревожную атмосферу и волнительное настроение романа, например: «*The sun was setting, the sky to the west was streaked with red and orange.*» [4] – «Солнце садилось в море, небо исчертили багровые, огненные полосы.» [1]. В данном примере красно-оранжевое небо служит фоном для развития сюжета, отражает внутреннее состояние персонажей и предсказывает беспокойные события в произведении.

В свою очередь описание абстрактных понятий с помощью цветообозначений, например, входящих в состав устойчивых словосочетаний, фразеологизмов и т.п., создаёт визуально осязаемые образы, вызывая определённые ассоциации, например: «*It's my opinion that he committed black perjury in the Landor case.*» [4] – «Я убеждён, что Блор дал ложные показания по делу Ландора.» [1]. Использование цветообозначений подчёркивает важность абстрактных понятий в контексте, делая произведение визуальным, эмоциональным и символически насыщенным.

Заключение. Таким образом, в детективном романе Агаты Кристи «Десять негритят» цветообозначения используются в основном для детализации и акцентирования внимания читателей на образах и эмоциях персонажей, что обусловлено желанием автора вовлечь читателя в сюжет произведения, заставить его сопереживать своим героям, прочувствовать их настроение и, в целом, более точно передать атмосферу произведения, внутренний мир и чувства персонажей.

Список литературы

1. Кристи, А. Десять негритят / пер. с англ. Н. В. Екимовой / А. Кристи. – М.: Изд-во «Э», 2016. – 288 с. – ISBN:9785040364015, 5040364016.
2. Маршева, А. А. Цветообозначения в художественной литературе / А. А. Маршева, Л. Г. Юсупова // Terra Linguae : Сборник научных статей. Том Вып. 4. – Казань : Издательство Казанского университета, 2018. – С. 84–87. – EDN LFBZBI.
3. Christie, A. And then there were none / A. Christie. – London, 1939. – 259 p.

СУДЬБА ТВОРЦА В РОМАНЕ Х.К. АНДЕРСЕНА «ВСЕГО ЛИШЬ СКРИПАЧ»

Митина Е. А. канд. филол. наук, ORCID 0009-0005-4175-4145
ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», г. Москва, РФ
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова», г. Москва, Нижний Новгород, РФ
27jenni270@mail.ru

Наследие Ханса Кристиана Андерсена обширно и многообразно и совсем не ограничивается сказками. Писатель успевал творить, несмотря на многочисленные путешествия, насыщенную светскую жизнь и болезненную натуру. Андерсен проявил себя почти во всех известных жанрах. Начиная, в равной степени, как поэт, драматург, автор путевых заметок, а позже принялся за жанр романа и сказки. Особый интерес представляет романное творчество Андерсена, которое, как правило, в работах отечественных исследователей остаётся не раскрытым, в то время как датское литературоведение отмечало, что Андерсен вошёл бы в историю её литературы, если бы он не написал ничего, кроме трёх романов: «Импровизатор» (1835), «О.Т.» (1837), «Всего лишь скрипач» (1837). Именно романы принесли Андерсену европейскую славу.

Проблема «художник и действительность», тема искусства, столь значимая для романтической эстетики, становится основной в трех романах писателя: «Импровизатор», «Всего лишь скрипач» и «Счастливчик Пер». В этих произведениях автор показывает различные судьбы одаренного человека.

Одним из первых романов Андерсена стал «Всего лишь скрипач» (*Kun en Spillemand*, 1837). В этом тексте автор ставит один из главных вопросов: в чем причина того, что талант мальчика оказался нераскрытым? Кто виноват в трагической судьбе творца? Главный герой романа – мальчик Кристиан из бедной датской семьи из Свеннборга – во многом автобиографичен. Он особенно талантлив в музыке и мечтает стать прославленным музыкантом. На его пути встречается крестный, который и помогает таланту Кристиану начать развиваться. В образе крестного автор соединил гениальное и «дьявольское». Именно он становится первым учителем музыки для Кристиана и дарит ему скрипку и ноты: «*Научись и ты играть на скрипке, ведь с помощью неё ты сможешь разбогатеть и отгонять печаль*» [1, с. 33]. Примечательно, что в этом романе Андерсен проявил себя мастером психологизма: он подробно и с большим вниманием описывает чувства, переживания мальчика. Часто он отмечает: «так всегда думают дети», «так обычно ведут себя дети», даёт детальное описание игр мальчика, особенностей детского мышления. Исследователь Йохан де

Мюлиус, профессор Южно-Датского университета, руководитель Национального центра исследований творчества Х.К.Андерсена, особенно отмечал заслугу Андерсена: «...описания его родного острова Фюн сопровождают начальные, очень детальные, и в то же время полные символики и психологизма, иногда даже предфрейдистского, картины детства и его влияния на взрослую жизнь» [2, с. 11].

Андерсен вполне отчетливо говорит о пагубном влиянии плохого окружения на талантливого человека. Автор использует приём сравнения, связанный с природными образами, который довольно часто встречается в романе. В одном из своих лирических отступлений автор сообщает, что согласно народному поверью, пыльца от цветка барбариса порождает ржавчину на спелых зерновых колосьях, а *«благороднейший ослепительно белый мак через год теряет свой цвет, если растёт среди пёстрых»* [1, с. 45]. Автор заранее прочит своему герою Кристиану трагическую судьбу. Продолжает это лирическое отступление сопоставление Андерсеном развития ребёнка с мастерством ваятеля. Когда скульптор формует мягкую глину, невозможно точно знать, какое произведение он собирается создать, но в его силах создать многое! *«Насколько же труднее предугадать в ребёнке его развитие и судьбу!»* [1, с. 46]. Андерсен полагает, что у его одаренного героя Кристиана могут быть только два варианта судьбы: *«Он станет либо выдающимся артистом, либо убогим, растерянным горемыкой»* [1, с. 48].

Тема развития таланта была очень близка Андерсену. Примечательно, что в своих романах о судьбах творцов автор примеряет на себя эти возможные судьбы, а не наделяет героев своей – как отмечает А.В. Коровин, «это специфический биографизм «наоборот»: Андерсен мог быть каждым из своих персонажей, чьи жизни он проживает, создавая текст, но остается собой, не теряя собственного «я», на что неоднократно указывает критикам» [3, с. 54].

На протяжении всего романа автор продолжает в ярких философских образах проводить своё понимание того, что ждет талантливого человека из бедной семьи: *«Жемчужина таланта, чтобы засиять во всей красе, нуждается в ловце, который поднимет её на свет божий, а также в раковине...к которой она могла бы прирасти, то есть в высоком покровительстве...»* [1, с. 124]; *«Талант подобен яйцу, которое нуждается в тепле и должно быть оплодотворено удачей – иначе из него не вылупится птенец»* [1, с. 126].

Кристиан с трудом видит свою цель: он очень увлечён музыкой, звуками и не знает, что нужно бороться, быть настойчивым в достижении желаемого. В романе сильны реалистические тенденции. Андерсен, в отличие от большинства романтиков, не обожествляет своего героя. Читателю Кристиан не представляется гением, скорее мечтательным талантливым человеком, который лишён воли и настойчивости,

практичности. Нет у Кристиана и проявления гнева. Он смиряется с реальностью. Вопрос, поставленный Андерсеном в романе, по сути, остается без ответа. По мнению исследователя А.В. Коровина, Андерсен, хотя и сочувственно говорит о своем герое, все же в большей мере осуждает его, поскольку он «не нашел в себе сил противостоять неудачам, проявить свое «я» и добиться признания» [3, с. 54]. По мере развития фабулы мальчик становится юнгой. Он узнает много нового, встречает много разных людей и приобретает жизненный опыт, но ничего не делает, чтобы стать великим музыкантом. Затем в Копенгагене он приобретает важные знакомства. Коллежский советник помогает Кристиану пробиться – молодой человек играет в антрактах любительского спектакля в театре. Но это далеко не то, о чём мечтал Кристиан. Андерсен подытоживает безнадежные попытки своего героя прославиться: «...в его импровизациях были душа и талант, но никто их не слышал; удача...решающая удача не хотела так высоко подниматься по лестнице, чтобы найти талант под самой крышей» [1, с. 282].

Исследователи неоднозначно относятся к романному творчеству Андерсена. Так, по мнению Г.Брандеса, форма романа хотя и не противоречит таланту Андерсена, всё же не совсем для него подходящая, поскольку требует от автора не только силы воображения и чувства, но также ясного разума и холодных наблюдений [4]. В то же время исследователь А.В. Сергеев отмечает: «Андерсен пишет странную, причудливую, слегка манерную прозу, исполненную искрящейся, восхитительной фантазии» [5, с. 17]. Тем не менее, «Всего лишь скрипач», по мнению самого автора и большого количества читателей, стал одним из самых удачных крупных произведений Андерсена. Этот роман – плодородная почва для дальнейших исследований.

Список литературы

1. Андерсен, Х.К. Всего лишь скрипач – М.: Текст, 2019. – 364 с.
2. де Мюлиус Й. Наше время – Ханс Кристиан Андерсен и становление современного романа / Ханс Кристиан Андерсен и современная мировая культура: статьи и материалы международной конференции. – М.: МГИМО-Университет, 2008. – 178 с.
3. Коровин, А.В. Творец и искусство в романах Х.К. Андерсена // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6, № 2. С. 50–73.
4. Брандес, Г. О литературной критике // Брандес Г. Русские впечатления. – М.: О.Г.И., 2002. – 486 с.
5. Сергеев, А.В. Творчество Х.К. Андерсена в оценке Г.Брандеса / Ханс Кристиан Андерсен и современная мировая культура: статьи и материалы международной конференции. – М.: МГИМО-Университет, 2008. – 178 с.

СЕМЬЯ: ОСТАЕТСЯ ВЕРНОСТЬ

Никулина И. Н., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-001-7331-0953

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ

i.nikulina2203@list.ru

Введение. В Древней Греции и Риме патриархальная моногамная семья была единственной формой семейных отношений. Аристотель рассматривал семью не просто как объединение людей для решения экономических и социальных проблем, естественную и единственную форму существования людей, которые стремятся, так или иначе, к объединению. Он считал, что семья представляет собой прообраз государства, которое из самой семьи напрямую и происходит путём расширения: семья – род – община – союз общин. Аристотель подчеркивал главенство в семье отца (монарха), а также его обязанности по заботе о членах семьи (народе). Аристотеля можно назвать зачинателем патриархальной теории. В Древнем Риме семья (*familia*) была базисом государственной и общественной жизни. Каждый римский гражданин обязательно должен был принадлежать к какому-нибудь роду. Это отражалось в его официальном имени, чётко организованном, по которому можно узнать историю каждого. Имя строилось по классическим правилам, принятым при Республике: “*praenomen – nomen – cognomen*” [3]. Древнейшая римская семья была строго патриархальной семьёй. Она жила в закрытом для других мире. Абсолютным владыкой и представителем интересов во внешнем мире был *pater familias*. При этом отмечается, что власть отца семейства не была деспотической. Единство семьи создавалось единством власти.

Цель: рассмотреть символ верности и благочестия в литературе.

Основная часть. При наличии семьи у человека возникает непреодолимая потребность в заботе о своих родных.

Благочестивые, любящие и верные друг другу супруги есть во многих мифах и религиях мира. Одной из самых знаменитых стала пара Филемон и Бавкида. В восьмой книге «Метаморфоз» Овидий вплетает в канву повествования миф о двух стариках *parili aetate* (одного возраста), которые *annis iuncti iuvenalibus* (в молодости соединились) и состарились вместе. Боги, находясь на верхней ступени иерархии, всегда играют жизнями людей. Они «дают вид и отъемлют его». Овидий в очередной раз говорит о том, что боги часто появляются среди людей, чтобы наблюдать за ними и наказывать за непослушание <...*Iuppiter huc specie mortali cumque parente venit Atlantiades positus caducifer alis* ...> [4] («В смертном обличье туда сам Юпитер пришел, при отце же /Был отвязавший крыла жезлоносец

(Меркурий), Атлантов потомок»). Автор, показывая тщетность усилий во время поиска ночлега, использует повтор: *mille domos, mille domos clausere serae* (тысячи домов они обошли, прося о помощи, тысячи домов были закрыты на засов). Только *una parva casa stipulis et canna tecta palustri* (один маленький дом, крытый соломой и камышом) распахнул перед ними двери. Хозяева радушно их приняли: накормили, омыли тёплой водой ноги. И было видно, что нет у них ни рабов, ни слуг. Боги были удивлены и покорены этой парой, их благочестием и гостеприимством. Тогда Юпитер и Меркурий открылись Филемону и Бавкиде и повелели следовать за ними. Старики увидели, что нечестивых жителей поглотил потоп, а *huius casa parva vertitur in templum* (их домишко превращается в храм). Тогда боги спросили: “*dicite, iuste senex et femina coniuge iusto digna, quid optetis.*” [4] («Праведный, молви, старик и достойная мужа супруга, / Молви, чего вы желали б?»). И получили ответ: «*esse sacerdotes delubraque vestra tueri / poscimus, et quoniam concordēs egimus annos, / auferat hora duos eadem, nec coniugis umquam / busta meae videam, neu sim tumulandus ab illa.*» [4] («Вашиими быть мы жрецами хотим, при святилищах ваших / Службу нести, и, поскольку ведём мы в согласии годы, / Час пусть один унесёт нас обоих, чтоб мне не увидеть, / Как сожигают жену, и не быть похороненным ею»).

Так и случилось. В день, когда пришёл их час, Филемон превратился в дуб, а его верная Бавкида – в липу. Два дерева, растущие из одного корня. Овидий создаёт уникальную по своей чистоте атмосферу уюта, которая практически не встречается в античной литературе. Так, со времён Овидия Филемон и Бавкида стали олицетворением верности и любви до последнего вздоха.

Этот образ вдохновил Жана де Лафонтена на написание поэмы «Филемон и Бавкида» (1685, *Philemon et Baucis*). И.-В. Гёте во второй части «Фауста» использовал образы Филемона и Бавкиды как символ крушения старого уютного мира. В русской литературе с Филемоном и Бавкидой сравнивают старосветских помещиков Н.В. Гоголя (1835). Афанасий Иванович Товстогуб и его жена Пульхерия Ивановна Товстогубиха – милые старики, любящие и заботящиеся друг о друге, после смерти жены Афанасий Иванович страдает и вскоре тоже умирает. Н.В. Гоголь в повести пишет: «Если бы я был живописец и хотел изобразить на полотне Филемона и Бавкиду, я бы никогда не избрал другого оригинала, кроме их» [1]. Автор очень подробно описывает быт старосветских помещиков, теплоту и уют их дома. Но самое замечательное – это поющие на разные голоса двери. Такие описания перекликаются с сюжетом из овидиевских «Метаморфоз».

В русской литературе рассказывается о Пётре и Февронии – хранителях семейного очага. «Повесть о Петре и Февронии Муромских» была написана русским монахом-писателем Ермолаем Еразмом по устным преданиям второй половины XV в. Считается, что древнерусская литература не знает ни вымышленных событий, ни придуманных героев [2].

Юный князь Пётр победил «врага рода человеческого», что появился в его родном городе в образе страшного змея-оборотня и искушал на блуд его невестку, жену старшего брата, князя Павла. Пётр отстоял честь семьи и сразил змея мечом. Однако от ядовитых капель крови змея он тяжело заболел. Избавила князя от страшного недуга мудрая дева Феврония, дочь древолаза, которая жила в деревне Ласково под Рязанью. Исцеление было возможным лишь при условии женитьбы князя на простолюдинке. Пётр – правда, не без сомнений и колебаний – всё-таки обвенчался с крестьянкой, а после смерти старшего брата стал в Муроме править. Но спесивые бояре и их жены не пожелали подчиняться простолюдинке-княгине. Они предложили ей удалиться из Мурома, а Пётр, верный супружескому долгу, последовал за ней. Вот только после того, как подданные изгнали своих законных правителей, на княжество посыпались беды. Бояре одумались и упростили князя с княгиней вернуться. Супруги долго и честно правили, заботясь о подданных, а под конец жизни постриглись в монахи. Умерли они в один день. А когда их решили похоронить в разных монастырях, чудом соединились в одном гробу.

Пётр и Феврония остаются любимейшими героями православных людей вот уже шестое столетие. О них рассказали в своих произведениях И. А. Бунин («Чистый понедельник»), А.М. Ремизов («Пётр и Феврония Муромские»). Вместе с легендой о невидимом граде Китеже «Повесть о Петре и Февронии» стала литературной основой для оперы Н. А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии».

Заключение. Таким образом, семья – это один основополагающих элементов становления личности, а семейные отношения – основа формирования личности. Именно в семье человек обретает такие качества как открытость, добродушие, любовь, верность, благочестие. Семья даёт представление о традициях и ценностях общества, прививает мораль.

Список литературы

1. Гоголь, Н.В. Старосветские помещики. – Текст: электронный – URL: <https://kartaslov.ru> (Дата обращения: 10.09.2024)
2. Данилова, Т. Н. Пётр и Феврония. Наша главная история любви / Т.Н. Данилова. – М.: Вече, 2009 г. – 26 с.
3. Суриков, И.Е. Семья и род как феномены культуры в античности: Древнегреческие ΟΙΚΟΣ и ΓΕΝΟΣ в сравнении с римскими FAMILIA и GENS / И.Е.Суриков // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». – 2018. № 7 (40). С. 126–142.
4. P. Ovidius Naso. Metamorphoses. – Liber VIII – Текст: электронный – URL: <https://www.thelatinlibrary.com/ovid> (–10.09.2024)

СИНОНИМЫ В НЕАДАПТИРОВАННОМ ТЕКСТЕ Б. СТОКЕРА «ДРАКУЛА»

Полякова И. С., ORCID 0000-0003-4106-023X

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет»,
г. Краснодар, РФ
polinga@bk.ru

Введение. Синонимы – слова, различные по написанию, но сходные по значению. Изучая неадаптированный текст Б. Стокера «Дракула», можно увидеть, что синонимы могут быть сходными по написанию.

Цель работы – рассмотреть похожие по написанию синонимы на примере неадаптированного текста Б. Стокера «Дракула».

Основная часть. Брэм (Абрахам) Стокер (1847 – 1912) – ирландский писатель, автор романов и коротких рассказов. Б. Стокера сейчас помнят благодаря его леденящему кровь роману «Дракула», который сделал его известным. Стокер родился в Дублине в ноябре 1847 года и был третьим из семи детей. Как и его отец, он работал клерком, но с 1870 года писал первые рецензии на театральные постановки. Следующие семь лет он писал критические статьи и короткие рассказы до 1878 года, вдохновляясь творчеством Генри Ирвинга. В этом же году Стокер женился на двадцатилетней Флоренс Балкомб, выиграв ее руку и сердце у другого поклонника, молодого ирландского драматурга Оскара Уайльда. Самым популярным романом Б. Стокера является роман «Дракула», но мало кто знает, что Б. Стокер писал и короткие рассказы. Роман был впервые опубликован в 1897 году и переиздан в 1900 году. С тех пор роман был многократно переиздан, переведен на многие языки мира, по нему было снято несколько фильмов. Узнав о смерти Генри Ирвинга в 1905 году, Стокер пережил удар, он сутки был без сознания. Выздоровев, он продолжил писать и в возрасте шестидесяти лет брал интервью у Винстона Черчилля. Б. Стокер умер в апреле 1912 года, в окружении жены и единственного ребенка Ноэля [5].

Роман «Дракула» остается одним из самых захватывающих книг ужаса, которые когда-либо были задуманы. Как «Франкенштейн» Шелли, этот монстр, созданный литературой, с его бесконечной способностью шокировать и очаровывать, оставил своего создателя в относительной неизвестности.

Благодаря многочисленным экранизациям сюжет романа хорошо известен. Адвокат Джонатан Харкер приезжает по поручению своего босса Питера Хокинса в замок графа Дракулы юридически оформить сделку приобретения графом поместья Карфакс в Перфлит около Уитби. В замке

Джонатан понимает, что граф Дракула – вампир, и встречает трех женщин-вампириш, сотканых из света, которые собираются на него накинуться. Но их останавливает сам граф. Джонатан убеждается, что в замке графа он пленник, все двери для него закрыты, и решается на побег – спускается из окна своей комнаты высокой башни...

Его невеста Мина Меррей отдыхает у своей подруги Люси Вестенра в Уитби. Люси принимает ухаживания трех кавалеров – доктора Джона Сьюворда, Артура Холмвуда, лорда Годалминга и Квинси Морриса. Люси обручается с лордом Артуром. Но в Уитби прибывает на корабле граф Дракула, при этом убив всю команду везущего его корабля. Дракула начинает пить кровь Люси, она становится вампиром и т. д.

Параллельно Б. Стокер рассказывает историю пациента доктора Сьюворда Ренфилда, которого в итоге убил Дракула. Этот пациент лежит в доме умалишенных и выстраивает пищевые цепочки, собирает насекомых, птиц, кошек и собак, а потом начинает их есть [3].

Самым известным переводом с английского «Дракулы» Б. Стокера был перевод Н. Сандровой и Р. Грищенкова. Мало кому известно, что издательство СЗКЭО выпустило первую главу этого романа «Гость Дракулы», автором которой является Б. Стокер, а перевод выполнен Р. Грищенковым. Эта глава не была опубликована при жизни автора. Сама вдова Б. Стокера Флоренс Балкомб Стокер говорила, что автор убрал эту главу из романа из-за огромного объема книги. В потерянной главе главный герой предстает перед нами без имени, и, скорее всего, этот человек не будет упомянут в основном томе. Повествование ведется от первого лица. Главный герой в Вальпургиеву ночь отправился прогуляться по незнакомой дороге, отпустил испуганного кучера Йоханна. Абсолютно неожиданно началась снежная буря, герой оказался на кладбище, решил спрятаться в мраморной гробнице, где на его глазах девушка восстала из мертвых. Герой уже терял сознание, как его подхватила огромная длань. Когда он очнулся, на его груди сидел гигантский волк, не давая ему дышать. Этот волк грел его. Главного героя нашли кавалеристы и вернули в гостиницу, где он жил. Тут выяснилось, что до того, как кучер Йоханн вернулся в отель, метрдотель герр Дельбрук получил телеграмму от графа Дракулы с просьбой позаботиться о его госте, то есть о главном герое, и при необходимости «действовать, не теряя ни секунды».

При анализе неадаптированного текста романа можно увидеть разные синонимы, визуально похожие между собой. Например, *moan*, *goan* ‘стонать’. Как будто в слове *moan* букву *m* заменили на *g*, и получилось новое слово с тем же значением. Как будто раньше *m* и *g* были одной и той же буквой. Два глагола *hasten* и *fast* переводятся как ‘спешить’, при этом первый глагол *hasten* имеет такой же корень *hast*, как и второе слово *fast*. При этом $h=f$. Возможно, окончание *en* в глаголе *hasten* пришло из неопределенной формы глаголов немецкого языка. Хотелось бы отметить

такие сходные синонимы, как *drag=draw* ‘тащить’; *drip=drop* ‘капать’; эти синонимы отличаются одной буквой. Также необходимо отметить сходство следующих синонимов: *dread=dreary* ‘ужасный’; *avenge=vengeance* ‘отомстить’; *grasp=clasp* ‘схватить’; *tension=exertion* ‘напряжение’; *shiver=quiver (sh=q)* ‘дрожать’; *terror=horror* ‘ужас’; *lid=lead* ‘крышка’ [4].

Также хотелось бы отметить такую тройку слов, как *peer=peer=see* ‘видеть’, ‘вглядываться’ (*p=s*) Слова, сходные по написанию, имеют сходное лексическое значение, отличаются незначительно. При этом в каждом слове есть двойная «e» (*ee*).

Паронимы – это слова, схожие по написанию, но различные по лексическому значению, например, адресат – адресант [2]. Нужно отметить такие пары паронимов, как *zealous* ‘ревностный’ и *jealous* ‘ревнивый’, которые отличаются первыми буквами *z* и *j*. Также *haunt* ‘преследовать’; *hunt* ‘охотиться’, это слова, сходные по значению. Похожи по произношению слова, схожие по написанию: сюда же можно отнести такие паронимы, как *smooth* ‘сглаживать’ и *sooth* ‘успокаивать’. Все вышеприведенные примеры показывают, когда происходило словообразование в английском языке, как получались новые слова, когда в старых словах добавляли новые буквы и получившиеся слова получали похожее значение [1].

Заключение. На примере неадаптированного текста Б. Стокера «Дракула» можно заметить, что многие синонимы похожи по звучанию и написанию. Нередко можно заметить, что похожие слова имеют сходное лексическое значение. Так можно предугадывать перевод незнакомого иностранного слова, вспоминая созвучное или визуально похожее знакомое слово. Корни этих визуальных «схожестей» уходят далеко в этимологию слов.

Список литературы

1. Полякова, И.С. Сходные по написанию и звучанию синонимы на примере неадаптированного текста «Дракула» Брэма Стокера / И.С. Полякова // Тенденции развития науки и образования, №110, Самара, 2024. Ч.12. – С.139–142. – DOI: 10.18411/trnio-06-2024-670.
2. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителя / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – Минск: Мир и образование, 2022. – 624 с. – ISBN 978-5-94666-459-2.
3. Стокер, Брэм. Дракула. Гость Дракулы / Б.Стокер. – Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2023, – 496 с. – ISBN 978-5-9603-0721-5.
4. Oxford English Dictionary: сайт. – URL: <http://oxford.dictionaries.com> (дата обращения 01.04.2024).
5. Stoker, Bram. Dracula / B. Stoker. – Penguin, 2005. – 450 с. – ISBN 978-0-14-062339-0.

МОДЕЛИ ДОМА В РОМАНЕ Г. КЮППЕРА «СИМПЛИЦИССИМУС, 1945»

Попова-Бондаренко И. А., канд. филол. наук, доц.,

ORCID 0000-0003-4751-5557

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

bondkn@yandex.ru

Самая распространенная модель дома в романе Гейнца Кюппера «Симплициссимус, 1945» (1963, рус. пер. 1972) [1] – немецкая квартира главного героя-подростка, а также квартиры соседей, друзей и знакомых. Здесь до поры до времени течёт размеренная мирная жизнь, которая по мере приближения войны сменяется напряжением и утратой комфорта. Постепенно, при приближении фронта и участвовавших авианалётах союзников Красной Армии, дом перемещается в подвал, где жильцы всё ещё пытаются создать видимость былого уюта. Так формируется метафорическая пространственная вертикаль, связующая два художественных времени – прошлое (мир) и настоящее (война). Мирное время дома ассоциируется с чаепитием и пирогами, запахом деревенского молока. Военное время маркировано воем сирен, звуками разрывов, сотрясающих подвал, извёсткой от подвальных переборок и слоем угольной пыли, постепенно покрывающей ковры, которые жители сносят в подвал с верхних этажей. Второй тип дома, формально принадлежащего Германии, – еврейский. Вследствие расистской политики нацистов он обречён на разграбление, а его хозяева безжалостно уничтожаются, как и память о них (сцена глумления над их личными вещами и фотографиями) [1; 2]. Ещё одна разновидность дома – полуразрушенный заброшенный дом, в котором проживает развратная молодая нацистка, совращающая американских джигитов. И, наконец, в романе упоминаются дома родственников родителей главного героя в Бельгии и Швеции, разделившие судьбу немецких домов. Таким образом, представления о доме в романе Г. Кюппера выходят на символический уровень. Все эти модели объединены характеристикой «европейского дома», бездумно принявшего нацистский режим и осквернённого гитлеровцами.

Список литературы

1. Кюппер, Г. Симплициссимус, 1945 / Гейнц Кюппер / (пер. с нем. Л. Чёрной). – М.: Молодая гвардия, 1972. – 271 с.
2. Gleising, G., Kunold K. u.a. Die Verfolgung der Juden in Bochum und Wattenscheid. Die Jahre 1933-1945 in Berichten, Bildern und Dokumenten / Günter Gleising, Klaus Kunold u.a. – Bochum`WURF-Verlag, 1993. – 72 S.

РОССИЯ КАК ДРУГОЙ В «ЗАПИСНЫХ КНИЖКАХ» У.С. МОЭМА

Савро Е. Н., ORCID 0009-0009-3734-9920

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

savroevgeniia2000@mail.ru

«Записные книжки» («A Writer's Notebook») – это сборник размышлений Сомерсета Моэма. В 1949 г. он отправился в печать, а в 1999-м появился на русском благодаря переводам с английского Л.Г. Беспаловой и И.С. Стам. Содержание «книжек» охватывает период с 1892-го по 1949-й гг. Немалая часть сборника посвящена путешествиям У.С. Моэма в ближние и дальние страны, а его опыт взаимодействия с разными культурами помогает читателям проникнуться личной историей автора. Так, читатель знакомится с миром Другого посредством авторского восприятия действительности. Заметки о России и русских сосредоточены в главе, датированной 1917-м годом, когда писатель отправился в Россию с секретной миссией. Глава посвящена описанию России, русского национального характера и отражает мнение писателя о русской литературе, благодаря которой сформировалась картина его «русского мира».

Сомерсет Моэм объясняет, что, по сравнению с искусственностью западноевропейской литературы, литература русская раскрывает бурю страстей, не изведанных иностранцами. В отличие от английских и французских романистов, изображающих «общество законопослушное», русские писатели (И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов) привносят в свои творения стихийность и необузданность чувств. Согласно Моэму, русская литература «обращается к сердцу», а не к уму.

Раскрывая русский национальный характер, С. Моэм отмечает, что русские ищут смысл в любви, а их жизнь подчинена чувствам. Моэм считает, что русские находятся в погоне за романтическими идеалами, далекими от реальности жизни. Прагматичный же английский ум ставит рассудительность выше приходящих и уходящих чувств. Даже русские политические деятели, в частности, Керенский, взывают к чувствам, а не к разуму, что приводит находящегося тогда в России Моэма в замешательство.

К русскому патриотизму Моэм относится противоречиво: с одной стороны, его отталкивает кажущаяся несобранность русских, их необоснованная гордость и всяческое отсутствие дисциплины и здравого смысла; с другой же, русские просты и открыты в проявлении своих чувств, они лишены напускного пафоса, столь свойственного рыцарскому прошлому англичан. «The Russians say constantly that the world can as little

understand them as they understand themselves. There is a little vanity in the mysteriousness upon which they dwell» [2, с. 18] («Русские вечно твердят, что миру точно так же не дано понять их, как им самих себя. Они слегка кичатся своей загадочностью и постоянно разглагольствуют о ней» [1, с. 30]), – считает писатель.

Сомерсет Моэм подробно останавливается на феномене русского чувства греховности. Он пишет, что русский дух до основания захвачен идеей собственного греха, и это приводит человека ко внутренним терзаниям, страданиям и непомерной скорби. Осознание того, что человек грешен, пронизывает русскую культуру и литературу насквозь, целая нация поглощена безуспешной борьбой с этим «недугом», что для англичанина выглядит совершенно необоснованным и, как минимум, странным с точки зрения здравого смысла. Моэм отмечает, что англичане тоже сознаются себе, что они грешники, однако же это не вызывает у них никаких угрызений совести, а попросту – им некогда думать о смирении и спасении своей души: «<...> we do the work which is next to our hand and do not trouble much about our souls» [2, с. 16]. («<...> мы заняты непосредственными делами и не слишком заботимся о наших душах» [1, с. 27]). Русские же, напротив, погружены в глубокий самоанализ, отчего чувство греховности ими ощущается сильнее, временами даже поглощая всё их естество без остатка.

Другими национальными чертами русских У.С. Моэм считает самоуничижение и мазохизм. Их отражение он находит в русской литературе, а затем убеждается в этом и в действительности. Моэм так формулирует определяющие черты русских: «He (the Russian) is lazy and infirm of purpose; he talks too much; he has no great control over himself so that the expression of his passions is more lively than their intensity warrants; but he is kindly on the whole and good-humoured; he does not bear malice; he is generous, tolerant of others' failings; he is probably less engrossed in sexual affairs than the Spaniard or the Frenchman; he is sociable; his temper is quick, but he is easily appeased» [2, с. 16]. («Они (русские) ленивы, несобранны, слишком словоохотливы, плохо владеют собой и поэтому чувства свои выражают более пылко, чем они того заслуживают, но, как правило, они незлобивы, добродушны и не злопамятны; щедры, терпимы к чужим недостаткам; плотские страсти, пожалуй, не захватывают их с такой силой, как испанцев или французов; они общительны, вспыльчивы, но отходчивы» [1, с. 27]).

Проблемой русских писатель считает неразвитость юмора. Юмор русских низкого порядка, он призван заставить людей погружаться в пучину отчаяния, смеяться над людьми и окружающей их мрачной действительностью. «The humour of Dostoievsky is the humour of a bar loafer who ties a kettle to a dog's tail» [2, с. 17] («Юмор Достоевского – это юмор трактирного завсегдатая, привязывающего чайник к собачьему хвосту» [1, с. 28]) – с горечью отмечает Моэм. Английский же юмор направлен на создание располагающей атмосферы, на улучшение настроения, на то,

чтобы придать жизни красок, добавить игривости репликам, в конечном счете, избежать неловких ситуаций и пауз, но он никак не предполагает концентрацию на и так бесконечно бередящих душу тягостных чувствах. Такое непонимание русского национального характера отразится и в произведениях Моэма.

Сомерсет Моэм считает, что у русских есть одно преимущество перед англичанами: их жизнь подчинена условностям не в такой степени: «It never occurs to him (the Russian) that he should do anything he does not want to because it is expected of him» [2, с. 16]. («Русскому никогда не придет в голову, что он должен делать что-то, чего не хочет только потому, что так положено» [1, с. 28]). Несмотря на свойственную русским покорность, их дух остается непокоренным: «The Russian's personal freedom is much greater than the Englishman's. He is bound by no rules» [2, с. 16]. («Русский лично куда более свободен, чем англичанин. Для него не существует никаких правил» [1, с. 28]). Впрочем, по его мнению, это может быть следствием того, что английская нация – одна из старейших в мире, Россия же, полагает автор, находится в процессе формирования своей целостности, в поисках собственного пути, её можно сравнить с неугомонным любопытным ребенком, тогда как Англия выступает в роли умудренной летами почтенной старицы.

Говоря о самой России, писатель в основном уделяет внимание русской архитектуре. Она не вызывает у Моэма восхищения. Невский проспект, по его мнению, не выглядит так, как должно выглядеть центральной улице столицы. В целом Россия кажется ему страной довольно мрачной, угрюмой, неприветливой. Неоднозначное впечатление на Моэма произвели также русские традиции и быт.

Таким образом, можно говорить о том, что в большей степени мнение У.С. Моэма о России складывалось под влиянием литературных произведений русских писателей, реальность же не показалась ему такой однозначной и заставила пересмотреть свои взгляды.

Список литературы

1. Моэм, С. Записные книжки / С. Моэм. – 64 с. – URL: https://royallib.com/read/moem_somerset/zapisnie_knigki.html#0 (дата обращения: 07.09.2024).
2. Maugham, W. S. A Writer's Notebook / W. S. Maugham. – 37 p. – URL: https://www.bookfrom.net/w-somerset-maugham/36250-a_writers_notebook.html (дата обращения: 06.09.2024).

ПРОБЛЕМА СЕМЬИ В РОМАНЕ Д. МИТЧЕЛЛА «БЛЭК СВОН ГРИН»

Сапегина Л. В., канд. филол. наук, ORCID 0009-0002-2004-1494
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
l.v.sapegina@mail.ru

«Блэк Свон Грин» (*Black Swan Green*, 2006) Дэвида Митчелла продолжает традиции романа воспитания, рассказывая о взрослении 13-летнего подростка Джейсона Тэйлора, который за один год своей жизни – с января 1982 по январь 1983 – проходит важные этапы психологического и духовного созревания.

События романа разворачиваются в период правления Маргарет Тэтчер, в эпоху Холодной войны – противостояния двух мировых систем. Произведение пронизано тревожным ожиданием начала Третьей мировой, которой англичан постоянно пугают с экранов телевизора, но вместо неё неожиданно вспыхивает реальная война за Фолклендские острова, и топос войны становится общим фоном, на котором развёртывается действие.

Композиция романа фрагментарно-новеллистична: произведение состоит из тринадцати глав, каждая представляет собой законченный фрагмент из жизни Джейсона Тэйлора, в центре которого – определённое событие и круг действующих лиц. Джейсон, названный именем древнегреческого героя Ясона, должен найти свой путь между «Сциллой» школьного буллинга и «Харибдой» семейного раздора и обрести «золотое руно» собственной идентичности.

В отличие от подростков-бунтарей середины XX века Джейсон мечтает о скорейшем взрослении. Он мечтает вписываться в стандарты общества, хотя бы школьного подросткового мира, где бытуют жестокие нравы, существует жёсткая иерархия, где легко стать изгоем и объектом издевательств. Поэтому Джейсон, начитанный и образованный мальчик, на уроках молчит, чтобы не выдать свою тайну (он заикается) и не стать объектом насмешек.

В романе топос войны распространяется и на школьную жизнь, где каждый день для Джейсона – борьба за выживание, и на семейный уклад, где постепенно нарастает противостояние родителей, и каждая трапеза превращается в словесную баталию.

Джейсон пишет стихи и тайно публикует их в местной газете под претенциозным псевдонимом Элиот Боливар, в котором он соединил имена выдающегося английского поэта Т.С. Элиота и героя-освободителя Венесуэлы Симона Боливара, что отражает весьма необычный круг интересов главного героя. Юному поэту приходится скрывать своё

творчество и от одноклассников (поскольку его «забьют столярными инструментами за кортами, а на надгробие нанесут эмблему “Sex Pistols”» [1]), и от родственников – матери, отца, сестры, – ни с одним из которых у него нет доверительных отношений. По этой причине Джейсон ощущает себя бесконечно одиноким и непонятым миром. Его попытки обратиться за помощью к родителям, например, чтобы его освободили от публичного чтения «Простых молитв для сложного мира» не уроке мистера Кемпси, остаются безуспешными. Родители, занятые своими проблемами и усугубляющимся семейным конфликтом, не слышат его, не понимают, какими унижениями это выступление обернётся для их ребёнка. Джейсону в подобных случаях на помощь приходят добровольные помощники, например, логопед миссис де Ру, чей звонок в школу, по мнению Джейсона, спас ему жизнь. А соседка-чужестранка мадам Кроммелинк серьёзно воспринимает поэтический дар Джейсона, обсуждает с ним достоинства и недостатки его поэзии. Добровольные помощники – старинный сказочный и литературный мотив, в исследуемом романе он подчёркивает дисфункциональность семьи, недостаток родительской заботы и вовлечённости в дела детей.

Взросление Джейсона включает в том числе принятие своей инаковости и одиночества среди людей, как и положено поэту. Он – не такой, как все, он художник, мыслящий образами, и в тексте романа разбросаны строки его стихов, обрывки поэтических фраз.

Можно утверждать, что «Блэк Свон Грин» – портрет художника в отрочестве, постмодернистская вариация жанра *Kustlerroman*. Отсюда – трактовки названия романа, которое переводят как «луг (лужок) чёрного лебедя», но на самом деле, как замечено многими исследователями, оно отсылает к «Гадкому утёнку» Андерсена и, возможно, к «Лебединому озеру» Чайковского. Юный поэт Джейсон Тейлор – ещё «гадкий утёнок», поскольку «зелен», незрел, и обретается он пока где-то на задворках мира, в сонной деревне графства Вустершир, где ничего значительного не происходит. И хотя называется поселение *Black Swan Green*, здесь никогда лебедей не водилось. Образ лебедя обладает многочисленными символическими значениями: это воплощение красоты, чистоты, целомудрия, гордого одиночества, благородства, мудрости и мужества, а также олицетворение поэзии. Многие из перечисленного приложимо к образу Джейсона Тэйлора, который не знает, что «лебедем» в этой богом забытой деревне является он сам. Чёрный лебедь, к тому же, воплощает необычайную редкость. Долгое время в Европе эти птицы считались несуществующими. У древних римлян существовала поговорка «*rara avis in terris, nigroque simillima cygno*», смысл которой можно перевести как «скорее случится невероятное, чем встреча с чёрным лебедем». Важно, что в отличие от белого лебедя-шипунa у чёрного лебедя есть голос. Обретение героем собственного голоса также составляет часть взросления Джейсона

Тэйлора. Символически путь к нему связан с борьбой с «внутренними демонами», одним из которых является Палач/Висельник (Hangman) – созданный воображением героя образ его заикания.

Внутренняя структура образа Джейсона включает три формы его самоидентификации. Уже упоминавшийся Палач не позволяет Джейсону произносить некоторые «заикательные» слова, особенно с буквой S, напоминающей лебединую шею. Maggot (Личинка/Червь) – это та соглашательская сторона героя, которую он считает отвратительной и постыдной, поскольку она всегда пытается убедить его быть как все, стать частью толпы. Третья ипостась героя – Unborn Twin (Нерождённый Близнец) – идеальная версия Джейсона, которой он стремится стать, но не может. Червь и Нерождённый близнец ведут постоянные споры в сознании героя. Их «диалоги» выделены в романе курсивом.

В заключительной главе романа происходит невероятное событие: на местное озеро приземляется лебедь дивной красоты. Эта сцена – своего рода кульминация становления героя, отсылающая к финалу сказки Ганса Христиана Андерсена «Гадкий утенок». За тринадцать месяцев главный герой меняется. Он перестает стыдиться своей речи и постепенно строит равные отношения с членами своей семьи, он понимает, что люди порой перестают любить друг друга и принимает развод своих родителей. Джейсон перестает зависеть от мнения сверстников и от оценки, которую дает ему общество.

Образ Дэвида Митчелла трактуется многими исследователями как реалистическое воплощение образа современного подростка. На самом деле, в романе доминирует постмодернистская экспериментальная поэтика. Однако образ главного героя получился психологически убедительным и по-человечески симпатичным. Он – не рядовой подросток, и в его борьбе со своими слабостями, в противостоянии обществу, живущему энергиями войны, ненависти, агрессии, отрицания иного, другого, есть нечто героическое, что даёт ему право претендовать на звание героя своего времени.

Список литературы

1. Митчелл, Д. Лужок Черного Лебедя / Пер. с англ. А. Поляринова [Электронный ресурс]. – URL: <https://polyarinov.livejournal.com/18988.html> (дата обращения 13.09.2024)

ПРОБЛЕМНЫЕ ТЕМЫ АНТИУТОПИЧЕСКОГО РОМАНА КАДЗУО ИСИГУРО «КЛАРА И СОЛНЦЕ»

Шишкова Н. В., ORCID 0009-0000-3469-4424,
Федуленкова Т.Н., д-р филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-5039-5827
ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет
имени А. Г. и Н. Г. Столетовых», г. Владимир, РФ
shishkovanatalie-1g122@yandex.ru, fedulenkova@list.ru

Введение. Кадзуо Исигуро – виднейший британский писатель японского происхождения, чьи произведения на сегодняшний день известны по всему миру своей глубиной и сложностью тематики. Произведения Исигуро характеризуются высокой степенью доступности для широкой аудитории, независимо от национальной принадлежности и социального статуса читателей. Антиутопии и спекулятивная фантастика представляют значительные сложности для переводчиков, поскольку отсутствие стандартных подходов к переводу художественных текстов затрудняет передачу оригинального содержания на другой язык.

Теоретической основой нашего исследования послужили труды известных лингвистов в области английской стилистики [1], [5], публикации, посвященные творчеству Кадзуо Исигуро [2], [4], [3], а также новейшие работы по методологии лингвистических исследований [6].

Анализируемый роман создан лауреатом Нобелевской премии по литературе, над его переводом на русский язык работал Леонид Мотылев, который также занимался переводом произведения «Не отпускай меня».

Цель работы – характеристика основных проблем и тем, затронутых автором в данном произведении, составляющих сложность при его переводе на другой язык.

Роман отличается от многих других тем, что в нем представлено повествование от первого лица – это взгляд искусственного интеллекта на окружающий мир, работа Клары. Большинство персонажей отмечают наблюдательность и способность к познанию у Клары. Она удивительно быстро адаптируется к людям, демонстрируя искренность, уважение абсолютно к каждому человеку и отсутствие какой-либо грубости в общении. В начале романа описывается обстановка в магазине, где продаются роботы, подобные ей, известные как ИП или ИД (Artificial Friends). Цель их создания – скрасить одиночество подростков в современном мире, где новые технологии усложняют установление контактов между сверстниками.

Основная часть. Перейдем непосредственно к основным проблемам и темам, которые поднимаются в романе.

Проблема отношений родителей и детей. Клара наблюдает за взаимодействием между детьми и их родителями и видит, как родители стремятся к тому, чтобы их дети достигли успеха в условиях высококонкурентного общества, где технологии играют немаловажную роль. Это давление создает напряжение в отношениях, приводя к конфликтам и недопониманию.

Проблема Загрязнения окружающей среды. На улицах города часто упоминается устройство Cootings Machine – специальный механизм с трубами, несущий загрязнение. В русской версии он получил прозвище «КОТЭ-машина». Источники происхождения этой аббревиатуры остаются неизвестными, поскольку в оригинальном тексте ее нет. Название Cootings – это бренд производителя машины; она олицетворяет все негативные черты технологического прогресса и влияние современных технологий на окружающую среду.

Тема самопожертвования. Акт самопожертвования Клары, когда она решает отдать свое топливо для уничтожения Cootings Machine с целью помочь Джози, можно рассматривать как трансцендентный момент, где границы между машиной и человеком стираются, подчеркивая возможность искренних чувств у искусственного интеллекта.

Тема обожествления Солнца через призму искусственного интеллекта. Для Клары Солнце – это, в первую очередь, источник питания и силы. Она видит, как Солнце помогает людям на примере Попрошайки (the Beggar Man) и собаки, Кофейной Чашки и Мужчины в Дождевике (the Coffee Cup Lady and Raincoat Man).

Искусственный интеллект сам поверил в существование духовной и моральной силы. В восприятии Клары Солнце – не просто светило, а некое божество, способное на чудеса.

Тема форсирования генетики. Форсирование (нем. Forcieren – усиливать и франц. Force – сила), или генетическое улучшение, обозначает использование биотехнологий для изменения генетического кода человека с целью достижения определённых характеристик: умственных способностей, физической выносливости и пр.

В романе Джози, главная героиня, – это форсированный подросток. Нефорсированные люди в произведении (Рик – друг Джози, мама Рика и отец Джози) – это маргиналы, которым трудно ужиться в мире, у них нет возможности получить достойное образование и подняться по карьерной лестнице.

Тема человеческого сердца. Роман ставит под сомнение границы между человеческим и искусственным. Настоящая причина помещения Клары в дом заключалась не только в том, чтобы развеять одиночество Джози. Мама считала, что генетические улучшения, внедренные в организм Джози, могут поставить под угрозу ее жизнь, и рассчитывала, что Клара примет на себя все привычки Джози и заменит ее. Отец Джози изначально

выступал против этой идеи и даже задал Кларе вопрос: *Do you believe in the human heart? Something that makes each of us special and individual? Then don't you think, in order to truly learn Josie, you'd have to learn not just her mannerisms but what's deeply inside her* [7].

Проблема скоротечности жизни искусственного интеллекта (Клары). Клара имеет ограниченный срок службы; она стремится максимально эффективно использовать время, которое у неё есть, чтобы принести радость и поддержку Джози. Скоротечность жизни также связана с темой памяти: Клара собирает воспоминания о людях и событиях, что позволяет ей создать уникальное представление о мире.

Заключение. В работе выявлены и описаны основные проблемы и темы, затронутые автором, – проблема отношений родителей и детей, проблема форсирования генетики, тема человеческой сердечности и другие, которые, давая почву для последующих размышлений, привлекают внимание читателей и способствуют поиску адекватного перевода этого антиутопического романа, что представляет собой сложную задачу, требующую внимательного подхода к изучению особенностей произведения.

Список литературы

1. Арнольд, И.В. Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования): учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. Яз.» / И.В.Арнольд. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 1990. – 300 с.
2. Гукова, П. В. Поэтика названия романа Кадзуо Исигуро «Клара и Солнце» / П.В.Гукова // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий Национальный Университет». – 2023. – № 15-2. – С. 174–177.
3. Радионова, С. А. Языковые средства передачи эмоций в романе Кадзуо Исигуро «Клара и Солнце» / С.А. Радионова // Казанская Наука. – 2023. – № 9. – С. 223–226.
4. Серова, А. С. Элементы антиутопии в романах К. Исигуро «Не отпускай меня» и «Клара и Солнце» / А.С. Серова, В.Г. Минина // Вестник Минского Государственного Лингвистического Университета. Серия 1: Филология. – 2023. – № 3 (124). – С. 77–85.
5. Федуленкова, Т. Н. Инновационная концепция стилевого / Т.Н. Федуленкова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2019. – №5(92). – С. 255–261.
6. Федуленкова, Т.Н. Проблемы методологии лингвистических исследований / Т. Н. Федуленкова, А. Д. Бакина // Вестник НГЛУ имени Н. А. Добролюбова. – 2022. – Вып. 4 (60). – С. 208–214.
7. Ishiguro Kazuo. Klara and the Sun. – London: Faber & Faber Ltd., 2021. – 307 p.

ТРИКСТЕР КАК РОМАНТИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ: КАПИТАН АХАВ В РОМАНЕ «МОБИ-ДИК, ИЛИ БЕЛЫЙ КИТ» Г. МЕЛВИЛЛА

Шукина А. В., ORCID 0009-0001-1058-9328,

Мирошниченко Н. А., канд. филос. наук, доц., ORCID 0000-0002-6741-2371

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет

им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль, РФ

Alexandra21Shchukina@yandex.ru

Ахав, капитан китобойного судна «Пекод» в романе Германа Мелвилла «Моби Дик», представляет собой ключевую фигуру, чье преследование Белого Кита после потери ноги становится лейтмотивом романа. Персонаж Ахав традиционно считается романтическим героем, однако, другие грани его личности, в частности, трикстерное начало редко становится предметом исследования в контексте анализа романа и его героев. Изучение Ахава как героя-трикстера поможет более детально понять его природу, чувства и стремления, напрямую связанные с проблематикой самого произведения [5, с. 2].

Исследование трикстерной природы Ахава основано на теории архетипов К. Г. Юнга, которые отражают «психологический портрет» человека [4, с. 26]. Трикстер символизирует изменение порядка и наделяет смыслом то, что кажется бессмысленным. Он обладает стандартными характеристиками [4, с. 361]: нарушает сложившиеся устои и традиции; неподконтрольная фундаментальная Сила, провокатор и инициатор действия; выступает посредником между мирами и социальными группами; культурный герой или его спутник, его тень, тот, кто проверяет претензии на Силу и Власть; аморален с точки зрения существующей этической системы; перевёртыш, сам устанавливает правила игры; может играть роль Старого Мудреца или Юнца

Сходство Трикстера и романтического героя

Капитан Ахав – романтический герой с его индивидуализмом и самопожертвованием, но его романтическая природа сочетается с бунтарским трикстерным началом [5, с. 8]. Ахав, как и трикстер, противостоит Судьбе и не может смириться с пережитыми травмами, преувеличивая свои страдания и действуя в угоду своим желаниям [4, с. 154]. Тем не менее, романтический герой стремится создать идеальный мир и бороться со Злом, в то время как трикстер, не имея цели, воспринимает реальность как игру с собственными правилами [4, с. 37]. Ахав сочетает романтические и трикстерные черты, что придает ему уникальность. Перейдем к анализу трикстерного начала у Ахава по перечисленным ранее характеристикам.

Нарушение сложившихся устоев и традиций.

В начале рейса Ахав заявляет, что судно отправляется на поиски Белого Кита, в то время как «Пекод» и сам герой-рассказчик Измаил рассчитывают на обычную ловлю китов [1, с. 340]. Ахав игнорирует риски для судна и экипажа, чтобы достичь своей цели. При угрозе команде он решает преследовать Моби Дика и оправдывает свои действия «высшими силами», что отражает его романтическую и трикстерную природу [4 с. 78]: для трикстера ограничения – это часть игры, а не препятствия [4, с. 74].

Неподконтрольная фундаментальная Сила, провокатор и инициатор действия.

Ахав – капитан судна, высокое положение героя признано и героем-рассказчиком, и всей командой «Пекода» [2, с. 167]. Ахав никогда не советуется со своей командой, принимает отчаянные решения, как бы «завлекая» всех в свою игру – инициатор социокультурного действия [2, с. 202]. Своим видом и поведением Ахав вселял страх, напоминал команде о главной цели – поимке Белого Кита. Зная, что деньги и сокровища для моряков – высшая ценность, он пообещал за Моби Дика золотой дублон [2, с. 20]. Наивные матросы и гарпунеры приложили все свои силы к поимке Белого Кита [5 с.7].

Посредник между мирами и социальными группами, способствует обмену ценностями.

«Посредничество» Ахава – в его одержимости мстью Белому Кита и его тени, которая преследует его в ночных кошмарах, видениях и фантомных болях [1, с. 325]. Эти мрачные мысли и действия, такие как ночное планирование маршрута и скрытность, подчеркивают его тёмную сущность [2, с. 159]. Имя Ахава взято из Священного Писания, где так звали нечестивого царя Израиля [5, с. 5]. В романе Ахав создает культ Кита, видя в нем символ Зла [2, с. 200].

Культурный герой или его спутник, его тень, проверяющая претензии героя на Силу и Власть.

В романе Ахав, как трикстер и культурный герой, оказывает значительное влияние на реальность. По Е.М. Мелетинскому, культурный герой преобразует реальность, оставаясь статичным, податливым к соблазнам и склонным к насилию [3, с. 14]. Эти черты проявляются в стремлении Ахава к мести, его постоянстве и готовности пожертвовать жизнями ради победы над Белым китом [2 с. 200]. В то же время Ахав осознает свою подчиненность Судьбе [2, с. 1223], что отражает его противоречивую натуру: попытки вершить «справедливость», оставаясь «игрушкой» Провидения [5, с. 17].

Аморален с точки зрения существующей этической системы.

Нарушение этических ценностей Ахавом особенно видно в сравнении со Старбеком, помощником, который олицетворяет протестантские ценности Америки и стремится спасти судно, предлагая вернуться в Нантакет [1, с. 327]. Помощник Ахава настоятельно советует изменить курс

[2, с. 1223], но капитан непреклонен. Его упорство отражает реакционные силы Америки XIX века, отвергающие разумные предложения и ведущие общество к гибели [1, с. 115].

Перевертыши, игрок, сам устанавливает правила игры.

«Игра» Ахава состоит в преследовании Белого Кита, олицетворяющего для капитана мировое Зло [5, с. 9]. Трикстерная сущность проявляется и в неспособности Ахава четко определить причину преследования Моби Дика, сама по себе «охота» на кита при наделении его сверхъестественными качествами для оправдания масштаба прилагаемых усилий может быть расценена как игра, где хищник и жертва меняются местами. Сверхъестественная и непостижимая сила Белого Кита гневит капитана, ведь столкновение трикстера с непостижимым и непонятным вызывает ярость и желание уничтожить это [3, с. 44].

Выступает и как Старый Мудрец, и как Юнец.

Противоречивая сущность Ахава сочетает романтическую и трикстерную природу, проявляясь в его отношении к Белому Китаю. С одной стороны, Ахав полон решимости и призывов к действию, с другой – признается в своей слабости и подчиненности высшей Силе [2, с. 835]. В начале романа он бунтарь, бросающий вызов природе, в развязке, как Мудрец, осознает свою обреченность и предстоящую смерть [5, с. 10]. Эти черты, бунтарство и смирение, подчеркивают его противоречивость.

Таким образом, Ахав сочетает традиционные трикстерные черты с характеристиками романтического героя, отражая уникальные особенности американского героя XIX века, позволяющие говорить о «романтическом» типе трикстера, черты которого могут быть рассмотрены в контексте изучения романтической литературной традиции.

Список литературы

1. Засурский, Я. Н. История литературы США / Ин-т мировой лит. Им. А. М. Горького Рос. Акад. Наук; Редкол.: Я. Н. Засурский (гл. ред.) и др. – Москва : Наследие, 1997. – Т. 3. – 611 с. – ISBN 5-9208-0008-9.
2. Мелвилл, Г. Собрание сочинений: В 3 т. / Редкол. Я. Засурский и др. / Г. Мелвилл. Пер. с англ. Л. – 1987. – 1383 с. – ISBN 5-280-00316-6.
3. Мелетинский, Е. М. От мифа к литературе : учебное пособие по курсу «Теория мифа и историческая поэтика повествовательных жанров» / Е. М. Мелетинский. – Москва : РГГУ, 2000. – 167 с. – ISBN 5-7281-0095-3.
4. Юнг, К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное / К. Г. Юнг, пер. А. Чечиной. – Москва : АСТ, 2019. – 495 с. – ISBN 978-5-17-108753-1.
5. Dreyfus, Hubert L. and Sean D. Kelly. “All Things Shining: Reading the Western Classics to Find Meaning in a Secular Age”. – 2011. – New York: Free Press. – p. 18.

Актуальные проблемы переводоведения и межкультурной коммуникации

УДК 811.111.2.161.1:81'37

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Башилова В. А., ORCID 0009-0003-1526-2222,
Дроздов В. А., д-р филол. наук, доц., ORCID 0009-0003-1360-863X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
viktoriyabashilova@gmail.com

Введение. Фразеологизмы отражают историю народа, а также уникальные черты его культуры и повседневной жизни. Они зачастую обладают ярко выраженным национальным колоритом.

Фразеология является разделом языкознания, предметом изучения которого выступают устойчивые сочетания того или иного языка. В лингвистике фразеологией также принято считать совокупность устойчивых сочетаний в языке в целом, в языке того или иного писателя, в языке отдельного художественного произведения и т.д. [6, с. 34].

По «шкале труднопереводимости» фразеологизмы занимают едва ли не первое место: «непереводимость» данных устойчивых единиц отмечается всеми учеными в числе характерных признаков [2, с. 179].

Актуальность исследования обусловлена наличием ряда проблем при переводе фразеологических единиц.

Целью работы является определение основных трудностей и способов перевода фразеологических единиц. Достижению поставленной цели способствует решение следующих **задач**:

- 1) изучить виды фразеологических единиц;
- 2) ознакомиться со способами перевода фразеологизмов;
- 3) проанализировать способы перевода фразеологических единиц с английского языка на русский язык.

Основная часть. Фразеологизм – лексически неделимое, устойчивое по структуре, целостное по значению словосочетание, воспроизводимое в виде готовой речевой единицы [5, с. 389].

С. В. Флорин и С. Н. Влахов выделяют следующие виды фразеологических единиц в качестве реалий:

- 1) обычные устойчивые словосочетания, в том числе идиомы, пословицы и поговорки, многие из которых обладают характерной национальной и/или исторической окраской;
- 2) фразеологические единицы с компонентом «реалия».

Кроме этого, ученые описывают основные трудности перевода фразеологических единиц, среди которых: 1) сложности их распознавания в исходном тексте (переводчик ошибочно принимает за фразеологизм переменное сочетание, считая его индивидуально-авторским образованием или, наоборот, приписывает свободному словосочетанию фразеологический характер и подыскивает для него фразеологический эквивалент) и 2) неправильное восприятие фразеологизма (переводчик неверно передает его значение) [2, с. 180-181].

Фразеологизмы обладают следующими признаками: устойчивость, воспроизводимость, раздельнооформленность, принадлежность к номинативному инвентарю языка [1, с. 100]. А. В. Кунин выделяет следующие виды переводческих трансформаций для передачи фразеологизмов:

1) эквивалент, имеющийся в русском языке, который совпадает с английским оборотом по смыслу и по образной основе (напр.: *as cold as ice* ‘холодный как лёд’);

2) аналог – устойчивый оборот в русском языке, который совпадает с английским по смыслу, но по образной основе отличается от него полностью или частично (напр.: *a drop in the bucket* ‘капля в море’);

3) описательный перевод – используется при отсутствии эквивалентов и аналогов (напр.: *cross the floor of the house* ‘перейти из одной партии в другую’);

4) антонимический перевод (напр.: *don't count your chickens before they are hatched* (посл.) ‘цыплят по осени считают’));

5) калькирование – используется при выделении образной основы фразеологизма или в тех случаях, когда английский оборот не может быть переведен с помощью других переводческих трансформаций (напр.: *the moon is not seen when the sun shines* (посл.) ‘когда светит солнце, луны не видно’));

6) комбинированный перевод – применяется в случае неполной передачи значения русского аналога, или при специфическом колорите места и времени (напр.: *carry coals to Newcastle* («возить уголь в Ньюкасл», т.е. возить что-то туда, где этого и так достаточно) ‘ехать в Тулу со своим самоваром’ [3, с. 10].

При создании своего фразеологизма-аналога переводчик может воспользоваться уже существующими в ПЯ фразеологическими средствами и моделями. Ярким примером является русская пословица *Копейка рубль бережет* – ‘Take care of the copecks and the roubles will take care of themselves’. Ю. Катцер и А. Кунин прибегли в данном случае к описательному переводу, подобрав похожую по смыслу английскую пословицу и заменив в ней пенсы на копейки, фунты на рубли. Таким образом, удалось не только передать содержание, в том числе и подтекст пословицы, но и сохранить реалии, причем в очень удобной для английского восприятия форме [2, с. 188].

Рассмотрим примеры различных способов перевода английских фразеологических единиц на русский язык (см. табл. 1).

Таблица 1

Способы перевода фразеологизмов с английского языка на русский

Английский фразеологизм	Русский эквивалент	Способ перевода
To play with fire.	‘Играть с огнем’	эквивалент
I never looked a gift horse in the mouth.	‘Дарёному коню в зубы не смотрят’	частичный эквивалент
A bird in the hand is worth two in the bush.	‘Лучше синица в руках, чем журавль в небе’	аналог
Time is money.	‘Время – деньги’	калькирование
«We sometimes feel he’s not a terribly good mixer»	‘Иногда мне кажется, что он не очень сходится с людьми’ / ‘Нам иногда кажется, что он с трудом вливается в коллектив’	описательный перевод

Последний пример является отрывком из романа Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи», переведенный разными переводчиками (Р. Райт-Ковалева и Я. Вал). В английском языке *to be a good mixer* значит ‘быть общительным, легко находить общий язык с людьми’. Переводчики выбрали описательный перевод для передачи данного фразеологизма.

Заключение. Подводя итог, следует отметить, что при переводе фразеологизмов переводчик сталкивается с различными трудностями, касающимися как определения фразеологизма в тексте, так и наличия его эквивалентов и аналогов в переводимом языке. Перевод фразеологизмов – задача, требующая не только глубокого знания языков, но и тонкого понимания культурных различий. При неверной передаче реалии, отображение авторских намерений может быть искажено или потеряно полностью, поэтому важно сохранить не только смысл фразеологизма, но и его образность, эмоциональную окраску, а также культурный контекст.

Список литературы

1. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Эдиториал УРСС, 1961. – 394 с.
2. Влахов, С. Н. Непереводимое в переводе; под ред. В. Россельса / С. Н. Влахов, С. В. Флорин. – Москва: Международные отношения, 1980. – 328 с.
3. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь / Лит. Ред. М. Д. Литвинова / А. В. Кунин. – 4-е изд., перераб. И. доп. – Москва: Рус. яз., 1984. – 944 с.
4. Прокопенкова, М. А. Проблемы перевода фразеологизмов с английского языка на русский [Электронный ресурс] / М. А. Прокопенкова. – URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-perevoda-frazeologizmov-s-angliyskogo-na-russkiy-yazyk/viewer> (дата обращения 04.09.2024)
5. Розенталь, Д. Э. Фразеологический словарь русского языка / Д. Э. Розенталь, В. В. Краснянский. – Москва: Оникс, 2008. – 624 с.
6. Телия, В. Н. Русская фразеология в зеркале национального менталитета (от мировидения к миропониманию) / В. Н. Телия // Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – Москва: Языки русской культуры, 1996. – С. 238–269. – ISBN 5-88766-047-3.

КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ УСПЕШНОЙ АССИМИЛЯЦИИ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «ТЕХНИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД»

Васильева Т. И., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0003-0370-2561,

Хоменко Е. В., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0003-4997-9785

Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Республика Беларусь
eng1@tut.by

Главной целью подготовки студентов в Белорусском национальном техническом университете (БНТУ) является формирование высококвалифицированных специалистов, обладающих не только фундаментальными знаниями в рамках избранной специальности, но и навыками межкультурной профессиональной коммуникации. Иностранный язык в техническом университете не является профилирующей учебной дисциплиной, но мы делаем все возможное, чтобы наши выпускники сделали успешную карьеру не только на внутреннем рынке, но и на международном уровне.

На кафедре английского языка № 1 БНТУ обучающиеся приобретают навыки как устной, так и письменной профессиональной коммуникации. На старших курсах предусмотрено изучение такой учебной дисциплины, как «Технический перевод». Но подготовка к работе в этой сфере перевода осуществляется уже с самого начала занятий. На кафедре разработан авторский курс обучения письменному переводу аутентичных текстов, который проводится уже более 10 лет [1]. Как показывает опыт работы, он весьма успешен. Студенты 3–4 курсов помнят его основные постулаты и творчески применяют их на более высоком уровне профессионального обучения.

Достаточно долгий опыт работы позволил выделить факторы, определяющие успешное усвоение курса. Во главу угла мы ставим первый фактор – *развитие интереса* к изучаемой дисциплине. Это, прежде всего, зависит от преподавателя, который создает активизирующую среду, способствующую как командной работе, так и проявлению индивидуальности каждого члена группы. Студенты не боятся высказывать свое мнение, основанное на их фоновых знаниях, понимая, что оно будет внимательно выслушано и учтено при принятии общего решения для адекватной интерпретации переводческой ситуации, описанной в оригинальном тексте. Здесь действует принцип *не бояться говорить глупости*, но только в рамках изучения курса. Это срабатывает в группах первокурсников, которые еще недалеко ушли от школы, и в группах более взрослых обучающихся, включая студентов заочной формы обучения.

Второй фактор – это *формирование чувства ответственности* за результаты труда переводчика. Последний не является автором текста, но своего рода транслятором информации, которую нужно донести от донора до реципиента. Соблюдаются принципы: передать все реалии переводческой ситуации (по возможности, со всеми нюансами, что не всегда может быть реализовано в связи с различием культурных ценностей); не сказать ничего лишнего, а только выразить интенции автора; не исказить информацию. Очень часто искажение информации происходит из-за недостаточного владения грамматическими правилами. Так, при переводе предложения *They had to do this work* студент не принял во внимание модальную функцию глагола *to have* и дал вариант перевода ‘Они сделали эту работу’, затем, после замечания преподавателя о неверной передаче информации, исправился ‘Они должны были сделать эту работу’. С целью развития переводческого мышления преподаватель попросил уточнить, сделали ли они работу. Студент, подумав, ответил, что такой информации во фрагменте текста нет. Таким образом, студенты учатся думать, а помогает им в этом наставник, задавая различные вопросы о возможных вариантах переводческой ситуации.

Третий фактор – *развитие навыков работы со словарем*. Обучающиеся должны знать, что многие слова (и термины в том числе) полисемичны. В различных подъязыках они имеют четко определенное значение, для чего существуют особые пометки (*тех., юр., эл., мор.* и т.п.). Так, в русском тексте энергетической проблематики при описании турбин употреблялись два термина – лопасти и лопатки. В словарных статьях даются следующие варианты перевода: лопасть ‘*blade, fan; vane* (напр., винта || e.g. of a screw); (wheel) paddle (гребного колеса)’ и лопатка ‘*shovel; trowel, scoop; blade* (турбины || of a turbine)’. Поскольку у студентов еще недостаточно профессиональных знаний, вариантами выхода из затруднительной ситуации могут быть: обращение к толковому словарю или специалисту в рассматриваемой области знания.

Следующий фактор – *редактирование текста*. Если переводчик уверен в том, что у него есть все предпосылки для создания адекватного перевода, макет текста на языке перевода, он должен использовать навыки корреляции двух языков с учетом социокультурного компонента, элементов коннотации. Необходимо применять различные переводческие приемы, с которыми его знакомит преподаватель, без изложения теории переводоведения, а на примере своего собственного опыта переводческой деятельности и аудиторной работы с обучающимися. Так, при переводе слова *thing* на начальном этапе студенты использовали *простой* перевод из Yandex: *the smell of growing things* ‘запах растущих растений’. Большинство студентов группы решило, что пахнет цветами, но преподаватель расширил задачу – ведь молодая листва тоже пахнет весной свежестью – и предложил вариант ‘свежий запах весеннего сада’. Студенты, уже начинающие

мыслить «по-переводчески», расширили ситуацию и высказали предположение, что это может быть парк или даже огород.

Большое значение в этом процессе имеет такой фактор, как *развитие образного и творческого мышления*. В качестве примера развития образного мышления приведем работу со словообразовательными элементами: перевод словосочетания *extramural department* – *extra* ‘дополнительный, добавочный’; первый вариант – ‘дополнительный, добавочный департамент (?)’; переводческая ситуация – речь идет об университете, где никаких департаментов нет, значит, это факультет (?). Думаем над словом *mural*: словарь дает варианты, связанные со словом *стена* – получается в конечном итоге ‘факультет вне стен’, итог обсуждения – ‘заочное отделение’ (наша реалья). Следующий пример: суффикс *-er*, который воплощает образ *делатель*. Предлагаем студентам упражнение с «делателем»: *thinker* ‘думатель’, *speaker* ‘говоритель’, *cracker* ‘делатель трещин’ и т.п. Прочувствовав образ, студенты адаптируют перевод под тему и регистр исходного текста, например, *speaker* ‘оратор, громкоговоритель, диктор, говорящий, рупор’ или даже ‘спикер’, если речь идет о парламенте или о думе. В такой обстановке студенты активизируются и начинают воспринимать окружающий мир немного в другом ракурсе. Здесь действует принцип «не бояться», который работает и при использовании переводческих приемов. Обучающиеся применяют разнообразные приемы: генерализацию/конкретизацию, добавления/ опущения, грамматические и синтаксические замены, компрессию (иногда невозможно передать нюансы!), антонимический перевод, смысловое развитие, компенсацию и т.п. Причем, они не пытаются передать исходный текст «слово в слово», поскольку главная концепция курса – «ничего не бояться».

Итак, главным в успешной реализации задач курса «Технический перевод» мы считаем личность преподавателя-профессионала, имеющего практический опыт в устном и письменном переводе, увлеченном своей работой и делающем все возможное, чтобы заинтересовать студентов и стимулировать их к самостоятельному творчеству – быть креативными посредниками в межкультурной профессиональной коммуникации.

Список литературы

1. Васильева, Т. И. Изучение переводческих дисциплин в техническом университете: пути к творчеству / Т. И. Васильева, С. А. Хоменко // Вариативность и стандартизация языкового образования в неязыковом вузе : Сборник статей по материалам III Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 21 апреля 2020 года. – Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2020. – С. 59–62. – EDN WFJVIZ.

ОДНОВРЕМЕННЫЙ ПОИСК КАК ИНСТРУМЕНТ КОНТЕКСТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА В ДВУЯЗЫЧНЫХ ПАРАХ

Войченко Н. В., канд. фил. наук, доц., ORCID 0009-0000-0806-1869
ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»,
г. Москва, РФ
nv.voichenko@yandex.ru

В настоящее время на сайте Национального корпуса русского языка (НКРЯ) наиболее объемной является английская параллельная двуязычная пара с русским, которая включает 1 438 текстов с более чем 50 миллионами слов (по состоянию на 31. 08. 2024 г., подробно см. www.ruscorpora.ru).

В двуязычных парах поддерживается одновременный поиск в обоих языках запросов любой сложности, что делает его ценным инструментом контекстуального анализа [2]. Например, можно найти предложения с русской лексической единицей *доброта*, которым соответствуют предложения, содержащие английское слово *goodness*. Однако одновременный поиск внутри предложений не ограничивается лишь переводными эквивалентами: так, рус. *доброта* и англ. *heart* появятся в результатах и в качестве нетривиального соответствия (пример 1), и как переводческая трансформация (пример 2), и как элемент контекста (пример 3):

(1) В нем не было ни совести, ни *доброты*, ни честности, хотя никто же не мог назвать его положительно злым человеком. [И.С. Тургенев. Три портрета (1846)]

He had no conscience, no *heart*, no principle, though no one could have called him positively a bad-hearted man. [Ivan Turgenev. Three Portraits (Constance Garnett, 1899)]

(2) Эту печальную и смешную историю – более печальную, чем смешную, – рассказывал мне как-то один приятель, человек, прошедший самую пеструю жизнь, бывавший, что называется, и на коне и под конем, но вовсе не утративший под хлыстом судьбы ни *сердечной доброты*, ни ясности духа. [А. И. Куприн. Как я был актером (1906)]

I have this sad and laughable story, which is more sad than laughable, from a friend who had lived a most colourful life and had been both the rider and the horse, as the saying goes, but who, despite the cruel blows of fate, had kept both *a kind heart* and a lucid mind. [Aleksandr Kuprin. I was an actor (Stepan Apresyan, 1982)]

(3) He had previously been hated by the Dutch because of his Spanish or Portuguese blood, but by his *goodness* and activity in their hour of disaster, he won all *hearts* to gratitude. [Mary Mapes Dodge. Hans Brinker or the Silver Skates (1865)]

Раньше голландцы ненавидели его, так как он был испанцем или португальцем, а значит, представителем чужеземных захватчиков, но, когда пришла беда, он своей *добротой* и деятельностью заслужил всеобщую благодарность. [Мэри Мейпс Додж. Серебряные коньки (М. И. Клягина-Кондратьева, 1941)]

Поиск на двух языках открывает новые возможности сбора и классификации материала для контекстуального анализа, в том числе

позволяет провести категоризацию контекстов по переводному эквиваленту и тематике, а также уточнить семантику лексической единицы в определенных контекстных условиях.

1. Категоризация контекстов в соответствии с переводным эквивалентом.

Согласно данным параллельного корпуса НКРЯ, наиболее частым переводным соответствием для русской лексической единицы *доброта* является англ. *kindness*, о чем свидетельствуют 290 примеров против 83 случаев употребления англ. *goodness*. Функция одновременного поиска позволяет выделить примеры употребления каждого переводного эквивалента, систематизировать их контекстные условия, а также сформировать представление об их семантических различиях.

2. Уточнение семантики лексической единицы контекстными условиями.

Обратимся снова к англ. *heart* как к частому элементу контекстов о *доброте*. Одновременный поиск на двух языках позволил выделить шестьдесят четыре примера, в которых рус. *доброта* употребляется с англ. *heart*, при этом более половины из них в направлении перевода от русского к английскому. Анализ контекстных условий выявил, что англ. *heart* может являться частью устойчивых выражений типа “*out of (in the) kindness / goodness of heart*” (рус. «*по доброте (душевной)*»), элементом указательного минимума в тексте оригинала (пример 5) или способом усиления семантики переводной единицы (пример 6):

(4) Матушка ваша *по доброте своей* и лекарям меня показывала, и в больницу посылала. [И. С. Тургенев. Живые мощи (1874)]

Your mamma, *in the kindness of her heart*, made me see doctors, and sent me to a hospital. [Ivan Turgenev. A Living Relic (Constance Garnett, 1895)]

(5) Тогда же он и со мной примирился, что и свидетельствует о чрезвычайной *доброте* его тихого и незлопамятного *сердца*. [Ф. М. Достоевский. Бесы (1872)]

Then he made friends with me again, which is a proof of the extreme *kindness* of his gentle and unresentful *heart*. [Fedor Dostoevsky. The Possessed, or The Devils (Constance Garnett, 1913)]

(6) Вы вот дивитесь на Павлищева, вы всё приписываете его сумасшествию или *доброте*, но это не так! [Ф. М. Достоевский. Идиот (1868-1869)]

You say you are surprised at Pavlicheff's action; you ascribe it to madness, to *kindness of heart*, and what not, but it is not so. [Fedor Dostoevsky. The Idiot (Eva Martin, 1915)]

Согласно Oxford English Dictionary, *heart* трактуется как ‘*kindly feeling, cordiality, heartiness*’, а в самом общем смысле как ‘*the seat of love or affection*’ [3]. Таким образом, англ. *heart* становится основным контекстуальным эквивалентом рус. *душа, дух, сердце* и транслирует идею любви как основы доброго чувства и отношения:

(7) Наконец, если ты, *ангел доброты*, жалеешь до сих пор этого мальчика, жалеешь до такой степени, что не хочешь даже выйти замуж при его жизни (как я догадываюсь), то подумай, что, выйдя за князя, ты заставишь его воскреснуть *духом*, обрадоваться! [Ф. М. Достоевский. Дядюшкин сон (1858-1859)]

And if you, my *angel of kindness*, are unwilling to marry, even now, out of tenderness for that wretched boy's feelings, oh, think, think how, by marrying this prince, you will rejoice his *heart* and soothe and comfort his *soul*! [Fedor Dostoevsky. *Uncle's Dream* (Fred Whishaw, 1888)]

3. Определение тематики и идеи контекста.

Идейное содержание контекста оказывает особое влияние на семантику входящих в него лексических единиц. Дополнительно к контекстам с англ. *heart* в двуязычной паре нашлось тридцать четыре предложения с единицей *love*, например:

(8) – Вот в Библии... Бог не назван ни *добротой*, ни справедливостью... Он назван *любовью*... [Светлана Алексиевич. *Время секонд хэнд* (2013)]

– In the Bible... God isn't called *goodness* or justice... God is *love*... [Svetlana Alexievich. *Secondhand Time* (Bela Shayeovich, 2016)]

Что же касается идеи христианской любви, то поиск рус. *доброта* в сочетании с англ. *God, Lord, Bible, Christian, angel* позволил выделить еще двадцать пять контекстов, не включая анализ добродетелей и других христианских понятий.

Таким образом, функция одновременного поиска в двуязычных парах способствует не только быстрому и качественному сбору контекстуального материала, но и позволяет эмпирически проверить многие гипотезы относительно контекстных условий. Описание процесса и результатов поиска на двух языках может стать важной частью научно-исследовательской деятельности по апробации новой платформы корпуса в конкретных лингвистических исследованиях [1].

Список литературы

1. Савчук, С. О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А. А., Дони́на О. В., Кузнецова Ю. Н., Ляшевская О. Н., Орехов Б. В., Подрядчикова М. В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития. *Вопросы языкознания*, 2024, 2: 7–34.
2. Сичинава, Д. В. Параллельные тексты в составе национального корпуса русского языка: новые языки и новые задачи // *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова*. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки. – М., 2019. – 328 с. – С.41-60.
3. OED = Oxford English Dictionary, Third Edition. URL: <https://www.oed.com/> (дата обращения 31.08.2024).

СЕМАНТИЧЕСКИЕ МАНИПУЛЯЦИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ ПРИ ВЕДЕНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННЫХ ФРАНЦУЗСКИХ СМИ

Гапотченко Н. Е., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0003-3813-0364
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ,
nadejdagapotchenko@mail.ru

Изучение лингвистической креативности восходит в концепции Ф. де Соссюра к утверждению о языке как коллективном продукте, системе; речи как индивидуальному выбору из существующей системы языка.

Лингвистическая креативность неоднократно являлась предметом исследования отечественных лингвистов: А. Ю. Багиян, А. В. Галкиной, Л. Н. Головановой, Г. А. Халюшовой, Т. В. Тюленевой и др.

Реализация лингвистической креативности в речи возможна благодаря использованию уместных коммуникативных стратегий, свойственных языковой личности. Лингвистическая креативность представляет способность языковой личности избирательно подходить к арсеналу средств того или иного языка, актуализируя их в устной или письменной речи не только в традиционных коммуникативных ситуациях, но и в неожиданных контекстах.

Кроме того, знания системы языка позволяют носителю творчески подходить к созданию речевых сообщений, применяя разнообразные лингвистические приемы, авторские неологизмы, метафоризацию и расширение узуальной семантики слов для достижения коммуникативной интенции.

Лингвистическая креативность предполагает не только знание норм и системы языка, но также переосмысление существующих в языке единиц и приемов, вербализацию результата умственной деятельности в полноценное речевое произведение [3, с. 59-60].

В условиях современной цивилизации СМИ играют важнейшую роль в распространении разнообразной информации. Пресса и Интернет демонстрируют возможность деструктивного дистанционного влияния на общество путем «промывания мозгов», информационной обработки населения, информационной блокады и т.д.

В результате коммуникации в ходе информационной войны существенно изменяется представление человека о внешнем мире, а информационное вторжение может представлять серьезную опасность для ее получателя [2]. Все действия в ходе информационной войны осуществляются с одной целью – добиться определенных изменений в поведении, личной позиции человека и т.д. Человек, у которого в ходе

ведения информационной войны выработалось искаженное восприятие тех или иных событий, ценностей, более активно реагирует на искаженные факты. В будущем он склонен воспринимать все события с позиций закрепленного у него искаженного мировосприятия и, в том числе, лингвокультурного кода.

Современные французские печатные национальные, региональные; ежемесячные, еженедельные, ежедневные издания СМИ пользуются большой популярностью у франкоязычного населения. На сегодняшний день у всех крупных изданий прессы есть свой сайт. Наиболее популярными изданиями являются газеты *Le Figaro*, *Le Monde*, *Le Parisien*, *France-Soir*, *Libération*; журналы *Paris-Match*, *Express*, *Le Point*, *Le Nouvel Observateur* и т.д. Вышеуказанные издания представляют достойную конкуренцию телевидению и радио.

Активно употребляемым во французских СМИ является метод семантического манипулирования (выбора языковых средств, слов с определенной семантикой с целью формирования у социального адресата определенных позитивных и негативных образов и ассоциаций, влияющих на общее восприятие информации).

Семантические манипуляции могут использоваться во французских СМИ в сочетании с пропагандистскими приемами. Например, навешиванием ярлыков (в терминологии А. Г. Голодова политическая стигматизация) [1, с. 5-12], чтобы вызвать у публики страх или предубеждение по какому-либо поводу, негативную оценку:

Pékin promeut une mondialisation « aux caractéristiques chinoises » « Après le conflit en Ukraine, la guerre entre Israël et le Hamas menace à son tour de freiner une croissance mondiale déjà anémiée » (<https://www.lemonde.fr>)

Семантическое манипулирование может сочетаться со ссылкой на авторитетное мнение. При использовании данного приёма цитируются (частично вне контекста) высказывания об определённой ситуации. В данном примере названия статьи французы, как настоящие демократы, позволили себе критиковать своих политиков. Кроме того, используются аллитерация и ассонанс в сочетании с политически клишированным неологизмом *макрония* для создания впечатления осведомлённости говорящего и для придания образу важности или даже уникальности:

Loi immigration : pour prouver qu'elle existe, l'aile gauche de la macronie résiste

Président de la commission des Lois de l'Assemblée, Sacha Houlié, prévient dans le Figaro : *«Le ministre de l'Intérieur veut que son projet de loi soit adopté au Sénat. C'est son rôle. Notre rôle à nous est de le faire voter à l'Assemblée, qui a le dernier mot. A l'Assemblée, nous rétablirons le texte ambitieux de l'exécutif, tout le texte de l'exécutif. Y compris le volet sur les régularisations.»* (<https://www.liberation.fr>)

Кроме того, в современных французских СМИ образные средства становятся орудием актуализации и навязывания в СМИ заведомо ложных истин:

Navalny est le prisonnier personnel de Poutine

Le 22 janvier à 15 heures se tiendra un rassemblement de soutien à Alexei Navalny et à tous les prisonniers politiques de Russie, organisé par Russie Libertés place du Trocadéro à Paris. Dans une tribune au « Monde », Lev Ponomarev, président de l'Institut Sakharov, exhorte les Parisiens à l'y rejoindre (<https://www.lemonde.fr>)

Информационные войны – одна из реалий современного мира. В подавляющем большинстве случаев речь идет о формировании негативного образа противника, соперника, очернении противоборствующей стороны в текстах СМИ. Создаваемые образы представляют субъективную оценку говорящего журналиста, редакции, как правило, даже если и справедливую, то одностороннюю, не учитывающую все обстоятельства, замалчивающие факты, несимпатичные редакции или журналисту. Конвергентное использование семантических манипуляций, использование семантических манипуляций в связке с пропагандистскими приемами (ярлыки, клише, цитаты и т.д.) служат одним из лингвокреативных инструментов информационной войны.

Список литературы

1. Голодов, А. Г. Политическая стигматизация как вербальная технология информационной войны (на материале немецкой массовой прессы) / А. Г. Голодов // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал* / отв. ред. В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2021. – Т. 17. – Вып. 1 (51). – С. 5–12.
2. Коцюбинская, Л. В. Понятие «Информационная война» в современной лингвистике: новые подходы / Л. В. Коцюбинская // *Политическая лингвистика*. 2015. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-informatsionnaya-voyna-v-sovremennoy-lingvistike-novye-podhody> (дата обращения: 03.11.2023).
3. Шамов, А. Н. Языковое сознание в овладении лексической стороной иноязычной речи: Монография / А.Н. Шамов. – Н. Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2014. – 323 с.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ОБРАЩЕНИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Глоба Т. Н., канд. пед. наук, доц., ORCID 0000-0002-9379-8490,

Коротаева К. Р., ORCID 0009-0004-0692-2644

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

t.globa@donnu.ru, katalinastr7@mail.ru

Обращение – слово или сочетание слов, обозначающее лицо или предмет, которому адресована речь. Обращение обычно выражается именительным падежом существительного. В качестве обращений выступают собственные имена людей, названия лиц по степени родства, положению в обществе, по профессии и занятию, должности и званию, национальному, гендерному и возрастному признаку. Обращения играют важную роль в межкультурной и межличностной коммуникации, поэтому возникает необходимость изучения перевода обращений как важных коммуникативных единиц.

Цель нашей работы заключается в том, чтобы на основе франкоязычного материала показать особенности перевода форм обращений французского языка, отражающих материальную и духовную культуру французской нации. **Объектом** исследования выступают обращения французского языка в письменной речи. **Предметом** исследования – лингвистические особенности передачи различных групп обращений при переводе с французского языка на русский.

Изучению особенностей обращений в русском и во французском языках посвящены научные работы таких отечественных и зарубежных лингвистов: В. Г. Гака, В. В. Виноградова, В. Е. Гольдина, Н. И. Формановской, К. А. Долинина, Л. М. Рязановой, П. Гарднер-Хлорос, Дж. Браун.

Материалом исследования послужил текст пьесы Альбера Камю ‘Caligula’ в оригинале (на французском языке), роман ‘L'Étranger’; отрывки романов Рене Беллето ‘Sur la terre comme au ciel’, Пьера Бенуа ‘Le déjeuner de Sousceyrac’, Дени Ланглуа ‘Le Cachot’.

Согласно В. Г. Гаку, следует различать две разновидности обращения: обращение, выполняющее призывную (апеллятивную) функцию: *Homme et femme, où êtes-vous? (Мужчина и женщина, где вы?)* [5, с. 4] и обращение, носящее оценочно-характеризующий характер: *Ça t'embête bien de te quitter, mon petit Philippe, tu sais (Знаешь, мне очень тяжело расставаться с тобой, мой Филиппушка* [6, с. 33]), [1, с. 188]. В современном французском языке, как и в других языках, обращение в первичной (апеллятивной) функции, как правило, выражено существительными; для наименования лиц употребляются имена собственные и нарицательные, причем этот широкий пласт лексики разнообразен по семантике.

В свою очередь, каждое обращение выполняет одну из коммуникативных функций в речи: номинативную (называет лицо, к которому обращается адресант: *Je vous laisse, monsieur Meursault (Покидаю Вас, господи Мерсо)* [5, с. 11]), вокативную (привлечение внимания адресанта в целях вызвать у него реакцию: *'Femme, je suis ici. Abaisse ton regard sur le sol !'* (Я здесь, женщина. Опусти взгляд на землю!) [5, с. 6] и этикетную (обозначение статуса коммуникантов, степени их близости: *'Que voulez-vous, cher Maître, il y a une loi qui est valable pour tout le monde'* (Чего же Вы хотели, хозяин, существует закон, который распространяется на всех) [6, с. 45].

В ходе исследования выделено три группы обращений:

- 1) обращения обычной вежливости;
- 2) обращения, выраженные именами собственными;
- 3) обращения, выраженные названиями титулов, профессий, званий и должностей.

В результате исследования выделено 188 ЛЕ, из них: обращений обычной вежливости – 12 ЛЕ (6% от общего количества выборки), обращений, выраженных именами собственными – 171 ЛЕ (90%), обращений, выраженных названиями титулов, профессий, званий и должностей – 5 ЛЕ (4%).

При переводе обращений используются традиционные приемы перевода, а также их комбинирование. Наиболее широко применяемые приемы перевода – модуляция, переводческая транскрипция и калькирование. Однако частота использования того или иного приема зависит от типа обращения и направленности перевода (фр. – рус. или рус. – фр.).

В основном, при переводе обращений прибегают к следующим приемам: модуляция при переводе обращения обычной вежливости (на 12 ЛЕ - 8 приемов (66% от общего количества выборки): передача обращений обычной вежливости обусловлена самим переводчиком и его желанием (или отсутствием этого желания) передать национальный колорит в переводе: вместо 'госпожа' оставить 'мадам' или 'мсье' заменить на 'господин'; формы обращений *mon ami* – 'мой друг', *ma jolie* – 'моя радость', *mon garçon* – 'мой мальчик' были переданы при помощи дословного перевода для сохранения национального колорита и особой обстановки между персонажами; переводческая транскрипция при переводе имен собственных (на 171 ЛЕ 162 приема (94%)): при переводе имени *Caligula* был использован прием транслитерации; прямой перенос (на 5 ЛЕ 3 приема (60%) – титулов, профессий, должностей: в случае перевода должностей *intendant* и *soldats* использовался прием семантического перевода – 'управитель' и 'воины' [7, с. 77, с. 86].

В рамках исследования было установлено, что далеко не все обращения имеют в ПЯ точные, однозначные соответствия. Переводчики зачастую должны искать свое решение, которое может быть обусловлено

факторами лингвистического и экстралингвистического характера. Обращение является носителем национально-культурного колорита и важным элементом этикетной составляющей языка. В связи с этим стоит заметить, что исследование вопроса передачи обращений с французского языка на русский представляет существенный теоретический интерес как часть более общего вопроса о возможности достоверного воспроизведения национального и исторического своеобразия подлинника с помощью средств того языка, на который делается перевод.

В данной работе были представлены лишь общие тенденции в отношении причин используемых приемов перевода. Более детальный анализ каждой группы обращений в отдельности, включающий в себя попытку описания всех или основного количества единиц одной из групп, например, обозначений профессий и званий, представляет живой научный интерес. В частности, более масштабное изучение характеризующих обращений с попыткой выявления закономерностей функционирования и передачи данных единиц может стать перспективным направлением для дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. Учеб. для ин-тов и фак. Иностр. Яз. / В. Г. Гак. – Москва: Высш. Школа, 1986. – 220 с. – ISBN 978-5-91304-930-8.
2. Зубрина, Л. Н. Предложения с обращениями: 2-е изд. / Л. Н. Зубрина, В. Ф. Мейерова. – Иркутск : Изд-во Иркутского университета, 1989. – 117 с. – ISBN 5-7430-0151-0.
3. Кручинина, И. Н. Обращение. / И. Н. Кручинина // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва, 2002. – 400 с. – ISBN 5-85270-239-0.
4. Формановская, Н. И. Речевое обращение: коммуникативно-прагматический подход / Н. И. Формановская. – Москва: Русский язык, 2002. – 216 с. – ISBN 5200031923.
5. Belletto, R. Sur la terre comme au ciel. / R. Belletto. – Paris : J'ai lu. – 1991. – 347 p.
6. Benoît, P. Le déjeuner de Sousceyrac / P. Benoît. – Copenhague : Grafisk Forlag, 1978. – 94 p.
7. Camus, A. Caligula suivi de Le Malentendu. / A. Camus. – Paris : Les Éditions Gallimard, 1958. – 229 p.

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Гучок К. О., ORCID 0009-0000-8528-2411

ГБОУ «Гимназия № 107 городского округа Донецк», г. Донецк, РФ
256ealia256e.guchock@yandex.ru

Введение. Актуальные проблемы переводоведения и межкультурной коммуникации представляют собой сложную и многослойную область исследований, в которой важным аспектом является понимание не только языковых, но и культурных нюансов. В условиях глобализации, когда обмен информацией между разными культурами происходит ежедневно, перевод становится не просто передачей слов, а своеобразным мостом, который соединяет различные мышления и мироощущения. Одной из главных проблем является сохранение эквивалентности при переводе, которая отображает смысл и эмоциональную окраску исходного текста [1].

Цель исследования – раскрыть сущность фразеологических единиц, рассмотреть проблемы перевода.

Основная часть. В исследовании приводится определение фразеологических единиц, их роли в языке и культуре, и подчеркивается, что фразеологизмы могут содержать как литературные, так и коллоквиальные элементы, что делает их трудными для адекватного восприятия и передачи на другой язык. Мысль о том, что фразеологизмы часто включают в себя культурные ассоциации, является ключевой в этом исследовании.

Фразеологические единицы могут отражать традиции, обычаи и менталитет народа, к которому принадлежит исходный текст, что требует от переводчика не только знания языка, но и культурного контекста. Успешный перевод фразеологических единиц требует глубокого понимания как языковых, так и культурных аспектов, что представляет собой вызов для переводчиков [2].

Переходя к изучению перевода художественных текстов, нельзя не упомянуть о таком сложном и многогранном аспекте, как фразеологические единицы. В литературе фразеологизмы часто играют ключевую роль в передаче идей, эмоций и культурных особенностей. Однако их перевод может ощутимо осложнять процесс, требуя от переводчика не только лексической, но и культурной компетенции. В данной статье мы рассмотрим основные проблемы перевода фразеологических единиц и способы их решения. Перевод художественных текстов – это не просто задача по замене слов из одного языка на другой. Это тонкий, многослойный процесс, который требует от переводчика глубокого понимания не только

лексики и грамматики, но и культуры, контекста, а также особенностей художественного стиля автора. Особую трудность представляют фразеологические единицы, которые играют важную роль в передаче смысла и эмоций произведения [6].

Рассмотрим, что же такое фразеологические единицы. Фразеологизмы – это устойчивые выражения, состоящие из нескольких слов, которые обладают фиксированным значением и не поддаются дословному переводу. Они не только обогащают текст и делают его более выразительным, но и служат непеременимым элементом создания авторского стиля. Они являются неотъемлемой частью любого языка и часто содержат культурные и исторические отсылки. Например, русское *бить баклуши* ‘бездействовать’ не имеет точного аналогичного выражения в английском языке, такие фразеологизмы, как *в котлах кипит, на войне, как на войне*, которые в определённом контексте могут иметь богатые ассоциативные связи [3].

В переводоведении существуют следующие проблемы перевода фразеологических единиц:

1. Культурные различия: каждая культура имеет свои уникальные фразеологизмы, которые могут не иметь прямых аналогов в других языках. Перевод «слово в слово» может привести к непониманию, поэтому переводчику необходимо найти способ передать ту же смысловую нагрузку. Например, английское высказывание *to kick the bucket* ‘умереть’ не имеет прямого русского аналога и его перевод будет зависеть от контекста.

2. Смысловая многозначность: некоторые фразеологизмы могут иметь несколько значений. В таком случае переводчик должен исходить из контекста, чтобы выбрать наиболее подходящий вариант. Например, *смыть позор* может означать как ‘избавиться от стыда’, так и ‘поправить репутацию’, в зависимости от сюжета.

3. Стилиевые особенности: важно учитывать стиль произведения. Художественные тексты требуют не просто передачи информации, но и сохранения тональности, эмоций и настроения. Использование фразеологического эквивалента в другом языке, который изменяет стиль, может разрушить восприятие читателя.

4. Лексическая пустота: некоторые фразеологизмы в одном языке могут отсутствовать в другом. Переводчик иногда оказывается перед выбором: искать эквивалентное выражение, которое будет передавать аналогичный смысл, или же объяснять его содержание в тексте, что может нарушить ритм и структуру оригинала [5].

Существуют следующие способы решения проблем перевода:

1. Подбор аналогов: не всегда возможно сохранить форму фразеологизма, но часто можно найти эквивалент, который будет выполнять ту же функцию. Например, вместо *по уши в долгах* можно использовать *in deep water*.

2. Калькирование: это создание нового устойчивого выражения на основе оригинального, которое будет понятно носителям языка. Хотя это может ухудшить точность перевода, такая стратегия часто помогает сохранить стилистическую цельность текста.

3. Контекстуальный перевод: в некоторых случаях целесообразно заменить фразеологизм описательным выражением или аналогом, которое лучше объяснит смысл данной фразы для целевой аудитории. Например, *плыть по течению* можно перевести как «присоединиться к общему мнению» [4].

4. Описательный перевод: если фразеологизма не существует в языке перевода, можно применить описательный подход, чтобы объяснить его значение, даже если это приведет к некоторому увеличению объема текста.

Заключение. Проблема перевода фразеологических единиц в художественных текстах – это вызов, который требует от переводчика глубоких знаний языка, культуры и колоссального опыта. Успех перевода во многом зависит от способности переводчика не просто передать слова, но и сохранить смысл, атмосферу и эмоциональную окраску оригинала. В конечном итоге, качественный перевод может не только передать литературные особенности, но и обогатить целевую аудиторию новым культурным опытом. Успешный перевод может передать не только смысл оригинала, но и тот уникальный стиль и атмосферу, которая характерна для произведений авторов.

Список литературы

1. Балли, Ш. Язык и жизнь / Ш. Балли; Пер. с фр. И. И. Чельшевой и Е. А. Вельмезовой; Вступ. ст. В. Г. Гака. – Москва : УРСС, 2003. – 230 с. – ISBN 5-354-00227-3.
2. Булаховский, Л. А. Введение в языкознание. / Л. А. Булаховский. – Москва : Учпедгиз, 1954. – Ч. 2. – 174 с.
3. Кунин, А. В. Английская фразеология : (Теоретический курс) / А. В. Кунин. – Москва : Высш. Школа, 1970. – 342 с.
4. Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь = English-Russian phraseological dictionary : English-Russian phraseological dictionary : ок. 20000 фразеол. Единиц / А. В. Кунин. – 6-е изд., испр. – Москва : Живой язык, 2005. – 942 с. – ISBN 5-8033-0339-9.
5. Смирницкий, А. И. Лексикология английского языка [Текст] / проф. А. И. Смирницкий ; Подгот. К печати и отред. Канд. филол. наук В. В. Пассек. – Москва : Изд-во лит. На иностр. Яз., 1956. – 260 с.

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ СТРОИТЕЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Квач Ю.А., ORCID 0009-0002-0140-347X

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
yu.kvach@mail.ru

Введение. В современной науке не угасает интерес к изучению подязыков различных отраслей науки и техники, важное место в которых занимает терминология. Развитие международных отношений в профессиональных сферах требует качественного адекватного перевода, которого невозможно достичь без надлежащего перевода отраслевой терминологии.

Изучением перевода терминов различных отраслей знаний, в частности, технического перевода, занимались такие исследователи, как Я.И. Рецкер (1974), В.М. Лейчик (1990), Е.Н. Базалина (2009), И.Н. Ремхе (2006), С.Л. Васильева и М.Е. Савинцева (2017), Н.Г. Кондрахина и Н.Е. Южакова (2020) и многие другие.

Объектом настоящего исследования выступают английские термины строительства и их русские эквиваленты. **Предметом** исследования являются способы передачи английских строительных терминов на русский язык.

Цель исследования – выявить основные способы перевода английских строительных терминов на русский язык.

Материал исследования составляют 1553 английских термина и их русские эквиваленты, отобранные из отраслевых словарей [2; 3; 4] и электронных версий профессиональных журналов.

Основная часть. Традиционно в отечественном переводоведении выделяют такие способы перевода терминов, как калькирование, беспереводное заимствование, описательный перевод, трансформационный перевод и перевод при помощи эквивалента.

Согласно полученным в результате проведенного исследования данным наибольшее количество терминов переведено при помощи **калькирования** (561 пример, 36,1% от общего количества терминов), что закономерно ввиду того, что большая часть эмпирического материала состоит из сложных слов и терминологических сочетаний. Например, *accent wall* ‘акцентная стена’, *acrylic stoving enamel* ‘акриловая горячая эмаль’, *weather barrier* ‘погодный барьер’.

Несмотря на высокую продуктивность данного способа, его применение без искажения восприятия возможно лишь в том случае, когда природа термина совершенно прозрачна. В ином случае, как у переводчика,

так и у читателя могут возникнуть трудности с пониманием. Например, при переводе термина *float glass* ‘флоат-стекло’ применяется полужаргонизм, в результате чего не до конца ясной остается первая часть термина – *float* (досл. ‘плыть’). Флоат-стекло – стекло, полученное наливом расплавленной стекломассы («флоат-метод») на слой расплавленного легкоплавкого металла, обычно олова.

Не каждое терминологическое сочетание можно перевести при помощи калькирования, что приводит к необходимости применения некоторых преобразований на лексическом и грамматическом уровнях, т.е. применение трансформационного перевода, который в исследованном материале занимает второе место по продуктивности (284 примера, 18,3 %).

Под **трансформационным переводом** понимается перевод, в процессе которого изменяется смысловая структура и внутренняя форма английского слова. Например, при переводе термина *solar gain* ‘солнечный нагрев’ на русский язык происходит замена английского слова *gain* русским словом ‘нагрев’. При передаче на русский язык английского термина *flying stairs* ‘воздушная лестница’ трансформации подвергаются оба элемента исходного терминологического сочетания. Так, прилагательное *flying* (досл. ‘парящий’) передается на русский язык прилагательным ‘воздушный’, при этом сохраняется заложенная в оригинале метафора легкости и полета, а существительное *stairs* во множественном числе, которое может в английском обозначать как ‘ступени’, так и ‘лестница’, на русский язык передается существительным в единственном числе.

Я.И. Рецкер трактует трансформационный перевод в более широком смысле и отмечает, что термины в английском и русском языке создавались независимо друг от друга, а, следовательно, имеют различную структуру и форму благодаря историческим процессам, а не в результате применения трансформационного перевода [1].

Согласно такому подходу к трансформационному переводу можно отнести и термины, которые передаются на русский язык при помощи **эквивалента** (428 примеров, 27,6 %), например, *sun-baked brick* ‘саман’, *fronton* ‘фронтон’, *crown* ‘замок (арки)’. Достаточно большое количество терминов, переведенных при помощи эквивалента, свидетельствует о высоком уровне развития строительной терминологии и ее системности в английском и русском языках.

В том случае, когда эквивалент в языке перевода отсутствует, применяется **описательный перевод** (273 примера, 17,6 %). Данный способ перевода заключается в раскрытии значения термина при помощи развернутого описания, например, *capping* ‘верхний ряд каменной кладки’, *patent stone* ‘бетонный блок, облицованный каменной крошкой’. Невысокая продуктивность данного способа для перевода терминов объясняется его громоздкостью при использовании в профессиональной коммуникации, однако он позволяет максимально раскрыть значение термина, что особенно

важно при переводе терминов, обозначающих новые явления в профессиональной сфере. В связи с этим переводчики нередко прибегают к комбинированию данного способа перевода с другими, более компактными, – такими, как беспереводное заимствование или калькирование. Так, например, английский термин *beaverboard* на русский язык может передаваться как при помощи транскрипции ‘биверборд’, так и при помощи описательного перевода – ‘жесткий строительный картон’.

Прием **беспереводного заимствования**, который включает в себя перевод при помощи транскрипции или транслитерации, показал в исследованном материале наименьшую продуктивность (7 примеров, 0,4 %). При помощи данного способа передаются единичные английские строительные термины, например, *telegraphing* ‘телеграфинг’, *biocomposite* ‘биокомпозит’. Преимуществом данного способа передачи терминов является краткость и удобство употребления в профессиональной коммуникации, однако при этом он не позволяет полноценно раскрыть значение термина, что противоречит одному из важных критериев терминологичности лексической единицы – прозрачности семантики.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что при выборе способа перевода представляется необходимым учитывать принцип системности терминологии данной области знания, а также степень раскрытия семантики переводимого термина подобранным эквивалентом. Именно поэтому при передаче достаточно большого количества терминов с английского языка на русский применяются переводческие трансформации или используются эквиваленты, которые позволяют наиболее точно передать заложенное в исходный термин значение.

Список литературы

1. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – Москва : Изд-во Междунар. отношения, 1974. – 216 с.
2. Российская архитектурно-строительная энциклопедия / гл. ред. Басин Е. В. Строительство высотных зданий и сооружений. – Москва, 2010. – 508, [3] с.
3. Широкова, Л. Н. Новый англо-русский и русско-английский словарь по архитектуре, строительству и недвижимости / под ред. Проф. И.С. Ивянской-Гессен. – Москва: Живой язык, 2009. – 528 с. – ISBN: 978-5-8033-0588-0.
4. Davies N., Jokiniemi E. Dictionary of architecture and building construction / N. Davines, E. Jokiniemi. – Oxford, Elsevir, 2008. – 737 p. – ISBN: 978-0-7506-8502-3.

ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА ФРАНЦУЗСКИХ РЕАЛИЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Кирьянова М. А., ORCID 0009-0004-2266-5086,

Аргунеев Э. П., ORCID 0009-0001-6216-9640

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург, РФ

kiranovarital@gmail.com

Введение. Язык любого народа неразрывно связан с историей, культурой и социальной жизнью его представителей. К тому же язык является фактором, формирующим сознание людей. Из-за этого с течением времени в каждом языке появились особые слова, обозначающие характерные только для данного народа явления и понятия, которые получили название «реалии». Переводчики в процессе своей деятельности сталкиваются с проблемой передачи таких понятий, ведь носителям другого языка просто не будет понятно, о чем идет речь, поскольку в их культуре такое просто не встречается.

Реалиями называется лексика с национально-культурной семантикой, которая присуща только данному народу. Реалии проявляются во всех сферах жизни общества. Связано это с тем, что язык является средством накопления и передачи национальной информации, присущей каждому народу.

К реалиям могут относиться не только слова и выражения, но и сокращения и даже целые предложения. Так как они обозначают предметы и явления, свойственные одной культуре, реалии относят к безэквивалентной лексике. Она не подлежит переводу и не имеет аналогов в других языках. Это обуславливается различиями укладов жизни различных народов и этнических групп [1].

Так, Г.Д. Томахин выделяет три большие группы реалий:

- 1) ономастические;
- 2) реалии, образованные аппелятивной лексикой;
- 3) денотативные и коннотативные реалии.

По классификации В.Н. Крупнова можно выделить три способа перевода безэквивалентной лексики, к которым относятся перевод общего смысла реалии, перевод путем транскрипции и соответствующим пояснением значения в скобках и описательный перевод [3].

С.П. Романов и А.Л. Коралова предлагают следующие способы передачи реалий на другом языке:

- 1) транскрипция и транслитерация;
- 2) калька;
- 3) функциональное соответствие;
- 4) описание, или комментарий [4].

Все вышеперечисленные методы имеют свои преимущества и недостатки, из-за чего часто в процессе перевода их приходится комбинировать между собой.

Не менее важным фактором при выборе способа перевода реалий является личность самого переводчика, ведь именно его ценностные ориентиры и переводческая установка во многом определяют и те средства, которые выбирает для передачи реалий на другом языке.

Основная часть. Первым, кто выделил реалии из всей безэквивалентной лексики был А.Ф. Федоров, который предложил три способа их перевода:

- 1) транслитерация, которая делится на полную и частичную;
- 2) создание нового понятия;
- 3) приблизительный перевод [5].

В настоящее время выделяют следующие способы передачи реалий:

1. Приемы механической передачи, к которым относятся транскрибирование, транслитерирование и прямой перенос без каких-либо изменений.

2. Приемы создания нового слова. К ним принято относить полное калькирование, частичное калькирование и авторские неологизмы.

3. Разъясняющие примеры, такие как описания и пояснения.

4. Уподобляющие приемы, к которым относятся замена своим аналогом, замена чужим аналогом, родовидовые замены и контекстуальные аналоги [1].

Так, например, французские реалии могут передаваться следующими способами:

1) транслитерация (*Je crois que je la connais ! On était à la commune ensemble!* (Еще бы мне ее не знать! Мы вместе ходили в коммунальную школу!))

2) транскрипция (*Elle est où ta vieille ? – À Tours.* (Куда отвезли твою бабушку? – Она в больнице в Туре.)

3) калькирование (*Pour le reste, vous verrez ça avec votre CNAM...* (Все остальные проблемы решит НКМП...)

CNAM – *companie nationale d'Assurance Médical*

НКМП – национальная компания медицинской помощи)

4) полукалька (*Elle logeait au septième étage de l'escalier de service d'un appartement cossu qui donnait sur le Champs-de-Mars et elle se sentait en haut de la Tour Eiffel.* (Она жила на восьмом этаже роскошного дома, выходившего на Марсово Поле, и в этом смысле – о да! – место было шикарным (...) можно было увидеть верхушку Эйфелевой башни.)

5) описательный перевод (*Camille se décida enfin à se rendre dans un magasin quelconque pour améliorer ses conditions de survie.* (Камилла решила, наконец, отправиться в хозяйственный магазин, чтобы хоть как-то улучшить свои жилищные условия)).

б) трансформационный перевод
(Trois petites notes de musique,
On plié boutique,
Au creux du souvenir...
С'en fini d'leur tapage,
Elles tournent la page,
Et vont s'endormir...
(Три маленькие нотки – весёлый мотив-
Сбежали от меня, звук с собой прихватив.
Но я их в сердце сохраню своём,
Исчезнет грусть, и мы споём!)) [2].

Заключение. Таким образом, решение вопроса о выборе определенного приема при переводе реалии будет напрямую зависеть от задачи, которая стоит перед переводчиком: сохранить колорит языковой единицы с возможным ущербом для семантики или передать значение реалии (если оно не известно), утратив при этом колорит.

Список литературы

1. Белов, А.А. Особенности перевода реалий / А.А. Белов, Я.А. Нестерова // Вестник науки. – 2020. – №11 (32). – С. 23–27.
2. Жук, Е.Е. Реалии и способы их передачи при адаптации текста на иностранном языке / Е.Е. Жук // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2015. – № 3 (164). – С. 49–53.
3. Крупнов, В.Н. В творческой лаборатории переводчика / В.Н. Крупнов. – М., 1976. – 190 с.
4. Романова, С.П. Пособие по переводу с английского на русский / С.П. Романова, А.Л. Коралова. – Москва: КДУ, 2004. – 171 с.
5. Федоров, А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): для институтов и факультетов иностр. Языков. Учеб. пособие. 5-е изд. / А.В. Федоров. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. – 416 с.

УДК 81.1

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Косякова Ю. Г. канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0006-5395-6761
ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет», г. Омск, РФ
ukos33@mail.ru

Введение. Такой раздел языкознания как фразеология активно исследуется и разрабатывается уже многие годы. Однако, несмотря на то, что по этой проблематике написаны тысячи работ, многие вопросы остаются по-прежнему нерешенными и вызывающими противоречия.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов является семантика фразеологических единиц (ФЕ); особенно если речь идет о фразеологическом материале в сопоставительном аспекте, поскольку фразеология, как подчеркивает Р.И. Яранцев, это – «особая область в изучении любого живого языка. Она требует хорошего знания истории и быта данной страны, точного и свободного владения реалиями языка, то есть серьезных фоновых знаний» [1]. Для того чтобы максимально точно передать значение ФЕ с одного языка на другой, необходимо полноценно воспроизвести средствами языка перевода все многообразные семантических и стилистических функций, которые выполняет данная ФЕ в конкретном контексте.

Цель – обратить особое внимание на то, что в аспекте межкультурной коммуникации, перевод – это взаимодействие двух семантико-грамматических систем со своей национально-культурной спецификой и контакт представителей двух лингвокультурных общностей, каждая из которых имеет определенный фонд культурного наследия (знания общего плана, морально-этические, поведенческие нормы, речевой этикет и т.п.), свое мировоззрение и мировосприятие.

Основная часть. В сопоставительном аспекте изучением фразеологии занимались многие лингвисты (В. Г. Гак, В. М. Мокиенко, Н. Л. Шадрин, А. В. Кунин, Б. А. Ларин, А. Г. Назарян, Э. М. Солодухо и др.), разработаны различные классификации, а также приемы и способы поиска межъязыковых фразеологических эквивалентов. Преобладающая масса ФЕ любого языка не имеет абсолютных эквивалентов в другом языке в силу особой лингвистической природы данных языковых единиц, поэтому подбирая наиболее подходящее соответствие необходимо учитывать объективное соотношение между лексико-фразеологическими средствами сопоставляемых языков. Следовательно, в процессе перевода происходит реконструкция содержания исходного текста, его структурно-смысловых связей средствами другого языка. Однако, чтобы адекватно передать смысл и соотносимые с ним ментальные содержания, переводчику необходимо правильно воспринять оригинальный текст, то есть выявить семантико-прагматическую информативность и национальную специфику. Иначе говоря, провести когнитивный анализ. Таким образом, переводчик зачастую является толкователем/интерпретатором.

Для достижения наибольшей близости оригинала и перевода необходимо достичь максимального семантического и структурного параллелизма оригинальной и переводной языковых единиц, что в языках разных структур нередко вызывает определенные трудности.

Так, русская ФЕ *душа/сердце радуется* передается на французский язык ФЕ *avoir le 265eali en joie* (досл. *Иметь сердце в радости*); словари немецких фразеологизмов называют в качестве соответствия две ФЕ – *das Herz hüpf* *vor Freude* (досл. *Сердце подпрыгивает от радости*) и

das Herz lacht ihm im Leibe (досл. *Сердце смеется у него во чреве*). ФЕ всех названных языков относятся к разговорному стилю и имеют значение ‘*быть в приподнятом настроении, ощущать радость, счастье*’. Компонент русской ФЕ *душа* соотносится с компонентом французской ФЕ 266 *eali* (*сердце*). В обоих языках эти слова часто выступают в роли синонимов. Значение радости в русской ФЕ передается глаголом, во французской – именем существительным, однако эти различия не влияют на значение ФЕ. Первый вариант в немецком языке структурно ближе к русскому и французскому вариантам, второй имеет более сложный национально-специфичный образ.

При подборе фразеологического соответствия важен также анализ контекста, особенно если речь идет о многозначных ФЕ, и рассмотрение самой ФЕ как сложной семантической структуры, состоящей из определенного набора компонентов, отражающих структурализацию значения ФЕ по типам передаваемой информации. Раскрытие смысловой структуры осложняется ассоциативными связями в экстралингвистическом пространстве, которое составляет так называемый лингвострановедческий аспект. Особенно ярко это проявляется во ФЕ, содержащих имена собственные, являющиеся проявлением индивидуальности исторического опыта народа, самобытности его культуры, быта и географического положения. Рассмотрим несколько примеров: русской ФЕ *при царе Горохе*, имеющей значение ‘*давным-давно, в незапамятные времена*’ является эквивалентом французская *au temps où la reine Berthe filait* (букв. *когда королева Берта пряла*). Во французском языке, в отличие от русского, использован совершенно конкретный образ. Речь идет об умершей в 783 г. матери Карла Великого Берте, которая, прежде чем стать королевой, была пряхой. Царь Горох – сказочный персонаж. В качестве исторического лица он столь же неправдоподобен, как говорящие звери, молочные реки с кисельными берегами, летающие жареные куропатки. Именно неправдоподобность существования такого правителя и создает значение ‘*очень давно*’. Эквивалентом русской ФЕ *при царе Горохе* в немецком языке выступает *in Olims Zeiten* (букв. *во времена Олимпа*), образ которой отсылает нас к мифическим сказаниям о богах Олимпа, фольклорному жанру, как и в русской лингвокультуре.

Русская ФЕ *у черта на куличках* со значением ‘*исключительно далеко*’ в качестве эквивалента во французском языке имеет ФЕ *au diable Vauvert*. В токовании В. И. Даля слово *куличка/кулишка* – это ‘*небольшой покос, пашня в лесу или выселок/деревенька в лесу*’, т.е. отдаленное, глухое место, а черти, по народным поверьям, водятся именно в таких местах. *Vauvert* – название замка в окрестностях Парижа, который был заброшен и стал, по народным преданиям, местом пребывания нечистой силы. В немецком языке ФЕ с этим значением это – *hinter die sieben Berge* (букв. *за семью горами*).

Формат данной статьи не позволяет привести много примеров, однако проведенное нами сопоставление показывает, что во фразеологии французского языка отмечается довольно большое количество ФЕ, содержащих в качестве компонентов имена реально существующих людей, мифологических персонажей, названия местностей, исторических событий, в отличие от их русских и немецких соответствий, в которых степень конкретизации и детализации образа значительно меньше, но наблюдается большее количество синонимичных соответствий как ФЕ целиком, так и отдельных компонентов. Разная образная основа ФЕ с одинаковым значением является, с одной стороны, показателем национальных особенностей мировосприятия и миропонимания, с другой – универсального свойства ФЕ – их тесной связи с фольклором, обычаями и традициями народа.

Заключение. Учитывая вышеизложенный материал, следует отметить, что лингвострановедческий аспект перевода представляет собой особую составляющую межкультурной коммуникации и является важным условием установления взаимопонимания представителей разных национальностей. Знание переводчиком специфики культуры языка источника и языка перевода обеспечивает понимание переводимого во всем богатстве его национально-культурной семантики и его адекватную передачу, что позволяет говорить о переводе как о диалоге культур и преодолении не только языковых, но и культурных барьеров.

Список литературы

1. Яранцев, Р. И. Русская фразеология: словарь-справочник / <https://djvu.online/file/DoguBDiKFsKtY> – ISBN: 5-200-02362-9.
2. Назарян, А. Г. Идиоматические выражения французского языка: Пособие для учителей фр. Яз. / А. Г. Назарян. – Москва: Просвещение, 1978. – 160 с. – ISBN: 978-5-6045864-4-0.
3. Бирих, А. К., Мокиенко, В. М. Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник. / А.К. Бирих, В. М. Мокиенко. – СПб.:1999. – 700 с. – ISBN 5-288-02132-5.
4. Rat, M. Dictionnaire des locutions françaises. – Paris: 1957. – 430 с. – ISBN: 978-2-03-590373-0.
5. Кутявина, С. В. Семантические особенности фразеологизмов-нонсенсов в русском и немецком языках. – Текст : электронный. – 2020. – URL: <https://urok.1sept.ru/articles/679165> (дата обращения: 10.09.2024).

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОГО ФУТБОЛЬНОГО ЖАРГОНА

Кучешева И. Л., канд. филол. наук, доц., ORCID 0000-0002-6174-9336,
Искандаров М. Д., ORCID 0009-0004-0200-7078
ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет физической культуры и спорта»,
г. Омск, РФ
iroch-ka-01@mail.ru

Introduction. The most popular sport is football. It is constantly written about. They say that millions of fans attend the games of their favorite teams. When people watch the actions of football players, they admire the beauty of this game. And if people take part in a football match, they get a lot of positive emotions, pleasure from fighting with an opponent, from the ability to tame the ball. When playing football, people not only want to succeed in this game, but it is also interesting for them to explore and learn a lot of new things about football vocabulary. Each sport has its own professional vocabulary.

The purpose. The purpose of the research is to study some peculiarities of English football jargon.

So, in the language of football there is an extensive group of designations for special concepts – *jargon*, in which the emotional side often overlaps the conceptual, as a result of which they are used to create subjective evaluative characteristics. Professional jargons are expressive doublets of other special words. In addition to the nominative function, they have a pronounced emotional, evaluative and expressive function.

Main part. Jargon is a social type of speech, i.e. the speech of a certain social group located in special, isolated conditions of life and communication. These are not special languages, but a special vocabulary – vocabulary and phraseology that arose on the basis of the national language in certain historical conditions, for various reasons based on the social isolation of people. Recently, youth jargon (slang) has been very actively used, which is replenished with elements of criminal, thieves' jargon (argo), as well as anglicisms (bucks – money, dollars etc.) [2].

The main features of football (or general sports, that is, also used in the vocabulary of other sports) jargon can be considered:

- 1) designation of a special concept;
- 2) imagery and emotional evaluation;
- 3) the presence of a neutral synonym. However, in some cases these may also be non-neutral, that is, colloquially coloured synonyms [1].

In addition to the main ones listed above, other characteristic features of football (sports) jargon are:

– regularity of use not only in oral communication, but also in mass sports journalism, striving to keep up with the conversational sports genre;

- relative stability compared to youth jargon (despite the fact that there are many young people among athletes and fans);
- designation (as emotional-evaluative synonyms) of the main objects and phenomena of one's industry, for example: a «*field*» is replaced by a «*garden*» (the lawn on a football field of very low quality) [3].

As a result of regular use in sports journalism, as well as in oral communication between specialists and amateurs, professional jargon is recorded with the appropriate marking by special lexicographic sources, and often by general language explanatory or bilingual dictionaries in their sports jargon meaning.

It is jargon that is a distinctive feature of the language of football and a kind of lexical calling card (or identification code), by which experts and amateurs immediately recognize someone initiated into the secrets of the industry, that is, one of their own.

As already noted, all jargon that has found its stable use in the football language, from the point of view of their specialization, is formally divided into two groups:

- actual football ones (used only to denote football realities): *out*, *wing*, *goal* etc.
- general sports (denoting realities common to football and other sports, usually team sports, for example: football, handball, basketball): *throw*, *fint*, *dribbling* etc.

In a special dictionary, jargon makes up about 10% of the total number (3,000) of all recorded lexical units. Of these, only 10% are recorded as purely football (with the appropriate label). However, the remaining 90% (given without the label *football*) can be considered primarily as football, since in the vocabulary serving it they are used much more often than in the vocabulary of all other sports combined. This is due to the special place of football among other sports and, accordingly, the place of its vocabulary in the language of sports.

What can be classified as football (professional) jargon is called professional vernacular by a number of scientists, which is an unstandardized form of existence of special linguistic means. Such speech means not only serve to diversify the means of expression, but also contain some assessment.

Unlike the strictly scientific spheres of communication, outside the required expression, professional vernacular creates a lot of emotionally charged neologisms, puns, figurative expressions, and comparisons.

Analyzing the relationship between special and colloquial, researchers note that according to the degree of decreasing formality and increasing participation of the main types of special vocabulary in colloquial speech, it can be graded as follows: professionalism concepts – professional jargon. Consequently, professional jargon is considered to be the most colloquially coloured (that is, reduced) part of the specialized vocabulary.

So, it is the colloquially coloured (that is, reduced) part of the special vocabulary, together with numerous occasionalisms, that forms the basis of the

colloquial version of the language of football. Unlike scientific and technical systems, professionalisms and professional jargon are not opposed based on the nature of use: professional and business communication of specialists ↔ informal nature (colloquial speech), since this type of special vocabulary is used equally by both specialists and amateurs.

If to proceed from the fact that the relevant feature, most likely, there can only be the designation of a special concept, and the second important feature is its predominant use in a special, professional sphere, then both of these features are present in relation to football jargon. To them it is also necessary to add conversationality, which is realized as emotional evaluation.

Conclusion. Football has already become the most popular sport in Russia although they started taking it late. Special vocabulary is divided into professional-terminological and actual professional vocabulary. Jargon vocabulary is used by people of the same profession, and slang can be used by people of different professions. There is a huge number of borrowed lexical units in connection with the origin and history of football and active sports exchange.

Список литературы

1. Виноградов, В.В. Лексикология и лексикография. Жаргонная и специальная лексика: Избранные труды. / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – 319 с.
2. Нестерова, И.А. Профессиональная лексика [Электронный ресурс] // Образовательная энциклопедия Odiplom.ru – Режим доступа: <http://odiplom.ru/lab/professionalnaya-leksika.html> (дата обращения – 10.09.2024).
3. Longman Dictionary of Contemporary English / Eds. Fox Ch., Combley R. – Pearson Education, 2014. – 2224 p.
4. The Oxford English Dictionary / Eds. Simpson J., Weiner E. – Oxford University Press, 2005. – URL: <http://www.oxforddictionaries.com> (дата обращения – 10.09.2024)

УДК 81'25

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В АУДИОДЕСКРИПЦИИ НА НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Лопатина Л. Д., ORCID 0009-0001-4179-691X,

Морева А. В., канд. филол. наук, ORCID 0000-0001-7318-9033

ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», г. Томск, РФ

lopatina_lyudmila02@mail.ru, stasija@mail.ru

Введение. Аудиодескрипция (далее АД) – это «форма повествования, основанная на принципах интерсемиотического перевода с фатическими и поэтическими элементами», она «выполняет функцию поддержания контакта (...внушая зрителю уверенность, что он не пропускает ничего

важного), а также выражает словами красоту образа» [4, с. 9]. Целевой группой АД являются, в первую очередь, люди с ограниченными возможностями по зрению, а также пожилые, дети, иностранцы, люди с СДВГ и вообще все, кто предпочитает воспринимать информацию на слух или не имеет возможности в данный момент смотреть на экран [5, S. 22].

АД подчиняется нескольким важным принципам, которые обычно суммируются в инструкциях для профессиональных аудиодескрипторов и в целом носят универсальный характер в разных странах, хотя могут быть некоторые отличия. Один из самых важных принципов АД в немецкоязычном пространстве гласит, что «ничего не объясняется, не оценивается и не интерпретируется» (здесь и далее перевод наш – Л.Л., А.М.) [Ibid., S. 7]. Такой принцип описательной, не-интерпретативной АД постулируется и в отечественных пособиях по тифлокомментированию: ср. «отсутствие суждений, предположений и оценок» [3, с. 40]. Аудиодескриптор должен описывать происходящее на экране максимально объективно, чтобы дать возможность незрячему зрителю самому прийти к какому-то умозаключению. Ср. примеры авторов уже цитируемого немецкого пособия: *Die Augen der Frau leuchten und sie lächelt* ('Глаза женщины сияют, и она улыбается') вместо *Die Frau sieht glücklich aus* ('Женщина выглядит счастливой'), при этом авторы не исключают возможности применения интерпретативной АД (второй пример) в практике других стран [5, S. 7]. Важно также, что озвученный текст АД должен помещаться в промежутках между диалогами или значимыми звуковыми эффектами аудиовизуального произведения, т.е. быть лаконичным.

Цель исследования – выявить, как передаётся эмоциональная информация в русско- и немецкоязычной АД к одному и тому же фильму. О роли эмоций в драме и в кино написано много. Известный режиссёр А.Н. Митта пишет, что «только 16% энергии фильма доносится через текст, а 84% через видимые действия» [2, с. 338]. Действия героев обычно окрашены яркими эмоциями, хотя их проявление может быть и сдержанным, а в перипетиях создаются эмоциональные крайности; так достигается контакт со зрителем. Как же может быть описана эмоциональная информация в АД в соответствии с её базовыми принципами, так, чтобы незрячий смог самостоятельно идентифицировать эмоцию/эмоции в киносцене, опираясь на свой жизненный и социальный опыт?

Основная часть. Материалом исследования послужила АД на немецком и русском языках к фильму режиссёра М. Скорсезе «Убийцы цветочной луны» (США, 2023 г.) о серии убийств индейцев из племени осейдж в штате Оклахома США после Первой мировой войны. Было выделено 110 эпизодов, в которых было зафиксировано 172 случая репрезентации эмоций в русской АД и 261 – в немецкой (больше

количество объясняется тем, что немецкая АД в целом более детальная). В ходе анализа было выявлено восемь общих способов передачи эмоций в обеих АД (в рамках одного описания могло быть использовано несколько способов сразу для более полной передачи эмоции героя).

Таблица 1

Сравнительный анализ передачи эмоциональной информации в АД

Способы	Русская АД	Немецкая АД
1. Описание взгляда	37	84
2. Описание действия	19	18
3. Описание движения тела / частей тела	30	34
4. Описание позы	8	9
5. Описание мимических движений	52	75
6. Описание выражения лица	10	21
7. Описание физиологических процессов и реакций кожи	16	19
8. Сравнение	0	1
Всего	172	261
Случаи интерпретации	44	102

Как следует из таблицы 1, самым распространённым способом в русской АД является описание мимических движений (*слегка прищурившись, сведя брови* и др.), а в немецком её варианте – описание взгляда (*forschend mustern, tief in die Augen blicken* и др.). Их доля от общего числа в каждой из АД составляет соответственно 30% и 33%. Редко в обеих АД используется описание позы героя (*скрестив руки на груди, mit hängenden Schultern*). Был зафиксирован один случай описания эмоции посредством сравнительного оборота в немецкой АД (*Wie in Trance geht Ernest ein paar Schritte vorwärts*).

Примечательно, что слова, интерпретирующие эмоциональную информацию, чаще встречаются в немецкой АД, на 58 случаев больше, чем в русской: ср. нем. *Tief verletzt den Blick senken, verschmitzt zulächeln, nervös gestikulieren, bestürzt sich die Haare raufen* др., рус. *мучительная и нелепая гримаса, ликующе раскрыв рты* и др. В обеих АД в отдельных случаях эмоциональное состояние героя может быть названо эксплицитно: ср. *Das Licht der Flammen flackert über Ernests geschocktes Gesicht; Её лицо выражает глубокую скорбь*. Так реципиент в условиях недостатка контекстуальной информации из первого аудиоканала, т.е. канала исходного текста (фильма), транслирующего вербальную (реплики героев) и паравербальную информацию (темп речи, громкость голоса и т.д.) [1, с. 18], может составить нужное впечатление о реакции героев на происходящие события. Этим же фактором можно объяснить появление в АД эмоционально-оценочной лексики, особенно при описании взгляда, выражения лица, движения тела / частей тела и действия: ср. нем. *Mehrere*

Osage gestikulieren wütend, ...blickt sich ängstlich um, рус. ...чопорные дамы злобно разглядывают Молли.

Заключение. Сравнительный анализ профессиональной АД на немецком и русском языках к фильму «Убийцы цветочной луны» показал, что аудиодескрипторы, транслируя эмоцию с экрана, пользуются общими способами. Однако степень интерпретации в немецком варианте выше. Можно сделать вывод о том, что аудиодескрипторы могут прибегнуть к интерпретации эмоционального эпизода или даже к прямой констатации эмоции, если контекста киносцены, получаемого через первый аудиоканал, незрячему зрителю недостаточно. Из последнего следует, что незрячие обязательно должны принимать участие в составлении АД.

Список литературы

1. Анищенко, А. В. Моделирование эмотивных смыслов в немецкоязычных фильмах с аудиодескрипцией / А. В. Анищенко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – № 9 (838). – С. 11–22. – EDN KPKLIR.
2. Митта, А. Н. Кино между адом и раем: кино по Эйзенштейну, Чехову, Шекспиру, Курасаве, Феллини, Хичкоку, Тарковскому... / А. Н. Митта– Москва : Издательство АСТ, 2023. – 496 с.
3. Обиух, П. А. Пособие по тифлокомментированию / П. А. Обиух, М. О. Корнеев; [Хабаровская краев. Спец. Б-ка для слепых]. – Москва : ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», 2017. – 80 с.
4. Специалист в области перевода и медиадоступности: рамка компетенций / Д. А. Асташина, И. С. Борщевский, Н. В. Гайдаш [и др.]. – Казань : Бук, 2021. – 46 с. – EDN TLEDKJ.
5. Jekat S. J. et al. Audiodeskription verständlich erklärt: Einblicke in Theorie und Praxis / S. J. Jekat. – Winterthur : ZHAW, 2021. – 90 S. – DOI 10.21256/zhaw-22825.

УДК 81'11

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В РУССКОМ, НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Медведева М. С., канд. филол. наук, ORCID 0000-0002-0049-9564
ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации», г. Ростов-на-Дону, РФ
med8744@yandex.ru

Введение. Не вызывает сомнения тот факт, что грамматика играет важную роль не только в изучении любого иностранного языка, но и в правильном построении устных высказываний и письменных текстов на родном языке. Наклонение глагола, особенно сослагательное наклонение,

занимает одно из центральных мест в грамматике многих языков. Данная категория интересна для изучения тем, что, несмотря на свою схожесть, она все же отличается в некоторых аспектах, характерных, например, только для русского, английского или немецкого языков. Трудности заключаются в том, что формы сослагательного наклонения в различных языках неодинаковы. Данный факт влияет на правильность перевода сослагательного наклонения. Перевод сослагательного наклонения – сложный и многосторонний процесс, включающий различные аспекты и требующий самых различных средств [3, с. 128]. С помощью сослагательного наклонения действие может рассматриваться как реальное, нереальное, желаемое и т.д. Для адекватного перевода сослагательного наклонения переводчику необходимо использовать весь имеющийся арсенал переводческих трансформаций, используя при этом свои умения и фоновые знания, а также наиболее точно передать в переводе формы сослагательного наклонения, которые были использованы автором текста [2, с. 67].

Основная часть. Перевод сослагательного наклонения с русского языка на немецкий и английский языки представляет определённую трудность, так как грамматический строй трёх исследуемых языков имеет большие различия. Любой грамматический справочник или учебник описывает сослагательное наклонение как категорию.

Из трех наклонений, представленных в немецком, русском и английском языках, наибольшее количество трудностей в переводе вызывает именно сослагательное наклонение. Это связано не только с различными функциями, которые сослагательное наклонение выполняет в том или ином языке, но и с различием грамматической формы. Исходя из этого, необходимо детально рассмотреть функции сослагательного наклонения в исследуемых языках, а также грамматические формы, соответствующие данным функциям. Рассмотрим нижеприведенную таблицу.

Таблица

Русский язык	Английский язык	Немецкий язык
1	2	3
Выражение сильного (исполнимого) пожелания: <i>И чего бы я ни дал, чтобы эти глаза взглянули на меня с прежнею ласкою.</i> (сослагательное наклонение русск.-придаточное предложение)	Выражение сильного (исполнимого) пожелания: <i>Long live the President! Да здравствует президент! God bless you! Храни тебя господь! (также эта фраза без god является эквивалентом «Будь здоров!» в русском языке, в ответ человеку, который чихнул).</i> (subjunctive англ. – повелительное наклонение рус.)	Выражение сильного (исполнимого) пожелания: <i>Dein Wunsch gehe in Erfüllung!</i> – <i>Да сбудется твоё желание!</i> (конъюнктив нем. – повелительное наклонение рус.)

1	2	3
Выражение предположения: <i>Девушка знает больше, иначе она не смеялась бы.</i>	Сослагательное наклонение может образовывать проклятия и клятвы: <i>Confound these flies.</i> – <i>Будь оно проклято.</i> (low colloquial) <i>He demanded that Brian stamp the document immediately.</i> Он потребовал, чтобы Брайн немедленно поставил печать на документе. (subjunctive англ. – повелительное наклонение рус.)	Косвенный приказ: <i>Der Besucher trete ein!</i> – <i>Пусть посетитель войдёт!</i> (конъюнктив нем. – повелительное наклонение рус.)
Нереальное сравнительное предложение: <i>Он говорил одно, но так, как будто</i> этими словами хотел сказать совсем другое.	Нереальное сравнительное предложение: <i>It was as if he were starting life all over.</i> Ему казалось, будто бы он начинал жизнь заново. (subjunctive англ. – сослагательное наклонение рус.)	Нереальное сравнительное предложение: <i>Er versuchte sich zu rechtfertigen, als ob er selbst den Freund beleidigt habe (hätte)</i> – Он пытался оправдаться, как будто бы он сам обидел друга. (конъюнктив нем. – сослагательное наклонение рус.)
	Другие случаи употребление сослагательного наклонения, не совпадающие в английском и немецком языках	
	Выражение возможности: <i>We would help you.</i> – Мы вам поможем.	Предположение (например, в задачах): <i>Das Dreieck ABC sei dem Dreieck DEF gleich.</i> – Пусть треугольник ABC равен треугольнику DEF. (конъюнктив нем. – изъявительное наклонение рус.)
	Совет и рекомендация: <i>He insisted his son were educated there.</i>	Нереальное условие: <i>Bei gutem Wetter ginge ich baden.</i> – При хорошей погоде я бы пошёл купаться (конъюнктив нем. – сослагательное наклонение рус.)
	Используется в придаточных времени и места. <i>We'll be happy to see you whenever you come.</i>	Робкое высказывание, предположение: <i>Dieser Junge könnte in der Zukunft ein guter Musiker werden.</i> – Этот молодой человек мог бы стать в будущем хорошим музыкантом. (конъюнктив нем. – сослагательное наклонение рус.)

Итак, в основном сослагательное наклонение в трех исследуемых языках выполняет схожие функции. Обращаясь к сопоставительному анализу трех языков, проведенному Т. Лопаревой, мы выяснили, что только в русском языке существует четкое разделение изъявительного и сослагательного наклонения. В английском и немецком языке эта граница в некоторой степени стерта [1, с. 117]. Также русское сослагательное наклонение не может выразить основные оттенки общего значения: возможность или желательность, реальность или нереальность. Говоря о немецком и английском языках, в них наблюдается яркое противопоставление «реального и нереального, которое выражается грамматическими формами. Зачастую эти формы могут быть взаимозаменяемы. Эта замена может быть сделана, чтобы придать высказыванию определенные эмоциональные оттенки или для устранения языковой избыточности. Определяющую роль здесь играет контекст. Конечно же, употребление сослагательного наклонения в русском языке более ограничено, чем в немецком и английском языках. Но сравнивая английский Subjunctive Mood и немецкий Konjunktiv, нельзя не заметить тот факт, что английский язык характеризуется меньшей избыточностью средств выражения нереальности, нежели немецкий язык.

Таким образом, несмотря на схожесть функций, которые может выражать сослагательное наклонение в трех языках, данная грамматическая категория представлена своеобразно, со своими определенными особенностями.

Список литературы

1. Лопарева, Т. А., Ленина С. В. Сослагательное наклонение в русском, английском и немецком языках: сопоставительный анализ / Т. А. Лопарева // Вестник Вятского государственного университета. – 2009. – С .117–125.
2. Нелисов, Е. А. Сослагательное наклонение в русском языке (значение и употребление) / Е. А. Нелисов; Таллин. Пед. ин-т им. Э. Вильде. – Таллинн: Валгус, 1989. – 141 с. – ISBN 5-440-00810-1.
3. Солганик, Г. Я. Практическая стилистика русского языка / Г. Я. Солганик. – 2-е изд., стер. – Москва: Академия, 2007. – 297. – ISBN 978-5-7695-4425-5.

ЛОКАЛИЗАЦИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Санченко Е. Н., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0008-0649-5776,

Батранча Ю. А., ORCID 0009-0009-0269-1515

ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, РФ
ghostofangel25@mail.ru, iiula.b.15@gmail.com

Введение. Рынок игровой индустрии с каждым годом расширяется, что способствует возрастанию необходимости в локализации развлекательного программного обеспечения для дальнейшего его распространения по всему миру. Локализация компьютерных игр является одним из важных этапов разработки программного обеспечения. Осуществляя локализацию развлекательного программного обеспечения, можно столкнуться с рядом как технических, так и лингвистических проблем.

Цель работы заключается в определении основных проблем и трудностей в лингвистическом аспекте локализации компьютерных игр и выявлении возможных причин их возникновения.

Основная часть. Локализацией программного обеспечения называют процесс его адаптации к культурным и языковым особенностям страны целевой аудитории. Данный процесс дополнительно включает в себя перевод пользовательского интерфейса программного обеспечения, документации этой программы, а также сопутствующих ей файлов, которые необходимы для ее функционирования [4, с. 45]. Для того, чтобы дать определение понятия «компьютерная игра», мы обратимся к труду Г. Фраска под названием «Видеоигры угнетенных: видеоигры как способ критического мышления и дискуссий» (“Videogames Of The Oppressed: Videogames As A Means For Critical Thinking And Debate”), где он предлагает следующее определение, которое, по его мнению, описывает видеоигры в самом широком их смысле: «...любые формы компьютерного развлекательного программного обеспечения, будь то текстовое или графическое, с использованием любой электронной платформы, такой как персональные компьютеры или консоли, и с участием одного или нескольких игроков в физической или сетевой среде» [5, с. 4].

В данной статье мы рассмотрим лингвистический аспект локализации различных компьютерных игр, анализ которых выявил ошибки перевода стилистического, юмористического и смыслового характера.

При переводе внутриигровых текстов важно обращать внимание на их стиль. Так, в компьютерной игре «BioShock Infinite» (2013) от издателей «2K Games» главный герой Букер Девитт (Booker DeWitt) получает телеграмму следующего содержания:

*«Dewitt STOP
Do not alert Comstock to your presence STOP
Whatever you do, do not pick #77 STOP*

Lutece» [1].

Локализаторы из компании «1С-СофтКлуб» перевели ее так: *«Девитт, стой. Комсток не должен тебя узнать, стой. Что бы ты ни делал, не бери номер семьдесят семь. Стой» [1].*

Локализаторы использовали субтитры для перевода, так как главный герой зачитывал этот текст вслух, поэтому форма написания телеграммы не сохранилась, а из-за того, что официальная локализация не включала в себя озвучивание, перевод можно было воспринять только посредством субтитров. В данном примере была выявлена следующая ошибка – лексическая единица «*STOP*» для обозначения знака препинания («*точка*»), характерная для телеграммы, была переведена глаголом «*стой*», а не «*ТЧК*», что обычно заменяет знак точки («*.*») в телеграммах на русском языке. Смысловая наполняемость была нарушена, поскольку переводчики не учли «телеграфный стиль» сообщения.

Создание юмористического эффекта – одна из важных частей сюжета определенных игр. Рассмотрим компьютерную игру «Portal 2» (2011) от издателей «Valve Corporation» и «Electronic Arts». В ней главная героиня по имени *Челл* пытается выбраться из лаборатории, которая состоит из головоломок, построенных главным антагонистом *GLaDOS* (*Genetic Lifeform and Disk Operating System – Генетическая Форма Жизни и Дисковая Операционная Система*). Во второй части игры *GLaDOS* переходит на сторону *Челл* и помогает ей сбежать от нового противника *Уитли*, пытающегося их уничтожить. Так, в определенный момент игры *GLaDOS* произносит: *«This is the part where he kills us»*.

После чего Уитли сразу произносит: *«Hello! This is the part where I kill you»*.

После чего на экране появляется фраза: *«Chapter 9 The part where he kills you» [3].*

В переводе локализаторов компании «Бука» эти фразы соответственно были переведены следующим образом:

«Вот момент, когда он нас убивает».

«Привет! Вот момент, когда я вас убиваю».

«Глава 9 Момент, в который он вас убивает» [3].

Анализ материала демонстрирует отсутствие исходной формы предложения в названии главы, которая в оригинале наполнена комическим эффектом. Возможными причинами выявленных ошибок может быть техническая составляющая локализации, если названия глав игры и текст диалогов переводились в разное время, разными переводчиками или находились в разных частях кода игры.

Затрагивая проблемы перевода сюжетного смысла следует обратить внимание на игру «God of War» (2018) от издателей Sony Interactive Entertainment, одной из основных тем которой является проблема отцов и детей. Главные герои – спартанский воитель-полубог *Кратос* и его сын *Атрей* после смерти матери *Атрея* отправились в долгий путь к вершине всех девяти миров, чтобы развеять ее прах там. В оригинале на протяжении всей игры *Кратос* обращается к *Атрею*, пренебрежительно называя его «*boy*», и лишь только в конце игры перед тем, как развеять прах, между ними происходит следующий диалог:

«– *Father?*

– *No... We do it together... son* » [2].

В локализации данный диалог звучал следующим образом:

«– *Отец?*

– *Нет... Сделаем это вместе... сын*» [2].

Смысловое наполнение данной сцены заключается в том, что отношения между *Кратосом* и *Атреем* наладились, а конфликт отцов и детей разрешен. Однако в локализации переводчики использовали слово «сын» на протяжении всей игры, что привело к утере эмоциональной составляющей конфликта. Возможной причиной ошибки является тот факт, что перевод требовал короткий по звучанию эквивалент слову «*boy*», чтобы уложиться во время озвучивания реплик *Кратоса*.

Заключение. Основные проблемы лингвистической локализации компьютерных игр заключаются в том, что помимо самого внутриигрового текста и его стилистики локализаторам необходимо обращать внимание и на технические аспекты развлекательного программного обеспечения, а также учитывать возможные взаимосвязи между разными элементами кода и рассматривать весь сюжет игры в целом и в частности.

Список литературы

1. Официальный сайт игры BioShock Infinite. – URL: <https://2k.com/en-US/game/bioshock-infinite/> (дата обращения: 12.09.2024).
2. Официальный сайт игры God of War. – URL: <https://www.playstation.com/ru-ru/god-of-war/> (дата обращения: 12.09.2024).
3. Официальный сайт игры Portal 2. – URL: <https://www.thinkwithportals.com/> (дата обращения: 12.09.2024).
4. Chandler, H. Current trends in games localization / H. Chandler // LISA Newsletter Global Insider, 2005. – P. 58–60.
5. Frasca, G. Videogames of The Oppressed: Videogames as a Means for Critical Thinking and Debate / G. Frasca // Georgia Institute of Technology. – 2001. – 118 p.

РОЛЬ ВАРИАТИВНОСТИ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В ФОРМИРОВАНИИ ЕГО СЕМАНТИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Сысоева Е. С., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0007-9155-0639

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

eugeniasysoieva@mail.ru

Введение. Известно, что писатели во все времена уделяли выбору имен для своих персонажей очень большое значение, о чем существует много свидетельств в дневниках, записных книжках, предисловиях и письмах, а иногда и в текстах самих литературных произведений. Называя персонажа художественного произведения определенным именем, писатель сначала «кодирует» именуемую личность, потом, как рассказчик, он «декодирует» антропоним, помогая читателю понять авторские художественные импликации и установить связь между значением имени и характером личности, которая является его носителем.

Именованье динамично, и в художественном тексте не всегда один и тот же персонаж именуется одинаково на протяжении всего повествования. Говоря о динамике имени, о совокупности форм именованний одного персонажа, мы прежде всего сталкиваемся с понятием варианта и вариации имен.

По словам А. А. Реформатского, «одного и того же человека можно назвать по-разному в зависимости от речевой ситуации и от взаимоотношения говорящих» [3, с. 25–26], то есть возможно использование имени только в его полной, гипокористической или уничижительной форме.

Цель исследования – установление и описание роли вариативности имен собственных с целью последующего анализа функционально-стилистических особенностей ономастикона художественного произведения.

Основная часть. Английский писатель Джон Фаулз в своем постмодернистском романе «Женщина французского лейтенанта» прибегает к ярко выраженной вариативности, называя свою героиню такими именами: *Poor Tragedy, the French Lieutenant's Woman, The French Lieutenant's Whore, Sarah Woodruff, Sara Roughwood, the New Woman* [5].

Интересной представляется мысль Г. В. Таича о важности вариаций для формирования семантики литературного антропонима: «Здесь дело, конечно, не в стремлении избежать тавтологии, а в концентрированном употреблении имен, сознательно с целью более полного раскрытия образа. Именованье будто оттачивается, уточняется, выкристаллизовывается для того, чтобы как можно полнее охарактеризовать человека» [4, с. 37]. С точки зрения

антропонимии, вариации не являются видоизменениями одного и того же имени, как, например, варианты. Будучи различными именованиями, они имеют лишь одно общее – принадлежность к одному лицу. При этом внимания заслуживает тот факт, что в процессе развития сюжета и жизни персонажа в произведении подвергается эволюции не только носитель имени, но и само имя, на которое очень часто влияет ситуация. Именно ситуация формирует именование персонажа и заставляет имя звучать по-разному. Проанализируем эволюцию именования главного персонажа романа Дж. Фаулза «Женщина французского лейтенанта»:

“*Good heavens, I took that to be a fisherman. But isn't it a woman?*”. “*But I can guess who it is. It must be poor Tragedy*”. “*Tragedy?*”. “*A nickname. One of her nicknames*”. “*And what are the others?*”. “*They call her the French Lieutenant's ... Woman*” [6, с. 12]. – “Боже, сначала я считал, что это рыбак. Но это женщина, не так ли?”. “И я могу догадаться, кто это на самом деле. Это должно быть бедная Трагедия”. “Трагедия?”. “Это прозвище. Одно из прозвищ”. “Какие же другие?”. “Ее называют ... женщиной французского лейтенанта” [5, с. 18].

Первичная номинация персонажа представлена в примере производной официальной формой имени, а неофициальная – прозвищами. Как известно, семантика прозвищ обычно определяется признаками их носителей, это – именование, которое предоставляется человеку, кроме имени, и указывает на определенную выдающуюся черту его характера, внешности или поведения и выражает определенное оценочное отношение автора к персонажам произведения. Значит, имя-прозвище осознается, прежде всего, как оценочное, значащее имя. Оно отличается от обычной фамилии закономерностью, мотивированностью, значимостью. Действительно, читатель узнает, что Сара – дочь фермера, когда ее отец разорился, лишился здравого ума, умер в психиатрической больнице, она начинает сама зарабатывать себе на жизнь, работая гувернанткой. Семантика ее первого прозвища не только полностью определяется фактами их биографии, но и подчеркивает обреченность, одиночество Сары. Происходят изменения в жизни Сары, она встречает молодого француза. Молодой офицер после кораблекрушения получает серьезные травмы, Сара принимает очень активное участие в его исцелении, это способствует их сближению. Изменения в жизни персонажа, изменение отношения к нему окружающих влияет на эволюцию имени. Первичное официальное имя *Sarah Emily Woodfuff* постепенно уступает негативно окрашенному, унижительному именованию *The French Lieutenant's Whore* и его эвфемистической вариации *The French Lieutenant's Woman*, которое скрывает в своей семантике имплицитно пейоративную оценку, характеризуя Сару как женщину легкого поведения. Отъезд Сары из родных ей мест в Лондон, где никто не знает ее прошлого, имеет дальнейшее влияние на эволюцию имени. Вариации *Poor Tragedy*, *The French Lieutenant's Whore*, *The French Lieutenant's Woman* выходят из употребления, сыграв свою роль

для характеристики персонажа, они исчезают, уступая исходному начальному имени *Sarah Woodruff* [6].

Как отмечалось выше, для антропонима в художественной речи ведущими становятся отантропонимическое и доантропонимическое значения. При этом имена, прямо характеризующие персонажей, в основном, активно функционируют в жанрах сатирических, например, в комедиях Р. Шеридана, а имена, которые дают непрямую характеристику персонажам, то есть имеют косвенные указания на те или иные черты, имплицитно выражающие оценку автора, имеются в любом художественном произведении. Среди имен художественных произведений нет незначащих имен, в художественном тексте происходит семантическая перестройка антропонимов, при которой очень часто апеллятивное значение становится ведущим. Не является исключением в этом отношении имя *Sarah Woodruff. Woodruff* – название лекарственного растения, известного в Англии как “сенная трава”, то есть она пахнет так приятно, как сено после сенокоса. Высушенные листья этой травы применяется для приготовления ароматного чая, который лечит головную боль и развеивает печаль. Семантика апеллятивной основы литературного антропонима *Sarah Woodruff* указывает не только на мотивированность имени таким свойством Сары, как способность к лечению, поскольку она возвращает к жизни морского офицера после кораблекрушения. Название лекарственного растения передает определенную информацию и вызывает у читателя представление о чем-то свежем, приятном, чистом. И действительно, с развитием сюжета репутация распутной женщины, которая создается негативно-оценочными прозвищами *The French Lieutenant's Whore, The French Lieutenant's Woman*, не соответствует действительности. Рассказав выдуманную историю о своих отношениях с французским лейтенантом, Сара заставляет окружающих ее людей называть себя унижительными прозвищами. На самом деле она такая же чистая, как «сенная трава».

Следует подчеркнуть еще один оттенок семантики фамилии Сары. В староанглийском языке название вышеупомянутого лекарственного растения имело форму *Wuderofe* [1] и глагольное значение “скитаться, ползать, унижаться”. Именно такое впечатление Сара произвела на Чарльза и Эрнестину, более удачливых персонажей романа. Таким образом, первоначальное апеллятивное значение литературного антропонима имеет прямую связь с носителем этого имени и, если у читателя возникают соответствующие ассоциации, то он “обогащен в своем восприятии образа, потому, что он, читатель, кроме всего прочего, расшифровывает и тайные знаки субъективного авторского отношения к герою, образу, то есть, получает в имени не вывеску, которая заранее все объясняет читателю, с чем тот имеет дело, а лишь своеобразный аккомпанемент” [2, с. 11].

Заключение. В процессе перехода антропонимов из языковой системы в речь происходит их качественное изменение. Существенную роль в этом

процессе могут играть варианты имени, то есть употребление определенного варианта пополняет семантику антропонима новым оценочным компонентами и варьирует его семантический потенциал. Гипокористическая форма имени указывает на наличие в семантике антропонима оценочно-эмотивных компонентов коннотативного значения. Кроме того, в литературном антропониме обычно реализуется социальная коннотация, поскольку каждый персонаж – часть общества художественной реальности. Таким образом, усложнение значения антропонима путем введения в его семную структуру оценочных, эмотивных, социальных и других сем способствует более полному раскрытию значения антропонимов, а также помогает в экспликации авторского замысла.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Новый большой англо-русский словарь : [в 3-х т.] / Ю. Д. Апресян. – 6-е изд., стер. – М. : Русский язык, 2001. – 2496 с.
2. Магазанник, Э. Б. Ономопэтика или «говорящие» имена в литературе / Э. Б. Магазанник. – Ташкент : Фон, 1978. – 148 с.
3. Реформатский А. А. Введение в языкознание / А. А. Реформатский. – М. : Аспект Пресс, 2010. – 536 с.
4. Таич, Р. У. Антропонимия сатирического текста (на материале произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина) : [конспект лекций] / Р. У. Таич. – Черновцы, 1974. – 48 с.
5. Фаулз, Дж. Женщина французского лейтенанта / Дж. Фаулз. – Эксмо, 2022. – 448 с.
6. Fowls, Jh. The French Lieutenant's Woman / Jh. Fowls. – Vintage Classics, 2004. – 512 p.

УДК 81`367: 81`25

НАИМЕНОВАНИЯ НАПИТКОВ В ТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ «ТРИЛОГИИ» Г. СЕНКЕВИЧА В ИХ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Шетэля Виктор, канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0009-2959-9997
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», г. Москва, РФ
szetela@mail.ru

Важным моментом в описании быта персонажей в произведениях исторического цикла «Трилогии» Генрика Сенкевича, состоявшем из романов «Ogniem i mieczem» – «Огнем и мечом», «Potop» – «Потоп» и «Pan Wołodyjowski» – «Пан Володыёвский», являются застолья с потреблением на них разного рода напитков.

Генрик Сенкевич (Henryk Sienkiewicz, 1846 – 1916) – выдающийся польский писатель, лауреат Нобелевской премии 1905 г. за произведение «Quo vadis» («Камо грядеши» – «Куда путь держишь») о зарождении христианства в Древнем Риме во времена Нерона. Г. Сенкевич – почетный

академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук. Его произведения тут же переводились на русский язык и печатались в популярных литературных журналах.

В подлинных (польских) текстах романов «Трилогии» находим *видовые* названия напитков, такие, как скажем, название *mód, wódka, wino* – ‘мёд, водка, вино’, охватывающим своей темой все *частные*, т.е. *родовые* названия напитков (меды: *krupniczek* ‘мёд’; водки: *gorzałka* ‘горелка’; вина: *cienkusz* ‘винцо’, *trojniak* ‘мёд’). Именно они в таком виде употреблены переводчиками русского языка. Не требовали особых усилий в переводе и названия: *kumys* ‘кумыс’, *polewka* ‘полевка’. Трудности в переводе возникали в связи с названиями: *krupnik, maślacz, węgrzyn*, о которых речь пойдет ниже.

Можно предположить, что *родовых* названий напитков в текстах подлинников Г. Сенкевича будет гораздо больше, чем в русских текстах.

Предполагаем, что переводчики с польского языка, не вдаваясь в детали польских, часто специфических наименований (*krupnik, maślacz, węgrzyn*), ограничивались видовым (доминантным) названиями (вино, водка, мёд, пиво).

Но все же, более подробно для понимания, о каком напитке в польском тексте говорится, можно без лишнего пояснения узнать о каждом из них в переводе на русский язык. Русский текст дает полную, хотя и достаточно поверхностную, характеристику напитка, название которого не всегда сохранилось даже в современном польском языке.

Какими наименованиями напитков, чаще всего алкогольных, пользовались переводчики для их передачи – вот основной вопрос, на который делается попытка дать ответ в настоящем докладе.

Возможно, что перевод на русский язык названий напитков в тексте, созданном Г. Сенкевичем, для отражения быта XVII века, а в частности показания культуры питья и богатства языка смоленской шляхты и других жителей восточно-окраинной части Речи Посполитой, объективно не столь уж важно для русского читателя романов. Поэтому, эти родовые названия не могли бы в своей полноте отразиться даже в русских переводах романов в XX – XXI вв.

Действительно, нам важен сюжет, т.е. как развивается сюжетная линия повествования, а не столь уж нам важны размышления над деталями жизни персонажей, в добавок в таком уже не столь важном бытовом деле, как потребление напитков.

Тем не менее русские названия напитков взамен польских названий в какой-то степени покажут давно минувшую эпоху и отобразят художественное мастерство автора и его знания по данной теме.

Названия напитков выполняют в текстах «Трилогии», так или иначе, свою художественную роль, создают фон повествования, а их польские и полонизированные иноязычные наименования в переводе на русский язык,

могут обогатить в сопоставительном плане терминологическую тему «польские напитки XVII века (в романах Г. Сенкевича)».

Скажем: наименование *krupnik*, *krupniczek* переводится как ‘мёд’: «*Szlachta siedząc na ławach ... popijała piwo grzane, a niektórzy krupniczek warzony z masła, miodu i korzeni*» [10, s.74] – ‘Сидя на лавках ... шляхтичи попивали гретое пиво, а кое-кто и горячий мед, варенный на масле, водке и пряностях’ [6, с.44] при всем при том, что в более ранних изданиях слово «крупник» употребляется, см.: «Шляхта, сидя на лавках или стоя кучками перед прилавком, пила подогретое пиво или крупник – напиток из масла, меда водки и кореньев» [5, кн.1, с. 139]. В «Этнографическом сборнике» 1858 г. в статье А. Киркор имеется пояснение: «*krupnik*, т.е. водка, сваренная с медом и приправою разных кореньев» [1, с.140].

Название *maślacz* переводится ‘венгерское (вино)’. Ср.: «*Zagłoba ... nalał oba kielichy maślaczem tak starym, że aż zagęstniałym od starości*» [11, s. 49] – ‘Заглоба ... наполнил кубки загустевшим от старости венгерским’ [7, с. 40]. Наименование *маслач* (*maślacz*) встречается в русской литературе, см.: «Тут же иллюстрированный преис-курант, в котором значится несколько названий венгерских вин, между которыми подчеркнут “маслачь”» [2, с. 421].

Таким же образом, т.е. как «венгерское» переводится название *węgrzyn*. Словообразование его вполне оправдано, поскольку слово от *Węgier* – венгр: «*Zaden gąsiorek, choćby ze stoletnim węgrzynem, nie udelektowałby mnie tak swoim widokiem*» [11, s.75] – ‘Ни одна сулейка, даже со столетним венгерским, так бы не потешила мою душу’ [7, с.63].

В русских источниках данное польское название вина также встречается: «Подана была добрая закуска и бутылка старого «венгжина» [3, с. 231].

Как видим, переводчики названных здесь томов «Трилогии» все же избегают употреблять эти названия, возможно, по причине их редкости.

Итак, Генрик Сенкевич в конце XIX века пытался создать образ жизни шляхетской прослойки польского общества XVII века. Отобранные для доклада названия напитков являются принадлежностью ушедшей эпохи, а употребленные автором они воссоздают это время.

На наш взгляд, использование русских соответствий не ущемляет высоко художественности текстов.

Вполне понятно, что подлинный текст «Трилогии», являясь во многом авторской стилизацией под польский язык шляхты XVII века, может создать трудность для перевода. Но, задача русского переводчика не всегда состояла, как нам кажется, в передаче на русский язык этих особенностей, но все же употребление аналогичных русских названий во многом могли этому поспособствовать.

Таким образом, на примере отобранных терминов из подлинной версии «Трилогии» Г. Сенкевича и из его перевода на русский язык видно,

что, во-первых, наименования из тематической группы «напитки» способна создать образ давно прошедшей эпохи; а во-вторых, сопоставительное описание подобных фактов показывает достаточную близость польского и русского языков, которая может где-то облегчить, а где-то затруднить работу переводчика.

Список литературы

1. Киркор, А. Этнографический взгляд на Веленскую губернию / А. Киркор // Этнографический сборник, изданный Императорским Русским географическим обществом. – СПб., 1858. – Вып.3. – С. 115–276.
2. Лесков, Н. С. Антука // Н. С. Лесков. Собр. Соч. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1889. – Т. V.
3. Русская старина, 1879. – Т.24. – № 2.
4. Сенкевич, Г. Огнем и мечом: роман / пер. с пол. А. Эппеля, К. Старосельской. – М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2019. – 896 с. – ISBN 978-5-389-16693-6.
5. Сенкевич, Г. Потоп / Г. Сенкевич // Русская мысль, 1887. Кн. I – IX.
6. Сенкевич, Г. Потоп: роман / пер. с пол. // Сенкевич Г. Собрание сочинений в восьми томах. Т. IV. – Тула: Арктоус, 1993. – 495 с. – ISBN 5-85267-013-8.
7. Сенкевич, Г. Пан Володыёвский / Г. Сенкевич. – М.: АСТ: Астрель. Полиграфиздат, 2011. – 575 с. – ISBN 978-5-17-074757-3 (ООО «Издательство АСТ»). ISBN 978-5-271-38266-6 (ООО «Издательство Астрель»). ISBN 987-5-4215-2702-2 (ООО «Полиграфиздат»).
8. Sienkiewicz, H. Ogniem i mieczem. Powieść. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1960. – Т. I. – 536 s.
9. Sienkiewicz, H. Ogniem i mieczem. Powieść. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1960. – Т. II. – 519 s.
10. Sienkiewicz, H. Potop. Powieść. – Nakład Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Lwowie. Wydawnictwo Gebethnera i Wolffa w Warszawie, 1929. – Т. I. – 357 s.
11. Sienkiewicz, H. Pan Wołodyjowski. Powieść. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1960. – 711 s.

УДК 81'25

НЕОБХОДИМОСТЬ АДАПТАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ СОВРЕМЕННЫХ НЕМЕЦКИХ ДЕОНИМОВ

Широкая А.О., ORCID 0009-0003-7751-1773,

Морева А.В., канд. филол. наук, ORCID 0000-0001-7318-9033

ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», г. Томск, РФ

a.shirokaya02@gmail.com, stasija@mail.ru

Введение. Переход онимов в класс апеллятивов (деонимизация) – не новое явление в языке (ср. *ом, макинтош, ловеласничать; Marxismus, Diesel*,

röntgen). Однако в последние десятилетия, по наблюдениям германистов, деонимы более активно функционируют в немецком языке, особенно в СМИ; выделяют их продуктивные словообразовательные модели [2; 5]. Так, М. Венгелер, анализируя корпус из 400 примеров употребления деонимов в немецких СМИ начиная с 1987 г., связывает их прирост с процессами демократизации и либерализации общества в целом, а среди их прагматических функций отмечает три – «*Ökonomie, Abwertung sowie Originalitäts- und Aufmerksamkeitsgewinn*» [5, S. 91]. Речь идёт, соответственно, о 1) речевой экономии или скорее о компрессивном потенциале деонимов: ср. пример М. Венгелера – глагол *riestern*, который автор раскрывает как «*eine private Zusatzrente nach dem vom damaligen Minister Riester durchgesetzten Modell abschließen*»; 2) тенденции передавать пейоративные смыслы, в т.ч. иронию и 3) выражении идеи нетривиальным образом, оригинально и творчески, что очень важно в политическом медиадискурсе [Ibid., S. 92–92].

Деонимы тесно связаны с конкретным контекстом и являются окказиональными образованиями. Они отсутствуют в толковых словарях (фиксируются только получившие широкое распространение типа *merkeln*), т.е. отсутствуют даже приблизительные соответствия в ПЯ. Отсюда вытекают сложности перевода такой лексики. Так, М. А. Чигашевой была проведена апробация переводов студентов МГИМО с их последующим анкетированием, ясно показавшая расхождения преинформационных запасов носителей ИЯ и ПЯ, поскольку даже такой подготовленной аудитории трудно «считать» все смыслы текста о политических реалиях другой страны [3, с. 160]. Автор статьи делает вывод о том, что «не всегда возможно преодолеть в процессе перевода лингвокультурный барьер и создать текст перевода, который сохраняет, с одной стороны, инокультурный компонент, с другой – максимально приближен в семантико-структурном и коммуникативном отношении к тексту оригинала» [Там же, с. 161].

Цель исследования – выявить, насколько необходима адаптация при переводе деонимов из немецких СМИ. Под адаптацией мы понимаем «приём для создания соответствий путём изменения описываемой ситуации с целью достижения одинакового воздействия на рецептора» [1, с. 12–13]. Корпус обследованного материала составили 43 немецкие деонимические единицы, зафиксированные в 51 контексте. Источниками материала послужили статьи в немецких СМИ за последние 15 лет (*tagesspiel.de*, *welt.de*, *FAZ.NET* и др.) и их переводы на русский язык.

Основная часть. Анализ показал, что адаптация при переводе деонимов оказалась необходимой в большинстве случаев – в 36 контекстах из 51 (70%). Соответственно, в 30% случаев имела место формальная передача немецкого деонима калькированием (*Putinisierung* ‘путинизация’, *Trumpismus* ‘трампизм’), что мы оставляем за рамками статьи.

Необходимость адаптации при переводе вызвана рядом причин.

1. Реципиент может быть не знаком с явлением, которое обозначает деоним. Так, различные виды социального страхования в Германии названы в честь разработавших их политиков и хорошо известны немецкоязычному читателю: ср. *Riester-Rente*, *Hartz IV* и др. Они имеют нейтральную окраску и служат речевой экономии. Для русскоязычного читателя, не знакомого с современными реалиями Германии, переводчик вносит в текст перевода дополнительную информацию поясняющего характера, а именно конкретизирует понятие *Sanktionen* (сокращения льгот) и добавляет слово *пособие* перед названием *Hartz-IV*. Объём заголовка расширяется, но в допустимых пределах. Ср.:

<i>Hartz-IV-Sanktionen</i> teilweise verfassungswidrig (www.dw.com).	Суд выступил против сокращения льгот по пособию <i>Hartz IV</i> .
--	---

Значение деонима может быть связано с событием, которое освещалось в немецкой прессе, но не известно русскоязычному реципиенту. Так, глагол *baerbocken* в следующем контексте означает ‘сообщать непроверенную информацию; пустословить’ [4] и связан со скандалом, когда председатель партии зелёных ФРГ А. Бербок опубликовала свою биографию с ложными сведениями. Однако, по нашему мнению, фразеологизм *набивать себе цену*, который мог бы быть адекватным переводом данного деонима в контексте искажения фактов собственной биографии, здесь неуместен, поскольку автор статьи утверждает, что А. Бербок искажала информацию об отношениях Германии и Афганистана. Для прагматически адекватного перевода мы предложили бы вариант *лукавить*. Ср.:

Sie <i>baerbockt</i> schon wieder wie beim Lebenslauf. Kein Afghane hat Deutschland je irgendwo geholfen (www.jungefreiheit.de).	Она снова <i>набивает себе цену</i> , как в своём резюме. Ни один афганец никогда не помогал Германии.
--	--

2. ИЯ и ПЯ имеют различия в морфологической структуре и в речевых нормах. Многие деонимы образованы продуктивным для немецкого языка словосложением, они не могут быть буквально переданы средствами русского языка, что тоже приводит к необходимости адаптации в условиях контекста. *Olaf-Scholz-Aufbruch* отсылает к цитате из речи канцлера *Hier ist ein Aufbruch möglich* ‘Прорыв возможен’, подхваченной многими СМИ. В переводе ирония исходного высказывания передаётся за счёт сочетания *так называемый*, однако сам композит перенесён и в ПЯ, что не совсем соответствует норме русского языка. Поэтому для адаптации мы бы предложили вариант *прорыв «а-ля Шольц»*. Ср.:

Also kein richtiger Aufbruch, sondern ‘n <i>Olaf-Scholz-Aufbruch</i> (Extra 3).	Стало быть, не настоящий прорыв, а <i>так называемый Олаф-Шольц-прорыв</i> .
---	--

3. Необходимо произвести эффект на читателя в соответствии с воздействующей функцией медиадискурса. В следующем примере глагол *merkalisieren*, отсылающий к бывшему канцлеру ФРГ А. Меркель, содержит негативную коннотацию (см. также *merkeln*). Буквальный перевод ‘меркелизировать / позволять себя меркелизировать’ исключён, так как не вызовет адекватной реакции у русскоязычного читателя. Уместно было бы экспрессивное соответствие, например, ‘плясать под дудку Меркель’ (т.е. ‘страны, не желающие плясать...’). В зафиксированном ниже переводе деонимный глагол также адаптируется, при помощи глагола *манипулировать*, хотя стилистически это менее яркий вариант. Ср.:

Es ist der größte Wahnsinn, was momentan passiert, zum Glück gibt es noch Länder wie Polen, welche <i>sich nicht merkalisieren lassen</i> (www.focus.de).	Просто безумием является то, что происходит сейчас, к счастью, ещё есть страны, не <i>позволяющие Меркель манипулировать собой</i> .
---	--

Заключение. Проблема перевода деонимической лексики заслуживает более пристального внимания. Наш анализ показал, что в большинстве случаев при её переводе необходимо прибегать к приёму адаптации, так как формальная передача не способствует достижению того же воздействия на реципиента, что и в ИЯ. Степень адаптации оценивается в зависимости от информированности получателя перевода, морфологической структуры и норм ИЯ и ПЯ, а также от производимого эффекта.

Список литературы

1. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – Москва : Флинта : Наука, 2003. – 320 с. – EDN QQOCSX.
2. Никитина, О. А. Особенности образования новых немецких глаголов на базе антропонимов / О. А. Никитина // Научный диалог. – 2015. – № 11 (47). – С. 42–54. – EDN UKJVGD.
3. Чигашева, М. А. Сложности перевода деантропонимических наименований с немецкого языка на русский / М. А. Чигашева // Филология и культура. – 2018. – №1 (51). – С. 157–163. – EDN YVVMER.
4. Baerbocken // URL: <https://www.dwds.de/r/?corpus=webmonitor;q=baerbocken> (дата обращения: 30.08.24).
5. Wengeler, M. *Schäubleweise, Schröderisierung und riestern*. Formen und Funktionen von Ableitungen aus Personenamen im öffentlichen Sprachgebrauch / M. Wengeler // Komparatistik Online. Düsseldorf, Trier : Universitätsbibliothek Johann Christian Senckenberg, 2010. – S. 79–98.

КАРДИНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЕ В РАЗВИТИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ НА ТЕРРИТОРИИ ДНР К 2024 Г.

*Шульга Д. П.*¹, д-р. Ист. Наук., ORCID 0000-0002-5948-1991,

*Шульга А. А.*², ORCID 0000-0001-8022-2954

¹Сибирский институт управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», г. Новосибирск, РФ

²ГБОУ «Многопрофильный Лицей № 1 городского округа Донецк», г. Донецк, РФ
alkaddafa@gmail.com, mifoligiya@gmail.com

Введение. Авторы настоящей работы с 2018 г. начали преподавание китайского и японского языков на воссоединившихся с Россией территориях. Первым опытом был курс восточных языков для слушателей из филиала МГУ им. Ломоносова в Севастополе. Далее начался длительный период работы с Донбассом, где до 2022 г. группы носили сугубо добровольный характер, без связи с тем или иным учебным заведением.

Основная часть. В прошлом (2023–2024 гг.) и начавшемся (2024–2025 гг.) учебных годах восточные языки сделали в Донецкой Народной Республике серьёзный шаг от неофициального кружка по интересам к предмету в образовательных учреждениях. На базе Классической гимназии г. Донецка и Многофункционального Лицея №1 осенью 2023 г. были начаты факультативные занятия по китайскому языку. В 2024 г. они продолжили функционировать, при этом были набрано еще по одной начинающей «китайской» и «японской» группе.

Параллельно удалось начать преподавание китайского языка в Мариуполе. Осенью был безвозмездно прочитан базовый курс китайского языка для студентов в МГУ им. А. Куинджи. Сотрудничество с данным вузом, к сожалению, продолжения не получило. Однако с декабря удалось запустить подобный же курс для преподавателей и студентов Приазовского государственного технического университета¹. Руководство вуза смогло принять на работу специалиста из Санкт-Петербурга, так что обучение продолжилось и во втором семестре прошлого учебного года.

На данный момент с ПГТУ есть предварительная договорённость по созданию Центра востоковедения. Для его функционирования в будущем вполне вероятным является привлечение специалистов из Луганского государственного педагогического университета². В рамках данного подразделения планируется набор очных групп из Мариуполя, а также проведение онлайн занятий по восточным языкам и ориенталистике для

¹ После этого, в апреле 2024 г., удалось прочитать в ПГТУ ряд лекций по истории и культуре стран Восточной Азии.

² Единственного вуза в новых регионах, который готовит высококлассных специалистов по китайскому языку.

слушателей из других городов ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей. Основным элементом программы китайского языка видятся учебники для подготовки учащихся к квалификационным экзаменам по китайскому языку, детским [1] и взрослым [2]. Для освоения грамматики в привычной для русскоязычного человека форме привлекается учебник «Практический курс китайского языка» [3]. Следует отметить, что слушатели из новых регионов, имеющие хотя бы первичное знакомство с украинским языком, осваивают некоторые звуки китайского языка быстрее, чем их коллеги из «старых» регионов РФ. Например, это касается звука ch-, который звучит как твёрдое Ч ([тш]), примерно, как в украинских словах «починати» или «навчатися».

При преподавании японского языка школьникам привлекается пособие М. Р. Голомидовой. К его плюсам можно отнести простое объяснение, интересные задания, значительный объем лексики уровней А1 и А2 (N5 и N4 по японской классификации), хорошую аудио-часть. Из особенностей можно выделить активное применение «кириджи» (т.е. передачу японских слов кириллицей), особенно на начальном этапе. Нередко это рассматривается как минус³, но, с другой стороны, такой подход формирует у детей представление о правилах транскрибирования с одного языка на другой [4].

Заключение. Преподавание восточных языков, наконец, вышло в ДНР на уровень пусть и факультативной, но, тем не менее, вполне «официальной» дисциплины (в средней и высшей школе). Это позволяет ставить новые цели. Необходимо внедрение предметов, формирующих представление не только о языках Восточной Азии, но и о государствах, с ними связанных. Следует отметить, что подобный подход актуален не только в Донецкой Народной Республике, где востоковедение находится лишь на стадии формирования, но и в ЛНР. Там, при весьма достойном уровне преподавания языка в филологическом ключе, ощущается нехватка дисциплин по истории, культуре, экономике и политике Китая и сопредельных стран (Японии, Кореи, Вьетнама, Мьянмы и т.д.)

Список литературы

1. Су, Инся. YCT1 бяочжунь цзяочэн [苏英霞. YCT1 标准教程. 北京: 高等教育出版社, 2016. 62 页] Стандартный курс YCT1. – Пекин: Higher Education Press, 2016. –62 с.
2. Цзян, Липин. HSK1 бяочжунь цзяочэн [姜丽萍. HSK1 标准教程. 北京: 北京语言大学出版社. 2014. 127 页] Стандартный курс HSK1. – Пекин: Beijing Language and Culture University Press, 2014. – 123 с.
3. Кондрашевский, А.Ф. Практический курс китайского языка: в 2 т. Т.1. – 10-е изд., перер. И доп. / А.Ф. Кондрашевский, М.В. Румянцева, М.Г. Фролова. – М: Восточная книга, 2009. – 768 с.
4. Голомидова, М.Р. Учебник японского языка для детей. Часть 1. / М.Р. Голомидова. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. – 225 с.

³ Переход к записи японских слов катаканой, хираганой и иероглифами происходит несколько позже, чем в учебниках И. В. Головнина и Л. Т. Нечаевой.

Лингводидактика и методика преподавания иностранных языков

УДК 372.881.111.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ PUSH-УВЕДОМЛЕНИЙ В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Бортенева Е. А., ORCID 0009-0005-4919-2511

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
k.bortienieva@mail.ru

Введение. Сегодня использование компьютерных технологий в высших учебных заведениях повысило уровень активности учащихся, а также создало новые возможности для получения индивидуального опыта обучения, независимо от временных или пространственных проблем и ограничений. Такое технологическое развитие дало учащимся возможность формировать и облегчать персонализированное обучение, обеспечивая им доступ к ресурсам электронного обучения в любое время и в любом месте. В этом исследовании был рассмотрен портал «приложений», предоставляющий студентам доступ к материалам для изучения языка, позволяя преподавателям поддерживать обучение своих студентов, отправляя им push-уведомления – всплывающие сообщения на экранах мобильных устройств. Отсутствие приложения для изучения английского как второго языка (ESL) не позволяет студентам и преподавателям в полной мере использовать возможности технологии MALL.

Цель данного исследования – получить представление об использовании мобильного приложения iELC, которое используется для дополнения среды изучения языка на занятиях и для развития культуры самостоятельного обучения среди студентов, предоставляя им доступ к различным языковым ресурсам в контексте ESL в высших учебных заведениях.

Основная часть. Исследования показали, что ресурсы и приложения MALL играют заметную роль в эффективности усвоения языка [2]. В частности, они обладают потенциалом для содействия освоению навыков говорения, письма, аудирования, увеличению словарного запаса, улучшению произношения и грамматической точности. Более ранние исследования также показали, что учащиеся предпочитают слушать аудио и смотреть видео на своих мобильных телефонах, чтобы использовать «карманы времени», занимаясь более продуктивной языковой деятельностью [1]. Более того, ресурсы MALL эффективно улучшили навыки аналитического и креативного мышления студентов, их способности к самостоятельному обучению и саморегуляции, а также усвоение языка в формальной и неформальной

обстановке. Исследователи установили, что студенты с энтузиазмом относятся к перспективе включения MALL в свои подходы к обучению для развития владения английским языком [4]. Студенты, которые надеются освоить английский как второй язык, все чаще используют приложения. Они считают, что, используя такие ресурсы, можно положительно стимулировать свою креативность и расширить доступность целевого языка [3]. Хотя пассивный стиль изучения английского языка остается одной из ключевых проблем для практикующих ESL, кажется, что использование мобильных технологий может решить эту проблему. Чтобы постоянно вовлекать студентов в процесс обучения языку, ориентированный на их активное участие, особенно вне аудитории, функция push-уведомлений в приложениях связывает обучение в университете и за его пределами, что приводит к лучшим результатам. Дальнейшие исследования показывают, что, если преподаватели отправляют push-уведомления на мобильные устройства своих студентов, уровень вовлеченности учащихся в предстоящие учебные мероприятия, вероятно, будет выше. Используя push-уведомления в качестве канала связи, преподаватели также могут укрепить линии прямой связи со студентами.

Доминирующая тема, возникшая в ходе интервью, подтвердила выводы предыдущих исследований о том, что студенты считают мотивирующим включение мобильных устройств (например, смартфонов, планшетов, ноутбуков) в свое обучение. Большинство участников начали интервью с обсуждения того, как использование их мобильных устройств казалось естественным и мотивировало их на выполнение как аудиторных, так и домашних заданий. Один участник прокомментировал, что «Мой мобильный телефон обеспечивает мгновенную помощь и ресурсы», и далее, уточнил: «Я могу получить доступ к онлайн-словарю, ссылкам на курсы и файлам, которые я сохранил». Эта точка зрения, что мобильные устройства облегчают обучение, предоставляя мгновенный доступ к языковым ресурсам, была сочтена мотивирующей восемью участниками интервью. Как сообщили двое из них, «Знаете, гораздо быстрее использовать iPad для поиска информации, чем искать страницы с заметками по курсу. Я могу лучше выполнять свою работу, используя смартфон. Это экономит много времени, и на самом деле, я думаю, что это может улучшить мой английский и не так скучно, как другие виды заданий в университете».

Идентификация мобильных устройств как важного инструмента, который соответствует учебным потребностям студентов, была подытожена другим студентом: «Я использую свой телефон, когда я просыпаюсь утром, чтобы отправить сообщение друзьям, просмотреть календарь, поиграть в игры и посмотреть видео. Я использую свой телефон, когда учусь дома и в библиотеке.»

Заключение. Целью данного исследования было изучение восприятия приложения студентами университета, чтобы лучше понять и удовлетворить

их потребности в обучении в цифровой среде и информировать о будущем дизайне приложения. Наши результаты показывают, что большинство участников посчитали приложение полезным, так как оно помогло им получить доступ к ресурсам для изучения языка. Участники в целом выразили положительное отношение к приложению и были мотивированы его использовать. Несколько участников упомянули, что получение push-уведомлений от преподавателей изначально повышало их уровень стресса, но не мешало обучению. Вместо этого участники посчитали эту функцию удобной, полезной и в целом обнадеживающей, поскольку она напоминала им о важных сроках и дополнительных ресурсах.

В данном исследовании мы также подтвердили предыдущие исследования о том, что MALL может повысить энтузиазм и вовлеченность студентов в изучение английского языка. Участники отметили, что удобство приложения, простота доступа и ясность контента способствовали эффективному и позитивному пользовательскому опыту. Эти результаты предоставляют убедительные доказательства того, что приложение может служить ценным образовательным ресурсом и может мотивировать студентов использовать ресурсы английского языка как в аудитории, так и за ее пределами. Это исследование было первоначальным пилотным тестом внедрения push-уведомлений в качестве механизма доставки информации и ресурсов, связанных с курсом. Разработка приложений все еще развивается в соответствии с потребностями пользователей и будет определять будущие подходы к изучению языка. Будущие исследования могут изучить степень использования студентами различных ресурсов (например, ссылок и произношения) и включить более длительное вмешательство, чтобы обеспечить более целостное понимание опыта студентов.

Список литературы

1. Самохина, Н. В. Использование мобильных технологий при обучении английскому языку: развитие традиций и поиск новых методических моделей / Н.В. Самохина // *Фундаментальные исследования*. – 2014. – №6-3. – С. 591–595.
2. Burston, J. Twenty years of MALL project implementation: A meta-analysis of learning outcomes / J. Burston. *ReCALL*, – 2015 – 27(1), 4–20. – URL: <http://doi.org/10.1017/S0958344014000159> (дата обращения: 10.07.2024)
3. Ma, Q. University L2 learners' voices and experiences in making use of dictionary apps in mobile assisted language learning (MALL). *International Journal of Computer-assisted Language Learning and Teaching* / Q. Ma. – 2019. – 9(4), 18–36. – URL: <http://10.4018/IJCALLT.2019100102> (дата обращения: 10.07.2024)
4. Rosell-Aguilar, F. Autonomous language learning through a mobile application: A user evaluation of the busuu app. *Computer Assisted Language Learning* / F. Rosell-Aguilar. – 2018. – 31, 854–881. – URL: <https://doi.org/10.1080/09588221.2018.1456465> (дата обращения: 23.08.2024)

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПО ЯЗЫКОВЫМ КОМПЕТЕНЦИЯМ

Брагина Э. Р., канд. филол. наук., доц., ORCID 0009-0005-1173-4477
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
elmirabragina1973@mail.ru

Введение. В современном мире знание иностранных языков стало неотъемлемой частью успешной жизни. Глобализация, развитие технологий и международная интеграция делают владение языками важным навыком как для личного, так и для профессионального роста. В связи с тем, что традиционные методики преподавания иностранных языков часто не соответствуют требованиям времени и нуждам студентов, возросла необходимость усовершенствовать существующие методики и применять новые подходы к обучению, а именно:

1. Адаптация к современным реалиям. Традиционные методы, такие как грамматико-переводной метод, не всегда учитывают потребности современных студентов, а век цифровых технологий требует от нас более интерактивных и практико-ориентированных подходов, поэтому использование мультимедийных ресурсов, онлайн-платформ и мобильных приложений может значительно повысить интерес учащихся и улучшить качество усвоения материала.

2. Индивидуализация обучения. Усовершенствование методик преподавания должно включать элементы индивидуализации, позволяя каждому выбирать темп и стиль обучения, которые наиболее подходят именно ему, что может быть достигнуто через использование адаптивных образовательных технологий и программ, которые подстраиваются под уровень знаний и интересы студентов.

3. Дифференциация обучающихся по языковым компетенциям. Сегментация студентов по уровню знаний – это не просто методика преподавания, а философия, которая учитывает индивидуальные особенности каждого. Она способствует созданию более эффективной и инклюзивной образовательной среды, где каждый студент может развиваться и достигать своих целей в изучении иностранного языка.

Цель работы – описание ключевых подходов в дифференциации обучающихся по языковым компетенциям. Данная тематика активно обсуждается исследователями в области педагогики и лингвистики: О. А. Селеменова [1], З. К. Тухтабаева [2], В. Algozzine, К. М. Anderson [3], С. W. Chien [4] и другие.

Основная часть. В результате классификации студентов по уровню подготовки адаптируется учебный материал, акцентируется фокус на конкретных навыках, используется индивидуальный подход в обучении.

Адаптация учебного материала: ключ к успеху в обучении иностранному языку. Обучение иностранному языку – это сложный и многогранный процесс, который требует учета различных факторов, влияющих на успешность студентов. Одним из наиболее важных аспектов является адаптация учебного материала в зависимости от уровня подготовки учащихся. Студенты с высоким потенциалом, как правило, быстрее осваивают новые темы и могут справляться с более сложными заданиями, стремятся к углубленному изучению языка, интересуются культурой, литературой и нюансами грамматики. В то же время студенты с низкими результатами могут испытывать трудности с базовыми концепциями и нуждаются в дополнительной поддержке для уверенного продвижения в обучении.

Адаптация учебного материала начинается с понимания уровня знаний каждой группы. Для сильных студентов преподаватели могут использовать более сложные тексты, задания на анализ и синтез информации, а также проекты, требующие критического мышления, например работа с аутентичными материалами, такими как статьи, видео или литературные произведения на языке оригинала. Для слабых студентов важно предоставить материал, который будет доступен для понимания, а именно упрощенные тексты, визуальные материалы и интерактивные задания (игры, ролевые упражнения и диалоги), которые помогут закрепить базовые знания и сделают обучение более увлекательным и менее стрессовым.

Адаптация учебного материала также подразумевает **индивидуальный подход к каждому студенту.** Сильные студенты могут работать над проектами в группах или индивидуально, получая возможность развивать свои навыки на более высоком уровне. Важно предоставить им возможность выбора тем и форматов работы, что позволит им проявить свою креативность. Слабые студенты, в свою очередь, могут получать больше внимания со стороны преподавателя: индивидуальные консультации, дополнительные занятия, что значительно повысит их уверенность и мотивацию к обучению.

Одним из ключевых аспектов модификации учебного контента является постепенное усложнение учебного материала. Сильные студенты могут сразу перейти к сложным темам, тогда как слабым студентам следует дать время для освоения базовых понятий и последующего постепенного введения новых знаний, что позволит избежать перегрузки и будет способствовать лучшему усвоению материала.

В целом, адаптация учебного материала – это важный элемент успешного обучения иностранному языку, который способствует повышению качества образования и делает процесс обучения более увлекательным и результативным для всех участников.

Фокус на конкретных навыках: эффективный подход к обучению в слабых и сильных группах. Первый шаг к эффективному обучению – это понимание уровня знаний студентов. В слабых группах важно сосредоточиться на фундаментальных навыках. Это включает грамматику (преподавание основных грамматических структур, таких как времена, артикли, предлоги и согласование времен, использование простых примеров и практических упражнений поможет студентам лучше понять и запомнить правила); словарный запас (постепенное расширение словарного запаса через тематические занятия); чтение и аудирование.

Активные студенты, обладая хорошими базовыми знаниями, могут сосредоточиться на более сложных аспектах языка: разговорной практике (ролевые игры, дебаты и обсуждения актуальных тем помогут развить уверенность в разговорной практике); сложных темах (обсуждение культурных аспектов, литературных произведений или актуальных событий позволяет студентам углубить свои знания языка и расширить кругозор, способствует развитию критического мышления); анализе и синтезе информации (задания, требующие анализа текстов или создания собственных материалов (например, эссе или презентации), помогают студентам развивать навыки письменной речи и аргументации).

Фокус на конкретных навыках является ключевым элементом успешного обучения иностранному языку. Уделяя внимание базовым навыкам отстающих студентов и акцентируя разговорную практику в сильных группах, преподаватели могут создать более эффективную образовательную среду, улучшить языковые навыки, повысить мотивацию к обучению.

Заключение. В условиях быстро меняющегося мира необходимость усовершенствования методик преподавания иностранных языков становится очевидной. Ключевые подходы в дифференциации по языковым компетенциям являются важными аспектами, которые помогут сделать процесс изучения языков более результативным и интересным. Инвестиции в улучшение методик преподавания не только повысят качество образования, но и подготовят студентов к успешной жизни в глобальном обществе.

Список литературы

1. Селеменова, О. А. Дифференцированный подход при обучении магистрантов-филологов / О. А. Селеменова // Преподаватель XXI век. – 2022. – № 1, Часть 1. – С. 85–95. – DOI: 10.31862/2073-9613-2022-1-85-95. – EDN VBHVZV.
2. Тухтабаева, З. К. Дифференцированный подход при обучении иностранному языку / З. К. Тухтабаева // Бюллетень науки и практики. – 2021. – Т. 7, № 4. – С. 364–371. – DOI 10.33619/2414-2948/65/44. – EDN ILFQLC.
3. Algozzine, B. Tips for teaching: Differentiating instruction to include all students / B. Algozzine, K. M. Anderson // Preventing School Failure: Alternative Education for

Children and Youth. – 2007. – V. 51. – N°3. – P. 49–54. – URL: <https://doi.org/10.3200/PSFL.51.3.49-54>

4. Chien, C. W. Differentiated instruction in an elementary school EFL classroom / C. W. Chien // TESOL Journal. – 2012. – V. 3. – N°2. – P. 280–291. – URL: <https://doi.org/10.1002/tesj.18>

УДК 372.881.111.1

РОЛЬ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (АНГЛИЙСКИЙ)

Бурак Д. В., ORCID 0009-0000-5595-6382

Бендерский политехнический филиал ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко», г. Бендеры, ПМР
dianaburac344@gmail.com

Введение. Английский язык – это универсальный инструмент общения, который объединяет людей со всего мира. Задача преподавателя – не только обучить студентов английскому языку, но и привить им любовь к этому языку и культуре, которая за ним стоит. Полюбить язык народа можно, только глубоко погрузившись в его культуру, осознав её уникальность и прочувствовав на себе. Это подразумевает изучение традиций, обычаев, моральных устоев, художественной литературы, системы ценностей и мировоззрения, характерных для этого народа [2, с. 27].

Цель данной работы – рассмотреть возможности культурологического подхода в процессе изучения английского языка.

Основная часть. Один из лучших способов познакомить студентов с культурой страны изучаемого языка – это окунуться в народное творчество, а именно начать с идиом или пословиц. Они возникли в далеком прошлом и отражают в полной мере моральные устои и традиции страны. Например, *a piece of cake* ‘что-то очень лёгкое, легко делается, без усилий и труда’. История данной идиомы позволяет вернуться в прошлое и узнать о жизни американского народа. В 1870 году в Америке процветало рабство, и рабовладельцы часто устраивали соревнования между своими слугами. Одно из таких соревнований называлось «Прогулка с тортом» (Cake Walk). Рабы, поделившись на пары, должны были танцевать, держа торт на блюде. Таким образом они изображали господ. Рабовладельцы находили забавными такие представления, и лучшая пара получала торт в награду. Танцы казались рабам лёгким занятием по сравнению с тяжёлой работой, поэтому заслужить кусок торта было несложно [3].

Или другая идиома, *pull someone's leg* ‘шутить над кем-то’. В XVIII веке в Лондоне и других городах Англии улицы были очень грязными.

Англичане придумали своеобразную шутку: прохожий случайно наступал на палку с крючком на конце и падал лицом в грязь [3].

Употребление идиомы *big cheese* 'важный человек' берет свое начало с 19 века, что непременно заставляет нас заглянуть в прошлое. Дословно переводится «большой сыр». В настоящее время данное выражение обычно применяется для описания значительной деловой фигуры, влиятельного человека, руководителя или бизнесмена, который широко признан в профессиональных кругах. Существует 2 версии происхождения данной идиомы:

В словаре англо-индийских выражений, присутствовало слово *chiz*, что переводится как «вещь». Данное слово использовалось для обозначения чего-то выдающегося или положительного. В то же время в Лондоне активно использовали фразу *real thing* для позитивной характеристики людей. Спустя некоторое время после выхода словаря обе фразы объединились в *real chiz*, а затем эволюционировали в более привычное для британцев *the real cheese*. В XX веке это выражение трансформировалось в *big cheese*.

В Соединенных Штатах существует альтернативная теория относительно возникновения этой идиомы. Существует мнение, что фраза возникла после того, как в 1808 году президенту Томасу Джефферсону был подарен огромный кусок сыра [3].

В пословицах и поговорках можно увидеть яркие черты характера народа. Например: русская фраза *черная кошка* и английская *black cat* обозначают одно и то же домашнее животное – кошку черного цвета. Тем не менее, в русской культуре существует поверье, что черная кошка символизирует несчастье и неудачи, из-за чего эта фраза воспринимается негативно. Считается, что появление черной кошки на пути предвещает беды. В отличие от этого, в английской культуре черные кошки ассоциируются с удачей и неожиданным счастьем. На открытках с текстом «Good Luck» часто изображены именно черные кошки, что удивляет русских, поскольку в их представлении это животное связано с плохими приметами [2, с. 59].

Изучая пословицы другого народа, студенты в процессе работы переводят их на родной язык, изучают историю происхождения, сопоставляют и ищут подходящий эквивалент в родном языке.

Интересно изучать языки через призму праздников, погружаясь в традиции и обычаи страны. В первую очередь, можно рассмотреть различия в праздновании между англоязычными странами и страной проживания. Возьмем самый любимый всеми праздник **Новый год**. В США и Канаде к нему относятся с гораздо меньшим энтузиазмом. В основном этот праздник отмечается иммигрантами. Главный праздник местных жителей – это католическое рождество, которое приходится на 25 декабря. К празднику готовятся целый месяц, украшая свои жилища красочной иллюминацией.

Помимо этого, в англоязычных странах, главный символ рождества – это Санта-Клаус, который предпочитает летать на оленьей упряжке и камин, на который прикреплены декоративные носки, ожидающие подарков. Одна из сложившихся традиций – обмениваться подарками. Абсолютной нормой считается вместе с подарком положить чек, чтоб в любой момент подарок можно было обменять, если вдруг он не понравился.

Можно также рассмотреть праздники, которые характерны только для англоязычных стран. Это знакомит нас с традициями изучаемой страны. Например, **День сурка**. Каждый год в Соединенных Штатах этот праздник отмечается 2 февраля. Существует убеждение, что в этот день сурок предсказывает, когда придет весна: если он выходит из своей норки после зимней спячки, это значит, что предстоит теплое время. В противном случае холодная погода затянется еще примерно на шесть недель. И хотя предсказания сурка сбываются только в 50 %, это не мешает жителям праздновать и с радостью наблюдать за поведением животного.

Или другие праздники, такие как **День святого Валентина и Хеллоуин**, благодаря своей оригинальности, были позаимствованы молодыми людьми других стран. День святого Валентина, известный как праздник для влюбленных, отмечают 14 февраля католики. Главный символ этого дня – сердечко в виде «валентинки». В этот особенный день пары обмениваются подарками и посланиями, открыто выражая свои чувства друг к другу. **Хеллоуин** – традиционно считается праздником нечистой силы. С этим связана и вся жуткая атрибутика праздника.

Так же стоит отметить праздник **День благодарения**. Он мало знаком современным детям, но как нельзя лучше рассказывает об истории и культуре США. Это важный праздник для американского народа. Его отмечают в четвёртый четверг ноября. День благодарения изначально был праздником, посвящённым выражению признательности Богу, а также родным и друзьям за материальные блага и их поддержку. В современных США и Канаде этот праздник во многом утратил свои религиозные мотивы и стал общепринятым гражданским событием. Истоки этого праздника восходят к американо-английским переселенцам, которые прибыли на корабле «Mayflower» в 1620 году. Высадившись на берегу в штате Массачусетс в холодный ноябрьский день, они основали Плимутскую колонию. Половина переселенцев погибла, а выжившие при помощи местных индейцев смогли вырастить первый урожай маиса. В благодарность переселенцы приготовили праздничный ужин. В настоящие дни – это особый праздник для американского народа. Все родственники собираются за праздничным столом, где обязательный атрибут – это фаршированная индейка и сладкий тыквенный пирог. Красиво украшенные блюда с фруктами и овощами, початки кукурузы, орехи – все это неотъемлемая часть праздника и символ плодородного и благословенного года.

Обогатить знания в области культуры можно так же просматривая художественные и документальные фильмы, которые помогают больше узнать о быте и стиле жизни изучаемого языка. Канал BBC всегда играл ключевую роль в формировании культурного ландшафта как в Великобритании, так и за ее пределами. Он не только предоставляет новостные сводки, но и активно занимается культурным просвещением, предлагая зрителям разнообразные программы, которые охватывают искусство, кино, музыку и театр.

Заключение. Таким образом, изучая идиомы, пословицы, погружаясь в историю их происхождения, изучая праздники, просматривая фильмы, программы на английском языке, студенты не только получают знания иностранного языка, они проникаются богатством и разнообразием культурного наследия и в последствии еще большим желанием изучения иностранного языка [1, с. 163].

Список литературы

1. Ковылина, Е. В. Преподавание иностранного языка в рамках культурологического подхода / Е. В. Ковылина // Молодой ученый. – 2010. – №8. – Т. 2. – С. 160–164.
2. Тер-Минасова, С. Г. Война и мир языков и культур. Вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2008. – 334 с.
3. The Idioms. – URL: <https://www.theidioms.com>

УДК 81

РОЛЬ ПЕРЕВОДЧИКА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Варламова Е. Ю., ORCID 0009-0005-1604-0335,

Максимов М. Д., ORCID 0009-0006-0320-7260,

Ямилов А. Р., ORCID 0009-0002-2191-0137

Университетский колледж ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»,
г. Оренбург, РФ
albored.yamilov06@mail.ru

Введение. В нынешнее время человек хочет познать очень интересный английский язык, но не всем дано его понять. В этом могут помочь онлайн переводчики.

Цель. Понять основную роль переводчика в английском языке.

Основная часть. Переводчик играет ключевую роль в английской культуре и обществе. Вот несколько аспектов, которые подчеркивают важность этой профессии:

Коммуникация: переводчики помогают преодолевать языковые барьеры, обеспечивая эффективное общение между людьми разных культур и национальностей. Это особенно важно в международных организациях, бизнесе, медицине и других сферах, где точность перевода имеет критическое значение.

Культурная адаптация: помимо передачи смысла текста, переводчики также адаптируют его к культурным особенностям целевой аудитории. Они учитывают не только лингвистические особенности, но и культурные нюансы, чтобы текст звучал естественно и уместно.

Образование и наука: в академических кругах и научной сфере переводчики играют важную роль в распространении знаний и идей. Они переводят научные статьи, учебники, монографии и другие материалы, что способствует обмену знаниями и инновациями.

Международные отношения: на дипломатическом уровне переводчики помогают в установлении и поддержании контактов между странами. Они участвуют в переговорах, конференциях и официальных встречах, обеспечивая двустороннее понимание.

Юридическая сфера: при переводе юридических документов требуется особая точность и внимательность. Переводчики в этой области должны быть хорошо знакомы с юридической терминологией и процедурами обеих стран, чтобы гарантировать корректный перевод договоров, судебных решений и других документов.

Литературный перевод: литературные переводчики способствуют распространению литературы и культуры через перевод художественных произведений, поэзии, драматургии и т.д. Это помогает людям открывать для себя новые миры и обогащать свою культуру.

Технический перевод: технические переводчики работают с документацией, руководствами по эксплуатации, спецификациями и другими техническими текстами. Точный и понятный перевод таких материалов необходим для безопасного использования оборудования и технологий.

Таким образом, роль переводчика в английском языке многогранна и охватывает множество аспектов жизни общества, делая возможным межкультурное взаимодействие и обмен информацией.

Языковая поддержка: переводчики могут помочь студентам понять материал на иностранном языке, переводя лекции, учебники и другие учебные материалы. Это особенно полезно для студентов, изучающих новый язык или нуждающихся в дополнительной помощи при освоении сложного материала.

Работа с домашними заданиями: если студент сталкивается с трудностями при выполнении домашних заданий на иностранном языке, переводчик может помочь с переводом заданий и объяснением их содержания. Это позволит студенту лучше понять задания и успешно их выполнить.

Учебные поездки и международные проекты: в случае участия в учебных поездках или международных проектах, переводчики могут обеспечить связь между участниками, переводить документы и помогать с общением в незнакомой среде.

Консультации по академическому письму: некоторые переводчики специализируются на академическом переводе и могут помочь студентам правильно оформить эссе, курсовые работы и диссертации на иностранном языке.

Переводы тестов и экзаменов: для студентов, сдающих экзамены на иностранном языке (например, TOEFL, IELTS), переводчик может предложить услуги по переводу тестовых вопросов и ответов, что поможет избежать недоразумений и ошибок.

Помощь с адаптацией: иностранные студенты, обучающиеся за границей, могут столкнуться с трудностями в адаптации к новой культуре и языку. Переводчик может оказать поддержку, объясняя местные обычаи, помогая ориентироваться в городе и отвечая на вопросы.

Заключение. Как мы понимаем переводчик помогает познакомить нас с очень интересным языком, и открыть новые границы в сфере английского языка для начинающих людей.

Список литературы

1. Александрова, Е. М. Английский язык для международных (B1-C1): учебное пособие для вузов / Е. М. Александрова. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 241 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-14776-6. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/544515> (дата обращения: 12.09.2024).
2. Воронцова, Ю. А. Практический курс разговорной речи на английском языке. English conversation practice : учебное пособие для вузов / Ю. А. Воронцова. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 185 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-15221-0. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/544427> (дата обращения: 12.09.2024).
3. Купцова, А. К. Английский язык: устный перевод : учебное пособие для вузов / А. К. Купцова. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 182 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-05344-9. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/539752> (дата обращения: 12.09.2024).
4. Аликина, Е. В. Переводческая семантография. Запись при устном переводе : учебное пособие для вузов / Е. В. Аликина. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 145 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-09830-3. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/538932> (дата обращения: 12.09.2024).
5. Югова, М. А., Английский язык для юристов : учебник / М. А. Югова, С. В. Павлова, Н. В. Садыкова. – Москва : Юстиция, 2024. – 336 с. – ISBN 978-5-406-12024-8. – URL: <https://book.ru/book/950247> (дата обращения: 12.09.2024). – Текст : электронный.

6. Брель, Н. М., Английский язык. Базовый курс : учебник / Н. М. Брель, Н. А. Пославская. – Москва : КноРус, 2023. – 272 с. – ISBN 978-5-406-10480-4. – URL: <https://book.ru/book/945206> (дата обращения: 12.09.2024). – Текст : электронный.
7. Кукушкин, Н. В., Английский язык для колледжей : учебник / Н. В. Кукушкин. – Москва : Русайнс, 2024. – 327 с. – ISBN 978-5-466-07123-8. – URL: <https://book.ru/book/954470> (дата обращения: 12.09.2024). – Текст : электронный.

УДК 373.5.091.3:811

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ В СООТВЕТСТВИИ С ФГОС

Войтенко Е. Ю., канд. филол. наук, ORCID 0000-0002-9643-2275
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
elena-vtn@mail.ru

В соответствии с Федеральными государственными образовательными стандартами (ФГОС) предмет «Иностранный язык» входит в обязательную часть примерного учебного плана, что демонстрирует то, что обучение данному предмету является одним из приоритетных направлений современного школьного образования. Наряду с другими предметами филологического блока, такими как «Русский язык и литература», «Родной язык и родная литература», иностранный язык содействует воспитанию общей коммуникативной культуры у школьников, расширению их лингвистического кругозора, способствует формированию системы значимых ценностно-смысловых установок, а также дружелюбного отношения и толерантности к носителям другого языка.

Согласно ФГОС, предметные результаты обучения должны отражать сформированность иноязычной коммуникативной компетенции на элементарном уровне (в начальной школе), допороговом уровне (в основной школе), пороговом уровне и на уровне, превышающем пороговый, достаточном для делового общения в рамках выбранного профиля (в старшей школе) в совокупности следующих составляющих: речевой, языковой, социокультурной, компенсаторной и метапредметной, т. е. учебно-познавательной [3; 4; 5]. При этом, на всех этапах обучения выделяются следующие базовые содержательные линии: коммуникативные умения, т. е. способность эффективно общаться и взаимодействовать с другими людьми на иностранном языке; языковые знания и навыки оперирования ими (знание и понимание правил чтения и орфографии, фонетические навыки, навыки употребления в устной и письменной изученных лексических единиц, грамматические навыки); социокультурные знания и умения, т. е. способность осуществлять

межличностное и межкультурное общение с использованием знаний о национально-культурных особенностях своей страны и страны изучаемого языка; компенсаторные умения, т. е. умения найти выход из ситуации нехватки иноязычных языковых средств с целью продолжения коммуникативного процесса [3; 4; 5].

В настоящее время актуальными для обучения иностранным языкам и общепризнанными являются следующие подходы: *лично ориентированный*, целью которого является создание условий для максимального развития индивидуальности учащегося, его речевых способностей, а также интереса к изучаемому иностранному языку; *коммуникативный*, в основе которого лежит понятие коммуникации как основы обучения, а усвоение языка осуществляется непосредственно в его функции как средства общения и фактически в условиях взаимодействия лингвистического, психологического и социального аспектов языка; *компетентностный*, в рамках которого формируется коммуникативная компетенция, т. е. способность понимать и порождать иноязычные высказывания в разнообразных социально детерминированных ситуациях; *межкультурный*, позволяющий включить изучение культуры страны иностранного языка в качестве одного из компонентов содержания обучения иностранному языку [1].

На данный момент для реализации вышеуказанных подходов на занятиях по иностранному языку активно внедряются интерактивные и проектно-исследовательские методы в сопровождении с широким использованием информационных технологий (например, использование онлайн курсов, инструментов для видеосвязи, чат-ботов), что позволяет обеспечить персонализацию обучения, повысить мотивацию учащихся, поддержать интерес к изучению языка.

Усиление роли ИКТ в образовательном процессе способствует установлению таких тенденций в обучении иностранным языкам, как интеграция технологий Веб 2.0 и Веб 3.0, мобильных технологий, технологий дополненной и виртуальной реальности, смарт-технологий, технологий искусственного интеллекта.

Как подчеркивают С. В. Титова и М. В. Староверова, основным направлением развития современной системы образования является его полная цифровизация, при этом кардинально меняется роль преподавателя и ученика, где «преподаватель становится фасилитатором учебного процесса и консультантом, а ученик – полноправным субъектом учебного процесса» [2, с. 31]. Отметим, что данный процесс ставит перед преподавателями ряд методологических и психолого-педагогических задач, основной из которых является необходимость оптимального комбинирования традиционных образовательных инструментов и инновационных методов обучения с поддержкой ИКТ.

Список литературы

1. Гальскова, Н. Д. Основы методики обучения иностранным языкам : учебное пособие / Н. Д. Гальскова, А. П. Василевич, Н. Ф. Коряковцева, Н. В. Акимова. – Москва : КНОРУС, 2017. – 390 с. – ISBN 978-5-406-05677-6.
2. Титова, С. В. Этапы цифровизации языкового образования в XX-XXI вв / С. В. Титова, М. В. Староверова // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2023. – № 3. – С. 25–45. – DOI 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-3-2. – EDN UBIXJF.
3. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования, утвержденный приказом Министерства Просвещения России № 286 от 31.05.2021 г.
4. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования, утвержденный приказом Министерства Просвещения России № 287 от 31.05.2021 г.
5. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования, утвержденный приказом Минобрнауки России № 413 от 17.05.2012 г.

УДК 372.881

ПЕСНИ КАК ДИДАКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА

Гейм Е. А., ORCID 0009-0008-4342-167X

ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», г. Челябинск, РФ
meinheim@mail.ru

Введение. Известно, что изучение иностранного языка неразрывно связано с получением знаний о социокультурных особенностях страны изучаемого языка. В современном мире существует немало возможностей для того, чтобы процесс обучения был увлекательным, способствовал повышению мотивации.

Целью доклада является рассмотрение и выявление основных характеристик одного из способов разнообразить практические занятия по итальянскому языку – использования в учебном процессе аутентичных песен, которые помогают познакомиться с культурой Италии, совершенствовать навыки аудирования и речи на иностранном языке, способствуют успешному усвоению учебного материала, который подается в увлекательной и доступной форме.

Основная часть. Американский лингвист Стивен Крашен выдвинул гипотезы, касающиеся изучения иностранных языков, среди которых наиболее интересной для нас является так называемая гипотеза эмоционального фильтра: внимание акцентируется на том, каким образом влияет на процесс изучения иностранного языка именно эмоциональная

составляющая. Согласно предположению Крашена, существует некий эмоциональный фильтр, являющийся своеобразным защитным экраном, который препятствует естественному усвоению иностранного языка. Появлению эмоционального фильтра у обучающихся способствует, например, стресс, боязнь допустить ошибку или неуверенность в себе, проблемы в отношениях с преподавателем, слишком сложная подача материала и некоторые другие факторы [2]. Подтвердить данную гипотезу мы можем, проводя личные беседы со студентами. Для некоторых студентов бывает действительно сложно говорить на иностранном языке, особенно если в группе инициативу берут на себя более сильные студенты, которые справляются с заданиями быстрее и допускают меньше ошибок. Много, безусловно, зависит от индивидуальных особенностей каждого человека. Однако нельзя отрицать тот факт, что для наиболее эффективного процесса обучения необходимо создание положительной эмоциональной атмосферы на практическом занятии по иностранному языку.

Психолог Карл Роджерс отмечает, что для создания благоприятной атмосферы педагогу необходимо развивать в себе способность чувствовать эмоциональный настрой учащихся, стремиться к эмпатии, выражать свои истинные чувства, ориентироваться на мотивацию учащихся, быть активным участником учебной деятельности. Поэтому важен принцип психологической комфортности [1].

Без сомнения, использование песен в обучении итальянскому языку является очень полезным и стимулирующим процесс ресурсом. Это всегда вызывает живой интерес у студентов, поскольку знакомит их с культурой страны изучаемого языка. Песни представляют собой аутентичный материал, поскольку написаны носителями языка для носителей языка (в рамках нашей статьи мы не рассматриваем песни, которые специально создаются с обучающей целью).

Одной из причин, по которым песни становятся ценным ресурсом процесса обучения, является их способность фиксироваться в нашей памяти, что ведет к запоминанию слов, вызывая определенные ассоциации с конкретной песней. Вероятно, это происходит не только из-за повторяемости небольших отрывков несколько раз, но также из-за того, что восприятие музыки человеком начинается еще до рождения. Рифма, ритм и мелодия способствуют запоминанию не только лексических единиц, но и устойчивых выражений и грамматических конструкций.

В качестве примера песен, на основе которых может быть отработана грамматика, можно привести композицию «*Arriverà*» в исполнении группы Модà и итальянской певицы Эммы Марроне. Подавляющее большинство глаголов в данной песне имеют форму простого будущего времени (*il futuro semplice*), следовательно, вполне уместно использовать ее для изучения и закрепления форм глагола именно в этом времени. Темп и мелодия песни не затрудняют ее восприятия. Встречаются глаголы 1 спряжения, образование

futuro semplice которых, как правило, вызывает некоторое затруднение, поскольку имеет определенные особенности, связанные с изменением гласной в основе (arrivare → arrive-rò); многократное повторение форм позволяет обратить внимание на данные особенности образования будущего простого времени и запомнить их. Представляется уместным также проследить отличительные черты futuro semplice для возвратных глаголов (на примере svegliarsi), местоименных глаголов (на примере andarsene); наряду с правильными глаголами встречается также неправильные глаголы essere и andare. В качестве задания на начальном этапе обучения можно предложить вставить пропущенные в тексте глаголы во время прослушивания песни (в зависимости от уровня группы можно также предложить список глаголов перед прослушиванием):

Piangerai
Come pioggia tu piangerai
E te ne _____
Come le foglie col vento d'autunno
Triste tu te ne andrai
Certa che mai ti _____,
Ma si sveglierà
Il tuo cuore in un giorno d'estate rovente in cui
Il sole _____
E cambierai
La tristezza dei pianti in sorrisi lucenti
Tu _____

Песня «*La raccolta differenziata*» итальянца Лоренцо Бальони станет прекрасным дополнением к темам, затрагивающим проблемы экологии. Актуальность вопроса не вызывает сомнений. Данная композиция позволит отработать и закрепить тематическую лексику. Представляется возможным составление глоссария на тему «Раздельный сбор мусора и переработка отходов», поиск эквивалентов итальянских выражений на русском языке (economia circolare – ? pile esauste – ? scarti alimentari – ?) Следует также отметить, что работа с любым аутентичным песенным материалом способствует совершенствованию фонетических навыков студентов, запоминанию правильного произношения слов и ударения.

Заключение. Без сомнения, при использовании песен в качестве дидактического материала на практических занятиях по итальянскому языку, заметен положительный эффект. Правильно подобранная преподавателем песня может послужить незаменимым материалом для аудирования, упражнением на осознанную имитацию, которое облегчает восприятие правильно произносимых звуков, их воспроизведение (происходит овладение навыками иноязычного произношения), а также закрепление лексических единиц и грамматических правил.

Список литературы

1. Литвинова, Ж. Б. Дидактические принципы организации обучения в контексте лично-центрированного подхода Карла Роджерса / Ж. Б. Литвинова // Психология, социология и педагогика. – 2015. – № 4 [Электронный ресурс]. – URL: <https://psychology.snauka.ru/2015/04/4437> (дата обращения: 10.09.2024).
2. Avico Raffaele Filtro affettivo di Krashen: il ruolo dell'affettività nell'imparare. – Текст : электронный // Blog di divulgazione scientifica, aggiornamento e formazione in Psichiatria e Psicoterapia. – 2018. – URL: <https://www.ilfogliopsichiatrico.it/2018/05/24/0019/> (дата обращения 05.09.2024).
3. Pasqui Rita L'utilizzo della canzone in glottodidattica. – Текст : электронный // Supplemento alla rivista EL.LE – ISSN: 2280-6792. – 2003. – URL: <https://www.italy.it/lutilizzo-della-canzone-glottodidattica> (дата обращения 30.08.2024).

УДК 378.147:81'243

ПРЕПОДАВАНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ГРУППЕ С БОЛЬШОЙ НАПОЛНЯЕМОСТЬЮ

Герасименко Е. Е., ORCID 0000-0001-8655-7034

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
iya-rosh@yandex.ru

Каждый преподаватель, начинающий работу с группой студентов, неизбежно сталкивается с необходимостью методически грамотно выстраивать рабочий процесс с большой аудиторией. Многие опытные преподаватели считают работу с большой группой обучающихся намного сложнее, чем занятия с одним или небольшой группой студентов. Можно выделить несколько вопросов, решение которых требует больших усилий, а именно: как уделить внимание всем студентам в равной степени, как организовать работу в группе так, чтобы все студенты свободно общались друг с другом, как убедиться в том, что атмосфера в группе дружелюбная и непринуждённая, а учебный процесс идёт максимально эффективно? Однако стоит отметить неоспоримые преимущества работы с большими группами обучающихся. Как считает Натали Хесс, автор книги “Teaching Large Multilevel Classes”, в больших группах у преподавателя есть возможность работать с неограниченным количеством студентов, что всегда является гарантией успешной реализации любого плана занятия, поскольку взаимодействие со студентами будет намного успешнее, в таких группах всегда есть большое разнообразие человеческих ресурсов [2]. Среди ключевых элементов успешного сотрудничества с большим и зачастую разноуровневым классом, автор выделяет:

- необходимость быть организованным и чётко следовать продуманному плану, ведь гораздо сложнее менять занятие или реагировать на индивидуальные запросы, работая с большим классом. Сложно

переоценить значение установления определённого и неизменного порядка учебного занятия, осуществление ежедневного контроля за большим классом станет значительно проще, если преподаватель сразу установит конкретный ход учебного занятия, который станет привычным для студентов. Такая тактика принесёт свои плоды: проверка домашнего задания, повторение пройденного материала, разбивка на пары и группы для выполнения определённых заданий будут проходить с максимальным эффектом и без промедлений. Ученики будут знать, чего от них ожидают, потому что это для них это будет привычным распорядком, рутинным действием.

- варьирование скорости во время выполнения разных упражнений и заданий. Здесь важно понимать, что вне зависимости от количества студентов в группе, для преподавателя не будет сложной задачей менять ритм занятия, подстраивая его под скорость, с которой студенты наиболее продуктивно выполняют поставленные задачи. Для опытного методиста определение сильных и слабых сторон у каждого студента не представляет никакой сложности. Но эту задачу гораздо сложнее выполнить при работе с большой аудиторией. Если задание ориентировано на отработку определённых навыков, знакомых студентам, то в этом случае скорость взаимодействия с аудиторией может быть выше. Однако, если задание направлено на совершенствование речевой деятельности, например, устное выражение мысли, то в этой ситуации необходимо предоставление большего количества времени для обдумывания ответа.

- использование хоровой работы на занятии. Хоровая работа на занятии, в целом, обладает рядом преимуществ, которые могут способствовать развитию учащихся, интенсификации процесса обучения, эффективности обучения. Такой вид организации учебного процесса развивает коммуникативные навыки. Особенно ценным качеством такой работы является помощь студентам в развитии их талантов и способностей, это в большей степени касается тех студентов, которые не уверены в качестве своих знаний, в достойном уровне своей подготовки.

- максимальное увеличение индивидуальной работы студентов: чем больше индивидуальных заданий получают обучающиеся, даже в большой группе, тем больше студенты будут ощущать индивидуальный подход. Наиболее распространённой формой такого подхода является применение такого рода речевой деятельности как чтение. Так называемый *extensive reading* – процесс чтения, который направлен на ознакомление с новой информацией, усвоение общей картины, не отвлекаясь на перевод новых слов, поскольку тексты подбираются с учётом уровня подготовки аудитории. Подводя итог можно сказать, что работа с большой группой студентов, бесспорно, имеет ряд недостатков, более того, мало кто из преподавателей сознательно выбирает языковую группу большого размера. Тем не менее, применяя некоторые способы организации работы со студентами, можно всегда добиться успеха.

Список литературы

1. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. лингв.ун-тов и фак.ин. яз. Высш. Пед. учеб. заведений / Н. Д. Гальскова. – М.: Академия, 2006. – 336 с. – ISBN 5-7695-2969-5.
2. Hess, N. Teaching large multilevel classes / N. Hess. – Cambridge University Press. 2010. – 197 p. – ISBN: 9780511732966.

УДК 615.849

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА ПРОЕКТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Гребенюк Ю. Б., ORCID 0009-0007-5452-7026

ФГБОУ ВО «Донецкая государственная музыкальная академия имени
С.С. Прокофьева», г. Донецк, РФ
yulya.grebenyuk.84@inbox.ru

Основным направлением развития образования в Российской Федерации является интеллектуальное и духовно-моральное развитие личности обучающегося. Знания не передаются, а получают в процессе личностно-значимой деятельности, поскольку сами знания вне определенных навыков и умений их использования не решают проблему образования человека и его подготовки к реальной действительности за пределами учебного заведения.

Анализ научно-практической литературы, изучение педагогического опыта, а также собственные наблюдения позволили обнаружить некоторые противоречия в обучении иностранному языку на современном этапе.

Одним из них является противоречие между доминированием традиционного подхода к содержанию и организации обучения иностранному языку и потребностью введения новых педагогических технологий, которые больше соответствуют социальным запросам общества, а также современным целям образования. Можно отметить огромное желание преподавателей и учащихся внедрять нововведения в учебный процесс и, с другой стороны, некоторую осторожность по поводу внедрения новых педагогических технологий.

Одним из эффективных способов преодоления указанных противоречий является применения проектной методики. Проект является исследованием определенной проблемы, практической и теоретической реализацией определенного решения [1, с. 19].

Создание проекта, безусловно, является сложной исследовательской деятельностью, проводимой по определенному алгоритму. Данная деятельность состоит из нескольких этапов [3, с. 104]. Таким образом, метод создания проектов отличается от традиционной работы с темой, от

дискуссии, ролевой игры, при которых роли распределяются в группе для осуществления методического замысла. Целью этого замысла является лучшее усвоение материала, стимулирование интереса, мотивации познавательной деятельности учащихся.

Все методические цели осуществляются при использовании проектной методики, именно она способна решать исследовательские проблемы. Метод использования проектов способствует развитию творческой деятельности учащихся, воплощённой в определенном продукте.

Рассматриваемый нами метод основывается на личностном подходе, требующем переориентацию учебного процесса на постановку и решение познавательно-коммуникативных, а также исследовательских задач [3, с. 75].

Применение проектной методики особенно эффективно в высших учебных заведениях, поскольку здесь основной целью является усовершенствование всех компонентов иноязычной коммуникативной компетенции, что является, в свою очередь, условием осуществления межкультурной коммуникации в целом.

На первый план выступает самостоятельное использование иностранного языка, как способа получения новой информации, расширение лингвистических знаний, обогащение словарного запаса.

Для того, чтобы сформировать у студентов необходимые умения и навыки в каком-либо виде разговорной деятельности, усилить языковую компетенцию на уровне, утвержденном программой, требуется разговорная практика для каждого студента группы.

Следует отметить тот факт, что для формирования коммуникативной компетенции вне языковой среды, недостаточно сделать занятие насыщенным условно-коммуникативными или коммуникативными заданиями.

Важно предоставить студентам возможность думать, рассуждать над решением проблем так, чтобы в центре внимания была мысль, а речь выступала в функции формирования и формулировки мыслей.

Для того, чтобы учащиеся воспринимали язык как способ межкультурного взаимодействия, преподаватель должен не только знакомить их с краеведческой тематикой, но и находить способы их включения в активный диалог культур. Целью этого является познание особенности функционирования языка в новой культуре на практике. Таким образом, основной идеей такого подхода к обучению иностранному языку является перенос акцента с разного вида упражнений на активную умственную деятельность студентов, требующую владения определенными языковыми средствами.

Рассмотрим некоторые признаки проектной методики в качестве новой личностно-ориентированной технологии. К ним относятся точность

и предсказуемость результатов, наличие концептуальной идеи автора (т.е. есть его личностный подход к обучению иностранному языку), наличие связи между теорией и практикой (связь идеи проекта с реальной жизнью), самоорганизация участников проекта, роль преподавателя, как основного звена, а также создание конкретного разговорного продукта, такого, как, диалог, монолог и т.д., воплощённого в формах различных видов деятельности (сценарий, коллаж).

Однако при работе над проектом студент может столкнуться с определенными трудностями. Во-первых, учащиеся иногда допускают языковые ошибки, сталкиваясь с новой дополнительной информацией. Во-вторых, не все студенты способны обсуждать организационные вопросы, принимать участие в дискуссии на иностранном языке. Именно поэтому для облегчения работы студентов перед созданием проектов необходимо повторять лексический и грамматический материал. Метод проектов следует использовать после создания идеальных условий для работы над языковым и коммуникативным материалом, то есть после его тщательного повторения и обобщения.

Можно с уверенностью сказать, что участие в проектах позволяет студентам осознавать практическую пользу от изучения того или иного иностранного языка. Результатом этого является использование ими полученных знаний в различных разговорных ситуациях, следовательно, повышение интереса к данному учебному предмету. Благодаря проектным заданиям происходит развитие личности каждого студента, совершенствуется его коммуникативная компетенция.

Список литературы

1. Зимняя, И. А. Проектная методика обучения английскому языку / И. А. Зимняя, Т. Е. Сахарова // Иностранный язык. – 1991. – №3. – С. 9–15.
2. Основные технологии. Учебно-методическое пособие / Под ред. Доктора педагогических наук О. М. Пехоты. – Ростов: А. С. К., – 2002. – 286 с.
3. Полит, Е. С. Метод проекта на уроках иностранного языка / Е. С. Полит // Иностр. Языки в школе. – 2000. – №2. – С. 3–10.

СПОСОБЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТВОРЧЕСКОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Дубровкина И. Ю., ORCID 0000-0003-4508-7448

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
i-dubrovkina@mail.ru

Творческая работа (креативность) – это многогранная область, которая изучается и обсуждается с разных точек зрения. Именно поэтому до сих пор не существует единого общепринятого определения этого понятия. Каждый человек может по-своему понимать, что такое креативность. В контексте преподавания иностранных языков можно рассматривать креативность, как одно из врождённых умений человека, как талант, которым обладает каждый студент, изучающий иностранный язык. В основе этого подхода лежит идея о том, что при определенных условиях все студенты обладают творческим потенциалом, богаты различными формами и уровнями креативности, а преподаватель должен стимулировать творческий потенциал учащихся [1].

Преподаватель иностранного языка обладает тремя преимуществами, которые могут помочь стимулировать творческие способности учащихся.

Во-первых, язык креативен по своей природе. Мы можем выразить или передать одну и ту же идею множеством различных способов, и каждая высказанная нами идея может вызвать множество различных реакций. Каждое предложение, фраза или слово, которое мы произносим или пишем, создается в момент общения и может быть пересоздано, переформулировано, перефразировано или изменено в зависимости от целей говорящего или пишущего.

Во-вторых, языковые занятия не ограничены каким-либо конкретным предметом или областью знаний. Таким образом, преподаватели иностранного языка могут проводить занятия по темам, связанным с бизнесом, менеджментом, юриспруденцией или философией, уделяя при этом особое внимание языку. Благодаря этому легче всего создать условия для общения, в рамках которого студенты и преподаватели могли бы делиться своими знаниями и опытом в отдельных областях.

И, в-третьих, языковые занятия позволяют легко вовлечь учащихся в творческую деятельность. Под творческой деятельностью мы понимаем ситуации, близкие к реальной жизни, в которых учащиеся не используют хорошо известные и отработанные действия, которые могут быть применены автоматически для достижения одного верного решения проблемы.

В таких творческих ситуациях учащиеся должны предложить одно или несколько решений ряда взаимосвязанных задач. Они не знают, какие шаги можно предпринять для решения определенной проблемы, не уверены, есть ли у проблемы только одно решение, широкий спектр возможных решений, имеет ли она вообще какое-либо решение. Студентам просто не приходится сталкиваться с очевидными ситуациями, которые могут приводить только к решениям «успех-неудача» или «правильно-неправильно», а скорее они сталкиваются с непонятными ситуациями с неоднозначными и приблизительными решениями. Иногда даже сама ситуация или инструкции могут потребовать определенного уровня интерпретации. Поскольку язык представляет собой форму общения, которая может быть использована практически в любой ситуации, аутентичные или приближенные к реальности ситуации могут создаваться легче, чем, например, на уроках химии или истории.

Таким образом, креативный подход к преподаванию языка, основанный на идее, что любой ученик может быть творческим, когда он вовлечен в творческие ситуации, демонстрирует студентам сложность языка, подвергая их воздействию близких к реальной жизни ситуаций в безопасной, гибкой и динамичной среде посредством аудитории учащихся, представляющей собой единое сообщество [1].

Преподаватели часто считают своим долгом выбирать тексты и задания для своих студентов и иногда удивляются, когда студенты не удовлетворены их выбором. Чтобы не тратить слишком много времени на подготовку материалов, которые не кажутся ученикам интересными, преподаватель может использовать стратегии метода согласованной учебной программы. Для этого необходимо попросить учащихся найти соответствующие материалы и выбрать виды деятельности, которыми они хотели бы заниматься. Такой подход может помочь повысить самостоятельность учащихся и адаптировать их к различным стилям обучения [1].

Рассмотрим эти принципы на примере обучения навыкам чтения. Преподаватель может попросить студентов:

- проанализировать сферу своих интересов и найти тексты, которые они считают не только интересными, но и качественными;
- прислать образцы таких текстов на онлайн-площадку курса;
- прочитать эти тексты перед следующим занятием.

На этом этапе у преподавателя есть возможность взять управление в свои руки и, основываясь на собранных текстах, решить, какие задания необходимо выполнять. Другими словами, преподаватель сэкономил время на поиск текстов, которые могут быть интересны группе. Затем задача состоит в том, чтобы найти в собранных текстах соответствующие разделы, которые наилучшим образом соответствуют целям обучения.

В качестве альтернативы можно попросить студентов определить проблемные вопросы или проблемы, «представляющие интерес», и исходить из их конкретных потребностей. Чтобы помочь им определить проблематику, можно использовать различные приемы и попросить их:

- сравнить свои собственные тексты с текстами одноклассников и указать на различия или сходства, которые они обнаружили;
- выбрать один текст и пересказать его своими словами.
- определить основные идеи в каждом тексте;
- определить авторскую позицию;
- обсудить свои стратегии поиска информации в сети Интернет;
- проголосовать за самый интересный текст, самый непонятный текст, текст с самым высоким уровнем использования прошедшего времени, с самым широким словарным запасом или за любую другую особенность, на которой студенты хотели бы заострить внимание.

Такой стиль работы дает несколько преимуществ как преподавателям, так и студентам. Преподавателям не нужно искать «лучший» материал, который подойдет конкретной группе. Вместо этого они получают базу данных текстов от своих учеников. Преподаватели также могут отойти от своей традиционной позиции проводников «истины в последней инстанции» и стать фасилитаторами сложных процессов, которые являются неотъемлемой частью изучения языка. Студенты, с другой стороны, более активно участвуют в поиске текстов; им приходится формировать свои собственные критерии качества, они практикуют чтение и критическое мышление индивидуально и интенсивно вне класса. Кроме того, каждый студент работает в своей сфере интересов, что позволяет одновременно развивать языковые и неязыковые навыки. Более того, студенты попадают в ситуации с неясными решениями: они не знают, смогут ли найти подходящий текст; им приходится формировать свое мнение, принимать решения, представлять свои результаты одноклассникам и быть готовыми реагировать на их реакцию.

Список литературы

1. Воронова, Е. Н. Творческий аспект учебной деятельности студентов по изучению иностранного языка / Е.Н. Воронова // Сборник научных трудов XV международной научно-методической конференции: Инновационное профессиональное образование: проблемы, поиски, решения. – Саратов: СРОО «Центр «Просвещение», 2019. – Часть 1 (А-Л). – С. 121–123. – EDN: ZFAKBF.

«ПРАВИЛЬНОЕ» ВЕСЕЛЬЕ

Ещенко Л. В., ORCID 0000-0003-1086-6871

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г.Донецк, РФ
ylv77@mail.ru

Введение. Несмотря на то, что некоторые учителя английского языка рассматривают языковые игры как средство увеличения времени или как методику веселья в аудитории, игры играют особую роль в любой программе обучения иностранным языкам, поскольку они способствуют изучению иностранного языка. С введением коммуникативного языкового обучения преподавание и изучение английского языка стало намного более требовательным для преподавателей, учителей и учащихся, как и любые другие инновации, которые создают проблемы для пользователей. Игры стали критически важными не только потому, что они доставляют удовольствие и расслабляют, но и потому, что они побуждают учащихся использовать язык в творческих и коммуникативных целях.

Игры побуждают учащихся направлять свою энергию на изучение языка, предоставляя им содержательный контекст. Поэтому важно, чтобы преподаватели/учителя не рассматривали игры как средство для заполнения времени или инструменты, предназначенные только для развлечения, а интегрировали их в свои программы обучения иностранным языкам.

Основная часть. Можно найти множество описаний природы игр, предложенных различными исследователями. Помимо того, что игры доставляют удовольствие, они относятся к заданиям с правилами, которым необходимо следовать, указывая на серьезный процесс планирования и проведения обучения. У игр очень четкое начало и конец, и они регулируются правилами.

У игр есть много преимуществ, таких, как то, что они:

1. Сосредотачивают внимание учащихся на конкретных структурах, грамматических образцах и словарных элементах.
2. Могут быть использованы для закрепления и повторения пройденного материала.
3. Подразумевают равное участие как медленно, так и быстро обучающихся студентов/учеников.
4. Могут быть подогнаны под индивидуальный возраст, потребности и языковый уровень учащихся.
5. Способствуют созданию атмосферы здоровой конкуренции, обеспечивая выход для творческого использования естественного языка в не стрессовой ситуации.

6. Могут использоваться в любых ситуациях обучения языку и со всеми навыками (чтение, письмо, говорение и аудирование).

7. Обеспечивают немедленную обратную связь с учителем/преподавателем.

8. Обеспечивают максимальное участие студентов при минимальной подготовке учителей.

При выборе игры необходимо учитывать многие факторы:

- 1) цель;
- 2) тема;
- 3) уровень учащихся;
- 4) длительность;
- 5) сложность задания и т.д.

Если уровень учащихся не очень высок, то можно отступить от правила «только на английском», и при инструктировании несколько слов на родном языке будут самым быстрым способом все прояснить. На более позднем этапе можно уже использовать английский для объяснения задания. Игры лучше всего начинать демонстрацией, а не длинными объяснениями. Очень важно не играть в игру слишком долго, так как обучающиеся начнут терять интерес, поэтому целесообразно установить временные рамки.

Какую игру использовать преподаватели/учителя должны выбирать тщательно и продуманно, если они хотят, чтобы такой вид деятельности приносил пользу. Прежде всего, преподаватель/учитель должен определиться с целью игры. Игра может показаться уместной и полезной, но, например, с точки зрения преподавания иностранного языка, она может иметь незначительную эффективность и ценность. Нужно задаться вопросом: эта игра просто, чтобы сделать занятие интересным, или же она способствует закреплению материала, практике употребления грамматических структур и тематических лексических единиц?

При выборе игр не менее важно учитывать уровень сложности игры. Преподаватели/ учителя должны решить, соответствует ли сложность игры уровню учащихся, потому что игра может стать трудной, и, соответственно, скучной, если она выходит за пределы уровня учащихся, или если учащимся слишком легко.

Игры часто используются, когда в конце занятия остается время, чтобы заполнить паузу до звонка. Однако не стоит рассматривать игры только как увеселительный второстепенный элемент, необходимый для того, чтобы «убить время». Игры можно использовать как разминку в самом начале занятия, чтобы настроить учащихся на употребление английского языка, в середине – для достижения поставленной цели (закрепление, повторение материала), может варьироваться количество участников (от пар до команд), формат (симуляция, обсуждение, переговоры, творческие задания). Но, безусловно, каждому преподавателю/учителю стоит иметь «про запас» несколько игр-упражнений, не занимающих много времени, подходящих для

любого уровня группы/класса, так как, планируя занятие, мы никогда не можем сказать, сколько времени займет изучение назначенного материала: это одна из классических неизвестных составляющих нашей профессии. Иметь под рукой несколько «наполнителей» - отличный способ завершить урок, одновременно практикуя полезный язык и позволяя учащимся немного расслабиться. Однако всегда следует следить за тем, чтобы занятие, каким бы оно ни было, не было направлено просто на оттягивание времени. Вместо этого нужно сосредоточиться на актуальном и полезном языковом аспекте или навыке, который требует практики. Учащиеся должны быть вовлечены в тему и оставаться в курсе темы до тех пор, пока не прозвенит звонок.

Преподавателю/учителю не рекомендуется прерывать игру, чтобы исправить ошибки, так как это сбивает участников игры. Альтернативой немедленному исправлению является запись ошибок и их обсуждение по окончании игры. Другими словами, поскольку внезапные прерывания могут отвлекать внимание учащихся, лучше подождать, пока игра не закончится, чтобы обсудить и исправить ошибки учащихся.

Заключение. Игры – это еще один способ помочь студентам изучить, проанализировать и усвоить различные грамматические, лексические и языковые структуры. Подобный вид задания является важной и необходимой частью преподавания и изучения английского языка в контексте уроков английского языка.

Список литературы

1. Колкнер, Я. М. Практическая методика обучения иностранному языку: учеб. пособие / Я. М. Колкнер и др. – М. : Издательский центр «Академия», 2000. – 264 с. – ISBN 5-7695-0672-5.
2. Celce-Murcia, M., McIntosh, L. Teaching English as a second or foreign language / M. Celce-Murcia, L. McIntosh . – Newyork : Newbury House, 2016. – 259 p.

УДК 378.147

DRILLING – МОЩНАЯ СТРАТЕГИЯ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Жамалетдинова Э. Х., ORCID 0000-0002-3804-643X

ФГБОУ ВО МГЛУ «Московский государственный лингвистический университет»,

г. Москва, РФ

khamitovich@gmail.com

Введение. Дриллинг (drilling) – это классическая техника, которая использует повторение изучаемых языковых единиц грамматики, словаря и фонологии.

Цель. В нашем докладе мы рассмотрим, как интересно и эффективно применять данную технику на занятиях по иностранным языкам, а также в какой последовательности использовать ее разные типы.

Основная часть. Дриллинг происходит из аудиолингвального метода, где являлся краеугольной практикой. Во время второй мировой войны американских военных необходимо было в краткие сроки обучить ряду европейских и восточных языков. Данную задачу успешно помог выполнить аудиолингвализм, в частности, дриллинг, целью которого было формирование привычки воспроизводить и понимать готовые формулы языка [1, с. 63-64].

Существует четыре основные виды дриллинга, которые можно изменять под задачи обучения [3, с. 169-175].

Самым простым типом дриллинга является обычное повторение. Преподаватель представляет модель для дриллинга, студенты повторяют ее в ответ хором и индивидуально. Предложение может повторяться с конца, пока не будет воспроизведено полностью.

В типе дриллинга с заменой студенты могут менять некоторые части тренируемой языковой структуры, сохраняя ее основу. Например, Преподаватель: "I like to swim." Студенты: "I like to run." / "I like to read."

Данное упражнение не только помогает отработать целевой язык, но и активировать уже имеющийся, а также в некоторых случаях расширить словарь.

Материалом для данного типа могут служить стихотворения, в которых нужно заменять некоторые части в соответствии с заданием.

В дриллинге с трансформацией студентов поощряют изменять саму структуры предложения, например, заменять повествовательные предложения вопросительными:

Преподаватель: "She is studying." - Студенты: "Is she studying?"

Дриллинг по цепочке предполагает работу студентов друг с другом и вносит элемент неожиданности, что делает данное упражнение более захватывающим. В данном типе дриллинга удобно отрабатывать вопросительные конструкции: первый студент задает вопрос, следующий отвечает и задает собственный.

Некоторые опытные лингводидакты предлагают использовать восемь ступеней для дриллинга изучаемого языкового материала [3, с. 172].

1. Если изучаемая единица написана на доске, сотрите ее. Таким образом студенты вынуждены задуматься о том, какую единицу они будут практиковать.

2. Спровоцируйте студентов воспроизвести эту единицу самостоятельно, используя какую-либо подсказку, устраивая контекст для единицы.

3. Покажите студентам картинку или ключевое слово, связанное с единицей, которую вы намериваетесь тренировать.

4. Когда студенты догадаются, предложите им модель с этой единицей, произнесенную в естественном темпе.
5. Обратите внимание студентов на особенности произношения.
6. Повторите модель снова в естественном темпе.
7. Студенты повторяют модель хором.
8. Вызовите студента и попросите повторить модель отдельно.

Заключение. Дриллинг имеет несколько преимуществ в обучении иностранным языкам. Во-первых, он повышает уверенность студентов, так как предоставляет им возможность безопасной практики. Повторение позволяет усовершенствовать их навыки, и, по мере того как студенты становятся более уверенными в определенных структурах, они с большей вероятностью будут использовать их спонтанно в разговоре. Кроме того, дриллинг улучшает произношение и беглость речи. Хотя некоторые могут утверждать, что дриллинг может казаться монотонным, при правильном использовании он служит мощным инструментом в обучении иностранным языкам.

Список литературы

1. Harmer, J. The Practice of English Language Teaching / Jeremy Harmer. – Harlow: Pearson, 2015. – 464 p.
2. Nuttall, C. Teaching Reading in the Foreign Language / Christine Nuttall. – Oxford: Heinemann, 1996. – 282 p.
3. Scrivener, K. Learning Teaching: The Essential Guide to English Language Teaching / K. Scrivener. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 400 p.

УДК 796.01 (012)

ТРУДНОСТИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ У СТУДЕНТОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ «ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫЕ СЕТИ И СИСТЕМЫ»)

Зайцева М. Н., ORCID 0009-0004-7651-8655

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
m.zaytseva@donnu.ru

Перевод представляет собой творческую мыслительную деятельность, выполнение которой требует от студента целого комплекса знаний, умений и навыков, способности делать правильный выбор, учитывая всю совокупность лингвистических и экстралингвистических факторов.

Что же такое перевод? Перевод – это средство обеспечить возможность общения (коммуникации) между людьми, говорящими на разных языках.

В процессе «одноязычного» общения инвариантность передаваемого и принимаемого сообщения обеспечивается тем, что оба коммуниканта пользуются одной и той же языковой системой, с одинаковым набором единиц с более или менее устойчивым значением, которое они одинаково интерпретируют. В переводе дело обстоит более сложно. Здесь в качестве квази – идентичных форм (ипостасей) одного и того же сообщения выступают тексты, созданные на основе разных языковых систем из единиц, не совпадающих ни по форме, ни по содержанию. Поэтому расхождение между этими ипостасями обуславливается уже не столько индивидуальными различиями коммуникантов, сколько различиями между языками. Конечно, индивидуальные различия тоже существуют, но они отступают на задний план. Поэтому сама возможность и закономерности осуществления перевода определяются, в первую очередь, способностью разноязычных текстов выступать в качестве коммуникативноравноценных в процессе общения.

Перевод является основным видом языкового посредничества. Коммуникативная равноценность текстов оригинала и перевода предполагает высокую степень подобия соотнесенных единиц этих текстов. Возможность достижения такого подобия зависит от соотношения систем и правил функционирования исходного языка и переводящего языка. Системный анализ переводческой практики и понятийной сферы позволяет нам построить единую типологию перевода, обобщающую различные стороны подготовки, выполнения перевода. Так, перевод, выполненный студентами, можно характеризовать: это *бинарный перевод* (перевод с одного естественного языка на другой); как правило, это *научно-технический перевод*, который должен быть *полным (сплошным) переводом* (переводом, передающим смысловое содержание оригинала без пропусков и сокращений) и который должен быть выполнен в форме *письменного перевода письменного текста*.

В результате получаем перевод, выполненный студентами как *машинный (автоматический) перевод* (перевод, выполненный или выполняемый компьютером); *смешанный перевод* (перевод с использованием значительной доли традиционной/машинной переработки текста); *пословный перевод* (перевод, выполняемый на уровне отдельных слов без учета смысловых, синтаксических и стилистических связей между словами); может быть еще так же *пофразовый перевод* (перевод, выполняемый на уровне отдельных предложений или фраз, переводимых последовательно одно за другим).

В большинстве случаев все переводы, выполненные студентами, выглядят как *вольный (свободный) перевод* (перевод, воспроизводящий основную информацию оригинала с возможными отклонениями – добавлениями, пропусками и т.п.).

Очень часто студенты берут на себя право «в интересах дела» переводить «попроще» (например, из желания сэкономить время, затрачиваемое на перевод,

Для модификации графа войдите в пункт 6 – Изменение входных данных и с помощью появившегося меню изменить свой граф (по указанию преподавателя).

Um Graph zu modifizieren, wählen Sie Punkt 6-Änderung eingehender Daten aus.

А порой и от нежелания подыскивать более сложные по содержанию и структуре эквиваленты исходным вариантам).

Выберите пункт 5 – Решение задачи. В появившемся меню выберите пункт 2.

Wählen Sie Punkt 5 – Aufgabenlösung aus. Wählen Sie dann Punkt 2.

Откуда это? Скорее всего, студенты делают выводы, читая сокращенные переводы, ведь редактор своей «рукой владыкой» упрощает перевод, но это нигде не оговаривается, что перевод сокращенный, упрощенный, выборочный.

Не столь частое употребление пассивных конструкций в русском языке приводит к тому, что для студентов являются трудностью формы замены пассива:

Уже при $N \geq 300 - 500$ следует использовать более простую модель простейшего потока.

Bei $N \geq 300 - 500$ muss schon das einfachere Modell des Elementarflusses benutzt werden.

Полностью или частично эквивалентные единицы и потенциально равноценные высказывания объективно существуют в исходном языке и переводящем языке, однако их правильная оценка, отбор и использование зависят от знаний, умений и творческих способностей студентов, от их умения учитывать и сопоставлять всю совокупность языковых и экстралингвистических факторов. В процессе перевода они решают сложную задачу нахождения и правильного использования необходимых элементов системы эквивалентных единиц, на основе которой создаются коммуникативно равноценные высказывания в двух языках, и которая не дана непосредственно, а обнаруживается лишь в ходе теоретического исследования при сопоставлении множества оригиналов с их переводами. Именно сопоставительный анализ переводов дает возможность выяснить, как преодолеваются типовые трудности перевода, связанные со спецификой каждого из языков, а также, какие элементы оригинала остаются непередаваемыми в переводе.

Итак, продуктом переводческой деятельности, предметом потребности, которая удовлетворяется переводом, является создаваемый студентом текст, который должен:

– быть эквивалентным исходному тексту в коммуникативно-функциональном отношении;

– быть в максимально возможной мере (не противоречащей первому условию) семантико-структурным аналогом исходного текста;

– не содержать «компенсирующих» отклонений от исходного текста, выходящих за пределы допустимой меры переводческих преобразований, или возможных отклонений: сокращений, пропусков.

Лишь соблюдение этих трех перечисленных требований к переводному тексту обеспечивает взвешенный перевод, соответствующий своему общественному предназначению. Игнорирование хотя бы одного из них ведет к серьёзным дефектам в переводе. По словам Я. И. Рецкера, «перевод должен передавать не только **ТО, ЧТО** выражено подлинником, но и **КАК** это выражено». С этим трудно не согласиться.

Список литературы

1. Гарбовский, Н. К. Теория перевода / Н. К. Гарбовский. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2007. – 543 с.
2. Григоров, В. Б. Как работать с научной статьей / В. Б. Григоров. – М.: Высшая школа, 1991. – 58 с.
3. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер // Очерки Лингвистической теории перевода / Дополнения и комментарии Ермоловича Д.И. – М.: «Р.Валент», 2007. – 244 с.
4. Швейцер, А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А.Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988. – 207 с.

УДК 372.881.111.1

НАГЛЯДНОСТЬ В ПРЕПОДАВАНИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ТРУДНОСТЕЙ

Исаев Д. В., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0003-2841-3958,
Стуколова Е. А., канд. пед. наук, доц., ORCID 0000-0001-9244-5186
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет»,
г. Оренбург, РФ
Choosee@mail.ru

Введение. В современном мире изучение китайского языка становится насущной необходимостью. В отечественной педагогике наблюдается определенное противоречие: с одной стороны, на всех уровнях провозглашается необходимость и важность изучения китайского языка в рамках совместных российско-китайских проектов, расширения экономического, научного и культурного взаимодействия, с другой стороны, проявляется следование «устаревшим» парадигмам по отношению

к китайскому языку, использование подходов, типичных для индоевропейских языков, которые не работают так, как требуется в силу специфики изучаемого языка. Методика преподавания языков постоянно совершенствуется, однако многие аспекты изучения азиатских языков остаются малоизученными.

Безусловными сложностями, барьерами в процессе изучения китайского языка могут считаться следующие:

1. Иероглифическая письменность и связанная с ней необходимость запоминания большого количества символов, значительно большего, чем при изучении языков, имеющих алфавит.

2. Тоновый характер языка, который усложняет процесс развития слухопроизносительных иноязычных навыков.

3. Сложности синтаксической структуры, которая куда лучше поддается описанию в рамках системы «топик-комментарий», иными словами, значительно отличается от привычных (чаще всего, индоевропейских) структур.

Одной из наиболее серьезных сложностей, возникающих на начальном этапе обучения, но сохраняющейся на всем его протяжении в той или иной степени, является сложность освоения иероглифической письменности. «Результатом использования иероглифов является способность китайцев мыслить конкретно-символически» [5, с. 245], что приводит к необходимости развития зрительной и зрительно-двигательной памяти, что, в свою очередь, повышает значение принципа наглядности при обучении китайскому языку (по сравнению с другими иностранными языками, не обладающими иероглифической письменностью).

Наиболее важным с точки зрения образования прочных связей в процессе овладения словарным минимумом китайского языка является вводный (ознакомительный) этап.

В качестве инструмента ознакомления можно выбрать прием флэш-карт. Установка: «Выберите из предложенных карточек и поднимите ту, на которой изображено...» (карточки представляют собой изображения с иероглифами и записью пиньинем). В частности, для работы над темой были выбраны лексические единицы: 1. Иероглиф: 咖啡, пиньинь: kāfēi 2. Иероглиф: 茶, пиньинь: chá 3. Иероглиф: 水, пиньинь: shuǐ 4. Иероглиф: 果汁, пиньинь: guǒzhī

3. Иероглиф: 汤, пиньинь: tāng

После «угадывания» карточки учитель просит обучающихся произнести новое китайское слово за ним. Работа продолжается со всеми вводимыми лексическими единицами (далее – ЛЕ), «отчитывание» которых производится как в процессе ознакомления, так и для последующей фиксации в памяти перед выполнением упражнений. В качестве приемов первичного закрепления и отработки новых ЛЕ представим следующие.

Учащиеся читают предложенные речевые образцы и поднимают карточки, которые считают подходящими по смыслу. Наглядные материалы используются те же, что применялись при ознакомлении с новыми словами.

4. 我不喝 кофе, 我喝 чай

[wǒ bù hē ____, wǒ hē ____]

Отработка может предполагать краткое описание предложенных на карточках изображений с опорой на незаконченные высказывания:

我不喜欢水,我喝 _____

他们不喝 _____,他们喜欢_____

Описание картинок может быть сопряжено с выбором корректного высказывания 对错 [duì cuò]. Пример наглядности для отработки употребления новых ЛЕ в простых монологических высказываниях (выбор верного утверждения): 1. Изображение двух чашек чая

5. 两杯茶 2) 六杯牛奶

Следующим шагом в первичной отработке является тренировка использования новой лексики по теме для формулировки простейших диалогов. Работа над продуцированием коротких диалогов происходит не в фиксированных парах, а «вразброс». Пример: 学生:你喜欢喝什么? 学生:我喜欢喝酒

Заключение. Таким образом, наглядный материал обладает широким спектром применимости, позволяет использовать различные элементы языковой структуры на любом из этапов их освоения (от узнавания в тексте до построения продуктивных высказываний). Приведенные атворами примеры могут служить основой для применения принципа наглядности в преподавании китайского языка. Наглядность в данном случае служит не только в качестве средства повышения мотивации и облегчения запоминания и отработки нового материала, но и позволяет преодолеть определенные сложности, связанные непосредственно с обучением китайскому языку. В частности, именно использование наглядности позволяет сформировать устойчивые связи между визуальным, звуковым и семантическим компонентами, что имеет особое значение в преподавании китайского языка, в силу сложности освоения иероглифической письменности учащимися на начальном этапе.

Список литературы

1. Григорьева, А. А. Принципы обучения китайском языку студентов языкового вуза в Республике Саха (Якутия) / А. А. Григорьева // Глобальный научный потенциал. – 2019. – № 11(104). – С. 109–113. – EDN XUUGCI.
2. Климентьева, А. Д. Особенности преподавания китайского языка на основе полного погружения на уровне высшего образования / А. Д. Климентьева // Актуальные проблемы современного иноязычного образования. – 2020. – № 11. – С. 7. – EDN DNPVVY.

3. Копрева, Л. Г. Подходы и концепции обучения иностранному языку с применением средств наглядности в военном вузе / Л. Г. Копрева // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – № S7. – С. 29–33. – EDN VUYDXX.
4. Кочергин, И. В. Очерки методики обучения китайскому языку / И. В. Кочергин. – М.: Издательский дом «Муравей», 2000. – 160 с. – ISBN 5-89737-086-9.
5. Кузьмина, Е. О. Современное понимание принципа наглядности при обучении китайских студентов / Е. О. Кузьмина // Проблемы современного образования. – 2021. – № 2. – С. 241–248. – DOI 10.31862/2218-8711-2021-2-241-248. – EDN QDSSGM.
6. Ли, А. Ю. Сравнительный анализ методики преподавания китайского языка как иностранного на примере КНР и России / А. Ю. Ли // Языки и литература в поликультурном пространстве. – 2020. – № 6. – С. 69–73. – EDN PHWZBZ.
7. Назарова, С. А. Современное состояние обучения китайскому языку: изучение и обобщение опыта преподавателей китайского языка / С. А. Назарова // Современные востоковедческие исследования. – 2020. – Т. 2, № 2. – С. 13–21. – EDN GAEFOT.

УДК 378.147:811.112

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ АСПИРАНТОВ ПРИ ЗАДАЧНОМ ПОДХОДЕ В ОРГАНИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Киселёва Е. В., канд. фил. наук, доц., ORCID 0000-0002-2917-7097
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
ellkisell@gmail.com

Введение. В условиях СВО повышаются требования к качеству подготовки специалистов для высшей школы и их участия в жизни общества. Необходимость организации самостоятельной работы обусловлена высокими требованиями к уровню общекультурной и специальной подготовки аспирантов, изменением общеобразовательных парадигм, подготовкой будущих специалистов высшего звена к профессиональному и компонентному вхождению в рынок труда. Одним из главных потенциалов повышения эффективности потенциалов и качества образования является усовершенствование содержания и форм самостоятельной работы аспирантов.

Целью статьи является определение понятий «задача» и «задание» в группах аспирантов ДонГУ. Автор исследования особо выделяет значимость и необходимость формирования самостоятельности обучаемых данного уровня подготовки. Разработка заданий для самостоятельной работы аспирантов становится основой их самостоятельной деятельности по изучению иностранного языка в соответствии с основной целью – сдачей кандидатского экзамена в рамках требований Закона «Об образовании в Российской Федерации» [1].

Основная часть. Организация самостоятельной работы аспирантов предполагает индивидуализацию содержания самостоятельной работы на основе реализации задачного подхода в организации обучения. Именно создание данного условия обеспечит абсолютную проекцию всей самостоятельной деятельности (от мотивации до понимания рефлексивной позиции) в будущей профессии. В соответствии с современной системой образования разрабатывается новый подход для понимания и организации процесса обучения, а именно: от обучения как нормативно организованного процесса до обучения как индивидуальной деятельности, ее коррекции и психолого-педагогической поддержки, а также от разработки такого содержания образования, который включал бы не только научные знания, но и метазнания, то есть, приёмы и методы познания. При условии такого усвоения складываются индивидуальные способы самостоятельной образовательной деятельности, которые выступают как проявление индивидуального стиля самостоятельной работы. Именно этим и обосновывается включение в организацию самостоятельной учебной деятельности аспирантов образования индивидуализации на основе реализации задачного подхода в организации обучения.

В современной дидактике эта проблема все чаще решается с помощью «задачного метода», «задачного подхода» в обучении [2;3;6]. Перечень задач должен обеспечивать усвоение аспирантами обозначенных понятий, теоретических положений учебной программы, раскрывать закономерности и побуждать к практическому преобразованию, проверке и применению в практике материала, который изучается.

Основу содержания учебных задач, в общедидактическом понимании, составляют: понимание содержания теоретического материала; постановка и решение проблемы: анализ ситуации, установление причинно-следственных связей, выявление скрытых зависимых связей, необходимость обоснования и обдумывания, предвидение, выявление последствий; построение выводов на основе синтеза и интегрирования информации; активизация творческого мышления и образного воображения: проявление гибкости мышления; оригинальность мыслительных процессов, их практическое применение, моделирование; опыт осуществления процесса познания и получения практического результата [6].

Задача в обучении – результат понимания аспирантом необходимости выполнения учебных действий, которые включают цель, предмет и способ выполнения образовательной деятельности. Данное определение ставит аспиранта в позицию субъекта своей деятельности, предполагает наличие рефлексивного элемента во время ее решения. Сегодня существует целый ряд классификаций обучающих задач в зависимости от разных оснований: по описанию компонентов предмета действия в условиях задачи (задачи выполнения, воспроизведения, преобразования, построения и т.д.); по степени полноты информации в содержании задачи (задачи свёрнутые, развёрнутые, поисковые, непоисковые, задачи с избыточной информацией и т.д.); по

трудности (простые, сложные и другие задачи); по уровню обобщенности задач (задачи предметные, наглядно-предметные, знаково-символические и т.д.); по уровню самостоятельности того, кто решает задачу (обычные задачи или упражнения, которые выполняются в соответствии с известным алгоритмом (типовые); задачи, алгоритм решения которых известен тому, кто их решает, но он не владеет способами их применения; задачи поиска алгоритма; задачи по разработке способа решения); по характеру психической деятельности, которые ими вызываются (задачи мыслительные, перцептивные, имажитивные, мнемонические, коммуникативные, и т.д.); по роли задач в формировании знаний, умений (вводные, тренировочные, обучающие, познавательные, на закрепление и т.д.) и другие.

Совокупность обучающих задач должна представлять собой такую систему, которая отвечает следующим показателям: охватывать основные типы доступных аспектных проблем для тех, кто обучается в обозначенной области; интегрирует важные научные методы, содержащиеся в обобщенных способах решения задач; предполагает выявление характеристик творческой деятельности; охватывает разные уровни сложности задач; учитывает дидактические требования к структуре задач, их содержанию, повторяемости и т.д. [4; 5].

В рамках нашего исследования мы предлагаем классификацию задач по следующим критериям:

1. Исходя из целей и структуры системы формирования у аспиранта высшего учебного заведения операционных компонентов организации самостоятельной учебной деятельности, мы можем выявить шесть групп задач: а) задачи на целеположение; б) задачи на диагностирование; в) задачи на конструирование; г) технологические задачи; д) задачи на самооценку; е) задачи на самокоррекцию.

2. По характеру деятельности выделяем теоретические и практические задачи на основании того, что процесс обучения складывается из приобретенных и накопленных знаний и овладения способами их приобретения и применения. Решение теоретических задач направлено на получение новых знаний с помощью уже известных и новых способов решения. Практические задачи нацелены на достижение новых результатов известными способами или их новой комбинацией (для применения знаний). Данные типы задач охватывают основные сферы решения задач – теоретическую и практическую.

3. По способу решения можно выделить пять групп задач: поисковые, аналитические, исследовательские, оценочно-рефлексивные, творческие. Данные типы задач охватывают важные научные методы, которые выражены общепринятыми способами решения задач [2; 3; 6].

Заключение. Индивидуализация содержания самостоятельной работы аспирантов высших учебных заведений на основе реализации задачного подхода в организации обучения предполагает разработку

комплекса теоретических и практических задач для самостоятельной работы, направленного на их решения. Самостоятельная работа аспирантов вуза предполагает овладение общими и профессиональными компетентностями, формирование профессиональных качеств личности, необходимых для профессиональной деятельности, формирование общих образовательных умений и навыков, познавательной самостоятельности и активности. Основным признаком самостоятельной работы является ее индивидуальный характер.

Список литературы

1. Закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ. – URL: <http://base.garant.ru/70291362/> (дата обращения: 07.09.2024).
2. Бубман, Р.М. Значение самостоятельной работы аспирантов при изучении иностранного языка в техническом вузе / Р. М. Бубман // Проблемы современного педагогического образования – 2020. – №68-2. – С. 44–47.
3. Михайлова, Г.И. Организация самостоятельной работы аспирантов технического вуза в обучении иностранному языку / Г. И. Михайлова // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 1 (74). – С. 102–103.
4. Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования – ФГОС ВО (3++) по направлениям аспирантуры. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/152/150/25>.
5. Программа-минимум кандидатского экзамена по общенаучной дисциплине «Иностранный язык»: под общ. Ред. И.И. Халеевой. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.edu.ru/db/pke/Sb-2.htm>.
6. Хлыбова М.А. Педагогические условия организации самостоятельной работы аспирантов по иностранному языку / М. А. Хлыбова // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – №60-3. – С. 359–361.

УДК 81

РОЛЬ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ: ОТ ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ К ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Козлов А. А., ORCID 0009-0007-1370-9835,

Варламова Е. Ю., ORCID 0009-0005-1604-0335

Университетский колледж ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»,
г. Оренбург, РФ
ak0384076@gmail.com

Введение. В современном быстро меняющемся мире инновационные технологии стали неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Их влияние ощущается во всех аспектах, включая образование. С быстрым развитием технологий традиционные методы обучения заменяются более

интерактивными и увлекательными методами. Преподавание английского языка не является исключением из этой тенденции.

Цель. Оценить влияние инновационных технологий на образовательные процессы и их потенциал в создании интерактивной среды для обучения английскому языку.

Основная часть. Использование электронных ресурсов в преподавании английского языка произвело революцию в способах преподавания языка. Электронные ресурсы, такие как программное обеспечение для изучения языка, онлайн-словари и средства проверки грамматики, сделали изучение языка более доступным и удобным. Они предоставляют студентам мгновенную обратную связь и ресурсы для улучшения их языковых навыков.

Согласно исследованию, проведенному А. А. Хрулёвой (кандидат педагогических наук, доцент кафедры филологии и методики преподавания), использование электронных ресурсов при изучении языка привело к значительному улучшению навыков чтения и письма у студентов. Целью данного исследования было изучение критических факторов, влияющих на внедрение преподавателями университетов платформ обучения с использованием мобильных технологий (МТТ) [1]. Для изучения намерений учителей использовать платформы МТТ была предложена интегрированная модель, включающая множество факторов из теоретических основ и теорий обучения.

Эти факторы включали индивидуальные факторы (например, установку на рост, поиск помощи, самоэффективность), социальные факторы (например, социальные нормы) и факторы принятия технологий (например, предполагаемую полезность, предполагаемую простоту использования). Для сбора данных о восприятии преподавателями университетов использования платформы МТТ был использован метод обзора, а данные были проанализированы с помощью двухэтапного моделирования структурными уравнениями.

Более того, использование мультимедийных инструментов в преподавании английского языка также доказало свою эффективность. Например, видео, подкасты и интерактивные викторины заменили традиционные учебники и лекции на доске. Эти мультимедийные инструменты помогают создать более увлекательный и захватывающий процесс обучения для студентов. Они не только делают обучение увлекательным, но и учитывают различные стили обучения и способности.

Исследование, проведенное А. В. Кузьминой (магистр кафедры «Лингвистика и межкультурная коммуникация»), показало, что использование мультимедиа в преподавании языка привело к более высокому уровню мотивации и вовлеченности студентов. Также исследование показало, что использование мультимедиа технологий на уроке иностранного языка существенно повышает мотивацию учащихся [2].

Так, если перед использованием мультимедиа 40 % учащихся простой средней школы проявляли интерес к изучению иностранного языка, то после применения информационных технологий на уроке количество желающих возросло до 70 %.

В последние годы растет интерес к использованию виртуальной реальности (VR) в преподавании английского языка. Технология виртуальной реальности создает имитируемую среду, которая позволяет учащимся переживать сценарии реальной жизни. Это захватывающая интерактивная платформа, на которой студенты могут практиковать свои языковые навыки. Например, студент, изучающий английский как второй язык, может использовать виртуальную реальность для имитации разговора с носителем языка, что дает ему более реалистичный и практичный опыт.

Исследование, проведенное Ю. С. Хукаленко (кандидат филологических наук, научный сотрудник Центра НТИ по нейротехнологиям, технологиям виртуальной и дополненной реальности на базе ДВФУ) сравнивало эффективность обучения с использованием виртуальной реальности и традиционных методов на примере написания абзацев. Участники прошли 12 сеансов обучения: одна группа использовала виртуальную реальность для наблюдения за процессом, вторая – традиционные методы написания. После 6 недель обучения все прошли посттестирование. Исследование показало, что использование виртуальной реальности в преподавании языков привело к улучшению навыков говорения и аудирования у студентов [3].

Ниже приведены примеры конкретных образовательных программ и проектов, которые успешно используют инновационные технологии в обучении английскому языку:

1. Rosetta Stone: Известная своей методологией обучения через образцы речи и изображения, Rosetta Stone также интегрирует виртуальные уроки и интерактивные упражнения для помощи студентам в изучении английского языка.

2. Virtual Reality English Language Learning (VR ELL): Проекты, такие как «Engage VR» и «Immersive English», используют виртуальную реальность для создания имитируемых сред, где студенты могут практиковать разговорный английский, взаимодействуя с виртуальными сценариями и персонажами.

3. Kahoot!: Эта платформа позволяет создавать интерактивные викторины и игровые задания, которые могут быть использованы для обучения и повторения английских слов, грамматики и фраз.

Эти программы и проекты демонстрируют разнообразие подходов к использованию инновационных технологий в обучении английскому языку, от улучшенных методик обучения до визуально-интерактивных сред, способствующих эффективной адаптации иностранных языков.

Заключение. В заключение следует отметить, что использование инновационных технологий в преподавании английского языка оказалось полезным во многих отношениях. Это улучшило языковые навыки студентов, повысило вовлеченность и мотивацию, а также сделало обучение более удобным и доступным. Кроме того, это также открыло студентам новые возможности практиковать свои языковые навыки в разнообразных и реалистичных условиях. Хотя могут быть опасения по поводу чрезмерной зависимости от технологий, преимущества намного перевешивают недостатки. Поэтому преподавателям важно использовать инновационные технологии в своих методах обучения, чтобы обеспечить более эффективный и увлекательный опыт обучения для учащихся.

Список литературы

1. Хрулёва, А. А. Использование цифровых образовательных ресурсов в обучении иностранному языку студентов неязыковых направлений подготовки / А. А. Хрулёва. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 384 с. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tsifrovyyh-obrazovatelnyh-resov-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku-studentov-neyazykovykh-napravleniy-podgotovki> (дата обращения: 09.09.2024).
2. Кузьмина, Ю. С. Многофакторный анализ онлайн-обучения в рамках системного подхода: аспекты повышения качества онлайн-обучения в вузе / Ю. С. Кузьмина. – URL <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogofaktornyy-analiz-onlayn-obucheniya-v-ramkah-sistemnogo-pooda-aspekty-povysheniya-kachestva-onlayn-obucheniya-v-vuze/viewer> (дата обращения: 08.09.2024).
3. Хукаленко, Ю. С. Обучение иностранным языкам (на примере английского) с помощью технологии виртуальной реальности: обзор основных разработок / Ю. С. Хукаленко. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-inostrannym-yazykam-na-primere-angliyskogo-s-pomochyu-tehnologii-virtualnoy-realnosti-obzor-osnyh-razrabotok> (дата обращения: 09.09.2024).

УДК 378.147:81'243

ТВЕЕ И АНГЛИЙСКИЙ: НЕЙРОСЕТЬ, ОТКРЫВАЮЩАЯ НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ В ОБУЧЕНИИ

Красько И.С., ORCID 0009-0008-7149-2870

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
krasko-1980@yandex.ru

Глобальная пандемия COVID-19 стала причиной серьезных трансформаций в образовании, вызвав вынужденный переход от традиционного урока в аудитории с классной доской до онлайн-занятий с использованием интерактивной доски. Это привело к необходимости

оперирования большими объёмами данных и обработки информации в электронном виде.

В этих условиях искусственный интеллект становится важным и востребованным инструментом в сфере образования, помогающим преподавателям поддержать познавательную мотивацию студентов. Он способен решать множество сложных задач и может быть чрезвычайно полезен как для учителя начальной школы, так и для преподавателя высшей школы.

Искусственный интеллект – перспективная технология, которая может эффективно применяться для изучения иностранных языков. В настоящее время существует множество разнообразных нейросетей, которые генерируют и анализируют тексты, отвечают на вопросы, ведут диалоги, синтезируют речь, создают изображения по описанию, разрабатывают упражнения любого уровня сложности и многое другое.

Термины «искусственный интеллект» и «нейросеть» не являются синонимами. Искусственный интеллект (далее – ИИ) – это широкий термин, который охватывает любые технологии, позволяющие машинам выполнять задачи, требующие человеческого интеллекта. Например, обработка естественного языка, распознавание образов, принятие решений и обучение на основе данных.

Нейросеть, в свою очередь, представляет собой компьютерную программу, которая имитирует работу человеческого мозга, и может обучаться, опираясь на большие объемы данных, например, распознавание изображений или обработка текста.

В образовательном процессе нейросети способны обрабатывать большие объемы информации и быстро генерировать необходимые данные, что значительно упрощает процесс планирования уроков, позволяя преподавателю сосредоточиться на более важных аспектах обучения, таких как взаимодействие со студентами и развитие их навыков.

В центре нашего исследования – использование нейросети Twee в обучении английскому языку, которая открывает новые горизонты для преподавателей и обучающихся, позволяя им более эффективно достигать поставленных целей.

Twee – это инструмент на базе ИИ, который предлагает множество полезных функций для создания образовательного контента, охватывающего чтение, письмо, аудирование и говорение. Одной из ключевых возможностей Twee является автоматическое создание вопросов различного типа к видеоконтенту на YouTube. Это позволяет преподавателям легко интегрировать современные медиаресурсы в свои уроки, делая их более интерактивными и увлекательными. Кроме того, нейросеть способна за считанные секунды сгенерировать скрипт любого видеоролика.

С помощью этого сервиса можно быстро генерировать тексты, диалоги, рассказы и статьи на любую тему, создавать тесты с множественным выбором,

увлекательные вопросы открытого типа, утверждения «Верно/Неверно» и многое другое, что помогает оценить уровень понимания материала обучающимися.

Например, в разделе Speaking можно по запросу создать диалог на определенную тему. Виртуальный собеседник самостоятельно моделирует развитие диалога. Эта функция позволяет преподавателю легко генерировать сценарии для ролевых игр, что способствует развитию коммуникативных навыков у студентов. Преподаватель может также использовать эти диалоги для обсуждения культурных аспектов, связанных с темой, что делает занятия более информативными. А в разделе Writing нейросеть может написать эссе на любую тематику, а также подобрать известные цитаты или высказывания по данной проблематике.

Еще одной важной особенностью нейросети является ее способность помогать преподавателю проводить «мозговой штурм» по словарному запасу по той или иной теме. Инструмент позволяет быстро генерировать списки слов и выражений, связанных с заданной темой. Сгенерированные списки слов можно легко интегрировать в различные виды заданий, такие как упражнения на заполнение пропусков / раскрытие скобок, кроссворды и ребусы, упражнения на соотношение слов и их определений, эссе или описания по теме.

Необходимо отметить, что нейросеть не только создает задания, но и автоматически сохраняет их вместе с правильными ответами, что упрощает процесс проверки и оценки знаний студентов.

Неоспоримым преимуществом сервиса Twee является возможность выбора уровня языка при разработке заданий – от начального (A1) до продвинутого (C1). Это обеспечивает более персонализированное и результативное обучение, что особенно важно в контексте изучения иностранных языков.

Доступ к нейросети осуществляется через создание аккаунта на платформе **twee.com**, что позволяет преподавателям быстро начать работу с инструментами. Для максимального удобства доступно мобильное приложение Twee, благодаря чему изучать английский язык стало возможно в любое время и в любом месте, что делает процесс обучения более гибким и доступным.

Несмотря на все вышеизложенные преимущества, Twee обладает и некоторыми недостатками: 1. Ограниченная контекстуальность. Генерируя разнообразные задания и материалы, Twee иногда может не учитывать контекст и культурные нюансы, что может привести к созданию неуместных или неактуальных примеров. В таком случае от преподавателя требуется дополнительная проверка и корректировка сгенерированного контента. 2. Ограничения в креативности. Полагаться исключительно на нейросеть в процессе обучения нельзя, поскольку это ограничивает креативность как преподавателя, так и студентов. Важно сохранять баланс между использованием технологий и традиционными методами обучения, чтобы

стимулировать критическое мышление и творческий подход. 3. Необходимость в обучении пользователей. Для эффективного использования Twee преподавателям и студентам может потребоваться время на обучение и адаптацию к функционалу платформы, что может стать дополнительным барьером для тех, кто не обладает достаточным опытом работы с цифровыми технологиями.

Таким образом, Twee представляет собой высокоэффективный инструмент, который не только облегчает планирование уроков, но также обеспечивает более интерактивный и персонализированный образовательный процесс, расширяет возможности для продуктивной иноязычной коммуникации. Несмотря на множество преимуществ, Twee не сможет полностью заменить преподавателя, а будет выступать лишь дополнительным инструментом обучения. Тем не менее интеграция такой технологии в обучение английскому языку делает занятия более разнообразными, что, безусловно, повышает интерес у студентов и их вовлеченность в учебный процесс.

Список литературы

1. Евстигнеев, М. Н. Нейросеть Twee – новый инструментарий для педагога английского языка / М. Н. Евстигнеев // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 1428–1442. – DOI 10.20310/1810-0201-2023-28-6-1428-1442. – EDN HWAJHP.
2. Twee [Электронный ресурс]. – URL: <https://twee.com> (дата обращения: 15.08.2024).

УДК 372.881.111.1

ОНЛАЙН И ОФЛАЙН ФОРМАТ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Кудашева А. В., ORCID 0009-0001-8004-9589,
Стуколова Е. А., канд. пед. наук, доц., ORCID 0000-0001-9244-5186
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург, РФ
Choosee@mail.ru

Введение. Проблема развития и интенсификации процесса образования как никогда актуальны в современном обществе. Вопросом о перспективах повышения качества образования задаются не только педагоги и лица, осуществляющие управление образовательным процессом, но и законные представители обучающихся.

Всеобщее известно тот факт, что в настоящее время частные индивидуальные занятия приобретают все большую популярность. Многие

школьники принимают участие в олимпиадном движении, большому количеству будущих выпускников требуется дополнительная подготовка к поступлению в вуз. Репетиторское учебно-методическое сопровождение осуществляется на протяжении всего периода обучения – от начала раннего развития и подготовки к школе до момента сдачи вступительных испытаний в высшем учебном заведении.

Одновременно с тем, в особенности благодаря глобальным изменениям, связанным с пандемией коронавируса COVID-19 во многих странах, в том числе в Российской Федерации, высоко востребованными стали дистанционные формы обучения.

Стоит обратить внимание на то, что мир, в целом, находится на новом пути презентации, хранения и обмена информацией. Развитие информационных технологий, которые в федеральном законе определяются как «...процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов», сделало доступным множество дидактических опций. В этой связи параллельно с репетиторским движением и частными офлайн школами появляется большое количество различных видов образовательных платформ, обучающих программ и мобильных приложений, а также онлайн-школ.

Целью представленного этапа исследования является краткий сопоставительный анализ онлайн и офлайн преподавания английского языка.

Основная часть. У формата онлайн обучения (обучения с применением информационных технологий и без непосредственного «живого» контакта с обучающимся) существует достаточно как сторонников и противников. По результатам опроса, проведенного авторами исследования среди учителей школ г. Оренбурга, только 38% респондентов приветствуют применение онлайн обучения в процессе обучения вместо урочных занятий (с частичным замещением последних). Такой же опрос проводился среди репетиторов г. Оренбурга, по результатам которого 67% опрошенных выступают за перенесение индивидуальных занятий в онлайн формат. В процессе опроса были также определены критерии, на основе которых можно провести краткое сравнение офлайн и онлайн работы (таблица 1):

1. Контроль учебного процесса со стороны родителей.
2. Контроль учебного процесса со стороны методистов.
3. Применение принципов здоровьесбережения.
4. Возможность развития мелкой моторики рук на занятии, возможность тренировки правописания.
5. Применение тактильных приемов, элементов формирования ассоциативных лингвистических связей через сенсорно-двигательное запоминание.

Таблица 1

Сравнительная характеристика онлайн и офлайн формата обучения

№ критерия	Онлайн-преподавание (онлайн-школа, индивидуальные занятия онлайн)	Офлайн-преподавание (индивидуальные занятия офлайн, уроки в школе)
1	Да Присутствие родителей на протяжении всего занятия	Нет Индивидуальное обучение
2	Да Комментарии по структуре и содержанию занятия	Нет Самостоятельная работа преподавателя
3	Нет Большая нагрузка на зрение	Да Ограниченное использование информационных технологий в процессе обучения
4	Нет Акцент на использовании виртуальной интерактивной доски, клавиатуры и мыши компьютера	Да Использование прописей, тетрадей для отработки навыков письма, правописания
5	Нет Ограниченна	Да Большое разнообразие игр с использованием карточек и тематических предметов

Из представленной таблицы видно, что выбор формата обучения напрямую зависит от того, какие критерии данного выбора определяет для себя учитель, какие из них играют ведущую роль.

Заключение. Итак, как организация учебно-познавательного процесса в целом, так условия индивидуального учебного сопровождения обучающихся претерпевают значительные изменения. Это связано, в первую очередь, с развитием информационных технологий, широким распространением и доступностью последних. Однако роль современного преподавателя в системе подготовки обучающихся становится более значительной. Если в процессе простого обучения офлайн педагог осуществлял отбор дидактических инструментов и средств, предполагающих, в основном, более традиционный характер работы и круг этих инструментов и средств, в целом, ограничивался возможностями условий непосредственного места проведения урока/занятий. Учебная онлайн коммуникация требует более тщательного отбора инструментария, ведь возможности информационных ресурсов, особенно с появлением искусственного интеллекта, практически безграничны. Следовательно, педагог должен определять алгоритм работы и дополнительные критерии их информационных технологий и средств, напрямую зависящих от целей и задач конкретного занятия.

Авторы исследования находятся в процессе отбора дополнительных критериев сравнения и оценки эффективности информационных технологий в ходе онлайн обучения как в индивидуальном, так и в групповом формате, в том числе, в классно-урочной работе.

Список литературы

1. Боровкова, М. В. Роль преподавателя в организации дистанционного обучения / М. В. Боровкова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 5-3(119). – С. 35–39. – DOI 10.23670/IRJ.2022.119.5.077. – EDN NBEAFZ.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. От 08.08.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/c5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/ (дата обращения: 02.09.2024)
3. Шипкова, Е. Н. Репетиторство как проблема педагогической науки и практики / Е. Н. Шипкова // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – № 2. – С. 39–46. – DOI 10.24411/1813-145X-2018-10005. – EDN UQIXDE.

УДК 378.147

МИКРОАДАПТИВНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Кутузова З. Ю., канд. пед. наук, ORCID 0000-0001-7191-7711

ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева», г. Орел, РФ
kutuzova.zoya@yandex.ru

Введение. В последние годы образовательная система нацелена на улучшение успеваемости и наиболее высокого уровня профессиональной компетентности выпускников. При этом, важным элементом этого процесса является обновление педагогических методов подходов для поддержки мотивации обучающихся, владеющих несколькими иностранными языками, развитию автономности выпускников на будущем профессиональном поприще и способности освоения ключевых компетенций.

Ввиду последних цифровых изменений во всех сферах деятельности человека и особенно в образовании, в нашем исследовании выделим новое понятие в области изучения иностранных языков – микроадаптивный подход и наиболее детально рассмотрим новое понятие в образовательном процессе.

Цель исследования состоит в анализе микроадаптивного подход в преподавании иностранных языков, его теоретических основ и практического применения, а также оценить влияние данного подхода на индивидуализацию учебного процесса.

Основная часть. Современное образование переживает кардинальные изменения, которые открывают новые возможности для адаптации учебного процесса под нужды каждого обучающегося. Одним из наиболее значимых подход по мнению автора Е.А. Ивановой является адаптивный подход, который предоставляет преподавателям инструмент для индивидуализации обучения на более глубоком уровне. В преподавании

иностранных языков это нововведение становится особенно важным, так как изучение языка требует регулярной коррекции и точного учета уровня владения и потребностей каждого студента. Автор уточняет, что при использовании адаптивного подхода каждый обучающийся идет своим собственным маршрутом, согласованным со стандартами, программой, задачами обучения и способностями студента воспринимать и обрабатывать информацию [1, с. 228].

Микроадаптивное обучение базируется на принципах индивидуализации и персонализации учебного процесса. Оно опирается на технологии, которые анализируют данные об успеваемости, прогрессе и поведении учащихся в реальном времени, что позволяет учителю или системе корректировать учебные материалы и задания. В контексте преподавания иностранных языков этот метод имеет особую ценность, поскольку разные аспекты языка (грамматика, словарный запас, произношение) осваиваются учащимися с разной скоростью.

Основная идея микроадаптивного подхода заключается в том, чтобы предоставлять каждому учащемуся те учебные задания, которые соответствуют его текущему уровню и интересам. Например, если ученик испытывает трудности с определенным грамматическим правилом, система может предложить дополнительные упражнения, ориентированные на исправление этих ошибок. При этом задания для сильных сторон ученика могут стать более сложными, чтобы поддерживать его интерес и мотивацию.

Группа авторов М.В. Полякова, А.В. Рубцова, Н.В. Чичерина в своем исследовании шагнули чуть дальше и рассмотрели адаптивную технологию обучения, которая представляет собой совокупность педагогических методов, с помощью которых преподаватель создает оптимальные условия для эффективного освоения дисциплины «Иностранный язык: профессионально-ориентированный курс». Основой этой технологии является индивидуализация учебного процесса и организация самостоятельной работы студентов, что позволяет успешно преодолевать трудности, возникающие при обучении многонациональных групп в российских вузах как в условиях пандемии, так и в обычное время. Практическое применение данного подхода заключается в том, что преподаватель адаптирует учебные материалы и задания под уровень знаний, языковой фон и темп обучения каждого студента, обеспечивая персонализированное обучение. Важной частью этой технологии становится развитие онлайн-курсов, которые продолжают совершенствоваться и строятся на принципах адаптации, предлагая студентам гибкий и эффективный способ освоения профессионально-ориентированных языковых навыков [2, с. 167].

Основываясь на немногочисленных исследованиях авторов и методистов в области изучения иностранных языков, было создано новое понятие «микроадаптивный подход в области изучения иностранных языков». Микроадаптивный подход – это методологический принцип, основанный на

детальной и точечной адаптации изучения иностранного языка к индивидуальным особенностям каждого обучающегося. Этот термин возник в контексте развития классического адаптивного подхода, адаптивной образовательной технологии и персонализированного обучения, где основной акцент делается на изменение иноязычного обучения в режиме реального времени. Свое начало микроадаптивный подход связывает с развитием когнитивной психологии и цифровых технологий, таких как искусственный интеллект, различные языковые приложения и т.д.

Главная суть данного подхода заключается в возможности выявления и исправления конкретных пробелов в знаниях студентов, а также их ошибок и достижений на уровне индивидуальной, отдельных заданий, упражнений или элементов учебной программы. Вместо общего учебного курса, характерной для классических методов адаптации, микроадаптивный подход концентрируется на точечных (персональных) элементах обучения курса иностранного языка – индивидуальных заданиях, формах подачи материала и способах взаимодействия с контентом, что обеспечивает более своевременную реакцию на образовательные потребности обучающегося.

Микроадаптивный подход в обучении иностранным языкам позволяет преподавателю подстраивать занятия под конкретные способности каждого студента. Вместо того чтобы изменять весь учебный курс, как это бывает в традиционных методах, *микроадаптивный подход фокусируется на индивидуальных аспектах.*

Например, если в группе есть студенты, которые испытывают трудности с определенной грамматической темой, следует подобрать для них дополнительные упражнения, нацеленные на исправление этих ошибок. Если у другого студента уже все хорошо с грамматикой, но есть проблемы с произношением, нужно предложить ему специальные задания для улучшения произношения и таким образом точно решить проблему.

Такой подход также дает немедленную обратную связь, указывая на ошибки и предлагая корректировки прямо в процессе выполнения заданий. Это помогает студентам быстрее исправлять свои ошибки и продвигаться в обучении. Важно отметить, что применение микроадаптивного подхода тесно связано с цифровыми технологиями. Так, например, в работе Гуляевой Н.А. исследуется модель адаптивного обучения иностранным языкам с использованием информационно-коммуникационных технологий. Анализируется влияние культурных и межкультурных компетенций в рамках многомерной модели обучения, а также то, как изучение предмета на иностранном языке повышает мотивацию студентов.

Уникальность модели заключается в интеграции различных образовательных подходов, таких как человеко-ориентированное образование и виртуальная среда, адаптированных к электронному содержанию [3].

Заключение. Таким образом, микроадаптивный подход означает гибкую, динамическую и высокоточную персонализацию учебного процесса,

которая оптимизирует обучение, позволяя учитывать особенности усвоения материала каждым студентом на микроуровне, что повышает эффективность и результативность обучения в целом. Данная работа является новой в области методики преподавания иностранных языков и требует дальнейшего рассмотрения и исследования.

Список литературы

1. Иванова, Е. А. Моделирование адаптивного подхода при обучении иностранному языку в технологическом вузе / Е. А. Иванова // Проблемы современного образования. 2022. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-adaptivnogo-podhoda-pri-obuchenii-inostrannomu-yazyku-v-tehnologicheskom-vuze> (дата обращения: 09.09.2024).
2. Полякова, М. В. Применение адаптивной технологии при обучении иностранному языку профессиональной направленности студентов в условиях онлайн-обучения / М. В. Полякова, А. В. Рубцова, Н. В. Чичерина // Современные наукоемкие технологии. – 2022. – № 8. – С. 167–172. – URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=39286> (дата обращения: 10.09.2024).
3. Гуляева, Н. А. Концептуальное моделирование адаптивной инновационной системы обучения иностранному языку в неязыковых учебных заведениях за рубежом / Н. А. Гуляева // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 3 [Электронный ресурс]. – URL: <https://human.snauka.ru/2017/03/23030> (дата обращения: 10.09.2024).
4. Баева, И. В. Адаптивно-интегративный подход в высшем иноязычном образовании / И. В. Баева. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 13 (303). – С. 207–210. – URL: <https://moluch.ru/archive/303/68412/> (дата обращения: 10.09.2024).
5. Зазымкина, Д. А. Оценивание модели адаптивного обучения студентов иностранному языку / Д. А. Зазымкина // Актуальные тенденции и инновации в развитии российской науки: сборник научных статей. Часть XI. – Москва, 2021. – С. 26–28.

УДК 372.881.111

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Михайлова Ю. Л., канд. филол. наук, доц. ORCID 0009-0003-5951-5447,
Олейникова Е. А., канд. пед. наук ORCID 0009-0003-1851-9070,
Симонова Е. Б., ORCID 0009-0009-0140-9899

ФГБОУ ВО «Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина,
г. Орел, РФ
342eali_michailova@mail.ru

Введение. Владение иностранным языком является важной составляющей высококвалифицированного специалиста в современном мире. Однако для многих это остается несбыточной мечтой. Каждый человек осознает, что владение навыками разговорного иностранного языка способствует карьерному росту и успешному продвижению в профессии.

Тем не менее, классическая методика преподавания иностранных языков с педантичным изучением грамматики и лексики остается для многих неприемлемой задачей. Развитие IT технологий делает процесс изучения иностранных языков более комфортным и легкодоступным для каждого, а появление новых методик и технологий обучения способствует более эффективному их освоению.

Цель исследования – анализ современных подходов и методов к изучению иностранных языков.

Основная часть. Тенденции в изучении иностранного языка на современном этапе постоянно обновляются и совершенствуются, что приводит к более динамичному его освоению. В данной работе нами будут рассмотрены новейшие тенденции в изучении иностранных языков с разным уровнем сложности: смешанное обучение, стратегическое обучение и мобильное обучение согласно конкретным потребностям. Остановимся на каждой из них подробнее.

1. Смешанное обучение:

Пандемия, вызванная COVID 19, и последовавшее за ней дистанционное обучение, открыли новые возможности для изучения иностранных языков. Онлайн-занятия, проводимые с использованием средств информационно-коммуникационные технологий (ИКТ), стали мощным средством укрепления традиционных методов преподавания и обучения иностранным языкам в высших учебных заведениях, основанных главным образом на лекциях, дискуссиях и письменных упражнениях.

Подобно очному обучению, онлайн-занятия способствуют быстрому освоению материала. Сочетание традиционных методов обучения и современных ИКТ открывает новые возможности для обучения. Продвинутое курсы иностранного языка становятся доступными для студентов из разных вузов, городов и даже стран. Смешанное обучение повышает качество образования на университетском уровне и удовлетворяет потребности студентов в обучении.

Применение на занятиях мультимедийных ресурсов, таких как онлайн-тесты, аудио и видео материалы, наглядные пособия, и ментальные карты, является еще одним эффективным инструментом при обучении, который способствует поддержанию мотивации студентов, поощрению академической активности и повышению успеваемости. Традиционные и содержательные методы преподавания в сочетании с ИКТ в рамках изучения иностранных языков повышают процент вовлеченности обучающихся в процесс и улучшают их навыков устного общения.

2. Стратегическое обучение:

В стратегическом обучении группы или организации быстро учатся на своей работе и адаптируют свои знания к стратегиям. Это означает интеграцию оценки и оценочного мышления в процесс принятия

стратегических решений и представление своевременных данных для анализа и использования.

Как следствие стратегическое обучение можно определить как способ принятия решений о курсе, отдельном классе или даже всей учебной программе с анализом ключевых переменных в учебной ситуации. Эти переменные включают характеристики учащихся, цели обучения и учебные предпочтения учителя. После анализа этих переменных можно принимать обоснованные решения о содержании курса, структуре, методах оценивания и других ключевых компонентах.

Сосредоточение внимания на развитии мыслительных способностей обучающихся и отслеживание результатов их содержания на иностранном языке также улучшит их коммуникативные навыки.

3. Мобильное обучение:

С мобильными телефонами изучение иностранных языков стало еще доступнее. Различные мобильные приложения разработаны, чтобы сделать изучение иностранного языка увлекательным и интересным. В настоящее время доступно большое количество приложений для мобильных устройств, в которых представлены бесплатные учебные ресурсы, такие как планы уроков, карточки и слайд-шоу. Эти приложения также предоставляют аудиоуроки и дают возможность учащимся записывать аудио для анализа своих навыков. Такие приложения также разделяются по уровням сложности, выбранным учащимися.

Рассмотрим несколько мобильных приложений для изучения иностранных языков.

Puzzle English – это программа позволяет тренировать грамматику, произношение, понимание речи на слух, изучать и повторять лексику. С Puzzle English можно расширять словарный запас по алгоритму короткого интервального повторения.

Lingualeo – удобный сервис, объединивший в себе множество инструментов и методик обучения. Он содержит широкий выбор тренажеров и курсов, упражнений по грамматике, видеороликов для обучения и коллекций материалов.

Grammarize – сервис, предназначенный для отработки английской грамматики. В Grammarize содержатся подробные грамматические правила, проверочные тесты и упражнения для пользователей на ступенях A1, A2, B1.

Mondly – мобильная платформа для проработки 50 наиболее распространенных коммуникативных ситуаций и практических тем. Mondly содержит аудиоклипы, записанные носителями языка.

Заключение. Традиционная методика преподавания иностранных языков подчеркивает роль преподавателя и основывается на повторении, механической отработке упражнений и запоминании. Современные методики и тенденции направлены на формирование коммуникативных навыков, что способствует более быстрому и продуктивному освоению

иностранный язык и делает процесс обучения более привлекательным и увлекательным. Для достижения устойчивого формирования лексических, грамматических и монологических навыков при изучении иностранных языков необходимо сочетать мобильное обучение с традиционными методами обучения.

Список литературы

1. Михайлова, Ю. Л. Формирование иноязычной компетенции в условиях дистанционного обучения в вузе / Ю. Л. Михайлова // Аграрный сектор экономики России: опыт, проблемы и перспективы развития: Материалы всероссийской (национальной) научной конференции, Орел, 16 июня 2021 года / Науч. редактор Е.В. Бураева, сост. Н.В. Польшакова. – Орел: Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина, 2021. – С. 605–608. – EDN FWUUNX.
2. Михайлова, Ю. Л. Дистанционное обучение иностранным языкам в вузе: проблемы и перспективы / Ю. Л. Михайлова, М. Р. Михайлов, Л. Н. Жилина // Аграрный сектор экономики России: опыт, проблемы и перспективы развития : Материалы всероссийской (национальной) научной конференции, Орел, 26 июня 2020 года / Научный редактор Е.В. Бураева. – Орел: Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина, 2020. – С. 506–510. – EDN MCFMNQ.
3. Top English language learning trends 2023. – Режим доступа: <https://www.edoxi.com/studyhub-detail/top-english-language-learning-trends>, свободный – Загл. с экрана (дата обращения: 12.08.2024).

УДК 81`01/08

КОММУНИКАТИВНО-ЗНАЧИМЫЕ ОШИБКИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Мохосоева М. Н., канд. филол. наук, доц., ORCID 0009-0000-2298-618X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
m.mokhosoeva@mail.ru

Введение. Исследование посвящено изучению роли грамматики в преподавании иностранных языков в вузе.

Цель статьи – изучить влияние коммуникативно-значимых грамматических ошибок при обучении иностранному языку.

Основная часть. Существуют противоречия относительно необходимости исправления грамматических ошибок в случаях, когда они не влияют на процесс коммуникации.

Экспериментально установлена связь между контекстом и типичными грамматическими ошибками. В одних контекстах грамматические ошибки являются коммуникативно-незначимыми, а в других коммуникативно-значимыми. Высоким процентом коммуникативной значимости

характеризуются ошибки, связанные с нарушением структуры высказывания [4].

Напротив, морфологические недочеты чаще не ведут к коммуникативному сбою. Мешают восприятию и ухудшают понимание некорректные синтаксические построения [7, с. 139].

Коммуникативно значимые ошибки искажают смысл отдельной фразы, диалогического единства, разговора в целом, что делает затруднительным или невозможным продолжение коммуникации [3, с. 27].

Коммуникативно незначимые ошибки не вызывают затруднений при понимании, не приводят к серьезным сбоям в процессе общения, но нарушают те или иные нормы языка.

Грамматически правильно построенная конструкция с использованием слов с подходящей для ситуации семантикой позволяет верно понять смысл высказывания, но может быть оторвана от реальной языковой практики [7, с. 138].

Грамматические ошибки плохо поддаются систематизации. При этом, решение коммуникативных задач возможно даже при наличии серьезных грамматических ошибок в речи. Напротив, коммуникация может не состояться вследствие культурологической погрешности между участниками процесса.

Т. М. Балыхина к коммуникативно-значимым относит ошибки, допускаемые в области фонетики, грамматики, лексики, а также оговорки и описки [2, с. 144]. При этом, оговорка может вызвать непонимание при общении, сравните: *купить квартиру – купить картину и др.*

Слабое освоение тех или иных лексем, проявляющееся в неудачном подборе слов, стилистические недочеты могут привести к коммуникативно-значимым ошибкам. Важно учитывать синтаксические устойчивые конструкции, присущие отдельным языкам. Например, среди англоговорящих возникают образования **Я не знаю, если я смогу уделить время* (замена «ли» на «если»). Иногда синтаксические конструкции, дублирующие родной язык, затрудняют понимание высказывания: **Я говорю о том, как противу токийскую жизнь* [4]. Студент хотел сказать, что *жизнь в Токио отличается от его нынешней жизни*.

Точный критерий, позволяющий четко разграничить коммуникативно-значимые и коммуникативно-незначимые ошибки, отсутствует. На наш взгляд, значимой можно назвать ту ошибку, которая приводит к коммуникативной неудаче.

При обучении иностранному языку, учащиеся нередко опираются на родной язык в процессе общения, что приводит к явлению межъязыковой интерференции – источнику ошибок. При этом, говорящий приравнивает единицы одного языка к единицам другого, что можно наблюдать на всех уровнях языка – фонетическом, грамматическом, лексическом, синтаксическом.

Явление межъязыковой интерференции рассматривается психолингвистикой – аспектом методики, изучающим особенности развития речи учащихся в процессе изучения иностранного языка.

Примером фонетической интерференции может служить смещение ударения в словах, схожих по звучанию со словами из родного языка. Например, англ. *Gymnast, champion, medicine, important, process, operator, catastrophe, industry, conference* и т. Д.

Для преодоления фонетических трудностей и интерференции со стороны первого иностранного языка необходимы дифференцированные упражнения, сопровождающиеся разъяснением о различиях артикуляции сопоставляющихся звуков.

Межъязыковая интерференция на грамматическом уровне возникает в результате наличия разных грамматических категорий в двух языках, разного порядка слов в предложении и т. п. Это приводит к нарушению правил склонения и выбора грамматических единиц.

Так, в утвердительном английском предложении обязательно должно быть подлежащее, которое всегда стоит перед сказуемым, порядок слов строго фиксирован, и каждый член предложения имеет свое конкретное место: “*I will go to the park with my friend tomorrow.*”

В русском же языке порядок слов свободный, например: «*Я завтра поеду с другом в парк*», «*С другом поеду я в парк завтра*», «*В парк с другом завтра я поеду*».

В английском языке в безличных предложениях нельзя употреблять просто глагол или прилагательное, как в русском языке: «*Ветрено*», «*Холодно*». Необходимо наличие безличного подлежащего и сказуемого – “*It’s windy*”, “*It’s cold*”.

Основными причинами межъязыковой лексической интерференции являются:

1) полное или частичное незнание денотативного значения слова, т. е. отношения фонетического слова к конкретному обозначаемому объекту, предмету речи; 2) незнание коннотативного значения слова (лат. *Con* – «вместе», *notare* – «отмечать, обозначать»), т. е. его дополнительных оттенков; 3) перенос значения из единицы родного языка в соответствующую единицу второго языка и дословный перевод.

Примером отрицательной интерференции может быть выбор синонима из числа слов, имеющих частично сходную семантическую структуру по аналогии с родным языком. **Speak less, hear more.* – *Speak less, listen more.*

Результатом влияния межъязыковой интерференции на лексическом уровне является буквализм. Например, существительное английского языка *magazine* часто переводят как *магазин*, а не *иллюстрированный журнал*, *character* – *персонаж*, а не *характер* и др.

Среди причин межъязыковой интерференции являются ошибочное использование аналогий, ложная убежденность в однозначности тех или иных слов.

Учащиеся нередко при использовании механизмов иностранного языка отказываются от привычных норм мышления и структур на родном языке. Это создает определенные трудности при речевом общении.

Одним из способов преодоления влияния межъязыковой интерференции может выступать сравнительно-сопоставительный анализ используемых языков.

Список литературы

1. Азимов, Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М., 2009. – С. 101. – EDN XQRFTT.
2. Балыхина, Т. М. Основы теории тестов и практика тестирования. – М., 2009. – С. 144–145. – EDN QUMRUT.
3. Балыхина, Т. М., Ельникова С. И., Костина С. Г., Румянцева Н. М., Царева Н. Ю. – Рабочая тетрадь тестора: учеб. пособие. – М.: РУДН, 2015. – С. 27.
4. Жорова, А. П. Коммуникативно значимые ошибки, допускаемые при выполнении субтеста «Письмо» первого уровня // Тестовые формы контроля по русскому языку как иностранному (РКИ): II Всерос. Науч.-практ. конф.: доклады и сообщения. – М., 2005. – URL: <http://www.ktorki.org/zhorova2005M.html>.
5. Игнатъева, О. П. Лингводидактическая теория ошибки и пути преодоления ошибок в речи иностранных учащихся: автореф. дис. ...канд. пед. наук. – М., 2006.
6. Лазарева, О. А. Школа тестера: Лингводидактическое тестирование ТРКИ – TORFL: метод. Пособие. – СПб., 2011. – С. 41.
7. Фомина, Н. С. Коммуникативно значимые и незначимые ошибки в письменной речи тестируемых по русскому языку как иностранному // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – № 12 (декабрь). – С. 136–140. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/15434.htm>.

УДК 378.147+11

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ОБУЧЕНИИ ESL

Мустаева Д.Ф., ORCID 0009-0000-5810-6551

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
d.mustaieva@mail.ru

В современную эпоху глобализации технологии играют ключевую роль в широком спектре областей, включая образование. Стремительное развитие технологий требует от педагогов умения их применять. Использование технологий облегчает приобретение знаний и информации. Нельзя отрицать, что учителя играют решающую роль в повышении качества образования. В этом контексте ожидается, что профессиональный

педагог должен обладать разнообразным набором навыков в соответствии с требованиями обучения в 21 веке. Эти навыки включают в себя скрупулезность, инициативность, творческое начало и новаторство при использовании цифровых технологий.

Включение медиа в учебный процесс значительно повышает творческий потенциал преподавателей, позволяя им создавать учебный контент таким образом, чтобы он не только вовлекал учащихся, но и способствовал его эффективному внедрению. Используя новейшие технологические достижения, учителя могут создавать привлекательный медиаконтент, тем самым стимулируя вовлеченность и мотивацию учащихся. Они позволяют преподавателям представлять цели обучения в более увлекательной форме, преодолевая ограничения времени и пространства. Кроме того, медиа способствуют интерактивности и конкретности обучения, что делает их незаменимым инструментом для активного обучения [3].

Технологии открывают множество возможностей для преподавателей английского языка в области преподавания английского как второго языка (ESL), позволяя им использовать творческие и гибкие методы преподавания. Это открывает перед преподавателями ESL широкий спектр ресурсов для доступа к высококачественным материалам для преподавания английского языка. Преподаватели ESL могут изучать обширный контент, доступный с помощью технологий, которые могут быть использованы на их уроках. Это включает в себя обучающие онлайн-игры, рассказы, видеоролики и песни. Кроме того, технология позволяет преподавателям английского языка эффективно создавать, организовывать, хранить и собирать учебные материалы. По сути, технология служит платформой, которая позволяет преподавателям английского языка внедрять инновации в свой подход к преподаванию, включая материалы и инструменты в уроки ESL, обогащая учебный опыт учащихся. Интеграция технологий в преподавание английского языка значительно преобразила современные классы ESL. Этот новый подход заметно отличается от традиционных, устаревших методов преподавания английского как второго языка (ESL). Преподаватели ESL теперь имеют возможность более эффективно передавать знания благодаря разнообразным материалам, доступным для обучения учащихся ESL. Эти материалы включают мультимедийные ресурсы, интерактивные упражнения и онлайн-платформы, которые обеспечивают более увлекательный и интерактивный процесс обучения. Этот сдвиг в методах преподавания не только повысил эффективность обучения, но и создал более приятную и стимулирующую учебную среду для студентов. Кроме того, это дало учителям больше свободы для проявления своего творческого потенциала и адаптации своих стилей преподавания в соответствии с потребностями и предпочтениями своих студентов [2].

Интеграция платформ социальных сетей в сферу обучения английскому языку стала значительным достижением в области цифровых технологий, основанных на программном обеспечении. Эти платформы стали мощными инструментами для преподавания и обучения, благодаря их доступности, интерактивности и удобству в использовании. Платформы социальных сетей стали ценным и эффективным инструментом преподавания в контексте изучения английского языка как второго (ESL). Они все чаще используются в образовательных целях для повышения успеваемости и навыков, несмотря на их предполагаемую роль в качестве платформ для общения и развлечений. Платформы социальных сетей способствуют развитию словарного запаса и всех четырех навыков владения английским языком: письма, чтения, разговорной речи и аудирования. Таким образом, эти платформы помогают как преподавателям английского как второго языка (ESL), так и студентам повысить уровень владения английским языком, что в конечном итоге приводит к улучшению их общих навыков владения английским языком.

Кроме того, наличие платформ социальных сетей позволяет студентам выражать свои мысли как устно, так и письменно. Социальные сети оказывают значительное влияние, поскольку предоставляют обширную информацию и ресурсы, которые могут обогатить опыт обучения студентов в онлайн-среде. Например, если это урок письма на английском языке, некоторые преподаватели используют платформы социальных сетей, чтобы помочь учащимся в процессе написания текстов. Учащиеся могут найти полезную информацию о том, как создать хорошо структурированное письменное произведение, перефразируя, проверяя орфографию, редактируя, обобщая и цитируя контент из социальных сетей. Это позволяет учащимся улучшить свои навыки письма, выражая свои мысли и эмоции в формальной форме. Таким образом, включение социальных сетей в занятия по письму может способствовать развитию письменных способностей учащихся. По сути, социальные сети служат ценным инструментом для улучшения навыков общения и самовыражения учащихся в эпоху цифровых технологий. Этот подход зарекомендовал себя как новаторский метод совместной работы преподавателей в классе ESL, который улучшает качество преподавания и обучения.

В заключение хотелось бы отметить, что студенты, изучающие английский как второй язык (ESL), демонстрируют позитивное отношение, опыт и восприятие цифровой коммуникации. Благодаря социальным сетям учащиеся лучше осознают свои письменные и коммуникативные способности. Цифровая коммуникация рассматривается как неформальная среда обучения, и ее эффективность в совершенствовании языка превосходит большинство формальных и традиционных методов. Навыки цифровой грамотности необходимы для успеха в 21 веке, поскольку они отличаются от тех, которые приобретаются в традиционной среде обучения.

Список литературы

1. Андреева, И. А. Обучение говорению старшеклассников на уроках английского языка на основе информационных технологий / И.А. Андреева, О.Б. Шепелина // Инновационная наука. – 2015. – Т. 2. – № 5 (5). – С. 159–160. – EDN TTXUQR
2. Баймулдина, Н. С. Использование мобильных технологий в дистанционном обучении английского языка / Н.С. Баймулдина, С.О. Калмуханбетова, Г.Н. Скабаева // Новые информационные технологии в образовании: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. – Екатеринбург, 2016. – С. 205–209. – ISSN: 2410-7328.
3. Гальскова, Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам. – М.: АР КТИ, 2001. – 141 с.
4. Жракова, К. И. К вопросу о новых информационных технологиях в обучении школьников английскому языку / К.И. Жракова, Н.Е. Крючкова // Современные подходы к обучению иностранным языкам в средней школе: сб. науч. ст. / Чуваш. Гос. Пед. ун-т им. И.Я. Яковлева. – Чебоксары, 2013. – С. 139–143.
5. Замарина, С. Ю. ИКТ на уроках английского языка как необходимое условие и механизм реализации ФГОС // Инновация в образовании. Современная психология в обучении: материалы II Междунар. науч. конф.: в 2 т. – Казань, 2013. – С. 94–95.
6. Интернет-технологии в обучении иностранным языкам: учебно-методическое пособие / О.И. Донецкая, А. Зорге, Т.К. Иванов [и др.] / под ред. Проф. Р. Х. Лапытова. – Казань: КГУ, 2009. – ISBN 978-5-98180-666-7.
7. Мильруд, Р. П. Информационно-педагогические технологии обучения иностранным языкам на базе WEB 2.0 / Р.П. Мильруд, И.Р. Максимова // Иностранные языки в школе. – 2013. – № 6. – С. 51–59. – EDN: QIWNCN.

УДК 811.112.2

VIDEOVORTRÄGE IM BILDUNGSPROZESS IM BEREICH DER HOCHSCHULBILDUNG IN RUSSLAND

Назаренко Е. Н., ORCID 0000-0001-9554-899X,
Старостенкова В. А., ORCID 0009-0006-2345-7654,
Воробьева Л. П., ORCID 0009-0007-2355-9017

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
eln.nazarenko@mail.ru

Einleitung. Die sprachliche Ausbildung zukünftiger Fachkräfte aller Fachrichtungen unter Berücksichtigung globaler Veränderungen auf der ganzen Welt ist zweifellos von großer Bedeutung für die moderne Pädagogik und Methodik des Fremdsprachenunterrichts in unserem Hochschulsystem. Im Kontext neuer politischer, wirtschaftlicher, kultureller und pädagogischer Realitäten, der Neuformatierung öffentlicher moralischer Werte durch die weltweite Durchsetzung einer Lebensweise, die den traditionellen menschlichen Prinzipien fremd ist, weist die Ausbildung und Bildung unserer jüngeren

Generation ihre eigenen Merkmale auf. Denn es ist zweifellos der mobilste und wichtigste Teil der modernen Gesellschaft. Gleichzeitig ist die persönliche und berufliche Entwicklung der Studierenden durch sprachliche Ausbildung durch die Entwicklung ihrer sprachlichen und beruflichen Fähigkeiten untrennbar mit der Organisation und Motivation der Gesellschaft, in der sie leben, verbunden. Durch die Erfindung des Computers hat sich das Leben in verschiedenen Bereichen stark verändert: Mobilität und Vernetzung halten Einzug in das tägliche Leben. Um am Puls der Zeit zu bleiben, ist es notwendig auch das bis jetzt nahezu unveränderte Bildungssystem in die Zukunft zu tragen. Ob der zahlreichen politischen Diskussionen konnte man sich bis heute nicht flächendeckend darauf einigen, Informatik als eines der grundlegenden Fächer im Schulbetrieb zu verankern.

Hauptteil. Es besteht kein Zweifel daran, dass sich im Zusammenhang mit gesellschaftlichen Entwicklungen, wie sie unter Stichworten, wie etwa «Globalisierung», «Wissensgesellschaft», «Digitalisierung», «demografischer Wandel», «Migration» usw. beobachtet werden, die Erwartungen an Hochschulen tiefgreifend verändert haben. Die Durchführung von Schulungen mit traditionellen Methoden, hauptsächlich in überfüllten Klassenräumen, ohne moderne technische Ausstattung, ohne den objektiven Einsatz von KI, führt faktisch zu einer Vernichtung der Fähigkeiten junger Menschen. Viele Expert/inn/en auf diesen Umstand hinweisen. Es ist sehr aktuell, die Modernisierung des Bildungssystems durch die Erweiterung mit Medien oder von einer Virtualisierung zu intensivieren. Dieser Tage wird von der «Digitalisierung» der (Hoch-)Schule gesprochen.

In der modernen Welt unterliegen mit der beschleunigten Entwicklung des technischen Fortschritts absolut alle Bereiche des menschlichen Lebens vielfältigen Veränderungen. Es ist ganz natürlich, dass sich unter solchen Bedingungen der Bildungsprozess verändert. Das Bildungssystem kann sich einfach nicht ausschließlich auf traditionelle Methoden verlassen. Interaktive Technologien werden zunehmend eingesetzt, der Bildungsprozess wird computerisiert, Lehrmethoden ändern sich und es wird auf Fernunterricht zurückgegriffen. Heute sind sogenannte Videovorträge ein großer Erfolg und erfreuen sich zunehmender Beliebtheit. Es handelt sich um Videos, die bei Studierenden das realitätsnaheste Gefühl erzeugen können, bei einer Vorlesung anwesend zu sein oder an einer Aktion teilzunehmen. Daher nimmt ihre Zahl von Jahr zu Jahr zu. Diese Methodik eröffnet Perspektiven zur Verbesserung und Entwicklung neuer Bildungstechnologien im Fremdsprachenunterricht an Universitäten. Es ist erwähnenswert, dass Videovorlesungskurse nicht mit dem Ziel erstellt werden, die traditionelle interaktive Lernumgebung vollständig zu ersetzen, sondern das Präsenzlernen nur teilweise zu ersetzen. Videovorlesungen sind nur eines der Lehrmittel, deren Einsatz es ermöglicht, eine multisensorische

Bildungsumgebung zu organisieren, die es Schülern mit unterschiedlichen Wahrnehmungstypen ermöglicht, Bildungsinformationen effektiv aufzunehmen.

Aufgrund ihrer funktionalen Rolle im Bildungsprozess lassen sich Videomaterialien in folgende Gruppen einteilen:

1. Dokumentarische Videovorlesungen sind traditionelle Arten von Vorlesungen, die von Lehrkräften aufgezeichnet werden, um Handbücher für Studierende und Bewerber zu erstellen. Diese Art von Vorlesung gilt als die einfachste, zugänglichste und kostengünstigste. Kreide und eine Tafel dienen oft als Hilfsmittel; bestenfalls für praktische Experimente, etwa wenn es um Fächer wie Physik oder Chemie geht. Auf jeden Fall ist anzumerken, dass diese Art der Vorlesung hinsichtlich der Parameter einer Live-Präsenzvorlesung unterlegen ist. Wenn wir über die Vorteile dieser Entwicklungen sprechen, sollte ein wichtiger positiver Punkt erwähnt werden: Eine solche Vorlesung kann wiederholt reproduziert und auch zu Hause verwendet werden.

2. Folienvorträge können heute als eine der preisgünstigsten und praktischsten Arten von Videomaterial angesehen werden. Sie eignen sich gut als Alltagsmaterial für die Arbeit mit Studierenden und können im Laufe des Unterrichts ganz oder teilweise eingeführt werden. Dabei handelt es sich um eine Aufnahme des Sprecherkommentars des Sprechers oder des Vortragenden selbst, begleitet von der Einblendung eines Foliensatzes (100-200 pro Vortrag). Im traditionellen Bildungsprozess stellen nonverbale Kommunikationsmittel eine wesentliche Ergänzung zur verbalen Kommunikation dar: Kinesik (Gesten, Mimik, Pantomime), Paralinguistik (Stimmqualität, Stimmumfang, Tonalität), Extralinguistik (Einbeziehen von Pausen, Lachen, Husten, usw. in der Sprache), Proxemik (räumliche und zeitliche Organisation der Kommunikation), visuelle Kommunikation (Blickkontakt).

Der semantische Inhalt einer Nachricht während eines Live-Gesprächs zwischen Gesprächspartnern wird zu 7 % verbal (Wörter), zu 38 % durch die Intonation des Sprechers und zu mehr als 50 % durch Mimik, Gestik und Körperhaltung der «Informationsquelle» vermittelt. Daher ist bei einer Folienvorlesung die Bereitstellung einer Audiobegleitung von großer methodischer Bedeutung. In der Rede eines jeden Menschen spiegelt sich sein emotionaler Zustand in einer ganzen Reihe von Ausdrucksmomenten wider – in Intonation, Rhythmus, Tempo, Pausen, Heben und Senken der Stimme, sich steigernden Konstruktionen, Pausen usw. Eine grammatikalisch korrekte Lektüre des Textes eines gedruckten Lehrbuchs durch einen Redner erweist sich als unpersönlich und trocken, was zu einer Einengung der Informationsredundanz führt, die normalerweise in einer Vorlesung im Klassenzimmer vorhanden ist und das Verständnis des Stoffes erleichtert. Um diesen Nachteil zu überwinden, ist es notwendig, den Voice-Over-Kommentar so nah wie möglich an den Stil der Live-

Конversation heranzuführen, mit der Formulierung rhetorischer Fragen und Appellen an unsichtbare Zuhörer als virtuelle Gegner. Eine gewisse Originalität der Stimme und Struktur der Rede des Dozenten mit möglichen Vorbehalten, Änderungen und Pausen ermöglicht es, einen psycho-emotionalen Hintergrund zu schaffen, auf dem unwillkürlich assoziative Marker, «Hinweise» entstehen, die den Übergang von Kurzfristigkeit erleichtern vom Gedächtnis zum Langzeitgedächtnis.

Abschluss. So verfolgt der Einsatz verschiedener Formen von Videovorlesungen und Videomaterialien, die die wissenschaftliche Disziplin unterstützen, ein propädeutisches Ziel und ist für die Disziplin als Ganzes oder für ihre einzelnen, am schwierigsten zu beherrschenden Abschnitte geschaffen. Sie sind ein technisches Mittel zur Aktivierung, Organisation und Steuerung der kognitiven Aktivität von Schülern.

Referenzen

1. Die Rolle der Bildungsinformatik für die Hochschule der Zukunft. In: Hochschule der Zukunft. Dittler, U. & Kreidl, C. (Hrsg). S. 117–128.
2. Baethge, M. (2006). Das deutsche Bildungs-Schisma: welche Probleme ein vorindustrielles Bildungssystem in einer nachindustriellen Gesellschaft hat. SOFI-Mitteilungen, 34, 13–27. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s40955-015-0041-x>

УДК 811.111

УСТНАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ КЕЙСА В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА К ОБРАЗОВАНИЮ

Онипченко Л. Н., ORCID 0009-0001-3745-2217,

Шевлякова А. М., ORCID 0009-0002-4290-0616

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
allashev23@mail.ru

Введение. Выбор методов обучения, способствующих развитию коммуникативных навыков, расширению кругозора, развитию самостоятельной, поисковой деятельности, формированию эстетических взглядов и повышению уровня компетентности является важной проблемой обучения иностранному языку. Интерактивные методы обучения, суть которых состоит в такой организации учебного процесса, при котором практически все обучаемые оказываются вовлеченными в процесс познания и имеют возможность понимать и рефлексировать увиденное и услышанное относятся к таким методам. Интегративная деятельность предполагает организацию и развитие диалогового общения, которое ведет к

взаимопониманию, взаимодействию, к совместному решению общих, но значимых для каждого участника задач.

Цель данной статьи – показать преимущество интегративного метода кейс-стади в формировании иноязычной профессиональной компетенции, привлекая обучаемых к самостоятельной иноязычной деятельности в искусственно созданной профессиональной среде.

Основная часть. Принцип «прецедента» или «случая», отличительной особенностью которого, является создание определенной проблемной ситуации на основе фактов из реальной жизни является культурологической основой появления и развития кейс метода. Кейс метод, будучи единым информационным комплексом, должен соответствовать основным принципам, а именно: простоте, ясности и точности. Устная презентация кейса становится в последнее время все популярнее, и она имеет ряд преимуществ перед письменной, среди которых можно выделить следующие:

- Устная презентация более побудительная, чем письменная.
- Устная презентация – гибкая. Оратор может откликаться на изменения окружающей обстановки, адаптировать свой стиль, чувствуя настроение аудитории.

Однако, давая определенные знания, устная презентация кейса обладает свойством кратковременного воздействия на обучаемых поэтому трудна для восприятия и запоминания, что означает смещение акцента от исполнительной к подготовительной фазе. При подготовке устной презентации следует помнить, что она кратковременная и обеспечивает только частичное запоминание, что порождает следующие проблемы, о которых надо помнить и стараться избегать во время подготовки презентации:

- Прочитать и рассказать – не одно и то же. Акт говорения требует планирования, а это очень трудно сделать. Еще труднее оценить только что сказанное и перестроить выступление.
- Прослушать устную презентацию тоже сложно. При обычном прослушивании слушатель в уме повторяет предложение и пропускает 2-3 следующие предложения, которые говорит оратор.
- Понимание – цель короткого выступления. Во время длинных выступлений аудитория нуждается в структуре и наглядности.
- Недостаточное владение вопросом. Презентующий кейс студент должен быть практически абсолютно знаком с материалом.

Как мы видим, есть много проблем в устной презентации кейса. Но в том и заключается мастерство преподавателя, чтобы, зная возможные проблемы, уровень подготовленности аудитории и способности своих студентов, помочь презентующему максимально успешно справиться с задачей. Преподаватель должен обратить внимание студента-оратора на ограниченное время презентации, знание аудитории, четкую структуру

презентации, уровень детализации, соответствующий структуре, планирование выступления, визуальные средства и свободу выступления.

Развитию различных компетенций и практических навыков способствует методика кейса. Кратко эти компетенции и навыки могут быть описаны одной фразой – творческое решение проблемы и формирование умения анализа ситуации и принятия решения. Среди самых важных компетенций, навыков и умений, которые развивает кейс-метод, можно назвать следующие:

1. Умения учиться следить за презентуемой информацией, осознавать цель поставленного задания и активно использовать язык.

2. Эвристические умения – способность студентов воспринимать новый опыт и находить, понимать и передавать новую информацию.

3. Аналитические навыки – умение отличать данные от информации, классифицировать, выделять существенную и несущественную информацию.

4. Творческие навыки – генерация альтернативных решений, которые нельзя найти логическим путем.

5. Практические навыки – формирование навыков использования теории, методов и принципов.

6. Коммуникативные навыки – умение вести дискуссию, убеждать окружающих. Использовать наглядный материал и другие медиасредства, кооперироваться в группы, защищать собственную точку зрения, убеждать оппонентов, составлять краткий, убедительный отчет.

7. Коммуникативные речевые компетенции. Кейсы демонстрируют студентам коммуникативный характер языкового образования, развивая их речевые и общие компетенции. Коммуникативная компетенция обучаемых, при использовании кейса на занятии реализуется в разных видах речевой деятельности, а именно в восприятии, продукции, интеракции или медиации.

8. Социальные навыки – оценка поведения людей, умение слушать, поддерживать дискуссии или аргументировать противоположное мнение, контролировать себя и т.д.

9. Самоанализ – формирование восприятия своих сильных и слабых черт, способность определять свои собственные потребности и цели, а также свои собственные стратегии для достижения этих целей.

Заключение. Как мы видим, с точки зрения развития общих компетенций студентов, а также коммуникативных речевых компетенций и навыков в разных типах речевой деятельности кейс-метод заслуживает внимания преподавателей. Содержательно материал в кейсах должен обнаруживать признаки организационной конфликтности, многовариантности методов принятия решений и альтернативности самих решений, субъективности ролевого поведения, динамики событий и возможности реализации предложенного решения. Однако следует

помнить, что работа с кейсом требует особого творческого подхода и серьезной работы со стороны преподавателя. Кроме того, чтобы работа с кейсом была успешной, студенты должны быть подготовлены к такому виду деятельности, а уровень сложности кейса должен быть адаптирован к уровню группы.

Список литературы

1. Аверьянова, С. В. Роль «кейс-стади» в профессиональной подготовке будущих экономистов-международников на занятиях по иностранному языку / С. В. Аверьянова // Российский внешнеэкономический вестник. – 2010. – № 8. – С. 56–60. – EDN PVBHTP.
2. Леонгард, О. А. К проблеме формирования межкультурной коммуникативной компетенции посредством кейс-метода / О. А. Леонгард // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – № 15. – С. 130–133. – EDN PJTBVT.
3. Михайлова, Е. И. Кейс и кейс метод: общие понятия // Маркетинг. – 2009 №1. – С. 109–117.
4. Сырина, Т.А. Метод кейс-стади в контексте обучения иностранному языку в высшей школе / Сырина Т.А. // Филологические науки: вопросы теории и практики. – 2015. – № 10, ч. 2. – С. 154–157.
5. Тулепбергенова, Д. Ю. Особенности использования <<Кейс-стади>> в обучении студентов иностранному языку: аналитический обзор // Вестник Астраханского государственного технического университета. – №2(56). – 2013. – С. 136–144.

УДК 81-139

ИСКУССТВЕННЫЙ РАЗУМ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Писаревская М. М., ORCID 0000-0001-7562-5230

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
m.pysarevska@donnu.ru

Прогресс в современном мире и все возрастающее совершенствование искусственного интеллекта предлагают пути для создания таких подходов к обучению, которые учитывают индивидуальные особенности каждого студента. Таким образом, можно предположить, что в ближайшем будущем технологии, связанные с ИИ, станут неотъемлемой частью образования.

Применение ИИ в сфере образования имеет ряд достоинств, среди которых и есть индивидуализация обучения. А это означает, что технологии, основанные на ИИ, могут соотносить образовательный процесс и потребности каждого студента, учитывая темп обучения, степень понимания и уровень знаний. Исходя из того, что искусственный разум способен обрабатывать большие объемы данных, это позволяет ему выявлять тенденции в обучении,

определять эффективные методы преподавания и даже предсказывать возможные трудности, с которыми могут столкнуться студенты.

Огромным плюсом для многих преподавателей является возможность использовать искусственный разум для создания собственных образовательных решений, которые не только делают процесс изучения материала интерактивным, но и экономят значительное количество времени.

Умение взаимодействовать с ИИ и использовать его в целях обучения иностранному языку является компонентом цифровой компетенции учителя иностранного языка, под которой понимаются знания, умения, навыки, способности и готовность к ведению образовательного процесса в цифровой среде. Учитель иностранного языка должен уметь использовать цифровые инструменты, программы и онлайн-ресурсы для обучения иностранному языку, создавать собственные цифровые учебники и цифровые среды, организовывать и управлять учебным процессом в цифровой среде. При умелом использовании ИИ преподаватель может сделать процесс обучения более эффективным и переложить часть своих функций на компьютер, освободив свое время для более интеллектуальных и творческих задач.

Существуют также инструменты ИИ, которые не были созданы как инструмент для изучения иностранных языков, но могут быть использованы для этой цели. К таким инструментам относится чатбот GPT. Поскольку одной из важных особенностей чата GPT является способность к контекстному анализу и генерации текста, платформа учитывает предыдущие сообщения и отвечает на них с учетом контекста, уровня владения языком, создавая естественные и подходящие ситуации общения. Эта особенность чата GPT позволяет преподавателям и студентам взаимодействовать с «виртуальным собеседником»: вести диалоги, обсуждать различные темы, задавать вопросы и отвечать на них, т.е. быть полностью вовлеченным в беседу.

Ниже приведены примеры возможных заданий для студентов, обучающихся по различным направлениям профессиональной подготовки.

Задание для студентов направления 38.03.01 Экономика:

1. Выберите известного бизнесмена, с которым вы хотели бы побеседовать (Илон Маск, Марк Цукерберг, Билл Гейтс, Тим Кук или Джефф Безос). Составьте 10 вопросов, которые вы хотели бы ему задать, включая вопросы на следующие темы: факты биографии, бизнес, успех, профессионализм, деньги, филантропия, корпоративная ответственность и т. д.

2. Найдите выбранную вами личность на сайте Character.AI. Задайте ей свои вопросы. Старайтесь поддерживать связную беседу, отвечая на реплики персонажа.

3. Сделайте скриншот разговора и прикрепите его в комментариях. Расскажите остальным членам группы, что вам показалось наиболее интересным в разговоре с персонажем.

Представленные варианты заданий направлены на развитие различных языковых навыков. Первое задание направлено на языковую практику в

реальных ситуациях общения. Цель второго задания – улучшить произношение и артикуляцию слов (студенты с низким уровнем владения иностранным языком часто неправильно произносят слова в устных презентациях, что негативно сказывается на восприятии самой презентации). Третье задание может быть дано с целью развития диалогической речи. Четвертое задание служит для развития навыков письменной речи.

Отметим также, что судить о степени эффективности искусственного интеллекта для обучения иностранному языку пока рано, так как работа находится на начальном этапе. Однако уже сейчас можно отметить интерес к ИИ со стороны студентов и повышение их мотивации к изучению иностранного языка, а также снижение количества ошибок, допускаемых студентами, использующими ИИ для подготовки к занятиям.

Таким образом, рассмотрев проблему внедрения ИИ в образование в целом и в преподавание иностранных языков в частности, авторы пришли к выводу, что использование ИИ может облегчить профессиональную деятельность преподавателя иностранного языка, сократив время на подготовку к занятиям, разработку и проверку заданий. Студенты также могут обратиться к инструментам ИИ за помощью в освоении иностранного языка, не прибегая к услугам репетиторов. Сам GPT Chat так прокомментировал вопрос замены преподавателя иностранного языка искусственным интеллектом: «Искусственный интеллект способен дополнить и улучшить образовательный процесс, но прямая замена преподавателей маловероятна. В отличие от искусственного интеллекта, учителя обладают навыками эмпатии, мотивации и социального взаимодействия. Учителя лучше понимают контекст и объясняют материал с разных точек зрения и нюансов, поощряя критическое мышление и формирование собственного мнения».

Список литературы

1. Агальцова, Д. В., Валькова Ю. Е. Технологии искусственного интеллекта для преподавателя вуза // Мир науки, культуры, образования. – 2023. №2 (99). – С. 5–7. – EDN: MTTLRW.
2. Осипов, Г. С. Искусственный интеллект: состояние исследований и взгляд в будущее // Российская ассоциация искусственного интеллекта. – URL: <http://www.raai.org/about/persons/osipov/pages/ai/ai.html> (дата обращения: 21.06.2023). – EDN: RBIDOC.
3. Пашкина, А. ИИ лишает писателей работы? Голливудские сценаристы устроили забастовку впервые за 15 лет // Kursiv. 03.05.23. – URL: <https://kz.kursiv.media/2023-05-03/insh-ai-zabastovka/> (дата обращения: 25.06.2023).
4. Schroer, A. Artificial Intelligence // Built In. 27.07.23. – URL: <https://builtin.com/artificial-intelligence> (дата обращения: 21.06.2023).

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В УЧЕБНИКАХ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО (XIX – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX ВВ.)

Разумова Л. В., д-р филол. наук, доц., ORCID 0000-0001-5225-0413
ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»,
г. Москва, РФ
lina.razumova@mail.ru

Введение. Сегодня более чем очевидно, что изучение иностранного языка подразумевает также изучение культуры страны изучаемого языка, иными словами – формирование у обучаемого культурной компетенции.

Цель. В рамках настоящих тезисов постараемся кратко ответить на ряд вопросов, связанных с изучением страноведческой/культурологической информации и ее включения в учебники французского языка (далее – ФЯ), предназначенные для иностранцев (*français langue étrangère – FLE*): как менялось понимание страноведческой/культурологической информации в период с конца XIX – XX вв. и можно ли говорить об общих европейских тенденциях включения страноведческой/культурологической информации в учебниках ФЯ для иностранцев?

Основная часть. В разные исторические периоды можно наблюдать различные концепции культуры. Они нашли отражение в широкой многозначности слова «культура» (*culture*-фр.; *Kultur*- нем.). Последнее обстоятельство определило меняющееся содержание учебного материала в учебниках ФЯ как иностранного на протяжении XVI-XX веков. Так, до XVI века французское «*culture*» функционирует преимущественно в одном из своих самых ранних значений, указывая на «действие по обработке земли», то в XVI веке активизируется еще одно латинское значение слова. Речь идет в этот раз об интеллектуальных, художественных, ремесленных знаниях и умениях. В этом значении французское «*culture*» употребляется до середины XVIII века. В конце XVIII века под влиянием немецкой философии и работ И.Канта, в которых немецкое «*Kultur*» используется в значении «цивилизация», во французском «*culture*» на первый план выходит немецкое значение с его понятием иерархий культур и цивилизаций, в котором оно используется преимущественно до первой мировой войны XX века (Разумова, 2023). В 20-ые годы двадцатого столетия под совместным влиянием немецкой культуры и американской антропологической школы, в которой ведущую роль играют работы Б.К. Малиновского, французское «*culture*» получает этно-антропологическое «прочтение» и используется в значении «формы поведения, принятые в человеческом обществе».

В XIX веке, когда утверждается культурное превосходство Франции и французский язык завоевывает популярность по всей Европе как язык элиты, *литературное образование*, считается самой сущностью французской культуры; оно и становится одной из целей зарождающейся дисциплины изучения французского языка как иностранного (FLE). Под влиянием принятой в европейских странах модели классических гуманитарных наук знание языка другого становится, прежде всего, *знанием памятников его литературы*. Такой подход к культуре пронизывает все аспекты преподавания: он определяет методологические подходы, школьные программы, содержание учебников ФЯ как иностранного.

В середине девятнадцатого века и в первые десятилетия двадцатого века начинается решительный поворот в истории преподавания языков. Под влиянием *прямого метода*, который отдает *приоритет устному языку*, в методику преподавания французского языка вводятся перцептивный метод обучения через развитие образного мышления. Национально ориентированные символы, образы, предметы, жесты и даже мимика вводятся в учебники ФЯ как их содержательный компонент. Культура больше не привязана исключительно к литературе и искусству, она начинает охватывать и *повседневную культуру, исторические реалии и географию*. Традиционное обучение модифицируется, а литературный текст начинает уступать свое место обработанному или *нелитературному (учебному) тексту*.

Новая культурно-цивилизационная парадигма особым образом проявила себя в учебниках французского языка на рубеже XIX-XX вв. Речь идет о *преподавании реалий*. Термин «*реалия, реальность*» (les 361ealia – фр.) в конце девятнадцатого века всё еще довольно часто используется в значении, которое он имел во времена Я.-А. Коменского: преподавание реалий было ориентировано на факты и цифры. С этой целью, в первую очередь, использовались нелитературные тексты, описывающие *географические, исторические, политические, экономические* аспекты культуры изучаемого языка. Во-вторых, к обучению реалиям относят в учебниках *описание и ознакомление с обычаями страны изучаемого языка*. Стремление к систематическому культурно-цивилизационному обучению строится на основе выработанного списка тем, равномерно распределяющих информацию о культуре страны изучаемого языка в средней школе. Таким образом, культурологическое образование школьника с самого начала изучения иностранного языка регулярно сопровождает языковое обучение. Так, на первом году обучения рассматривалась жизнь человека в его ближайшем окружении (семья, моя деревня, мой город); далее переходили к знакомству с французскими пейзажами, с географией Франции и французскими регионами. С середины второго по четвертый год обучения предлагалось передавать, в основном, исторические сведения (история Франции, ее королевские династии,

военные столкновения в различные периоды ее истории, современная жизнь Франции). В других учебниках значение приобретает экономическая и социальная история (Lange, 1903, Редькин, 1892). Чтобы учение о реалиях не терялось в бесчисленных деталях, многие педагоги-дидакты размышляют о *критериях отбора учебного материала*. Особенно актуальными представляются им явления зарубежной культуры, демонстрирующие *характерные различия* между родной культурой ученика и культурой изучаемой страны, а также указывающие на определенные *исторические вехи* в развитии изучаемой зарубежной культуры (Lövisch, 1902).

Заключение. Подводя итог, отметим, что в начале XX столетия считается необходимым, чтобы обучению иностранным реалиям предшествовало знание собственной культуры, собственных реалий. Они полностью отражают содержание первого-третьего годов обучения иностранному языку, которое строится на основе изучения родной культуры ученика средствами изучаемого иностранного языка (т.е. релятивизации иностранной культуры в пользу родной). С четвертого года содержание обучения иностранным языкам уже полностью основано на усвоении реалий культуры страны изучаемого языка. Эта концепция постепенного добавления содержания, специфичного для иностранной культуры, на этапе начального образования применялась в большинстве учебников французского языка, издававшихся до 60-х годов двадцатого столетия в большинстве европейских стран, в том числе – и в нашей стране.

Список литературы

1. Разумова, Л.В. Культурологический компонент в учебниках французского языка как иностранного: диахронический аспект (XVI-XVIII вв.) / Л.В. Разумова // Франкофония. Язык и культура в пространстве и во времени. – М.: Наука, 2023, Выпуск 14. – С. 102–117.
2. Редькин, А. Самоучитель французского языка для взрослых по методу Туссэна и Лагеншейдта. – СПб: Типография Императорской Академии наук, 1892. – 584 с.
3. Lövisch, M. Das Volksbild im französischen Unterricht. Ein Beitrag zur Wahl und Anordnung des französischen Sachunterrichts // Jahres-Bericht des Großherzoglichen Realgymnasiums zu Eisenach. – Eisenach: Hofbuchdruckerei, 1902. Ss. 48–69.
4. Lange, G. Die Realien im neusprachlichen Unterricht. Beigabe zum Jahresbericht 1902/03 des Realgymnasiums in Halberstadt. – Halberstadt: Meyer, 1903. 480 s.

ОПТИМИЗАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Рябуха Т. В., ORCID 0000-0001-7081-6302,

Ткач М. В., ORCID 0000-0003-4251-2349

ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет»,

г. Мелитополь, РФ

tatyanyabukha@yandex.ru

Введение. Общеизвестно, что общение на иностранном языке включает четыре основных вида речевой деятельности: аудирование, говорение, чтение и письмо. Знание грамматических конструкций облегчает понимание услышанного или написанного, но успешный коммуникативный процесс невозможен без достаточного лексического запаса. Лексическая компетенция является одной из главных речевых компетенций, необходимых при изучении иностранного языка. Именно лексические знания формируют когнитивную базу студентов, которая помогает им при дальнейшем обучении [1]. Именно поэтому является насущным вопрос разработки и внедрения определенных мероприятий и упражнений, направленных на повышение уровня лексической компетенции будущих специалистов, которые должны уметь не только различать слова и знать их значение, но и уметь правильно их комбинировать и использовать в необходимом контексте и соответствующей форме.

Под лексической компетенцией понимается способность и готовность человека понимать и использовать лексические единицы для формирования своих мыслей и понимание высказываний других соответственно коммуникативной цели и ситуации, основанной на сложившихся лексических навыках, умениях и опыте когнитивной деятельности [2]. Поэтому, одной из главных задач преподавателя является формирование активного и пассивного лексического запаса, используя различные типы упражнений (рецептивных, рецептивно-репродуктивных, условно-коммуникативных, коммуникативных). Несмотря на то, что проблемы формирования лексических навыков исследуются на протяжении многих лет, этот вопрос до сих пор остается актуальным.

Цель статьи – обратить внимание на необходимость регулярного повторения лексических единиц при изучении новой лексики и предложить определенный комплекс упражнений.

Основная часть. Процесс овладения лексикой можно поделить на стадии ознакомления, активизации и владения. Так, при выборе методов и имплементации инструментов формирование иноязычной лексической компетенции студентов-специалистов на занятиях по иностранному языку

необходимо учитывать на каком именно этапе они будут использоваться и будет ли это целенаправленным или случайным обучением [3]. Методики формирования лексических навыков имеют за основу изучение лексики, основанной на запоминании и требующей четкой работы мозга, которая может быть эффективной только благодаря постоянной тренировке. Бесспорно, что успешное формирование лексической компетенции напрямую связано с долговременной и оперативной памятью. Следовательно, нет никаких сомнений в необходимости постоянного повторения лексического материала при формировании лексических навыков.

Для успешного запоминания следует циклически повторять информацию на занятии, но количество лексических единиц должно быть ограниченным. Лексическая единица, может быть не только словом, но и устойчивым словосочетанием (*take a seat, be in bed*) и даже так называемым «готовым предложением» (*Can I be of any service for you? How's it going? We'll go Dutch if you want*).

Новая лексика вводится в начале занятия, а затем повторяется путем выполнения различных упражнений (рецептивных, рецептивно-репродуктивных, условно-коммуникативных, коммуникативных). Домашнее задание должно обязательно включать повторение лексики. Вышеупомянутые три этапа (ознакомление, повторение, самостоятельная проработка) играют ключевую роль в формировании лексического навыка.

Для успешного запоминания, стоит применять визуальные, звуковые, тактильные, кинестетические, графические и устные методы. Использование слуховых и зрительных методик представления и повторения лексики делает учебный процесс разнообразным и интересным.

Для формирования лексического запаса предполагают использовать следующие виды деятельности [4]:

- просмотрите лексические единицы и отберите неизвестные, определите к какой части речи относится каждое слово;
- переведите слово или дайте его контекстуальное объяснение;
- прочитайте рассказы или посмотрите видео, в которых употребляется новая лексика;
- придумайте и расскажите историю, используя новую лексику;
- найдите (нарисуйте) рисунки или фотографии, которые объясняют слово;
- объясните значение новых слов собственными словами;
- если возможно, выделите префиксы, суффиксы и коренные слова (декодирование). Например: *built / rebuilt / building*;
- создайте список антонимов и синонимов слова, например: *to built – to construct, to create – to destroy*;

- завершите неполные аналогии или напишите свои собственные аналогии, например: *Medicine: disease as usual: temperature, cough, pills, fever, sore throat etc.*;
- попробуйте вступить в разговор, употребляя новые слова (работа в парах);
- попробуйте создать «концептуальную карту» или графическую схему, чтобы иллюстрированно связать в контексте новые слова, например: *doctor, prescribe, examine, take, pharmacy, consult, etc.*;
- разрежьте тематическую «стену слов», которая будет отображать новую лексику, на кирпичики; это позволит добавлять, удалять или переставлять новые слова по теме;
- попробуйте составить кроссворд с новыми словами;
- разделите группу на две команды: одна команда выбирает слово из словарного списка, а другая задает вопрос и пытается угадать слово;
- организуйте игру Kick Me: каждый студент имеет карточку с определенным словом, а остальные должны угадать слово и тогда студент выбывает из игры;
- играйте в словарные игры, такие как шарады, Бинго, Мемо и др.

Заключение. Вопрос мотивации остается актуальным, а без нее процесс обучения не будет результативным и эффективным. Сочетание новейших методов и интересных упражнений будут способствовать повышению эффективности учебного процесса. Студентам следует подчеркивать, что для эффективного овладения лексикой необходимо постоянное повторение изученного материала путем общения: чем больше повторяешь, тем быстрее достигаешь успеха.

Список литературы

1. Бадалян, А. Х. Формирование и развитие лексических навыков в процессе обучения иностранному языку / А. Х. Бадалян // Молодой ученый. – 2018. – № 13(199). – С. 111–113. – EDN YURQNI.
2. Сотволдиев, К. Х. Лексика, лексическая компетентность и лексические знания: обзор / К. Х. Сотволдиев // Молодой ученый. – 2021. – № 49(391). – С. 474–475. – EDN YNRUCC.
3. Hulstijn, J. H. Intentional and Incidental Second Language Vocabulary Learning: A Reappraisal of Elaboration, Rehearsal and Automaticity / J. H. Hulstijn // *Cognition and Second Language Instruction* / editors : P. Robinson. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – P. 258-286. URL: <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9781139524780.011>
4. *Teaching and Learning Vocabulary: Bringing Research to Practice* / editors : Elfrieda H. Hiebert, Michael L. Kamil. – London, 2005. – 273 p. URL: https://archive.org/stream/TeachingAndLearningVocabulary/Teaching%20And%20Learning%20Vocabulary_djvu.txt

ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Сирота Т. А., канд. пед. наук, ORCID 0009-0001-3132-2841

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

t.sirota13@mail.ru

Введение. Переход к глобальной информатизации общества оказывает влияние и на развитие культуры. Информация и средства для ее получения, переработки и использования занимают приоритетное место в обществе, оказывают влияние на сознание людей. Умение адекватно оценивать информацию напрямую связано с уровнем информационной культуры человека. Информационную культуру связывают с использованием информационно-коммуникационных технологий (В.А. Каймин, Е.В. Михеева, Е.И. Скафа, Е.Л. Федотова), с умением пользоваться различными источниками информации: справочниками, словарями, инструкциями и пр. (Ю.С. Инякин, Е.Л. Харчевникова и др.). Некоторые ученые соотносят информационную культуру с духовной культурой общества, социальных групп и отдельных личностей (В.А. Кравец, В.Н. Кухаренко, Е.И. Приходченко и др.). Изучение иностранного языка напрямую связано с процессом формирования информационной культуры, поскольку в процессе работы с иноязычными источниками оценивается их актуальность и достоверность, расширяется лингвистический кругозор, повышается уровень культуры общения и информационной культуры.

Цель статьи – обосновать возможности иноязычного обучения для развития информационной культуры.

Основная часть. Являясь важным компонентом различных предметных областей, связанных с развитием и использованием информации, информационная культура становится одним из основных элементов образовательного процесса. Е.Л. Харчевникова определяет информационную культуру личности как элемент общей культуры человека, представляющий собой совокупность знаний, умений, норм, ценностей, связанных с потреблением и созданием информационных ресурсов и выполнением информационной деятельности на репродуктивном и творческом уровне [3]. Компоненты информационной культуры выделены М.Г. Вохрышевой:

– знания о целях, средствах, объекте, результатах, информационных процессах обучения;

– приемы информационной деятельности, основанные на собственном опыте;

– творчество, т.е. продуцирование информации с использованием информационных технологий [1].

Информационная культура тесно связана со знаниями, системой взглядов человека, определяет его место в этом мире. При таком подходе Е.И. Скафа предлагает развивать информационную культуру путем включения в учебный процесс дисциплин, направленных на овладение обучающимися следующими умениями работы с информацией, ее анализом, а именно:

- анализ различных источников информации;
- выделение информации для решения поставленных задач;
- поиск в найденной информации ключевых слов, терминов, основных понятий;
- определение эффективных путей поиска информации;
- оценка достоверности и актуальности информации;
- выделение фактов;
- интеграция найденной информации в систему собственных знаний для получения целостного представления об объекте исследования;
- применение эффективных методов анализа информации согласно поставленной цели;
- поиск дополнительной информации;
- эффективное использование результатов исследования и др. [2].

Обучение иностранному языку способствует формированию лингвистической (знания и навыки в различных аспектах языка), социолингвистической (способность осуществлять выбор языковых средств в соответствии с контекстом), стратегической (способность использовать вербальные и невербальные коммуникативные стратегии для компенсации пробелов в знаниях), компенсаторной (способность и готовность преодолевать дефицит иноязычных знаний), социокультурной (желание и умение взаимодействовать с окружающими), дискурсивной (способность использовать подходящие стратегии в интерпретировании текстов) и информационной (умение эффективно справляться с информационными потоками информации на иностранном языке) компетенций. Высокий уровень сформированности перечисленных компетенций способствует развитию информационной культуры личности.

В процессе обучения иностранному языку применяются такие виды работы, как организация интервью, дискуссий, выполнение проектных заданий, которые включают определение области поиска материала в соответствии с выбранной тематикой, поиск информации, обработку и презентацию полученного результата. Обучающиеся анализируют информацию из различных источников, создают контент с учетом общечеловеческих ценностей. В работе с аутентичными материалами для совершенствования этого вида деятельности можно предложить следующие задания:

– найти в словаре слова и словосочетания по заданной теме (например, культурная жизнь моего города) в словарях, поисковых системах, посмотреть в каком контексте они встречаются, составить свои предложения;

– составить мини-рассказы о культурной жизни в разных городах с использованием иллюстраций;

– определить сходства и различия между похожими событиями;

– объединить все рассказы студентов в одно сообщение;

– сделать вывод о влиянии событий на общество в целом.

Совершенствовать данные умения возможно в процессе обучения аудированию, чтению (получение информации), говорению, письму (анализ, обобщение, представление выводов).

Заключение. Таким образом, информационная культура личности является составной частью базовой культуры и заключается в результативности извлечения, переработке, присвоении, интерпретации и создании новых знаний согласно индивидуальным информационным потребностям с эффективным использованием как традиционных, так и культурных средств. В процессе изучения иностранного языка возможно развитие личности с высоким уровнем информационной культуры, свободно ориентирующейся в мировом информационном пространстве и использующей его ресурсы для саморазвития при условии систематического введения в учебный процесс методических приемов, способствующих овладению всеми видами речевой деятельности. Идея формировать информационную культуру в процессе иноязычной подготовки является актуальной и своевременной.

Список литературы

1. Вохрышева, М. Г. Формирование науки об информационной культуре / М. Г. Вохрышева // Методология и организация информационно-культурологических исследований: сб. ст. Вып. 6. / науч. ред. : Ю. С. Зубов, В. А. Фокеев. – Москва; Магнитогорск, 1997. – С. 48–63.
2. Скафа, Е. И. Какую культуру формировать у студентов классического университета? / Е. И. Скафа // Дидактика математики: проблемы и исследования. – 2019. – № 50. – С. 24–29. – EDN OQPPSP.
3. Харчевникова, Е. Л. Педагогические условия использования книги как средства формирования информационной культуры ребенка (дошкольный и младший школьный возраст): дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Харчевникова Елена Львовна. – Владимир, 1999. – 265 с.

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Тодорова Ю.Г., ORCID 0009-0002-5398-9476

Бендерский политехнический филиал ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко», г. Бендеры, ПМР,
todorova9@mail.ru

Введение: использование искусственного интеллекта в образовательном процессе позволяет создать персонализированные курсы, адаптированные под конкретные потребности и уровень знаний каждого студента. Технологии искусственного интеллекта, такие как машинное обучение и нейронные сети, позволяют разрабатывать инновационные методики обучения, учитывающие индивидуальные особенности обучающегося.

Цель данной работы в изучении особенностей применения искусственного интеллекта в процессе преподавания иностранных языков.

Основная часть. В последние годы искусственный интеллект стал одной из самых активно развивающихся технологий, способной применяться в различных сферах жизни, включая образование.

С каждым днем этих форм искусственного интеллекта становится все больше. Инструменты искусственного интеллекта по запросу пользователя за несколько секунд генерируют планы уроков, презентации, изображения, тексты, вопросы, интеллект-карты и другие учебные материалы. Чат-боты способны поддержать беседу, ответить на вопрос, прокомментировать выполненную работу, а также дать рекомендации по тому, как ее можно улучшить. В связи с этим у многих преподавателей появляются вполне оправданные опасения: поскольку студенты с помощью искусственного интеллекта могут написать эссе и выполнить другие задания, предназначенные для отработки языковых навыков, теряется смысл в том, чтобы задавать домашние задания [3].

Одним из преимуществ использования искусственного интеллекта для обучения иностранным языкам является возможность индивидуализированного обучения. Системы искусственного интеллекта могут анализировать индивидуальные потребности и характеристики каждого студента, адаптировать учебный материал под его уровень знаний и темп обучения. Это позволяет студентам получать персонализированный опыт обучения, что повышает эффективность усвоения материала.

Использование искусственного интеллекта также позволяет создавать интерактивные учебные платформы, способствующие более глубокому и запоминающемуся усвоению языка. Такие платформы могут предлагать

различные упражнения, тесты, игры и даже виртуальные чат-боты для практики разговорного языка. Благодаря этому студенты могут эффективно учиться, имея возможность практиковать язык в различных ситуациях.

Еще одним преимуществом использования искусственного интеллекта для обучения иностранному языку является возможность мониторинга и оценки прогресса студентов в реальном времени. Системы искусственного интеллекта могут анализировать результаты тестов и упражнений, определять слабые места студентов и предлагать дополнительные материалы для улучшения знаний.

Согласно аналитической записке Института ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, искусственного интеллекта сыграет ключевую роль в реализации идеи персонализированного обучения, а именно адаптации содержания обучения и темпа учебного процесса к конкретным потребностям каждого обучающегося [4].

Е.В. Ивахненко и В.С. Никольский, исследовавшие вопрос использования чата GPT в образовании, убеждены в том, что нейросети станут неотъемлемой составляющей образования на всех уровнях – так же, как в нашу жизнь когда-то прочно вошли вычислительные функции компьютера. Авторы отмечают, что системы генерации, анализа и оценки текста успешно работают в качестве катализаторов поисковых решений, «интеграторов и оптимизаторов» мыслительных операций, помогают в решении сложных когнитивных и инновационных задач. Чат GPT способствует более быстрому вхождению в новую область знаний – диалог с ним позволяет определить актуальные вопросы и сформулировать гипотезы [2].

Перейдем к обзору технологий искусственного интеллекта, которые могут быть задействованы в процессе обучения иностранному языку. Вначале рассмотрим программы, предназначенные непосредственно для этих целей. Это, например, приложения Duolingo и Babbel.

Образовательная платформа Duolingo предлагает курсы по изучению более 30 языков. Инструмент искусственного интеллекта Duolingo BirdBrain изучает профиль каждого пользователя и делает прогнозы относительно его учебной траектории, обеспечивая тем самым индивидуальный подход к обучению. Система отслеживает задания, которые вызывают у участника курса трудности, а также запоминает допущенные в этих заданиях ошибки, на основе чего формирует дальнейший план обучения. Функция платформы Explain My Answer позволяет изучающим язык общаться с ботом Duo. Бот может оценить и прокомментировать ответ, а также предложить дополнительные примеры, которые помогут обучающемуся лучше понять и усвоить материал. Благодаря функции Roleplay можно зарабатывать баллы за практику в реальных ситуациях общения с виртуальными персонажами из разных стран (лингво-ботами).

Babbel представляет собой интерактивные онлайн-курсы изучения иностранных языков. Благодаря технологиям искусственного интеллекта система Babbel способна распознавать речь и корректировать произношение, сопоставляя слова, произнесенные обучающимся, с образцами речи в базе данных, записанными редакторами курса, для которых этот язык является родным.

В настоящее время существует несколько достаточно эффективных онлайн-ресурсов для редактирования текстов на иностранном языке, использующих технологии искусственного интеллекта. Одним из таких ресурсов является Grammarly, исправляющий более 150 типов ошибок, например ошибки в грамматике, орфографии, пунктуации, стиле письма и структуре предложения. При наличии ошибок Grammarly выдает рекомендации по их исправлению, предлагая различные варианты. Работа с данным сервисом позволяет студентам анализировать свои тексты, развивая навыки критического мышления, что может им пригодиться в дальнейшем при написании курсовых работ, магистерских диссертаций, научных статей, аннотаций и других письменных работ.

Таким образом, при умелом обращении с искусственного интеллекта преподаватель может сделать учебный процесс более эффективным, а также передать часть своих функций компьютеру, освободив свое время для выполнения более интеллектуальных и творческих задач.

Список литературы

1. Мальчикова, Н. С. Искусственный интеллект в образовании: преимущества и риски / Н. С. Мальчикова. – М. : Издательство Юрайт, 2019. – 208 с.
2. Смирнов, И. А. Искусственный интеллект в образовании: возможности и перспективы / И. А. Смирнов. – СПб. : Дело, 2020. – 176 с.
3. Петрова, О. В. Применение технологий искусственного интеллекта в образовании / О. В. Петрова. – М. : Просвещение, 2018. – 144 с.
4. Ковылина, Е.В. Преподавание иностранного языка в рамках культурологического подхода / Е.В. Ковылина // Молодой ученый. – 2010. – №8. – Т. 2. – С. 160–164.
5. <https://www.theidioms.com>

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТЕХНИКИ ЧТЕНИЯ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

*Усачев В. А.*¹, канд. филос. наук, ORCID 0000-0001-5373-0232,
*Усачева Г. М.*², канд. пед. наук, доцент, ORCID 0009-0002-0605-9567

¹ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, РФ

²ФГБОУ ВО «Донецкая академия управления и государственной службы»,
г. Донецк, РФ
avercesar@mail.ru

Введение. Чтение является рецептивным видом речевой деятельности, позволяющим овладеть языком на должном уровне, как средством коммуникации. Что же касается чтения на изучаемом иностранном языке, то овладение техникой чтения при изучении языка, ее совершенствование, выступает одной из важнейших целей практического овладения иностранным языком, особенно на его начальном этапе.

Как опосредованная форма общения чтение является необходимым видом деятельности, так как общаться с носителями языка имеют возможность далеко не все, а чтение выступает формой общения, позволяющей получать знания в различных областях жизни, совершенствовать свои навыки владения иностранным языком, изучая лексику и грамматику, развивать свой интеллект и любознательность.

Цель. Целью данной статьи является раскрытие основных методических приемов, позволяющих улучшить технику чтения на иностранном языке, что облегчает процесс изучения лексики и дает возможность коммуникации на изучаемом языке.

Основная часть. Известные лингвисты, такие как И. А. Зимняя, Г. В. Рогова, А. А. Леонтьев, считали совершенствование техники чтения одной из основных задач обучения языку, способом развития и укрепления творческого потенциала человека, обогащения его жизненного опыта, возможности общения на изучаемом языке.

Знание своего уровня чтения по иностранному языку позволяет обучающимся использовать те материалы, которые обогатят их словарный запас и дадут необходимую информацию по изучаемому предмету [2, с. 132]. Совершенствование техники чтения будет более эффективным при условии разработки специальных методов и приемов, нацеленных как на общее развитие обучающихся, их познавательные способности, так и на обогащение их речевых навыков по изучаемому языку.

Прежде всего, отметим тривиальную истину, заключающуюся в том, что обучающиеся мало читают, мало упражняются в данном виде языковой деятельности при изучении иностранного языка. Поэтому преподавателю

необходимо добиться, чтобы вся учебная группа была вовлечена в этот процесс учебной деятельности, а не один спрашиваемый из них. Сделать это очень легко, если преподаватель возьмет себе за правило требовать, чтобы при всякой ошибке читающего остальные обучающиеся, не перебивая читающего, поднимали руку, свидетельствуя этим, что заметили ошибку и могут ее исправить. Вызванный для исправления обучающийся должен исправить читающего. О том, что неверно произнесенное не должно повторяться, преподавателям следует всегда помнить, и нельзя допускать таких исправлений, когда преподаватель перебивает читающего и задает ему вопросы «да где вы такое видели?» и так далее. При каждой ошибке преподаватель останавливает читающего, объясняя, что допущена ошибка в слове или произношении, и называет фамилию одного из поднявших руку для правильного им ответа. Для поощрения преподаватель может повысить балл тем, кто часто и правильно исправляет ошибки при чтении текста, тем самым повышая активность в учебной группе. Следя за собой, удерживаясь от исправления и привлекая к этому обучающихся группы, преподаватель быстро добивается того, что все следят за текстом, то есть сами читают в процессе этой работы. Также преподаватель может проводить несколько занятий в определенной группе по учету техники чтения. Для этого обучающиеся должны подготовиться читать без перевода. В течение учебного занятия преподаватель опрашивает всех в группе, оценивая каждого, но не объявляя полученные ими баллы. Опросу подвергаются сначала наиболее сильные обучающиеся в группе, затем средние и, наконец, более слабые. Неправильно прочитанные слова и неправильно поставленные ударения исправляются обучающимися, ошибки же, допущенные в произношении и интонации, исправляет преподаватель. Чтобы не снизить активность уже опрошенных обучающихся, преподаватель именно их привлекает к исправлению ошибок [1, с. 34]. При хорошей организации практического занятия преподаватель может опросить всю учебную группу. По окончании проверки преподаватель объявляет полученные баллы, указывая, кому и в чем необходимо подтянуться. К оцениванию обучающихся необходимо подходить строго. Только при безупречном чтении и при соблюдении речевых тактов ответ обучающегося может оцениваться на отличный балл. Это покажет даже наиболее сильным обучающимся, какое значение придается хорошей технике чтения, и заставит их совершенствовать этот важный навык.

Плохо читающим преподаватель должен рекомендовать упражняться дома в чтении, а также в чтении в слух, вызывая их чаще во время проведения практического занятия, предупреждая, что каждые два-три месяца будет проводиться учет техники чтения. Подобные занятия являются одновременно и прекрасными упражнениями. Каждый из обучающихся учебной группы следит по учебнику, ожидая быть вызванным; таким образом он все время читает про себя. Наибольшую пользу это приносит

обучающимся, имеющим слабые способности в чтении. Не следует гнаться за темпом чтения; нужно наоборот отучать от поспешного, неряшливого чтения. Медленное, но правильное чтение является залогом хорошего чтения нормальным темпом [3, с. 194].

Можно рекомендовать еще один прием повышения техники чтения. Преподаватель предлагает обучающимся, имеющим хорошие знания языка и хорошую технику чтения, прикрепить к себе по одному отстающему по выбору и тренировать его несколько раз в неделю, ведя учет пройденных занятий и отмечать прочитанный материал. После определенного периода преподаватель просматривает запись совместных занятий, а на практическом занятии подвергает проверке успехи подшефного обучаемого. Если отстававший повысит свою технику чтения хотя бы на один балл, то преподаватель соответственно повышает его оценку за чтение и оценку за пройденный период обучения. Этот последний прием не следует превращать в систему. Использовать его надо лишь в отдельных случаях, тогда он будет эффективен и принесет несомненную пользу не только отстающему, но и его шефу.

Заключение. Подводя итог, отметим еще раз, что чтение является важным видом рецептивной деятельности, играющим большое значение для изучения иностранного языка. Совершенствуя технику своего чтения, обучающиеся овладевают им как полноценным средством иноязычной коммуникации, глубже понимают содержание текста, практикуются в разнообразных стилях – от научного до публицистического, получают информацию и осваивают лексические и грамматические единицы, выражения и идиомы, приобщаясь к культуре изучаемого языка. Разнообразные приемы, указанные выше, помогают совершенствовать технику чтения иноязычных текстов. В процессе чтения обучающиеся проверяют свои знания, активно их расширяя. Только сознательное чтение воспитывает волю обучающегося, приучает его к внимательной и вдумчивой работе с текстом, позволяя в конечном итоге совершенствовать технику чтения на иностранном языке.

Список литературы

1. Абрамкина, Т.А. Обучение произношению и технике чтения на английском языке. – М., 1971. – С. 34.
2. Гальскова, Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. – М.: Академия, 2006. – С. 132. – ISBN 978-5-7695-9669-8.
3. Рогова, Г.В. Методика обучения английскому языку на начальном этапе в общеобразовательных учреждениях: пособие для учителей и студентов педвузов. / Г.В. Рогова, И.Н. Верещагина. – М.: Просвещение, 1998. – С. 194.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СИНТАГМ

Филатова Е. В., д-р филол. наук, доц., ORCID 0009-0000-2205-6580
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e.filatova2023@mail.ru

Введение. При чётком и последовательном разграничении языка и речи, опираясь на её авторскую интонационную делимитацию, можно убедиться в том, что речь имеет синтагматическую природу. Исходными единицами её порождения являются не отдельные слова как значимые единицы словаря, а синтагмы, которые представляют собой недискретные авторские структуры, спонтанно возникающие в сознании человека при общении. В речи говорящий интонационно выделяет их и разграничивает паузами, благодаря чему слушатели воспринимают её содержание, сознательно или интуитивно, не утруждая себя осознанием того, что именно они и являются основными структурными и содержательными компонентами речи, так как именно они составляют реальную её структуру.

Целью исследования является разграничение слова и синтагмы как разных лингвистических фактов.

Основная часть. У слова и синтагмы есть сходство и различия. Сходство в том, что они – лингвистические знаменательные единицы. Но относятся они к разным сферам, в связи с чем различаются по своей природе, качеству значения и функциям.

Синтагма – ситуативная единица индивидуального сознания, конкретная структура субъекта речи в процессе общения. Она является минимальным компонентом речи. Её авторское значение опирается на общее значение группы слов, так как в большинстве случаев для отражения минимальных фрагментов ситуативного содержания синтагмы включают несколько слов. Они результат авторского речевого творчества. Каждому слушателю и читателю нужно определить их авторскую структуру, объём и значение.

Синтагмы присущи всем видам речевой деятельности, устной и письменной формам, что указывает на то, что их нельзя квалифицировать в качестве фонетических единиц языка. Адекватное восприятие речи обеспечивается в процессе осознания её авторской синтагматической структуры и интонации. Синтагматическая природа речи – это реальность, осознание которой способствует: формированию и развитию теоретических основ речевой деятельности; совершенствованию практических речевых умений и навыков; точному пониманию содержания текста при чтении; формированию основ выразительного чтения и его восприятия; умению убедительно и доступно передать содержание информации.

Синтагмы – многоаспектные предельно минимальные единицы речи. Их характеристика осуществляется по ряду показателей: 1) структуре, 2) объёму, 3) внутренним и внешним связям и отношениям, 4) морфологической природе, 5) частоте употребления в речи, 6) функциям, 7) отношению к устной и письменной формам речи, 8) отношению к другим речевым единицам.

По структуре синтагмы разделяются на *простые*, однословные, и *составные*, включающие несколько слов. Особенностью многокомпонентных синтагм является сопротивляемость их разрыву. Так, во время экспериментов их участники слушали звучащие фразы. При этом в какой-то момент раздавался щелчок. Слушатели должны были указать, как он разделил структуру фразы. Щелчок раздавался в пределах составной синтагмы. В одних случаях он был ближе к её окончанию, в других – ближе к началу. Результаты эксперимента оказались однозначными. В первом случае слушатели сдвигали щелчок к концу синтагмы, указывая, что он был после неё. Во втором они сдвигали его вперёд и ставили перед синтагмой. Это свидетельствовало о том, что восприятие речи осуществляется на синтагматическом уровне: синтагмы являются единицами восприятия речи, они характеризуются интонационно-смысловым единством, сопротивляясь разрывам и деформациям.

С точки зрения членимости структуры синтагмы, как предельно минимальные речевые компоненты, являются недискретными единицами, несмотря на свой составной характер. Речевых единиц меньше синтагмы нет. Слова в синтагме важны не сами по себе, не в отдельности, а в единстве – как одно речевое целое, как самостоятельная исходная речевая единица.

По объёму синтагмы разделяются на однословные, двухсловные, трёхсловные и т. д. В речи наиболее активны синтагмы объёмом от 1 до 5 компонентов. Максимальные по объёму синтагмы в ней включают до 10 слов. Они обычно используются в научной и официальной речи.

По внутренним и внешним связям и отношениям синтагмы характеризуются тем, что в каждой составной синтагме слова связаны по смыслу, интонационно, структурно и грамматически. Они являются компонентами только своей синтагмы и не вступают в самостоятельные связи и отношения с другими словами предложения и со словами других синтагм, за исключением связи ключевых слов сочетающихся синтагм.

Синтагмам характерны внутрисинтагмные и межсинтагмные связи и отношения. Связи и отношение между словами в речи ограничиваются рамками синтагмы, в которую они входят. Связи и отношения ключевых слов синтагм отражают не только их собственные связи и отношения, но и связи и отношения их синтагм в целом.

Морфологическая природа синтагмы определяется по частеречной принадлежности её ключевого слова. Выделяются именные, глагольные, наречные синтагмы. Но они могут быть представлены союзами, предлогами,

частицами или междометиями. Это одна из важнейших характеристик синтагм. Она связана со структурой исходной единицы речи, её объёмом и содержанием. Морфологическая природа синтагмы соотносится со связями и отношениями внутри синтагмы, с психологическими и лингвистическими основами порождения синтагм, она отражает также межсинтагмные связи и отношения, определяет развитие конкретной речи и её содержания, обуславливает частотность употребления синтагм. В связи с этим данный признак синтагмы является объектом внимания при сопоставительном анализе синтагматики речи разных языков.

Частотность синтагм в речи – важный показатель их функциональной активности. Она обусловлена их объёмом и морфологической природой. По морфологической природе наиболее частотны в речи именные и глагольные синтагмы. Они обычно составляют до 95 % текста.

Заключение. Сопоставляя синтагму с другими речевыми единицами можно также отметить, что она предельно минимальна, недискретна, одномерна, тогда как остальные речевые структуры являются составными, многомерными. Все они традиционно выделяются в тексте при последовательном наращении синтагм для его адаптации. На уровне предложений легче восстановить авторскую синтагматическую структуру текста, что обеспечит более точное понимание авторской интонации и передаваемых мыслей.

Список литературы

1. Соловьева, Н. В. Речеведение: история, теория, практика / Н. В. Соловьева // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. – 2022. – № 1. – С. 137–143. – DOI 10.24412/2308-7196-2022-1-137-143. – EDN UXIAKE.
2. Филатова, Е. В. Принципы и положения исследования речи / Е. В. Филатова // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. – 2023. – Т. 19, № 1(59). – С. 15–26. – EDN WJWGPE.
3. Цян, Ц. Идеи Л.В. Щербы в области синтаксиса через призму концепции активной грамматики / Ц. Цян // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 3-2. – С. 184–188. – DOI 10.37882/2223-2982.2024.3-2.37. – EDN HHCSEY.
4. Шахов, С. Язык и речь как объект исследования / С. Шахов // Свободная мысль. – 2013. – № 5(1641). – С. 205–214. – EDN ТОСХМЈ.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ГАСТРОНОМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ЛЕКСИЧЕСКИХ МИНИМУМАХ ПО РКИ И УЧЕБНИКАХ СТАНДАРТА HSK

Цзинь Пин, ORCID 0009-0003-8062-7398

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»,
г. Санкт-Петербург, РФ
jinp539@gmail.com

Гастрономия как один из важнейших элементов культуры отражает традиции, обычаи и ценности народа, что находит свое выражение в наименовании блюд, продуктах питания, вкусовых предпочтениях людей, представлениях о еде и кулинарии [5, с. 90]. Эти наименования начинают вводиться в учебный процесс инофонов с элементарного уровня и продолжают изучаться на продвинутых уровнях владения языком как иностранном, но уже не в виде простых предложений/высказываний, а с выходом в гастрономический дискурс. Актуальность изучения гастрономической лексики объясняется, таким образом, во-первых, тем, что она «обслуживает» повседневную дискурсивную практику, а во-вторых, тем, что любой текст о еде рассматривается как «источник лексических единиц с национально-культурным компонентом» [7, с. 76]. В этой связи методический интерес представляет анализ представленности гастрономической лексики в важнейших учебно-методических материалах для тех, кто изучает русский язык и китайский язык как иностранный, т.е. в «Лексических минимумах по русскому языку как иностранному» (ТЭУ, ТБУ, ТРКИ-I, ТРКИ-II) и «Учебнике стандарта HSK» (уровень 1–6) (HSK 标准教程: 1–6 级) [1-4; 6]. Цель исследования – установить лексико-семантические группы (далее – ЛСГ), которые обозначают *организацию питания*. В зависимости от денотативного признака выделяются 6 ЛСГ (таблицы 1 и 2).

Таблица 1

ЛСК в «Лексических минимумах» по РКИ

1	2
Предложение или приобретение пищи	угощать – угостить; выбирать – выбрать; заказывать – заказать; покупать – купить; продавать – продать; счет
Процесс приготовления пищи	готовить – приготовить; варить – сварить; добавлять – добавить; жарить – пожарить; заваривать – заварить (чай); закрывать – закрыть; класть – положить; кипятить – вскипятить; мешать – помешать; мазать – намазать; наливать – налить; нарезать – нарезать; открывать – открыть; печь – испечь; отрезать – отрезать; подогревать – подогреть; порезать (хлеб); разогревать – разогреть; разрезать – разрезать; резать – порезать; тереть – потереть; солить – посолить; тушить – потушить; чистить – почистить

1	2
Процесс поглощения пищи	есть – съесть/поесть; завтракать – позавтракать; кушать; кормить – покормить/накормить; наесться; кусать; напиваться – напиться; откусывать – откусить; обедать – пообедать; пить – выпить/попить; пробовать – попробовать; ужинать – поужинать
Лица, которые готовят или подают пищу	повар, официант
Кухонные сооружения, инструменты емкости и посуда	посуда; бокал; блюда; банка; бутылка; вилка; кастрюля; коробка; кофеварка; кофемолка; крышка; ложка; нож; ножик; пакет (молока); пробка (от бутылки); рюмка; самовар; сахарница; стакан; тарелка; сковорода; сковородка; чайник; чашка; печь; печка
Помещения, где готовят и/или поглощают пищу	бар; булочная; буфет; кафе; кулинария; кухня; ресторан; столовая

Таблица 2

Лексико-семантические группы в «Учебниках стандарта HSK»

1	2
Предложение или приобретение пищи	покупать – купить 买; упаковать на вынос 打包; продавать – продать 卖; предоставлять – предоставить 提供; закупать – закупить 采购
Процесс приготовления пищи	варить – сварить 熬/煮; закатывать – закатать (пельмени) 包; тереть – потереть 擦/搓; жарить – пожарить 炒; наливать – налить 倒; кипятить – вскипятить 沸腾; измельчать – измельчить 粉碎; резать – нарезать 切; цедить – процедить 过滤; печь – испечь 烘; мешать – помешать 混合; жарить – пожарить 煎; размешивать – размесить 搅拌; замачивать – замочить 浸泡; свёртывать – свернуть 卷; охлаждать – охладить 冷却; лепить – вылепить (пельмени) 捏; месить – размесить 揉; мазать – намазать 涂抹; готовить – приготовить 烹饪; обжаривать – обжарить 油炸; полоскать – прополоскать (баранину) 涮; открывать – открыть 开; вылавливать – выловить 捞. Класть – положить 搁
Процесс поглощения пищи	наесться 饱; есть – съесть/поесть 吃; жевать – сжевать 咀嚼; грызть – разгрызть 啃; дегустировать – продегустировать 品尝; пробовать – попробовать 尝; пить – выпить/попить 喝; напиваться – напиться 醉; откусывать – откусить 咬; кормить – покормить/накормить 喂; глотать – проглотить 吞咽; лизать – вылизать 舔; рвать – разорвать 撕
Лица, которые готовят или подают пищу	официант 服务员
Кухонные сооружения, инструменты емкости и посуда	стакан 杯子; вилка 叉子; нож 刀; банка 罐; кастрюля 锅; чайник 壶; ножницы 剪刀; палочки 筷子; плита 炉灶; тарелка 盘子; миска 盆; бутылка 瓶子; сосуд 容器; ложка 勺子; чашка 碗
Помещения, где готовят и/или поглощают пищу	ресторан 餐厅; столовая 饭馆; кухня 厨房; бар 酒吧; ларёк 摊儿

Как показывает анализ, рассматриваемые ЛСГ вариантно, но в целом сопоставимо представлены в русском и китайском языке (79 и 66 лексем, соответственно). Однако в «Учебниках стандарта HSK» более представительна ЛСГ «процесс приготовления пищи», а в минимумах по РКИ – ЛСГ «Кухонные сооружения, инструменты емкости и посуда». В «Учебниках стандарта HSK» отражены глаголы, характеризующие не только поглощение жидкостей, но и поглощение твердой пищи. В русских минимумах этого нет. Но русских гастрономических наименований процесса принятия, готовки пищи достаточно много, хотя только за счет глаголов-derivатов. Русские гастрономические наименования широко представлены именами существительными, но среди них практически нет культуроспецифичных, китайские же наименования – в основном, словосочетания с национально-маркированным компонентом содержания. Таким образом, мы можем констатировать, что русские лексические минимумы не вполне, если привлекать данные из аналогичных источников на других языках, отражают гастрономическую тематику, в них мало представлен национальный гастрономический колорит, неравномерно отражены реалии русской гастрономической традиции.

Список литературы

1. Андрюшина, Н.П. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. Общее владение / Н.П. Андрюшина, Т.В. Козлова (электронное издание). – 5-е изд. – СПб.: Златоуст, – 2015. – 116 с.
2. Андрюшина, Н.П. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение / Н.П. Андрюшина (электронное издание). – 5-е изд. – СПб.: Златоуст, – 2015. – 164 с.
3. Андрюшина, Н.П. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение / Н.П. Андрюшина и др. (электронное издание). – 7-е изд. – СПб.: Златоуст, – 2015. – 200 с.
4. Андрюшина, Н.П. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Общее владение / Н.П. Андрюшина, Т.В. Козлова (электронное издание). – 5-е изд. – СПб.: Златоуст, – 2015. – 80 с.
5. Седых, А.П., Ермакова Л.Р. Языковая картина мира и национальная гастрономия / А.П. Седых, Л.Р. Ермакова // Серия Гуманитарные науки. – 2012. – № 18 (137). – С. 89–93.
6. Словарный запас HSK-6. – URL: <https://www.digmandarin.com/wp-content/uploads/2017/06/HSK-6-Vocabulary.pdf> (дата обращения – 13.09.2024).
7. Шаклеин, В.М., Дерябина С.А., Карелова М.А., Микова С.С., Митрофанова И.И. Лингвометодический потенциал текстов о еде в обучении РКИ (уровень B2) / В.М. Шаклеин, С.А. Дерябина, М.А. Карелова // Мир русского слова. – 2021. – №2. – С. 74–79.

ПОВЫШЕНИЕ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА ПРИМЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АУТЕНТИЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ АУДИРОВАНИЮ В ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Черная М. Е., ORCID 0009-0005-7680-4405,

Сулина Л. В., ORCID 0009-0001-4479-3896

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
m.chernaya86@mail.ru

Введение. В данной статье рассматривается роль аудирования в формировании навыков межкультурной коммуникации и социолингвистической и межкультурной компетенции, основные сложности, с которыми сталкиваются студенты в процессе обучения аудированию, пути их решения, а также преимущества использования аутентичных материалов.

Цель. Установить понятие межкультурной коммуникации. Определить роль обучения аудированию в формировании межкультурной компетенции на базе аутентичных материалов, некоторые сложности в процессе обучения и пути их преодоления.

Основная часть. Термин «межкультурная коммуникация» был предложен Эдвардом Холлом примерно в 1950-х годах в Америке в рамках созданной им программы адаптации американских дипломатов и бизнесменов в других странах. Современные условия существования и перспективы взаимодействия между странами (несмотря на обостряющуюся политическую обстановку), а также возрастающее международное сотрудничество в каких-либо сферах, будь то экономика, торговля, наука, культура, бизнес диктуют необходимость повышения квалификаций и компетенций людей, владеющих иностранным языком. От специалистов требуют хороший уровень знаний и умений, наличие международных сертификатов, а также достаточного опыта. Касаемо специалистов лингвистического звена, основной упор долгое время делался на грамматические аспекты, в частности знакомство с основными грамматическими структурами, а также – умение работать с письменными источниками на иностранном языке и расширение вокабуляра определенной направленности. Аудированию, работе с видеоресурсами, и особенно, говорению – или не уделялось вообще никакого внимания, или же в минимальном количестве. К счастью, современные методы обучения не только изобилуют инновациями, но предоставляют достаточно широкий диапазон для выбора технологий и методик, так необходимых для современных специалистов. Не секрет, что аудирование доставляет

обучающимся определенные трудности, но при этом, остается безапелляционным навыком, владение которым не подвергается сомнению. Предположим, обучающийся прекрасно работает с иноязычными материалами, владеет грамматическими компетенциями и достаточным вокабуляром – всего этого недостаточно для использования иностранного языка в полной мере в сфере межкультурной коммуникации.

Обзор теоретической литературы показывает, что проблема обучения навыкам аудирования довольно актуальна как в отечественной науке, так и в зарубежной. В частности, такие отечественные исследователи, как И.А.Зимняя, А.А.Леонтьев и др. рассматривали структурную организацию и психологическое содержание аудирования; Е.Н.Соловова, Н.В.Елухина и др. занимались спецификой обучения аудированию; центром внимания И.И.Халеевой, Н.Д.Гальскова и др. являлись факторы успешности аудирования [3, с. 5-6]. Причисляя аудирование к одному из аспектов речевой деятельности И. А.Зимняя трактует его как «сложную перцептивно-мыслительно-мнемическую внутреннюю деятельность человека» [2, с. 117]. Среди зарубежных специалистов, занимающихся данной проблемой, можно выделить D.Brown, J. Richards, D. Briggs, J. Harmer, G. White. Как мы видим, данная тема никогда не теряла своей актуальности, особенно, в контексте ее неопределимого значения в роли межкультурного общения в современном мире.

Исследователями впоследствии было предложено четыре направления, наиболее перспективных в обучении аудированию:

- исследование психоуровней и психомеханизмов рецепции и понимания речи;
- проверка того, насколько сформированы навыки и умения аудиовосприятия и интерпретации речи;
- методы преодоления языковых и внеязыковых трудностей аудирования;
- изучение аудиоматериалов и методика их рационального использования [4, с. 117].

Современная лингводидактика располагает обширным комплексом приемов улучшения иноязычной коммуникативной компетенции при помощи обучения аудированию. И упор делается на применение *аутентичных* аудио и видеоматериалов, что может приводить к дисбалансу в головах обучающихся и даже создать некий психологический барьер. Для преодоления нежелательных последствий необходимо продумать заранее ряд целесообразных мер для снижения отрицательного восприятия у студентов данного вида деятельности. Например, начинать следует с аутентичных материалов несложного характера, постепенно повышая уровень сложности при этом тщательно подбирая материал по актуальности обсуждаемой темы. Следует отметить, что именно аутентичные источники обладают рядом преимуществ, таких как:

- изучение языка в аспекте актуальности, социокультурной реальности (студенты учатся сопоставлению с похожими явлениями своей культуры. Языка, социума). Как результат – *социолингвистическая и межкультурная компетенция* у студентов повышается;

- слова и выражения представлены часто используемые, из жизни (например, слэнг) и практики носителей языка (естественная языковая среда);

- обширный диапазон лексико-грамматических форм, наличие в текстах стилистической стратификации;

- широкий охват всевозможных тем (актуальных, в поле зрения современного сегмента обучающихся);

- возможность знакомства с особенностями индивидуального авторского стиля.

Без понимания услышанного невозможно представить общение. Именно с него начинают развиваться навыки устной коммуникации. В процессе обучения у студентов формируются навыки анализа смыслового содержания услышанного. Происходит активизация вокабуляра учащихся по заданной теме, активизация их социокультурных ситуативных знаний и фоновых навыков. Содержание аутентичных текстов позволяет познакомиться с иноязычной культурой, предоставляя обширный диапазон тем, начиная от выпусков новостей, повседневных диалогов, художественных произведений и дискуссий.

Заключение. Межкультурная коммуникация – довольно трудное для освоения понятие. Для вступления в межкультурную коммуникацию требуется серьезная детальная подготовка и опыт владения лингвистическим и культурным кодом изучаемого языка [5]. При работе с аутентичными материалами обучающиеся имеют возможность увидеть страну изучаемого языка изнутри, попробовать познать ее культурный код.

Список литературы

1. Балабас, Н. Н. Ключевые аспекты обучения аудированию иноязычной речи // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – № 2& – 2018 г.
2. Зимняя, И. А. Лингвопсихология речевой деятельности / И. А. Зимняя. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО Модэк, 2001. – 432 с.
3. Осипова, Н.Н. Проблематизация в обучении иноязычному аудированию при подготовке студентов неязыкового вуза: Дис. ... канд. пед. наук. – Нижневартовск, 2015. – 260 с.
4. Царевская, И.В., Литовченко Л.Н. К вопросу об аудировании в обучении иностранному языку в неязыковом вузе // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-2.
5. Шимичев, А.С. Моделирование и формирование лингвокультурных концептов на занятиях по иностранному языку на начальном этапе обучения в вузе [Текст] // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты. Лингвометодические проблемы и тенденции преподавания иностранных языков в неязыковом вузе: материалы IV Международной научно-методической конференции. – Омск, 2018 – С. 360–363.

МЕДИАОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД И МЕДИАРЕСУРСЫ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

*Чернова М. М.*¹, ORCID 0009-0001-7499-5667,

*Чернова А. Н.*², ORCID 0009-0007-8654-3485,

*Христюк Н. Е.*², ORCID 0009-0008-9753-7514

¹ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

²Многопрофильный лицей-интернат ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

mm.chernova@mail.ru

Введение. Информационные технологии сегодня играют существенную роль в повседневной жизни большинства людей в развитых странах. Особенно активно информационные и цифровые технологии вошли в систему образования. Проведение занятий с использованием цифровых технологий, в частности с использованием медиа ресурсов на данном этапе жизни не является новостью, скорее требованием времени. Поэтому медиаобразование и медиакомпетентность по праву можно считать широко востребованными в эпоху информационного общества.

Цель: проанализировать особенности использования современных медиаресурсов на занятиях иностранного языка в ВУЗе и лицее, определить роль в формировании необходимых языковых компетенций.

Основная часть. Применение медиаобразовательных технологий при обучении иностранному языку способствует развитию всех видов речевой деятельности учащихся, совершенствуя коммуникативную, речевую, лингвистическую, социолингвистическую, прагматическую и медиакультурную компетентности [2, с. 53].

Огромный вклад в изучение вопроса медиаобразовательных технологий внесли российские исследователи: А.А. Барковича, И.Л. Бим, М.Е. Бершадского, Г.О. Аствацатурова, Б. Андерсена, Е.А. Бондаренко, Л.С. Зазнобиной, В.В. Гузеева, Н.А. Савченко, А.В.Соловова, В.В. Сафоновой, Е.С. Полат, Э.Я. Соколова, Н.В. Колмогоровой, Г.М. Коджаспировой, А. В. Щепиловой.

Одним из наиболее эффективных путей, ведущих к активизации речевой деятельности, является применение мультимедиа ресурсов. Именно они создают уникальную искусственную языковую среду и дают возможность формирования навыков коммуникативного взаимодействия практически в реальной ситуации общения, позволяют студентам превратиться из пассивного приемника знаний в активного субъекта обучения. Задача объединения медиаобразования и обучения иностранному языку состоит в том, чтобы научить не только смотреть иноязычный медиа

текст, но и видеть его суть, воспринимать, анализировать и понимать скрытый смысл [4, с. 89].

Творческий подход и абнотивность преподавателя при использовании мультимедиа оказывает на обучаемых живое эмоциональное воздействие, усиливает мотивацию, активизирует познавательную деятельность. Ярким примером подтверждения тому, создание виртуальной платформы для изучения страноведческого материала с применением видеороликов и информационного материала комментируемого носителями языка с последующим обсуждением и дополнением самостоятельного изученного фактического и инновационного видеоматериала.

В нашу повседневную практику вошли видеоролики, демонстрирующие примеры жизнестойкости, верности, силы воли, бережное отношение ко всему живому. Именно на них строится серьезный разговор, переосмысление, аргументация и причастность к тому, что только что увидел и стал частью происходившего. После таких обсуждений, внедрение и ненавязчивое применение речи-клише, фразовых глаголов, идиом и просто идей, выражающих личностное отношение типа «Pros & Cons» или «Advantages & Disadvantages» настолько актуально, что уже нет необходимости повышать планку мотивации. В качестве примера приведем точку зрения одного из лицеистов после просмотра видео-ролика Горбатенко Р., 10 класс физика:

«In the video, we see a family of ducks swimming from rock to rock through a strong current. The whole family quietly swim across the river, but one duckling could not jump with the rest ones. Time after time, he is swept away by the current, and he lags behind his family. But despite his failures, he does not give up. He overcomes and succeeds, catching up with his family. *The moral here is as follows:* The duckling shows an example of perseverance, courage and a great desire to win. Let it be a great example for some people not to lose their composure and fortitude in unexpected life situations. Never give up!»

Один из наглядных видов заданий может быть следующий – «Факты о которых вы не знали» [5], где студентам предлагается сделать перевод технической информации по каждому факту, касающегося дополнительных знаний и практических навыков в компьютерной технологии. В данном случае речь идет о знаниях для всех пользователей, кто связан с постоянной работой на компьютере и нюансы, о которых мало кто знал раньше. Текст «My awareness of the facts I have not faced before». Студент делает технический перевод, а в конце выражает свое мнение о новшестве, которое заинтересовало его. В качестве примера приведем несколько ответов студентов Многопрофильного лицея-интерната ДонГУ:

My awareness of the facts I've not faced before:

1. Если вы скачиваете файл «.pdf» и видите в конце файла .exe – удалите его, это вирус. Opinion: «I was familiar with this fact and always

fulfilled it. Viruses are dangerous for the computer operating system». (Ивашура Д., 11 класс, английская филология)

2. Если Wi-Fi в аэропорту или отеле стоит денег, добавьте «?.jpg» в конце любого URL-адреса (обычно они не перенаправляют изображения).

Opinion: «I've never heard of such a fact, but now I know it. Suppose, I'll take it into account. » (Карамышева М., 1 курс История)

3. Случайно закрыли файл Word без сохранения? Автосохранение тоже отсутствует? Найдите файл .asd в проводнике в разделе «my/this pc». Документ будет там. Windows вас спасет! (Лавров Е., 1 ИО)

Opinion: «I didn't know about this fact. It is very useful for everyone! »

4. Когда вы копируете что-либо из Интернета, используйте сочетания клавиш CTRL + Shift + V, чтобы вставить это. Это предотвратит форматирование текста. Opinion: «I have never used this fact. I will definitely use it at the next opportunity». (Нудьга М., 11 класс, английская филология)

Один из наиболее ярких дидактических приёмов на совершенствование устной и письменной речи является подбор готовых речевых образцов по принципу Advantages & Disadvantages, Pros & Cons [6].

Данный аспект нацелен на информативную базу знаний и умение использовать готовые фразы и шаблоны как аргументированную точку зрения по различным проблемам социальной жизни. Этих аргументированных знаний сегодня не хватает нашим учащимся. Именно они формируют у студентов устойчивую позицию и мотивацию. Безусловно, что такой вид работы учит налаживать и поддерживать деловые связи и контакты со своими сверстниками в англоязычных странах.

Наши студенты регулярно принимают участие в тестировании предлагаемые международными вузами, становясь участниками викторин, конкурсов, конференций, победителями международных олимпиад, проводимых в сети Интернет, переписываются со сверстниками из других стран, участвуют в чатах, кибер-турнирах, видеоконференциях и т.д. Учащиеся могут получать информацию по проблеме, над которой работают в данный момент в рамках проекта, имея свободный доступ к информационным ресурсам; справочным каталогам Yahoo!, InfoSeek/UltraSmart, LookSmart, Galaxy, поисковым системам AltaVista, HotBob, OpenText, WebCrawler, Excite, и погружаясь в среду языка через разговор на платформе VK.

Заключение. Таким образом, виртуальная среда Internet позволяет молодому поколению не только выйти за временные и пространственные рамки общения с реальными собеседниками, но и на различных уровнях обучения помогает формировать медиа компетентность студентов в обучении иностранному языку. Применение данной технологии в обучении иностранным языкам при формировании речевой коммуникации является эффективным способом повышения качества коммуникативной деятельности в условиях реализации новых образовательных стандартов.

Список литературы

1. Грибанова, Е. Е. Медиадидактические возможности образовательных сайтов / Е. Е. Грибанова // Образовательные технологии XXI века / под ред. С. И. Гудиной, К. М. Тихомировой, Д. Т. Рудаковой. М.: Высшая школа, 2007. – 96 с.
2. Григорова, Д. Е. Медиаобразование как одно из условий развития критического мышления / Д. Е. Григорова // Медиаобразование: от теории к практике / сост. И. В. Жилавская. – Томск: Изд-во Томск, ин-та информационных технологий, 2007. – 118 с.
3. Гура, В. В. Новые виды интеллектуальной деятельности в медиасреде как основа развития медиакомпетентности / В. В. Гура // Медиаобразование. – 2007. – № 2. – С. 87–98.
4. Сальный, Р. В. Медиавосприятие и медиакомпетентность / Р. В. Сальный // PR, бизнес, СМИ: партнерство и конкуренция / отв. сек. Л. Н. Гончаренко. – СПб.: Изд-во С.-Петербург гос. Инж.-экон. Ун-та, 2007. – 182 с.
5. Факты о которых вы не знали. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/im/convo/187250722?w=wall-72887627_77719
6. Advantages & Disadvantages of Offline Learning. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/wall-99693126_8474

УДК 81-2:811.111

ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТРУДНОСТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ УСТНОЙ РЕЧИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В БОЛЬШИХ ГРУППАХ

Чубарь С. В., канд. экон. наук, доц., ORCID 0009-0006-5403-3483,

Муromская Е. С., ORCID 0009-0006-6666-926X

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

SvProk08@mail.ru, e.s.muromskaya@mail.ru

Введение. Способность использовать английский язык для устного общения является одной из основных причин, по которой большинство людей его изучают. В настоящее время распространенность английского языка, как международного, способствует тому, что люди стараются поддерживать его на уровне свободного владения для достижения своих образовательных целей, социальных отношений, работы, бизнеса или для поездок в другие страны. Безусловно, обучение разговорным навыкам является сложной задачей для преподавателей, особенно когда они вынуждены формировать их в больших группах. Большинство преподавателей иностранного языка сходятся во мнении, что большой группой считается группа из 15 и более человек.

Цель статьи – выявить основные трудности, с которыми сталкивается преподаватель на занятиях по иностранному языку в больших группах, и

пути их преодоления с целью развития навыков устной речи у студентов неязыковых специальностей.

Основная часть. С каждым годом преподаватель иностранного языка вынужден принимать все новые вызовы: достигать образовательные цели не только в условиях последовательного сокращения фонда времени, отведенного на изучение языка, но и преодолевать трудности, характерные для обучения иностранному языку в группах от 25-30 человек. Организация работы преподавателя при данных условиях сопряжена с такими трудностями:

- проблемы с дисциплиной;
- разноуровневый контингент студентов с преобладанием низкого уровня подготовки;
- боязнь студентов говорить на иностранном языке в присутствии большой аудитории и нежелание некоторых работать в группах;
- возможность избегать выполнения поставленных заданий и при этом оставаться незамеченным;
- неприспособленность аудиторий, нехватка раздаточного материала и учебно-методических пособий.

Функционирование в подобных «экстремальных» условиях требует от преподавателя применения нестандартных коммуникативных методов и приемов.

По нашему мнению, единственной отправной точкой в организации обучения в многочисленной аудитории является групповая работа по 5-6 человек. При этом допустимы разные варианты:

- группы со смешанными способностями, когда более способные помогают остальным справиться с поставленной задачей;
- группы с одинаковыми способностями, когда преподаватель предлагает аудитории разноуровневые задания;
- группы с руководителями или наставниками, заранее назначенными преподавателем среди студентов, уровень которых явно превосходит подавляющее большинство студентов.

Подобное группирование позволит отчасти решить проблему ограниченности опорно-методического материала.

Для улучшения взаимодействия между студентами как внутри каждой ячейки, так и в группе привлекательной кажется идея создания более инклюзивной планировки парт, например, в форме подковы, кругом или вообще без парт, сдвинув часть мебели в сторону. Нужно признаться, что технически это не всегда представляется возможным. Однако, созданная подобным образом располагающая к свободному общению атмосфера станет первым шагом на пути преодоления коммуникативного барьера.

Побудить студентов к общению возможно и с помощью других атрибутов учебной аудитории. Плакаты, подсказки для обсуждения и стимулирующие картинки могут привлечь больше внимания к языку, если

их повесить на стены, мотивируя студентов вставать и собираться в определенных местах класса, что выходит за пределы традиционного подхода к образованию и при тщательном планировании и контроле преподавателя может привести к расширению возможностей для общения.

Важно, чтоб при групповой работе каждый студент оценивался индивидуально, что побудит студентов готовиться к выполнению реальной задачи и вдохновит их на участие в разнообразных мероприятиях. При этом, система наград, присуждаемых не только за количество правильных ответов, но и за коммуникативные компетенции, такие как уверенность, инициативность, готовность пробовать говорить на иностранном языке и пр., могут мотивировать студентов повышать свои навыки, чем просто отвечать на вопросы в книге.

Темп работы отдельных учащихся в больших группах может сильно отличаться, поэтому необходимо давать задания, состоящие из обязательной части и дополнительного задания для тех, кто выполнил обязательную часть.

При обучении больших групп преподаватель сталкивается с необходимостью проверки большого количества работ. Для экономии времени педагог может использовать взаимопроверку, обучаемые обмениваются тетрадями и проверяют выполненные упражнения друг у друга.

С целью достижения вовлеченности всех студентов в образовательный процесс рекомендуется использовать групповую работу по «станциям» [1]. Предлагаемая форма деятельности делает возможным самостоятельное и дифференцированное обучение. Для этого необходимо подготовить копии четырех или пяти картинок, наборов вопросов или даже вырезанных фрагментов длинного текста для чтения и разместить их на каждой «станции», которые расположены в разных частях учебной аудитории. Далее группы студентов последовательно посещают каждую «станцию» и вместе выполняют предложенное задание. Для посещения каждой «станции» отводится 4-5 минут, после чего одному представителю из каждой группы следует презентовать то, что они увидели, прочитали или с чем работали. Преподаватель может контролировать работу учеников на одной из «станций», например, может выступать в качестве слушателя или сам являться партнером-собеседником на «станции», где обучающиеся отрабатывают навыки говорения.

Заключение. Таким образом, большие группы для обучения разговорной речи и коммуникативным навыкам – это скорее вынужденная и, надеюсь, временная мера, поскольку данный навык является продуктивным и требует должного внимания, без которого процесс обучения может быть затруднен. Задача в данном случае большинства преподавателей больших групп состоит в том, чтобы найти способы помочь каждому студенту добиться максимальной эффективности своего обучения. Очевидно и то, что большая аудитория студентов на занятии по

иностранному языку предъявляет больше требований к преподавателю и требует от него большей активности, изобретательности, затрат энергии по сравнению с преподавателем иностранного языка, который преподает в небольших стандартных группах.

Список литературы

1. Плотникова, Н. Н. Обучение по станциям как одна из эффективных форм организации образовательной деятельности на уроках иностранного языка в начальной школе / Н.Н. Плотникова // Языки и культура. – 2015. - №1 (29). – С. 122–130. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-po-stantsiyam-kak-odna-iz-effektivnyh-form-organizatsii-obrazovatelnoy-deyatelnosti-na-urokah-inostrannogo-yazyka-v-nachalnoy/viewer> (дата обращения: 05.09.2024). – EDN: TRUBRF. – DOI: 10.17223/19996195/29/13.
2. Jim Scrivener. Learning Teaching: a guidebook for English language teachers / Scrivener Jim. – Macmillan, 2011. – 429 p. – URL: <https://drive.google.com/file/d/0Bwabku2mNdRXVjRZbEZoRzJHZ0E/view?resourcekey=0-KHmFaodJWLtyWhNTeD26mg> (дата обращения: 03.09.2024).

УДК 372.881.111.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕСЕН В ПРЕПОДАВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Чумак Л. А., ORCID 0009-0002-0901-7127

Бендерский политехнический филиал ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко», г. Бендеры, ПМР
gorlenko-luda@yandex.ru

Введение. В докладе рассматриваются механизмы воздействия музыки, песен на мотивацию обучающихся, повышение качества усвоения нового учебного материала, развитие речевых навыков, творческих и познавательных способностей, а также снижение эмоциональной напряженности в процессе обучения иностранному языку. Теоретическое обоснование метода обучения иностранному языку с помощью песен построено на работах отечественных и зарубежных лингвистов и педагогов. Знание иностранных языков является необходимым условием профессиональной подготовки специалиста в учебном заведении. Однако наш опыт преподавания показывает, что уровень владения иностранным языком у ряда студентов в настоящее время является недостаточным и требует постоянного внимания.

Цель данного доклада – рассмотреть метод обучения иностранному языку с помощью песен, показать, что данный метод позволяет снизить степень эмоциональной напряженности, способствует более эффективному

усвоению учебного материала и повышению мотивации к изучению иностранного языка.

Основная часть. Известный переводчик и психолингвист Д.Н. Петров утверждает, что причиной большинства проблем с освоением иностранного языка являются психологические блоки. Первым делом нужно снять эти блоки. [3]. По мнению Стефена Крашена, основным препятствием на пути к изучению иностранного языка является «эмоциональный фильтр» – вызванный эмоциональными факторами ментальный блок. Образование эмоционального фильтра может быть обусловлено такими факторами, как мотивация, уверенность в себе, беспокойство. Так, студенты с высокой мотивацией, высоким уровнем уверенности в себе и низким уровнем беспокойства являются более успешными в освоении иностранного языка [5].

Действительно, из личных бесед со студентами мы узнаем, что некоторым из них бывает трудно говорить на иностранном языке в присутствии более сильных студентов и они предпочитают молчать на занятии из-за боязни сделать ошибку и вызвать смех одноклассников. Таким образом, создание эмоционально комфортной атмосферы на занятии является основным условием для успешной работы.

Практическое использование песен на уроках иностранного языка – не новая техника. Музыка, песни на занятии могут стать хорошими помощниками, при условии грамотного, тщательного отбора материала, его систематического использования. Музыка на занятии вдохновляет, расслабляет, увлекает, настраивает на тонкую, но сильную волну восприятия. Кроме того, музыка развивает память и мышление. Умение говорить на иностранном языке во многом зависит от умения слушать, слышать и имитировать.

Прослушивание песен в исполнении носителей языка способствует постановке правильного произношения и тренировке восприятия и понимания текста на слух. Тщательно подобранные песни используются не только для введения, тренировки и закрепления грамматического и лексического материала, а также для построения монологических высказываний и ведения дискуссий по поводу затронутых в песне идей или событий.

Рассмотрим примеры практического использования песен на занятиях по английскому языку. Поскольку основное время на занятиях уделено работе над текстами по специальности, мы используем метод обучения с помощью песен в качестве вспомогательного, причем очень дозированно, в случаях, когда это необходимо и целесообразно.

В работе с песнями мы следуем методике, предложенной Д. Крамером, который определяет три базовых ступени интегрирования музыки в преподавании иностранных языков: 1) утверждение критериев для отбора песен; 2) аннотирование текстов песен; 3) работа с текстом [4, с. 31].

В выборе песен важно учитывать предпочтения студентов и, вместе с тем, расширять их кругозор, воспитывать хороший музыкальный вкус. Текст песни должен соответствовать уровню студентов, подчеркивать определенный вопрос или тему грамматики, а дикция исполнителя должна быть четкой, чтобы студенты могли легко понять слова.

Следующий шаг после выбора песни – аннотирование текста, т.е. снятие возможных лексических и грамматических трудностей, мешающих восприятию и пониманию. Для некоторых песен это означает толкование новых слов; для других – литературный перевод оригинального текста.

После отбора песни и подготовки аудитории к ее восприятию наступает этап практической работы. Некоторые песни как будто специально написаны для отработки грамматики, другие позволяют перейти от языковых явлений к речи.

Приведем несколько примеров работы с англоязычными песнями.

Песню «Let It Be» группы The Beatles, например, мы используем для тренировки глагольных времен Present Simple Tense и Present Continuous Tense (настоящего простого и настоящего продолженного времени). В частности, обращаем внимание обучающихся на наличие окончания –s в глаголах «comes», «shines», на его отсутствие в глаголах «find», «agree», «wake up» и даем задание сформулировать соответствующее правило. Далее, в случае необходимости, повторяем спряжение глагола «to be» и находим в тексте его личные формы.

Затем работаем над лексикой – вводим и закрепляем новые лексические единицы, например, такие как «trouble» («неприятность»), «wisdom» («мудрость»), объясняем значение словосочетания «broken hearted people» («люди с разбитыми сердцами»), переносные значения словосочетаний «hour of darkness» («час темноты»), «there is still a light that shines on me» («свет все еще светит мне»).

Обращаем внимание студентов на произношение специфического английского звука [ð], встречающегося в словах «mother», «they», «though», «there», «the».

Таким образом, только на этой одной песне мы проводим работу над всеми аспектами языка – грамматикой, лексикой, фонетикой.

Следующий пример – песня «Friends Will Be Friends» другой легендарной группы – Queen.

Текст песни представляет богатый материал для тренировки грамматических категорий, которые представлены примеры из текста песни: Future Simple Tense (будущее простое время): friends will be friends; Present Simple Tense (настоящее простое время): ...what you need is a rest; it's not easy love, but you've got friends you can trust; when you're in need of love they give you care and attention; Past Simple Tense (прошедшее простое время): the other half ran away; the postman delivered a letter from your lover; (работая над тренировкой данной грамматической категории,

целесообразно повторить «правильные» и «неправильные» глаголы и их формы); Present Continuous Tense (настоящее продолженное время): ...and the children are creating; you're getting used to life without him in your way.

Кроме того, текст этой известной песни – отличный повод побеседовать о друзьях и дружбе, поделиться историями, в которых «друзья действительно оставались друзьями» (так переводится название этой песни). А языковые и речевые упражнения на тексте данной песни дополняем информацией о солисте группы Queen.

Заключение. Хотелось бы отметить основные качественные изменения, которые происходят на занятиях благодаря музыке. Прежде всего, заметно улучшается эмоциональный фон, отношения между преподавателем и студентами становятся более доверительными, открытыми, что благоприятно влияет на процесс обучения. Студенты, которые ранее испытывали психологический дискомфорт, во время работы с текстом песни и, особенно, во время исполнения ее хором забывают о напряжении и страхе, становятся увереннее в себе и переключаются на более позитивное отношение к своим товарищам и предмету. Студенты лучше запоминают новые слова и усваивают учебный материал, легче воспринимают иноязычную речь на слух, делают меньше ошибок в произношении. Благодаря использованию песен различных жанров и информации об истории их создания, авторах и исполнителях, студенты расширяют свой кругозор, развивают музыкальный вкус. Музыка, песни играют огромную роль в нашей жизни. Они сопровождают нас всегда, что бы мы ни делали. Петь песни – это естественно. А изучать иностранный язык с помощью песен – это естественный, а, значит, удобный и успешный путь познания новой культуры, другого, неизведанного пока мира.

Список литературы

1. Веселова, Т. М. Пой и изучай английскую грамматику: учебное пособие по английскому языку / Т.М. Веселова, Т.Е. Вильберг, Т.Е. Мишина, Е.И. Летавина, Н.Ю. Скокова. – Санкт-Петербург: КАРО, 2006. – 144 с.
2. Кознов, С. В. Все песни BEATLES / С. В. Кознов. – Саратов: Издательство С.В.Кознова, 1997. – 224 с.
3. Мифтахова, Н. Х. Интегративный подход к освоению новых технологий обучения иностранному языку в вузе / Вестник Казанского технологического университета, 2010. – С. 436–442.
4. Kramer, D. The Association of Departments of Foreign Languages (ADFL). – Bulletin, 33, № 1. – 2001. – P. 29-35, URL: <http://web2.adfl.org/ADFL/bulletin/v33n1/331029.htm>
5. Krashen, S. Principles and Practice in Second Language Acquisition. – Oxford, Pergamon, 1982. – P. 16.

СОДЕРЖАНИЕ

Сопоставительное изучение языковых единиц и категорий

<i>Абдуллаева Н. А.</i> Теоретическая интерпретация гендерных различий в мужской и женской речи.....	5
<i>Басыров Ш. Р.</i> Оценочные значения рефлексивных глаголов немецкого и русского языков.....	8
<i>Беленов Н. В.</i> Два эрзянских топонима из окрестностей деревни Владимировка Исаклинского района Самарской области.....	10
<i>Ветрова Э. С.</i> Этикетные формулы прощания в лезгинской и украинской лингвокультурах.....	13
<i>Дроздов В. А.</i> Карибские креолы на англоязычной основе и генеалогическая классификация языков.....	16
<i>Дубицкая М. М., Калущенко В. Д.</i> Эмотивность в языке как средство побуждения к действию.....	19
<i>Жерденовская А. В.</i> Автомобильные метафорические термины в английском и русском языках.....	22
<i>Исаева А. Э.</i> Конструкции, выражающие удаление с помощью инструмента в английском, немецком и русском языках.....	25
<i>Кобзев Н. В.</i> Сравнительная характеристика лексического повтора как формы лексической когезии в английском и русском художественных дискурсах..	28
<i>Линь Пэнчэн.</i> Лингвопрагматические особенности использования метафор в дипломатическом дискурсе России и Китая.....	31
<i>Липанова П. К.</i> Семантика каузативных глаголов эмотивного поля радость (на материале английского, немецкого и русского языков).....	34
<i>Лукашова И. В.</i> Заимствование как способ пополнения терминологии бизнеса и менеджмента в английском и русском языках.....	37
<i>Махненко И. А.</i> Семантика прилагательного ‘короткий’ в английском, немецком и русском языках.....	40
<i>Петрищева Е. И.</i> Номинативно-мотивирующие признаки эмоционально-оценочных наименований родственников в разноструктурных языках.....	43
<i>Писарева В. В.</i> Семантика собственно-рефлексивных и посессивно-рефлексивных глаголов в немецком и русском языках.....	46
<i>Растарасова Е. К.</i> Типы обратимых и необратимых рефлексивных и нереплексивных конструкций в немецком и русском языках.....	49
<i>Ратундалова И. Ю.</i> Модели манипулирования в англоязычном и русскоязычном кинодискурсе.....	52
<i>Симонец М. С.</i> Семантическая характеристика кулинарных терминов в сопоставительном аспекте (на примере французского и украинского языков).....	55
<i>Часовских В. И., Калущенко В. Д.</i> Русские глаголы с имплицитным отрицанием и способы их перевода на английский и немецкий языки.....	58

Германские и романские языки в синхронии и диахронии

<i>Бакина А. Д.</i> Прагматика перевода библеизмов в современном дискурсе.....	60
<i>Богданова М. Д.</i> Лексические особенности нигерийского варианта английского языка в тестах СМИ.....	63
<i>Голодов А. Г.</i> Контаминация в немецкой политической публицистике.....	66
<i>Калиущенко В. Д.</i> Атрибутивные отыменные глаголы с префиксом <i>ver-</i> в ново- и средневерхненемецком языке.....	70
<i>Контанистова А. И., Федуленкова Т. Н.</i> Основные структурные модели вариантов фразеологических единиц-терминов с компонентом <i>money</i>	72
<i>Кухтин М. М., Терсимонов А. С.</i> К вопросу о синтаксисе шекспировских сонетов.	75
<i>Кучешева И. Л.</i> Имя собственное в спортивных названиях (на материале английского языка).....	77
<i>Лазуткина О. А., Крейзо И. О.</i> Основные проблемы современной лексикографии английского языка.....	80
<i>Мишкина Н. Ю.</i> Прилагательные образа действия, как средство усиления экспрессивности речи.....	83
<i>Подгайская И. М.</i> Синтагматические связи древнеанглийских глаголов строительства.....	86
<i>Савченко В. И., Усова Н. В.</i> Фразеологические единицы с онимным компонентом в текстах немецких СМИ.....	89
<i>Синявская Н. С.</i> Лексико-семантическая группа «каторжники» в австралийском варианте английского языка.....	91
<i>Ус Ю. Н.</i> Фразеологические единицы с компонентом цветообозначения в немецких текстах XIX века.....	95
<i>Федуленкова Т. Н.</i> Структурные характеристики деловой терминологии с компонентом 'debt'.....	98
<i>Шостак К. А.</i> Особенности реализации коммуникативных стратегий в современном американском электоральном дискурсе.....	101

Лингвокогнитивные и лингвокультурологические исследования

<i>Акинина Н. В., Магарамова А. Д., Гранникова В. В.</i> Культура пабов в Англии.....	105
<i>Ахметзянова П. А.</i> Культурно детерминированные митигативные стратегии в британском политическом дискурсе.....	108
<i>Бартенева В. Г.</i> Полисемантические поэтонимы в романе Дж.Джойса «Улисс»...	111
<i>Бояркина Л. М., Кулагина А. В.</i> Фразеологическая репрезентация концепта «обман» в англоязычных текстах СМИ.....	114
<i>Вахитова Р. И.</i> Семантико-когнитивный анализ концепта «работа» (в английских и русских поговорках с компонентом-зоонимом).....	117
<i>Гармаш Д. А.</i> Межъязыковые соответствия фразеологических единиц, репрезентирующих морально-нравственные ценности, в английском, испанском и русском языках.....	119
<i>Ежова Т. В., Шереметева Е. Г.</i> Ключевые слова, отражающие специфику американской ценностной картины мира.....	123

<i>Калинина М. В.</i> Особенности речевого поведения участников политического дискурса: коммуникативно-прагматический анализ.....	126
<i>Кизилова Т. Ю.</i> Символика весов в пьесе Шекспира “Мера за меру”.....	129
<i>Кишко С. Н.</i> К вопросу социокультурной обусловленности языковых единиц (на материале дискурсивных маркеров коммуникативной стратегии модерации).....	132
<i>Кочелаба А. В.</i> Лингвокультурологическая специфика фразеологизмов в процессе преподавания иностранных языков.....	135
<i>Крамаренко Е. К.</i> Содержательные и коммуникативные особенности британского и испанского дискурса власти.....	138
<i>Кузьминская С. И., Аблеев С. С.</i> Ярлыки и инвективная лексика в риторике кандидатов на пост президента США.....	141
<i>Масленкина Н. Г., Жебеленко О. Г.</i> Символика фитонимов в фразеологических единицах французского и русского языков.....	144
<i>Мифтахова О. В.</i> Когнитивные особенности антироссийского дискурса в политической коммуникации ведущих политиков США и Германии.....	147
<i>Морозенко Е. А.</i> Объективация концепта ВНЕШНОСТЬ в английской языковой картине мира.....	150
<i>Осокова А. С.</i> Декриптор <i>little</i> как средство актуализации диминутивной семантики в английских наименованиях лица.....	154
<i>Просандеева Ю. В., Войтенко Е. Ю.</i> Негативно-оценочные высказывания в англоязычном драматургическом дискурсе XX века.....	155
<i>Резникова А. Р.</i> Способы реализации категории оценки в поликодовых медиатекстах «зеленой повестки».....	158
<i>Рудакова Е. А., Солодилова И. А.</i> Изучение юмора в лингвокогнитивном аспекте.....	162
<i>Трофимова Е. В.</i> Лексическая вариативность эмотивных фразеологизмов в английском языке.....	164
<i>Удовенко А. С., Мурзина Е. А.</i> К вопросу классификации и роли фразеологизмов в современном английском языке.....	165
<i>Фатьянова И. В., Барабанищикова Д. Е.</i> Вербализация концепта Democracy в американском политическом дискурсе XX века (на основе инаугурационных речей президентов).....	168
<i>Фатьянова И. В., Вельчев К. А.</i> Эвфемизмы в американском политическом дискурсе XX века (на материале СМИ).....	172
<i>Цыкало Д. С.</i> Культурологические особенности имен собственных в политических речах Д. Трампа.....	175

Зарубежная литература: модус, жанр, стиль

<i>Абдыханов У. К., Латышев О. Ю.</i> Salim Rollan Seisenbayeva: hero of our time?!.....	178
<i>Акинина Н. В., Леонтьева К. А.</i> Реальные прототипы фольклорных персонажей в Великобритании и России.....	181
<i>Бабий А. В.</i> Значение одиннадцатой главы романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея»: основные мотивы.....	184
<i>Вихрова К. А.</i> Трансформация образа фронта в американской литературе.....	187
<i>Волохов Д. В.</i> Концептуальная модель мира в малой прозе Майкла Джиры.....	190

<i>Кашкан Т. А.</i> Комментарий как форма репрезентации метатекстуальности в романе М.З. Данилевского «Дом листьев».....	192
<i>Коваленко Е. В.</i> Деконструкция мифа о «великой жертве» в романе Пэт Баркер «Возрождение».....	195
<i>Котомцев Д. О.</i> Интеллектуализм романа «Попугай Флобера» Дж. Барнса.....	198
<i>Кочина Н. С.</i> Применение трансформаций при переводе стихотворения П. Б. Шелли «Изменчивость» (“Mutability / We are as clouds...”) на русский язык.....	201
<i>Кузьмина А. В.</i> Стихотворение «Линор» Э.А. По в переводе В.Я. Брюсова.....	203
<i>Лаврухина А. В.</i> Диалогичность биографического текста (на материале немецкой биографии Р. Сафрански).....	206
<i>Лазуткина О. А., Леонтьева К. А.</i> Особенности психологии солдат на примере романа «на западном фронте без перемен» Э. М. Ремарка.....	209
<i>Максименко О. А.</i> Библейские мотивы как принцип метамодернизма в произведениях Ф. Бегбедера.....	213
<i>Меликова Н. Ю., Гущина Л. В.</i> Семантические особенности цветообозначений в детективном романе Агаты Кристи «Десять Негритят».....	216
<i>Митина Е. А.</i> Судьба творца в романе Х.К. Андерсена «Всего лишь скрипач».....	219
<i>Никулина И. Н.</i> Семья: остается верность.....	222
<i>Полякова И. С.</i> Синонимы в неадаптированном тексте Б. Стокера «Дракула».....	225
<i>Попова-Бондаренко И. А.</i> Модели дома в романе Г. Кюппера «Симплициссимус, 1945».....	228
<i>Савро Е. Н.</i> Россия как Другой в «Записных книжках» У. С. Моэма.....	229
<i>Сапегина Л. В.</i> Проблема семьи в романе Д. Митчелла «Блэк Свон Грин».....	232
<i>Шшикова Н. В., Федуленкова Т. Н.</i> Проблемные темы антиутопического романа Кадзуо Исигуро «Клара и Солнце».....	235
<i>Щукина А. В., Мирошниченко Н. А.</i> Трикстер как романтический герой: капитан Ахав в романе «Моби-дик, или белый кит» г. Мелвилла.....	238

Актуальные проблемы переводоведения и межкультурной коммуникации

<i>Башилова В. А., Дроздов В. А.</i> Особенности перевода фразеологизмов с английского языка на русский.....	241
<i>Васильева Т. И., Хоменко Е. В.</i> Ключевые факторы успешной ассимиляции учебной дисциплины «Технический перевод».....	244
<i>Войченко Н. В.</i> Одновременный поиск как инструмент контекстуального анализа в двуязычных парах.....	247
<i>Гапотченко Н. Е.</i> Семантические манипуляции как отражение лингвокреативности при ведении информационной войны в современных французских СМИ.....	250
<i>Глоба Т. Н., Коротаева К. Р.</i> Особенности передачи обращений при переводе с французского языка на русский.....	253
<i>Гучок К. О.</i> Проблема перевода фразеологических единиц в художественных текстах.....	256
<i>Квач Ю. А.</i> Способы перевода английских строительных терминов на русский язык.....	259

<i>Кирьянова М. А., Аргунеев Э. П.</i> Приемы перевода французских реалий на русский язык.....	262
<i>Косякова Ю. Г.</i> Лингвокультурологический аспект при переводе фразеологических единиц.....	264
<i>Кучешева И. Л., Искандаров М. Д.</i> Некоторые особенности английского футбольного жаргона.....	268
<i>Лопатина Л. Д., Морева А. В.</i> Способы передачи эмоциональной информации в аудиодескрипции на немецком и русском языках.....	270
<i>Медведева М. С.</i> Проблема перевода сослагательного наклонения в русском, немецком и английском языках.....	273
<i>Санченко Е. Н., Батранча Ю. А.</i> Локализация компьютерных игр: лингвистический аспект.....	277
<i>Сысоева Е. С.</i> Роль вариативности имени собственного в формировании его семантики в художественном произведении.....	280
<i>Шетэля В.</i> Наименования напитков в тексте исторических романов «Трилогии» Г. Сенкевича в их переводе на русский язык.....	283
<i>Широкая А. О., Морева А. В.</i> Необходимость адаптации при переводе современных немецких деонимов.....	286
<i>Шульга Д. П., Шульга А. А.</i> Кардинальные изменения в развитии преподавания китайского на территории ДНР к 2024 г.....	290

Лингводидактика и методика преподавания иностранных языков

<i>Бортенева Е. А.</i> Использование push-уведомлений в обучении английскому языку.....	292
<i>Брагина Э. Р.</i> Дифференциация по языковым компетенциям.....	295
<i>Бурак Д. В.</i> Роль культурологического подхода в процессе обучения иностранному языку (английский).....	298
<i>Варламова Е. Ю., Максимов М. Д., Ямилов А. Р.</i> Роль переводчика в английском языке.....	301
<i>Войтенко Е. Ю.</i> Современные тенденции в преподавании иностранного языка в школе в соответствии с ФГОС.....	304
<i>Гейм Е. А.</i> Песни как дидактический материал для изучения итальянского языка.....	306
<i>Герасименко Е. Е.</i> Преподавание английского языка в группе с большой наполняемостью.....	309
<i>Гребенюк Ю. Б.</i> Использование метода проектов при обучении иностранному языку.....	311
<i>Дубровкина И. Ю.</i> Способы организации творческой работы студентов на занятиях по иностранному языку.....	314
<i>Ещенко Л. В.</i> «Правильное» веселье.....	317
<i>Жамалетдинова Э. Х.</i> Drilling – мощная стратегия обучения иностранным языкам.....	319
<i>Зайцева М. Н.</i> Трудности, возникающие у студентов при переводе научно-технической литературы (специальность «телекоммуникационные сети и системы»).....	321

<i>Исаев Д. В., Стуколова Е. А.</i> Наглядность в преподавании китайского языка как средство преодоления специфических трудностей.....	324
<i>Киселёва Е. В.</i> Индивидуализация самостоятельной работы аспирантов при задачном подходе в организации обучения иностранному языку.....	327
<i>Козлов А. А., Варламова Е. Ю.</i> Роль инновационных технологий в обучении английскому языку: от электронных ресурсов к виртуальной реальности....	330
<i>Красько И. С.</i> Твее и английский: нейросеть, открывающая новые горизонты в обучении.....	333
<i>Кудашева А. В., Стуколова Е. А.</i> Онлайн и офлайн формат преподавания английского языка.....	336
<i>Кутузова З. Ю.</i> Микроадаптивный подход в преподавании иностранных языков..	339
<i>Михайлова Ю. Л., Олейникова Е. А., Симонова Е. Б.</i> Современные подходы к изучению иностранных языков.....	342
<i>Мохосоева М. Н.</i> Коммуникативно-значимые ошибки при обучении иностранному языку.....	345
<i>Мустаева Д. Ф.</i> Использование социальных сетей в обучении ESL.....	348
<i>Назаренко Е. Н., Старостенкова В. А., Воробьева Л. П.</i> Videovorträge im Bildungsprozess im Bereich der Hochschulbildung in Russland.....	351
<i>Онипченко Л. Н., Шевлякова А. М.</i> Устная презентация кейса в условиях интегративного подхода к образованию.....	354
<i>Писаревская М. М.</i> Искусственный разум и обучение иностранному языку.....	357
<i>Разумова Л. В.</i> Культурологический компонент в учебниках французского языка как иностранного (XIX – первая половина XX вв.).....	360
<i>Рябуха Т. В., Ткач М. В.</i> Оптимизация лексической компетенции студентов в процессе преподавания иностранного языка.....	363
<i>Сирота Т. А.</i> Формирование информационной культуры в процессе обучения иностранному языку.....	366
<i>Тодорова Ю. Г.</i> Особенности применения искусственного интеллекта в преподавании иностранных языков.....	369
<i>Усачев В. А., Усачева Г. М.</i> Совершенствование техники чтения на иностранном языке.....	372
<i>Филатова Е. В.</i> Типологические характеристики синтагм.....	375
<i>Цзинь Пин.</i> Представление гастрономической лексики в лексических минимумах по РКИ и учебниках стандарта HSK.....	378
<i>Черная М. Е., Сулина Л. В.</i> Повышение социолингвической и межкультурной компетенции на примере использования аутентичных материалов при обучении аудированию в иностранном языке.....	381
<i>Чернова М. М., Чернова А. Н., Христюк Н. Е.</i> Медиаобразовательный подход и медиаресурсы при обучении иностранным языкам.....	384
<i>Чубарь С. В., Муромская Е. С.</i> Пути преодоления трудностей формирования навыков устной речи на занятиях по иностранному языку в больших группах.....	387
<i>Чумак Л. А.</i> Использование англоязычных песен в преподавании английского языка.....	390

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ 2024:
ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИННОВАЦИИ,
КУЛЬТУРА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ**

Материалы
IX Международной научной конференции,
15–17 октября 2024 г.
г. Донецк

ТОМ 4
Филологические науки
Часть 2

под общей редакцией проф. *С. В. Беспаловой*

Дизайн обложки	<i>А. Ю. Гурина</i>
Технический редактор	<i>М. В. Фоменко</i>
Компьютерная верстка	<i>Е. Ю. Войтенко</i>

Адрес оргкомитета:

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
ул. Университетская, 24, г. Донецк, 283001, ДНР, РФ.
E-mail: *science.prorector@donnu.ru*
